ДЖОРДЖ МАРТИН

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

Книга I

Век Дракона

Игра престолов (Книга I)
Джордж Мартин

Аннотация
Джордж Мартин. Игра престолов (Книга I). (Песнь льда и пламени – 1)
Пролог
Бран
Кейтилин
Дейнерис
Эддард
Джон
Кейтилин
Арья
Бран
Тирион
Джон
Дейенерис
Эддард
Тирион
Кейтилин
Санса
Эддард
Бран
Кейтилин

Джон
Эддард
Тирион
Арья
Дейенерис
Бран
Эддард
Джон
Эддард
Кейтилин
Санса
Эддард
Тирион
Арья
Эддард
Кейтилин
Эддард
Дейенерис
Бран
Тирион

Аннотация

«Игра престолов» – это суровые земли вечного холода и радостные земли вечного лета. Это легенда о лордах и героях, воинах и магах, убийцах и чернокнижниках, которых свело вместе исполнение древнего пророчества. Это история о таинственных воителях, что сражаются мечами из неведомого металла, и о племени странных созданий, что повергают своих врагов в безумие. Это сказание о жестоком принце драконов, готовом на все, дабы вернуть утраченный трон, и ребенке, что блуждает по сумеречному миру меж жизнью и смертью. Это трагедии и предательства, битвы и интриги, поражения и победы. Это игра, в которой ставка высока…

Джордж Мартин
Игра престолов (Книга I)
(Песнь льда и пламени – 1)

Север
Ледяной берег

Юг
Простор
Дорн

Посвящается Мелинде

Пролог

Надо бы поворачивать, — встревожился Гаред, как только лес вокруг них начал темнеть. — Одичалые мертвы.

— Неужели ты боишься покойников? — вопросил сир Уэймар Ройс с легким намеком на улыбку.

Гаред не попался на крючок. За свои пятьдесят лет он успел навидаться, как приходят и уходят эти господа.

— Мертвый мертв, — отвечал он. — С ним не о чем говорить.

— А они действительно мертвы? — спросил Ройс. — Какие доказательства есть у нас?

— Уилл видел их, — отвечал Гаред. — И если он говорит, что они мертвы, мне других доказательств не нужно.

Уилл знал, что его рано или поздно вовлекут в разговор, и хотел, чтобы это случилось по возможности позже.

— Мать моя говорила мне, что покойник не запоет, — сказал он.

— То же самое говорила моя няня, — отозвался

Ройс. — Уилл, никогда не верь тому, что слышишь возле женской титьки. Есть вещи, которые можно узнать даже от мертвых. — Голос его слишком громко отдавался в сумрачном лесу.

— Нам предстоит долгая дорога, — напомнил Гаред. — Восемь дней, а быть может, и девять. И ночь уже близка.

Сир Уэймар Ройс поглядел на небо без всякого интереса.

— Ночь каждый день приходит примерно в это же время. Неужели тьма лишает тебя мужества, Гаред?

Уилл увидел, как напрягся рот Гареда, как сверкнул едва сдерживаемый гнев в глазах под толстым черным капюшоном плаща.

Сорок лет — юность и зрелость — провел Гаред в Ночном Дозоре, и свое прошлое он уважал. Однако здесь крылось нечто большее. Под раненой гордостью старшего Уилл угадывал нервное напряжение, опасно приближающееся к страху.

Уилл разделял это нелегкое чувство. На Стене он провел четыре года. И когда в первый раз отправился за нее, то сразу вспомнил все старые россказни и чрево его обратилось в воду. Потом, вспоминая первую вылазку, он смеялся. Сотня походов сделала его ветераном, и бесконечная

мрачная чаща, которую южане зовут Зачарованным Лесом, более не казалась ему ужасной.

Но не сегодня. Сегодняшний вечер сулил иное. В этой тьме таилось нечто, заставлявшее подниматься волосы на его затылке. Девять дней они ехали на север, потом на северо-запад и снова на север, все дальше от Стены, преследуя банду дикарей-налетчиков. Каждый день был хуже предшествовавшего ему. И нынешний стал наихудшим. С севера задувал холодный ветер, деревья шелестели, словно живые. Весь день Уиллу казалось, что за ним следит нечто холодное и непреклонное, совершенно не испытывающее к нему симпатии. Гаред ощущал то же самое. Уилл хотел одного — броситься во всю конскую прыть под защиту Стены, но подобными чувствами не делятся со своим командиром.

В особенности с таким командиром.

Сир Уэймар Ройс был самым молодым отпрыском древнего рода, одним из многочисленных наследников. Симпатичный юноша лет восемнадцати, сероглазый, изящный и стройный, как клинок. Восседая на спине своего рослого вороного боевого коня, рыцарь возвышался над Уиллом и Гаредом на их невысоких дорожных лошадках. Все на нем: черные кожаные сапоги,

черные шерстяные штаны, черные перчатки из кротовых шкурок и тонко выделанная куртка из блестящих черных кольчужных колец, нашитых на стеганые слои черной шерсти и вареной кожи, — говорило о принадлежности к Ночному Дозору.

Сир Уэймар присягнул на верность братству менее полугода назад, и никто не мог сказать, что он не был подготовлен для такого занятия. Во всяком случае, если говорить о его гардеробе. Довершал одеяние плащ. Соболиный, толстый, черный и соблазнительно мягкий.

— Клянется, что сам убил всех зверьков, вот так вот, — показывал Гаред в казарме за вином. — Свернул им головенки наш могучий воитель.

Все дружно хохотали.

Трудно повиноваться человеку, которого осмеиваешь за выпивкой, думал Уилл, ежившийся на спине своей лошаденки. Гаред, должно быть, испытывал те же чувства.

— Мормонт приказал нам выследить их, и мы это сделали, — проговорил Гаред. — Одичалые мертвы. Более они не причинят хлопот. А нам предстоит тяжелая дорога. Мне не нравится погода. Если пойдет снег, на возвращение домой уйдет две недели, а ведь даже снегопад будет подарком.

Вы когда-нибудь видели ледяную бурю, милорд?

Лорденыш как будто и не слышал его. Ройс изучал сгущающийся сумрак в этакой полурассеянности-полускуке. Уилл успел достаточно долго проездить с рыцарем и знал — лучше не докучать ему в подобном настроении.

— Опиши мне еще раз то, что ты видел, Уилл. Все подробности. Ничего не забудь.

Прежде чем поступить в Ночной Дозор, Уилл был охотником, точнее говоря, браконьером. Вольные всадники Маллистеров взяли его с кровью на руках в собственных лесах Маллистеров, над освежеванной тушей одного из оленей, принадлежавших Малли- стерам; так что ему осталось или надеть черное, или расстаться с рукой. Никто не умел двигаться по лесу безмолвнее Уилла, и Черные Братья весьма скоро обнаружили этот дар.

— Их лагерь располагается в двух милях отсюда, за тем гребнем, возле ручья, — проговорил Уилл. — Я подобрался так близко, как только осмелился. Одичалых — восьмеро, есть и мужчины, и женщины. Я не видел там никаких детей. Они соорудили навес возле скалы. Теперь все засыпал снег, но я не заметил огня, хотя кострище было видно как на ладони. Никто не двигался, а ведь

я долго следил за ними. Живому человеку не под силу пролежать так, не шевелясь.

— А ты видел кровь?

— Нет, — признал Уилл.

— А оружие?

— Несколько мечей и луков. У одного был топор, тяжелый такой, с двумя лезвиями… жестокое железо. Он лежал на земле возле этого человека, прямо у руки.

— А ты заметил положение тел?

Уилл пожал плечами:

— Один сидел возле скалы. Остальные были на земле, попадали, что ли.

— Или спали, — предположил Ройс.

— Упали, — настаивал Уилл. — Женщина влезла наверх железного дерева и пряталась среди ветвей. Дозорная. — Он тонко улыбнулся. — Я старался, чтобы она не увидела меня. Но когда подобрался ближе, то заметил, что и она не шевелится. — И против желания он поежился.

— Тебе холодно? — спросил Ройс.

— Слегка, — пробормотал Уилл. — Ветер, милорд.

Молодой рыцарь повернулся к седому оруженосцу. Побитые

морозом листья с шелестом пролетели мимо, и

конь Ройса беспокойно шевельнулся.

— Итак, какова, по-твоему, была причина смерти этих людей, Гаред? — непринужденно спросил сир Уэймар, поправляя длинный соболиный плащ.

— Холод, — отвечал Гаред с железной уверенностью. — Прошлой зимой я видел, как замерзают люди, видел и позапрошлой, когда был еще наполовину мальчишкой. Все говорят о снегах глубиной в сорок футов, о том, как ледяной ветер, воя, налетает с севера, но главным врагом является холод. Он добирается до тебя бесшумнее, чем Уилл, и сперва ты только поеживаешься и стучишь зубами, а потом топаешь ногами и мечтаешь о подогретом вине с пряностями и чудесном жарком очаге. Мороз жжет. Ничто не обжигает, как холод. Но лишь поначалу. А потом он проникает внутрь тела, наполняет тебя, пока у человека не остается сил сопротивляться. Легче просто сесть и уснуть. Говорят, что, замерзая, перед концом не чувствуешь никакой боли. Просто слабеешь и тихонько засыпаешь, все словно блекнет, а потом как будто проваливаешься в море теплого молока, в мир и покой.

— Экое красноречие, Гаред, — усмехнулся сир Уэймар. — Никогда не подозревал в тебе подоб-

ного дара.

— Холод проникал и в меня, молодой лорд. — Гаред откинул назад капюшон, давая сиру Уэймару возможность рассмотреть обрубки, оставшиеся на месте ушей. — Два уха, три пальца на ногах и мизинец на левой руке. Я еще легко отделался. Моего брата тогда нашли замерзшим и улыбающимся.

Сир Уэймар пожал плечами:

— Надо было одеться потеплее, Гаред.

Тот гневно глянул на юного лорда, шрамы на месте ушей, там, где мейстер Эйемон срезал обмороженный хрящ, налились кровью от гнева.

— Посмотрим, как согреет тебя одежда, когда придет зима. — Он натянул на голову капюшон и сгорбился на своей лошади, угрюмый и молчаливый.

— Если Гаред говорит, что было холодно… — начал Уилл.

— А ты был в карауле на прошлой неделе, Уилл?

— Да, милорд. — Ни одна неделя не проходила без того, чтобы ему не выпадало с дюжину этих паскудных караулов. Чего, собственно, Ройс хочет от него?

— И какой была Стена?

— Мокрой, — сказал Уилл хмурясь. Теперь он понял, чего добивается молодой лорд. — Они не могли замерзнуть. Ведь Стена подтаяла. Настоящего холода не было.

Ройс кивнул:

— Смышленый парень. На этой неделе несколько раз подмораживало, выпадал снег, но холодов, достаточно свирепых, чтобы убить восьмерых взрослых людей, не было. Напоминаю: одетых в меха и кожу, возле укрытия и костра. — Улыбка рыцаря сделалась самоуверенной. — Уилл, веди нас туда, я сам хочу увидеть этих мертвецов.

Ну что ж, делать нечего. Приказ отдан, надо повиноваться.

Уилл направился первым, его косматая невысокая лошадка внимательно выбирала путь через подлесок. Позапрошлой ночью выпал легкий снежок, и камни, корни и ямки прятались под его поверхностью, поджидая неосторожного и беспечного. Сир Уэймар Ройс следовал за ним, рослый вороной жеребец нетерпеливо фыркал. Боевой конь не годился для разведки, но попробуй это сказать его лордству. Гаред замыкал линию. Старый оруженосец что-то бурчал под нос.

Сумерки сгущались. Неласковое небо сперва приняло глубокий пурпурный оттенок, потом

цвет старого синяка и, наконец, почернело. Начали выступать звезды. Над деревьями объявился и полумесяц. Уилл обрадовался свету.

— Можно бы и прибавить шагу, — заметил Ройс, когда луна поднялась повыше.

— Я не уверен, — отвечал Уилл. Страх заставил его забыть про вежливость. — Быть может, милорд хочет возглавить нас?

Сир Уэймар Ройс не потрудился ответить.

Где-то вдалеке в лесу завыл волк. Уилл завел свою лошадь под ствол, древний и корявый, и спешился.

— Почему ты остановился? — спросил сир Уэймар.

— Остаток пути лучше пройти пешком, милорд. Место как раз за гребнем.

Вглядываясь вдаль, Ройс помедлил, на мгновение остановившись в явной задумчивости. Холодный ветер прошелестел в деревьях, толстый меховой плащ рыцаря словно бы сам собой шевельнулся сзади.

— Здесь что-то неладно, — пробормотал Гаред.

Молодой рыцарь посмотрел на него с презрительной улыбкой:

— В самом деле?

— Неужели вы не ощущаете сами? — спросил

Гаред. — Прислушайтесь к тьме.

Уилл чувствовал это. За все четыре года, проведенных в Ночном Дозоре, ему никогда не приводилось так пугаться. Что это такое?

— Дует ветер. Деревья шелестят. Волк воет. Какой звук лишает тебя мужества, Гаред? — Не дождавшись ответа, Ройс изящно выскользнул из седла. Он надежно привязал скакуна к низкому суку, чуть в стороне от остальных, и извлек из ножен длинный меч. На рукоятке блеснули самоцветы, лунный свет пробежал по сверкающей стали. Великолепное оружие, выкованное в замке, и не столь уж давно, если как следует приглядеться. Только вот едва ли им замахивались в гневе, решил Уилл.

— Здесь всюду деревья, — предостерег Уилл. — Меч помешает вам, милорд. Лучше возьмите нож.

— Если мне потребуются наставления, я попрошу их, — сказал молодой лорд. — Гаред, оставайся здесь. Охраняй коней.

Гаред спешился.

— Нам нужен огонь. Я разведу костер.

— Какой же ты дурак, старик! Если по этому лесу бродят враги, значит, в огне мы нуждаемся в самую последнюю очередь.

— Бывает, что врагов огонь удерживает в стороне, — проговорил Гаред. — Его боятся медведи и лютоволки… да и другие…

Рот сира Уэймара сложился в прямую линию:

— Никакого огня!

Капюшон Гареда прикрыл лицо, но, поворачиваясь к рыцарю, Уилл заметил в глазах старика жесткий блеск. На миг он испугался, что Гаред достанет свой меч… короткая уродливая штуковина, рукоятка изъедена потом, лезвие притуплено долгим употреблением… Уилл не дал бы железного шиллинга за жизнь лордёныша, если бы Гаред извлек свой клинок из ножен.

Наконец Гаред поглядел вниз.

— Никакого огня, — пробормотал он едва слышным голосом.

Ройс принял это за подтверждение и отвернулся.

— Ступай, — сказал он Уиллу.

Уилл направился в чащу, потом вверх по склону к высокому гребню, где он обнаружил удобное место под страж-деревом. Тонкая корочка снега едва прикрывала грязь и влагу, ноги скользили — мешали камни и скрытые корни, — однако, поднимаясь, Уилл не произвел ни звука. За его спиной негромко позвякивал кольчугой лордё-

нок, шелестели листья, раздавались негромкие ругательства, когда загребущие ветви цеплялись за длинный меч и за великолепный соболий плащ.

Огромное страж-дерево находилось прямо на гребне; как помнил Уилл, нижние ветви его поднимались от земли почти на фут. Уилл скользнул под дерево, лег на живот в снег и грязь, поглядел на пустую поляну внизу, и сердце его провалилось в пятки. Мгновение он не смел дохнуть. Луна освещала поляну, кострище, занесенный снегом навес, огромную скалу, маленький узкий полузамерзший ручеек. Все это осталось неизменным — как и несколько часов назад.

Но людей не было, все тела исчезли.

— Ах, боги! — услышал он позади себя голос. Меч рубанул по ветке, и сир Уэймар Ройс поднялся на гребень. Он остановился возле страж-дерева с мечом в руках, ветер раздувал плащ, все вокруг могли видеть благородный силуэт на фоне звездного неба.

— Немедленно вниз! — настоятельно шепнул Уилл. — Здесь что-то не так.

Ройс не шевельнулся. Он поглядел на пустую прогалину и расхохотался:

— Выходит, твои мертвецы куда-то перебра-

лись.

Голос Уилла предал его. Он искал слова и не находил их. Немыслимо! Глаза его метались взад и вперед по покинутому стану и остановились на топоре. Огромный боевой топор с двумя лезвиями все еще лежал на прежнем месте. Ценное оружие…

— На ноги, Уилл, — приказал сир Уэймар. — Здесь никого нет. Я не хочу, чтобы ты прятался под кустом.

Уилл нерешительно поднял голову.

Сир Уэймар глядел на него с открытым неодобрением.

— Я не намереваюсь вернуться в Черный Замок с признанием о неудаче моей первой вылазки. Мы найдем этих людей. — Он огляделся. — Лезь на дерево. И быстро. Ищи огонь.

Уилл молча отвернулся, спорить было бесполезно. Ветер менялся. Теперь порывы продували насквозь. Уилл подошел к дереву, высоко поднимавшему свои серо-зеленые ветви, и полез вверх. Скоро руки его запачкались смолой, и он почти потерялся среди иголок. Страх наполнил нутро Уилла комом непереваренной пищи. Прочитав молитву безымянным богам леса, он извлек свой кинжал из ножен и зажал в зубах, чтобы можно

было держаться за дерево обеими руками. Вкус холодного железа во рту почему-то всегда успокаивал его.

Лордёныш внизу вдруг воскликнул:

— Кто идёт?

Уилл услышал неуверенность в его голосе и замер, прислушиваясь и наблюдая.

Лес дал ответ: шелестели листья, в ледяном ложе бежал ручей, вдалеке кричала снежная сова.

Иные не издают звуков.

Уилл заметил движение уголком глаза. Бледные силуэты появились в лесу. Повернув голову, он увидел белую тень, скользнувшую во тьме. Тень исчезла. Ветки легко шевелились под ветром, скребли друг друга деревянными пальцами. Уилл открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, но слова как будто замерзли в его горле. Возможно, он ошибся, и это всего лишь птица или отражение, брошенное на снег прихотью лунного света. В конце концов, что он видел?

— Уилл, где ты? — поднял голову вверх сир Уэймар. — Ты заметил что-нибудь? — Зажав в руке меч, рыцарь медленно, с внезапным напряжением повернулся на месте. Значит, и он ощутил их. Ощутил, но не увидел. — Отвечай мне! Почему так холодно?

Было действительно холодно. Ежась, Уилл плотнее прижался к стволу, припав лицом к грубой коре. Сладко пахло смолой, прилипшей к щеке.

Из тьмы леса родилась тень и остановилась перед Рейсом. Высокая, тощая и твердая, как старые кости, и вместе с тем бледная, как молоко. Панцирь ее словно менял цвет при каждом движении. Он то становился белым, как свежевыпавший снег, то покрывался угольной тенью, то отливал серой зеленью деревьев. С каждым шагом новый узор пробегал по броне, словно лунный свет по воде.

Уилл услышал, как дыхание с долгим шипением вырвалось из груди сира Уэймара Ройса.

— Стой! — выкрикнул лорденыш, дав петуха как мальчишка. Забросив длинный соболий плащ за плечи, он освободил обе руки для боя и взял меч. Ветер утих, но сделалось еще холоднее.

Иной скользил вперед, бесшумно ступая; в руке существо держало длинный меч. Таких клинков Уилл никогда не видел. Ни один известный людям металл не мог бы пойти на это лезвие. Играя в лунном свете, меч казался прозрачной полоской тонкого хрусталя и почти исчезал, поворачиваясь плоскостью. Он горел призрачным

голубым пламенем, и чутье поведало Уиллу, что более острого клинка ему еще не встречалось.

— Ну что ж, попляшем и согреемся, — пробормотал сир Уэймар и занес свой меч над головой. Руки его дрожали от тяжести оружия или, может быть, от холода. И все же в тот момент Уилл увидел в нем не прежнего мальчика, но мужа из Ночного Дозора.

Иной остановился, и Уилл заметил глаза существа: глубокая и густая нечеловеческая синева сверкала, как лед. Они были обращены к длинному мечу, занесенному над головой, и лунный свет леденил металл. На миг Уилл потерял надежду.

Они безмолвно возникали из теней двойниками первого. Их было трое… четверо… пятеро… Сир Уэймар, должно быть, ощущал холод, который принесли Иные, но не видел их, даже не слышал. Уиллу следовало бы крикнуть. Но, выполняя свой долг, он лишь навлек бы на себя несомненную смерть. Трепеща, Уилл только теснее обнял дерево, сохраняя молчание.

Бледный меч холодом пронзил воздух.

Сир Уэймар встретил удар сталью. Клинки соприкоснулись не со звоном металла о металл: в воздухе проплыл тонкий стон животного, получившего смертельную рану. Ройс отразил

и второй удар, и третий, а затем отступил на шаг. Последовал еще поток ударов, и он снова отступил.

Позади него, справа, слева, вокруг стояли терпеливые, безликие и безмолвные наблюдатели, текучие узоры на хрупкой броне делали их в лесу почти невидимыми. И все же они не пытались вмешаться.

Вновь и вновь встречались мечи. Уиллу захотелось зажать уши, только бы не слышать этот странный болезненный визг. Сир Уэймар теперь пыхтел от натуги, дыхание паром струилось в лунном свете. Его клинок побелел от мороза. Иной же плясал вокруг с бледным голубым пламенем в руках.

А потом удар Ройса чуть запоздал. Бледный меч прорезал его кольчугу на боку. Молодой лорд вскрикнул от боли. Кровь хлынула между колец. Она задымилась на холоде, красные как огонь капли падали на снег. Пальцы сира Уэймара зажали бок, на кротовой перчатке выступила кровь.

Иной что-то сказал: языка Уилл не знал, голос чужака трещал словно лед на зимнем озере, но в словах слышалась насмешка.

К сиру Уэймару вновь вернулась ярость.

— За короля Роберта! — закричал он и отчаянно

бросился вперед, обеими руками занес покрытый изморозью меч и рубанул им сбоку, вложив в удар вес всего тела. Иной ответил небрежным ленивым движением.

Клинки соприкоснулись, и сталь разбилась.

С визгом, отозвавшимся в ночном лесу, длинный меч рассыпался на сотню хрупких иголок, дождем разлетевшихся вокруг. Ройс упал на колени, с криком прижимая руку к глазам. Кровь проступала между его пальцев.

Безмолвные наблюдатели разом шагнули вперед, словно получив какой-то сигнал. Мечи поднимались и падали в смертельном безмолвии. Началась хладнокровная бойня. Бледные клинки прорезали кольчугу, словно какой-то шелк. Уилл закрыл глаза. Голоса их и смех, колючий словно сосульки, раздавались где-то под ним.

Не скоро он накопил достаточно отваги, чтобы поглядеть вниз, даже когда гребень уже опустел.

Едва смея дышать, Уилл еще долго оставался на дереве, и луна медленно ползла по черному небу. Наконец мышцы его окоченели, пальцы онемели от холода, и он стал спускаться.

Тело Ройса лежало лицом в снег, одна рука была протянута в сторону, толстый соболий плащ прорезан в дюжине мест. Было видно, насколько

он молод. Мальчишка.

Уилл нашел остатки меча чуть в стороне: клинок расщепился и изогнулся, напоминая дерево, пораженное ударом молнии. Став на колени, Уилл осторожно огляделся вокруг и подобрал оружие. Расщепленный клинок послужит доказательством его слов. Гаред знает, что все это значит, а если нет, то поймет старый медведь Мормонт или мейстер Эйемон. Ждет ли его еще Гаред с лошадьми? Надо торопиться.

Уилл поднялся. Над ним высился сир Уэймар Ройс. Тонкие одежды разодраны, лицо разбито. Осколок торчал из ослепленной левой глазницы.

Правый глаз был открыт. Зрачок его горел синим огнем и… видел.

Сломанный меч упал из бесчувственных пальцев. Уилл закрыл глаза, чтобы помолиться. Длинные благородные пальцы коснулись его щеки, стиснули горло. Уилл ощутил прикосновение тончайшей выделки кротовой кожи, липкой от крови. Но прикосновение оказалось ледяным.

Бран

Утро выдалось чистым и ясным, свежесть напоминала о близящемся конце лета. Они выехали на рассвете, чтобы поглядеть, как этому типу отрубят голову; их было двадцать человек, и Бран ехал среди них, нервничая от возбуждения. Впервые лорд-отец и братья сочли его достаточно взрослым, чтобы лицезреть совершенство королевского правосудия. Шел девятый год лета — и седьмой в жизни Брана.

Человека этого взяли возле небольшой крепости в горах. Робб считал, что это один из одичалых — человек, присягнувший мечом Мансу-налетчику, Королю за Стеной. По коже Брана при этой мысли побежали мурашки. Он помнил, о чем старая Нэн рассказывала у очага. Одичалые — люд жестокий, говорила она, убийцы, работорговцы и воры. Они водились с гигантами и мертвяками, глухими ночами крали девчонок и пили кровь из обточенных рогов. А их женщины долгой ночью ложились с Иными, чтобы породить ужасных детей, в которых было мало человеческого. Но человек, связанный по рукам и ногам возле стены

и ожидавший совершения королевского правосудия, был стар и худ и ростом лишь немного превышал Робба. Лишенный обоих ушей и пальца, он был одет в черное, как подобает брату из Ночного Дозора, только меха его были потрепаны и грязны.

Дыхание людей и коней мешалось, струясь парком в холодном утреннем воздухе. Отец Брана, лорд, велел отрезать веревки от стены и подтащить пленника поближе. Робб и Джон, высокие и спокойные, сидели на конях, между ними красовался Бран на своем пони и пытался казаться старше семи лет, старательно изображая, что все это он уже видел. Слабый ветерок дул из ворот крепости. Над головами трепетало знамя Старков из Винтерфелла: серый лютоволк несся по снежно-белому полю.

Отец невозмутимо сидел на коне, длинные каштановые волосы теребил ветер. В подстриженной бороде мелькали белые нити, он выглядел старше своих тридцати пяти лет. Серые глаза лорда нынче смотрели угрюмо, он казался непохожим на того мужчину, который вечерами возле огня негромко рассказывал о веке героев и детях леса. Бран подумал: он снял с себя личину отца и надел маску, подобающую лорду Старку, владетелю

Винтерфелла.

Холодное утро услышало вопросы судей и ответы на них; сам Бран впоследствии не мог вспомнить, о чем шла речь. Наконец лорд-отец дал приказ, и двое гвардейцев потащили оборванца к колоде железоствола, стоящей в центре площади, и заставили его положить голову на твердое дерево. Лорд Эддард Старк спешился, и его подопечный Теон Грейджой подал меч. Клинок имел собственное имя и звался Лед. Шириной он был в ладонь мужчины, а в длину превышал рост Робба. Черное лезвие выковали из валирийской стали и укрепили заклинаниями. Нет меча острее, чем валирийский.

Отец стащил перчатки, передал их Джори Касселю, капитану его домашней гвардии. Он обхватил меч обеими руками и проговорил:

— Именем Роберта из дома Баратеонов, первого носителя этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, владыки Семи Королевств и Хранителя Областей, по слову Эддарда из дома Старков, лорда Винтерфелла и Хранителя Севера, я выношу тебе смертный приговор. — Огромный меч сверкнул высоко над головой.

Бастард Джон Сноу подвинулся ближе к Брану.

— Придержи-ка своего пони, — шепнул он. — И

не отворачивайся, отец заметит.

Бран удержал пони на месте и не отвернулся.

Отец снес голову преступнику одним уверенным ударом. Кровь хлынула на снег, окрасившийся в цвет летнего вина. Один из коней встал на дыбы, и его пришлось удерживать на месте. Бран не мог отвести глаз от крови. Снег вокруг колоды быстро впитывал ее, краснея буквально на глазах.

Голова ударилась о толстый корень и откатилась к ногам Грейджоя. Теон, смуглый молодец девятнадцати лет, во всем находил смешное. Он расхохотался, поставил сапог на голову и пнул…

— Осел, — пробормотал Джон, но так, чтобы не слышал Грейджой. Он положил руку на плечо Брана, тот поглядел на своего незаконнорожденного брата. — А ты молодец, — торжественно объявил Джон с высоты своих четырнадцати лет, как знаток совершения правосудия.

Обратная дорога показалась более длинной и холодной, хотя ветер стих и солнце поднялось выше. Бран ехал вместе с братьями впереди основного отряда, пони его с трудом держался вровень с рослыми лошадьми.

— Дезертир принял смерть отважно, — проговорил Робб. Высокий и широкоплечий, он рос

день ото дня. Робб пошел в мать: светлая кожа, рыже-каштановые волосы и синие глаза Талли из Риверрана. — Ему по крайней мере хватило отваги.

— Нет, — вновь негромко ответил Джон. — Это не отвага. Он окоченел от страха. Мог бы и посмотреть ему в глаза, Старк. — Собственные глаза Джона, серые настолько, что казались почти что черными, редко упускали что-либо. Он был одного возраста с Роббом, хотя сходства в них обнаруживалось немного, и если Джон был худощав, темноволос и быстр, то Робб мускулист, светловолос, крепок и надежен.

Робб явно не был заинтересован в разговоре.

— Чтоб его глаза вынули Иные, — буркнул он. — Дезертир умер достойно. Спорим, я буду первым у моста?

— По рукам, — ответил Джон, немедленно посылая своего коня вперед. Робб ругнулся и последовал за ним; они помчались вдоль дороги. Робб хохотал и улюлюкал, Джон сохранял сосредоточенное молчание. Копыта коней поднимали фонтаны снега.

Бран и не пытался последовать за ними. Пони его не был способен на такие штучки. Но глаза оборванца он тоже видел — и теперь вспоминал

их. Спустя некоторое время смех Робба растаял вдали, и в лесу вновь стало тихо.

Бран так глубоко погрузился в думу, что даже не услышал, как его нагнал весь отряд и отец подъехал к нему сзади.

— С тобой все в порядке, Бран? — спросил он, пожалуй, даже с заботой.

— Да, отец, — ответил Бран, поднимая взгляд. Его лорд-отец, закутанный в меха, высился над ним на огромном боевом коне подобно гиганту. — Робб сказал, что человек этот умер с отвагой, но Джон уверяет, что он боялся.

— А ты как думаешь? — спросил отец. Бран подумал.

— А не может ли человек сразу быть отважным, но чего-то бояться?

— Только так и может человек быть отважным, — ответил отец. — А ты понимаешь, почему я это сделал?

— Он был из одичалых, — проговорил Бран. — Они крадут женщин и продают их Иным.

Лорд-отец улыбнулся:

— Опять наслушался сказок старухи Нэн? Понимаешь, человек этот был клятвопреступником, сбежавшим из Ночного Дозора. Нет преступника более опасного. Дезертир знает, что если его пой-

мают, то лишат жизни, и не остановится перед любым злодеянием. Но ты не понял меня. Я говорю не о том, почему он должен был умереть, а о том, почему я сделал это своими руками.

Брану нечего было сказать.

— У короля Роберта есть палач, — проговорил он неуверенно.

— Да, это так, — согласился отец. — Как и прежде у королей Таргариенов. Но наш обычай древнее. Кровь Первых Людей по-прежнему течет в жилах Старков: мы считаем, что тот, кто выносит приговор, должен и нанести удар. Если ты собираешься взять человеческую жизнь, сам загляни в глаза осужденного. Ну а если ты не в силах этого сделать, тогда человек, возможно, и не заслуживает смерти.

Однажды, Бран, ты станешь знаменосцем Робба, будешь править собственной крепостью от имени твоего брата и твоего короля, и тебе придется совершать правосудие. Когда настанет такой день, ты не должен находить удовольствие в этом деле, но нельзя и отворачиваться. Правитель, прячущийся за наемных палачей, скоро забывает лик смерти.

В этот-то миг на гребне холма перед ними появился Джон. Махнув рукой, он закричал им:

— Отец, Бран, быстрее, посмотрите, что нашел Робб! — И с этими словами снова исчез. Джори подъехал к ним.

— Что-то случилось, милорд?

— Вне сомнения, — отвечал лорд-отец. — Поехали посмотрим, какое безобразие обнаружили мои сыновья.

Он послал своего коня рысью, Джори, Бран и все остальные последовали за ним. Робба они обнаружили на берегу реки к северу от моста, Джон возле него оставался верхом. Снег позднего лета лежал глубоко. Робб стоял по колено в белом сугробе, капюшон откинут назад, и солнце поблескивает в волосах… Он держал что-то в руках, и мальчишки переговаривались негромкими взволнованными голосами.

Кони осторожно пробрались среди сугробов, пытаясь отыскать прочную опору для ног на неровной земле. Джори Кассель и Грейджой первыми приблизились к мальчикам. Грейджой смеялся и шутил всю дорогу, но тут Бран услышал, как резко оборвался его смех.

— О боги! — воскликнул он, пытаясь сохранить власть над лошадью и протягивая руку к мечу.

Меч Джори уже был в его руках.

— Робб, отойди! — крикнул он, когда лошадь

попятилась. Робб ухмыльнулся и поднял взгляд от комка, который держал в руках.

— Она не причинит тебе вреда, Джори, — отвечал он. — Она мертва.

Брана сжигало любопытство. Он пришпорил своего пони, но отец велел ему спешиться перед мостом и идти пешком. Бран соскочил с коня и побежал. К тому времени Джори, Джон и Теон уже спешились.

— И что же это такое, клянусь всеми семью пеклами? — проговорил Грейджой.

— Волчица, — сказал ему Робб.

Сердце Брана отчаянно стучало, пока он пробирался к братьям через сугроб, провалившись в него по грудь. В окрашенном кровью снегу утопал огромный темный силуэт. Косматая серая шкура уже успела покрыться ледком, слабый запах падали тянулся с навязчивостью женских духов. Бран увидел слепые глаза, в которых уже ползали черви, широкую пасть, полную желтых зубов. Величина существа заставила его охнуть. Зверь был выше пони, в два раза больше самой рослой собаки отца.

— Это не урод, — невозмутимо отвечал Джон. — Это лютоволк. Они больше обычных.

Теон Грейджой заметил:

— Уже две сотни лет лютоволка ни разу не встречали к югу от Стены.

— Вот он перед нами, — ухмыльнулся Джон.

Бран сумел оторвать взгляд от чудовища и, сразу заметив ком шерсти в руках Робба, с восторженным воплем пододвинулся ближе. Щенок — слепой шар серо-черного меха — тыкался носом в грудь Робба, державшего его на руках, и, не находя молока, грустно скулил. Бран неуверенно протянул руку.

— Давай, — сказал Робб. — Можешь погладить.

— А вот и еще один. — Его сводный брат держал в руках второго щенка. — Их здесь пять.

Бран сел в снег и прижал волчонка к лицу. Мягкая шкурка грела щеку.

— После стольких лет лютоволки разгуливают по стране, — пробормотал Халлен, мастер над конями. — Мне это не нравится.

— Это знак, — сказал Джори.

Отец нахмурился.

— Джори, это всего лишь мертвое животное, — проворчал он. И все же он казался встревоженным. Захрустел снег под сапогами, отец обошел волчицу. — А почему она погибла?

— Что-то застряло в ее горле, — отвечал Робб, гордясь, что нашел ответ на вопрос, прежде чем

отец задал его. — Тут, сразу под челюстью.

Отец встал на колени и запустил руку под голову зверя. Сильным движением он извлек и показал, чтобы все видели, отломанный отросток рога, мокрый от крови.

Внезапное молчание вдруг окутало отряд. Люди в смятении глядели на рог, никто не осмеливался заговорить. Даже Бран ощутил их страх, хотя не мог понять его причины.

Отец отбросил рог в сторону и вытер руки.

— Удивительно, что она протянула достаточно долго и успела ощениться, — сказал он мрачным голосом, разрывая молчание.

— Необязательно, — ответил Джори. — Говорят… словом, сука могла умереть раньше, чем появились щенки.

— Рожденные от мертвой, — заметил другой мужчина. — Счастья не будет.

— Не важно, — сказал Халлен. — Их все равно ждет смерть.

Бран испустил крик досады.

— Тогда чем скорее, тем лучше, — согласился Теон Грейджой, доставая меч. — Давай эту тварь сюда, Бран.

Кроха прижалась к нему, словно могла услышать и понять слова.

— Нет! — отчаянно выкрикнул Бран. — Он мой.

— Убери-ка меч, Грейджой, — сказал Робб, и, в голосе его прозвучала отцовская повелительная нотка, напомнив о том, что когда-нибудь и он станет властным лордом. — Надо сохранить этих щенков.

— Этого нельзя делать, мальчик, — отвечал Харвин, сын Халлена.

— Милосердие велит убить их, — добавил Халлен. В поисках поддержки Бран повернулся к лорду-отцу, но получил в ответ лишь хмурый, озабоченный взгляд.

— Халлен говорит правду, сын. Лучше быстрая смерть, чем медленная от холода и голода.

— Нет! — Бран ощутил, как слезы наполняют глаза, и отвернулся. Он не хотел плакать перед отцом.

Робб упрямо сопротивлялся.

— Рыжая сука сэра Родрика ощенилась на прошлой неделе, — сказал он. — Помет невелик, в живых осталось лишь два щенка. У нее хватит молока.

— Она разорвет их на части, когда они попытаются сосать.

— Лорд Старк, — проговорил Джон, обращаясь

к отцу с непривычной официальностью. Бран поглядел на него с отчаянной надеждой. — Всего щенков пять. Трое кобельков, две суки.

— Ну и что из этого, Джон?

— У вас пятеро законных детей, — сказал Джон. — Трое сыновей, две дочери. Лютоволк — герб вашего дома. Эти щенки предназначены судьбой вашим детям, милорд.

Бран заметил, как лицо отца переменилось, все вокруг обменялись взглядами. В этот миг он любил Джона всем сердцем. Даже в свои семь лет Бран понял, на что пошел его брат. Счет сошелся лишь потому, что Джон исключил себя. Оставив девочек и даже младенца Рикона, но не посчитав себя самого — бастарда, носящего фамилию Сноу. Закон северных земель предписывает называться так любому несчастному, которому не выпала удача родиться с собственным именем. Отец это прекрасно понял.

— Разве ты не хотел бы взять щенка и себе, Джон? — спросил он негромко.

— Отец, лютоволк украшает знамена Старков, — сказал Джон, — а я не Старк.

Лорд-отец задумчиво посмотрел на Джона. Робб торопливо попытался заполнить напряженное молчание.

— Я сам выкормлю щенка, — пообещал он. — Обмакну полотенце в теплое молоко и дам ему пососать.

— Я тоже! — отозвался Бран.

Лорд Старк внимательно поглядел на своих сыновей.

— Легко сказать, труднее сделать. Я не хочу, чтобы вы тратили время своих слуг на пустяки. Если вам нужны щенки, кормите их сами. Понятно?

Бран ретиво закивал. Щенок пошевелился в его руке, лизнул в лицо теплым языком.

— Вы должны и воспитать их, — сказал отец. — Только самостоятельно. Псарь не подойдет к этим чудовищам, я это обещаю. И пусть боги помогут вам, если вы забросите их, озлобите и плохо обучите. Такой пес не станет молить подачки, его нельзя будет отбросить пинком. Лютоволк способен запросто отхватить человеку руку, как пес перегрызает крысу. Вы уверены, что хотите этого?

— Да, отец, — отвечал Бран.

— Да, — согласился Робб.

— Невзирая на все ваши старания, щенки могут умереть.

— Они не умрут, — обещал Робб. — Мы не допустим этого.

— Пусть тогда живут. Джори, Десмонд, заберите остальных щенков. Пора возвращаться в Винтерфелл.

Только когда все поднялись в седло и взяли с места, Бран позволил себе ощутить сладкий вкус победы. К тому времени его щенок уже устроился под кожаной одеждой в тепле и безопасности. Бран все думал о том, как назвать его. На половине моста Джон внезапно остановился.

— Что такое, Джон? — спросил лорд-отец.

— Вы не слышите?

Бран слышал голос ветра в ветвях, стук копыт по доскам железного дерева, скулеж голодного щенка, но Джон внимал чему-то другому.

— Там, — сказал Джон. Развернув коня, он направился галопом через мост. Все видели, как он спешился, наклонился над мертвой волчицей. И мгновение спустя направился назад улыбаясь.

— Наверное, отполз в сторону от остальных, — проговорил Джон.

— Или его прогнали, — сказал отец, глядя на последнего щенка, белого в отличие от серых сестер и братьев. Глаза его были красны, как кровь того оборванца, что умер этим утром. Бран удивился тому, что именно этот щенок уже открыл глаза, когда все остальные еще оставались слепыми.

— Альбинос, — с сухим удивлением сказал Теон Грейджой. — Этот умрет даже быстрее, чем все остальные.

Джон Сноу одарил воспитанника своего отца долгим холодным взглядом.

— Едва ли, Грейджой, — возразил он. — Этот принадлежит мне.

Кейтилин

Здешняя богороща никогда не нравилась Кейтилин. Она родилась на юге — в Ривердане, далеком теперь Быстроречье, у Красного Зубца, одной из трех рек, сливавшихся в Трезубец. Там богороща была садом, ярким и воздушным… там высокие краснодревы раскидывали пятнистые тени над звонкими ручьями, там птицы пели в гнездах, там воздух благоухал цветами.

Боги Винтерфелла любили другие леса. Мрачный первобытный уголок, три акра старого леса, нетронутый в течение десяти тысяч лет, и мрачный, как гнездо хищной птицы, замок над ним. Тут пахло влажной землей и гниением. Тут не рос красный лес. Упрямые страж-деревья в серо-зеленых игольчатых шубах сменялись могучими дубами и колоннами железоствола, древними, как сама округа. Тут толстые черные стволы теснились друг к другу, корявые ветви сплетались в плотный навес над головой, а уродливые корни выползали из-под земли. Тут царило глубокое молчание, властвовала задумчивая тень, и боги, обитавшие в лесном краю, имен не имели.

Но сегодня она знала, где искать своего мужа. Отобрав жизнь человека, Эддард всегда уходил в тишину богорощи.

Кейтилин была помазана семью елеями, она получила имя в радуге света, наполнявшей септу Риверрана. Ее боги имели имена, и лики их были знакомы ей, как лица родителей. Эту же веру исповедовали и дед ее, и прадед. Во время службы септон кадил благовониями, семигранный кристалл наполнялся живым светом, пели голоса. Как подобает великому дому, Талли содержали и богорощу, но только гуляли там, или читали, или лежали на солнце. Поклонение совершалось в септе. Для нее одной Эддард соорудил небольшую септу, чтобы она могла петь перед семью ликами Бога, но в жилах Старков до сих пор текла кровь Первых Людей, и муж ее поклонялся старым богам, безымянным и безликим божествам зеленого леса, позаимствованным у давно исчезнувших Детей Леса.

А в центре лужайки древнее чардрево размышляло над небольшой запрудой, наполненной черной холодной водой; Сердце-дерево — называл его Нед. Кора чардрева белела обветренной костью, темно-алые листья казались тысячью замаранных в крови ладоней. На толстом стволе

было вырезано лицо, длинное и задумчивое; глубоко ушедшие в кору глаза заплыли застывшим соком и казались странно внимательными. Они знали, что такое древность: эти глаза были старше самого Винтерфелла. Если не обманывали легенды, они видели, как Брандон-строитель заложил первый камень, они видели, как поднимались гранитные стены замка. Говорили, что Дети Леса вырезали лики на деревьях в столетия, предшествовавшие нашествию Первых Людей из-за Узкого моря.

На юге последние чардеревья были срублены или сожжены еще тысячу лет назад, если не считать острова Ликов, где белоствольные мужи еще несли свою безмолвную стражу. Здесь, на севере, все было иначе. Здесь у каждого замка была своя богороща, и в каждой богороще росло сердце-дерево, и у каждого сердце-дерева было лицо.

Кейтилин обнаружила своего мужа под чардревом, сидящим на заросшем мхом камне. Великий меч Лед лежал на его коленях, он омывал клинок в черных как ночь водах запруды. Слежавшийся за тысячелетия толстый слой почвы поглощал звук шагов Кейтилин, но красные глаза неотступно следили за ней со ствола дерева.

— Нед, — негромко позвала она. Он угрюмо

посмотрел на нее и спросил голосом далеким и официальным:

— Кейтилин, а где дети?

Муж всегда спрашивал ее о них.

— В кухне, они спорят о том, как назвать волчат. — Она расстелила свой плащ на дернине и села возле пруда спиной к чардреву. Кейтилин ощущала, как следят за ней глаза, но самым лучшим образом постаралась не замечать этого взгляда. — Арья уже влюбилась, Санса очарована и благодарна, Рикон еще не вполне все понял.

— Он боится? — спросил Нед.

— Немного, — признала она. — Но ему только три.

Нед нахмурился.

— Его пора учить встречаться лицом к лицу с собственным страхом. Три года ему не навечно. Потом, зима близко.

— Да, — согласилась Кейтилин. От слов этих, как всегда, по коже ее пробежал озноб. Слова Старков. В каждом благородном доме есть собственное речение: фамильные девизы, критерии, молитвы; одни хвастали честью и славой, другие обещали верность и правду, третьи присягали в вере и отваге. Все, кроме Старков. Зима близко, сулили они, Кейтилин не впервые подумала о

том, насколько же странный народ эти северяне.

— Беглец умер сегодня с достоинством, следует отдать ему должное, — проговорил Нед. Он водил по огромному мечу лоскутом промасленной кожи, полируя металл до темного блеска. — Я был горд за Брана, ты была бы довольна им.

— Я всегда горжусь Браном, — отвечала Кейтилин, разглядывая меч под руками мужа. Она угадывала волнующиеся глубины внутри клинка, где металл сотню раз смяли во время ковки. Кейтилин не любила мечей, но не могла отрицать, что Льду присуща особенная краса. Меч выковали в Валирии, до того как Рок обрушился на Фригольд; кузнецы там обрабатывали металл не одними молотами, но и заклинаниями. Четыре сотни лет было мечу, и лезвие его ничуть не затупилось с того дня, когда мастер выпустил его из рук. Имя же сохранилось с еще более древних времен. Наследие века героев, когда Старки были Королями Севера.

— Уже четвертый в этом году, — мрачно заметил Нед. — Бедняга наполовину обезумел от страха, кто-то настолько перепугал его, что он просто не понимал моих слов. — Он вздохнул. — Бен пишет, что в Ночном Дозоре осталось меньше тысячи людей. И дело не только в дезертирах.

Дозор теряет людей в стычках.

— С одичалыми? — спросила Кейтилин.

— А с кем же еще? — Нед поднял Лед, поглядел на длинную полосу холодной стали. — И будет только хуже. Может настать такой день, когда у меня не останется другого выхода, кроме как собрать все знамена и отправиться на север, чтобы раз и навсегда расправиться с этим Королем за Стеной.

— Отправиться за Стену? — От этой мысли Кейтилин поежилась.

Нед заметил промелькнувшее выражение ужаса на ее лице.

— Нам нечего страшиться Манса-налетчика.

— За Стеной обитают более страшные твари. — Она оглянулась на сердце-дерево, красные глаза на бледной коре следили, прислушивались, обдумывали свои долгие, неторопливые мысли.

— Ты слишком любишь слушать сказки старухи Нэн, — ответил Нед с мягкой улыбкой. — Иные мертвы, как и Дети Леса, они исчезли восемь тысячелетий назад. Мейстер Лювин докажет тебе, что они никогда не существовали. Никто из живых людей еще не видел их.

— До нынешнего утра ни один человек не видел и лютоволка, — напомнила ему Кейтилин.

— Когда споришь с Талли, следует обдумывать слова, — ответил Нед с горькой улыбкой и вдвинул Лед в ножны. — Но ты пришла не для того, чтобы рассказывать мне детские сказки; я знаю, насколько мало нравится тебе это место. Так в чем же дело, моя госпожа?

Кейтилин взяла мужа за руку.

— Сегодня пришли горестные вести, милорд. Я не хотела беспокоить тебя, пока ты не очистишься. — Смягчить удар было невозможно, поэтому она сказала прямо: — Мне так жаль, моя любовь. Умер Джон Аррен. — Их взгляды встретились, и она поняла, насколько тяжела утрата. Это легко было предвидеть, Нед провел свою юность воспитанником в Орлином Гнезде, бездетный лорд Аррен сделался вторым отцом и ему, и его приятелю Роберту Баратеону. Когда Безумный король Эйерис II, Таргариен потребовал выдать обоих, лорд Орлиного Гнезда поднял свой стяг с луной и соколом и выступил против властелина, но не предал тех, кого должен был защищать. Ну а после того, пятнадцать лет назад, второй отец сделался также и братом Неда. Оба они стояли в септе Риверрана, сочетались браком с двумя сестрами, дочерьми лорда Хостера Талли.

— Джон… — проговорил он. — А весть достойна

доверия?

— Письмо написано самим Робертом, и запечатано королевской печатью. Я оставила его для тебя. Он написал, что лорда Аррена унесла быстрая хворь, даже мейстер Пицель оказался беспомощен, ему пришлось напоить Джона маковым молоком, чтобы тот меньше мучился.

— Да, это большая потеря, — проговорил он, Кейтилин видела горе на лице мужа, но и сейчас он в первую очередь подумал о ней. — А как твоя сестра? — спросил он. — И мальчик Джона? Что слышно о них?

— Написано, что с ними все в порядке и они возвратились в Орлиное Гнездо, — проговорила Кейтилин. — Я бы хотела, чтобы они приехали в Ривердан. В Гнезде высоко и одиноко, это дом ее мужа, а не ее собственный. Память о лорде Джоне будет наполнять каждый камень. Я знаю сестру. Она нуждается в утешении, в семье и друзьях вокруг себя.

— Ваш дядя ожидает ее в Долине, разве не так? Я слыхал, что Джон возвел его в Рыцари Ворот.

— Бринден сделает все возможное и для Лизы, и для мальчика. В этом немного утешения, но все же…

— Езжай к сестре, — предложил Нед. — Возьми

детей; пусть ее дом наполнится шумом, криками, смехом. Ее мальчику нужна сейчас детская компания, да и Лиза будет не одна в своем горе.

— Хотелось бы мне это сделать, — проговорила Кейтилин. — Но в письме были и другие вести. Король едет в Винтерфелл, чтобы проведать тебя.

Нед не сразу понял ее, но когда до него дошло, мрак оставил его глаза.

— Значит, Роберт едет сюда? — Она кивнула, и улыбка промелькнула на его лице.

Кейтилин хотелось бы разделить счастье мужа. Но она уже слыхала разговоры во дворе: мертвая лютоволчица в снегу, сломанный рог в ее горле. Ужас свернулся внутри Кейтилин змеей, но она заставила себя улыбнуться любимому, не верящему в приметы.

— Я знала, что это порадует тебя, — сказала она. — Нам следовало бы послать весть твоему брату на Стену.

— Да, конечно, — согласился он. — Бен захочет приехать. Я скажу, чтобы мейстер Лювин послал самую быструю птицу. — Нед поднялся и погладил ее колено.

— Проклятие, сколько же лет прошло? И Роберт не прислал предупреждения! Сколько людей в его отряде? В письме это сказано?

— По-моему, сотня рыцарей, каждый с собственной свитой, и еще столько же свободных всадников. Серсея и дети едут вместе с ними.

— Ради них Роберт замедлит ход, — проговорил Нед. — Неплохо, у нас будет больше времени, чтобы приготовиться к встрече.

— С ним едут и братья королевы, — сказала она.

Нед скривился. Кейтилин знала, что муж не испытывал особой любви к семье королевы. Ланнистеры с Кастерли Рок, Бобрового утеса, выступили на стороне Роберта, только когда в его победе уже не оставалось сомнений, и Старк до сих пор так и не простил их.

— Ну что ж, если за общество Роберта приходится расплачиваться прикосновением к Ланнистерам, пусть будет так. Похоже, что Роберт взял с собой половину двора.

— Куда едет король, туда следует и королевство, — сказала она.

— Будет неплохо повидать их детей. Самый младший еще сосал титьку Ланнистерши, когда я в последний раз видел его. Теперь ему, должно быть, лет пять?

— Принцу Томмену семь, — вспомнила Кейтилин. — Столько, сколько и Брану. И пожалуйста,

Нед, последи за языком. Твоя Ланнистерша — королева, и гордость ее только возрастает с каждым годом.

Нед пожал ее руку.

— Итак, будет пир с певцами, и Роберт захочет поразвлечься. Я пошлю Джори на юг с почетной охраной, чтобы встретить их на Королевском тракте и проводить до дома. Боги, как же мы всех накормим? Он уже в пути, ты сказала? Черт бы побрал эту королевскую толстокожесть!

Дейнерис

Брат поднял платье, показывая ей.

— Смотри, какая красота. Прикоснись. Пощупай эту ткань.

Дени прикоснулась к платью. Невероятно гладкая ткань, казалось, омывала ее пальцы подобно воде. Дени не помнила, чтобы когда-нибудь носила столь мягкую одежду. Ткань пугала ее. Она отняла руку.

— Платье и в самом деле мое?

— Это подарок магистра Иллирио, — отвечал с улыбкой Визерис. Брат ее пребывал сегодня в хорошем настроении. — Ткань подчеркнет фиалковый цвет твоих глаз. Кроме того, ты получишь золото и всякие камни, Иллирио обещал. Сегодня ты должна выглядеть как принцесса.

Как принцесса, подумала Дени. Она уже и забыла, что это такое. А может быть, никогда и не знала.

— Почему же он дал нам столь много? — спросила она. — Чего он хочет от нас? — Уже почти полгода они обитали в доме магистра, ели его еду, пользовались услугами его лакеев. Дени уже ис-

полнилось тринадцать, она прекрасно понимала, что в свободном городе Пентосе за так подарков не делают.

— Иллирио не дурак, — проговорил Визерис, тощий, нервный юноша с узкими ладонями и лихорадочным взглядом сиреневых глаз. — Магистр знает, что я не забуду друзей, когда сяду на престол.

Дени ничего не сказала. Магистр Иллирио торговал пряностями, самоцветами, драконьей костью и другими не менее драгоценными вещами. У магистра были друзья во всех девяти свободных городах, да и за ними, в Вейес Дотрак и сказочных землях возле Яшмового моря. Считали также, что всех своих друзей он самым любезным образом продавал за подходящую цену. Дени прислушивалась к разговорам на улицах и знала об этом, но предпочитала не смущать брата, когда он сплетал паутину своих мечтаний. Проснувшийся гнев его бывал ужасен… Визерис всегда предупреждал ее: «Не буди дракона!»

Визерис повесил платье возле двери.

— Иллирио пришлет рабынь, чтобы ты искупалась. Постарайся, чтобы от тебя не пахло конюшней. У кхала Дрого тысяча лошадей, но сегодня он ищет другую кобылу. — Брат оглядел

ее критическим взглядом. — Опять сгорбилась. Распрямись. — Он хлопнул Дени ладонью по спине. — Пусть он увидит, что ты похожа на женщину. — Пальцы его мимоходом коснулись ее наливающейся груди и сжались на соске. — Ты не подведешь меня? Если что — хорошего не жди. Ты же ведь не хочешь разбудить дракона, правда? — Он жестоко ущипнул ее тело под грубой тканью. — Не хочешь, так? — повторил он.

— Нет, — робко ответила Дени.

Брат улыбнулся:

— Хорошо. — Он прикоснулся к ее волосам едва ли не с симпатией. — Тогда тот, кто напишет историю моего правления, милая сестрица, отметит, что оно началось сегодня ночью.

Когда он ушел, Дени направилась к окну и завистливым взглядом поглядела на воды залива. Заходящее солнце вычерчивало черные силуэты квадратных кирпичных башен Пентоса. Дени могла слышать пение красных жрецов, разжигавших ночные очаги, и крики оборванных детей, носившихся по улицам. На мгновение ей захотелось оказаться среди них — босой, запыхавшейся, в лохмотьях, без прошлого и будущего… только бы не присутствовать на пиру в доме кхала Дрого.

Где-то там, за закатом, за Узким морем, жила земля зеленых холмов, цветущих равнин и громадных бегущих рек; башни из темного камня вырастали между величественных голубых гор, рыцари в панцирях выезжали на битву под знаменами своих лордов. Дотракийцы звали эту землю Рейхе Андал — землей андалов. В Вольных Городах ее именовали Вестеросом и Закатными королевствами. Брат называл этот край проще.

— Наша земля, — говорил он. Слова эти он носил с собой словно молитву, которую надо повторять почаще, чтобы боги наверняка услышали ее. — Земля принадлежит нам по праву рождения, она отнята у нас предательством, но она наша, наша навсегда. Кто сумеет обокрасть дракона? О нет, дракон не забудет.

Быть может, дракон и помнил, но Дени забыла. Она никогда не видела земли, которую брат называл своей, — страну, оставшуюся за Узким морем. Он рассказывал ей про Бобровый утес, иначе Кастерли Рок, Орлиное Гнездо, Хайгарден — Вышесад, Долину Аррен, Дорн, остров Ликов, но имена эти оставались для нее пустыми словами. Визерису было восемь, когда они бежали из Королевской Гавани, спасаясь от наступающей армии узурпатора, но Дейенерис тогда еще лежа-

ла в материнском чреве.

И все же иногда Дени представляла себе, как все было, — так часто брат рассказывал ей эту повесть. Они бежали ночью, чтобы пробраться к Драконьему Камню, черные паруса корабля блестели под луной. Она видела своего брата Рейегара бьющимся с узурпатором в кровавых водах Трезубца и погибшего ради любимой женщины. Видела и захват Королевской Гавани теми, кого Визерис называл псами узурпатора, — лордами Ланнистером и Старком. Видела принцессу Элию Дорнскую, еще молившую о милосердии, когда наследника оторвали от ее груди и убили перед глазами матери. Видела полированные черепа последних драконов, слепыми глазницами глядевшие со стен тронного зала на цареубийцу, золотым мечом перерубившего горло отца.

Дейенерис родилась на Драконьем Камне через девять месяцев после бегства, в жуткую летнюю бурю, едва не уничтожившую островок. Говорили, что шторм был ужасен. Стоявший на якоре флот Таргариенов разбился о скалы. Волны выворотили из парапетов огромные каменные блоки и выкинули их в бурные волны Узкого моря. Мать умерла, рожая ее. Этого брат так и не простил Дейенерис.

Она не помнила и Драконьего Камня. Потом они снова бежали, как раз перед тем как брат узурпатора поставил паруса на своем заново отстроенном флоте. К тому времени лишь Драконий Камень, древнее гнездо дома Таргариенов, остался от Семи Королевств, что прежде принадлежали роду. Долго это положение не могло сохраниться. Гарнизон уже был готов продать детей узурпатору, но однажды ночью сир Уиллем Дарри с четверкой верных ему людей ворвался в детскую, выкрал их обоих вместе с няней и под покровом темноты направился под парусом к безопасному браавосианскому берегу.

Она смутно помнила сира Уиллема, казавшегося ей огромным серым медведем, полуслепого, громкоголосого, выкрикивающего приказы с ложа. Слуги до ужаса боялись его, но с Дени он всегда был ласков. Он называл ее крохотной принцессой, иногда своей госпожой, и его ладони были мягкими, как старая кожа. Впрочем, он никогда не покидал постели, запах хвори не оставлял его день и ночь — жаркий, влажный, болезненно сладкий. Так было, пока они жили в Браавосе, в большом доме с красной дверью. У Дени там была собственная комната с лимонным деревом под окном. После того как сир Уиллем

умер, слуги украли те небольшие деньги, которые оставались у них, и детей скоро выставили из большого дома. Дени плакала, когда красная дверь навсегда закрылась за ними. После этого они скитались — из Браавоса в Мир, из Мира в Тирош, а потом в Квохор, Валантис и Лисе, не задерживаясь подолгу на одном месте. Брат твердил, что их преследуют нанятые узурпатором наемные убийцы, хотя Дени так и не видела ни одного из них. Поначалу магистры, архонты и старейшины купцов с удовольствием принимали последних Таргариенов в свои дома и к столам, но годы шли, узурпатор невозмутимо восседал на железном троне, и двери закрылись, заставив их жить скромнее. Им пришлось продать последние оставшиеся драгоценности, а теперь ушла и монета, которую они взяли из короны матери. В переулках и питейных заведениях Пентоса ее брата звали королем-попрошайкой. Дени не хотелось бы узнать, как они звали ее.

— Мы все вернем, милая сестрица, — обещал ей Визерис. Иногда в эти моменты его руки начинали трястись. — Драгоценности и шелка, Драконий Камень и Королевскую Гавань, Железный трон и Семь Королевств, все, что они отняли у нас, мы вернем обратно.

Визерис жил только ради этого дня, а Дейенерис хотела одного: вернуться в большой дом с красной дверью, чтобы, возле окна росло дерево, усыпанное лимонами, чтобы вернулось детство, которого она никогда не знала. В дверь негромко постучали.

— Войдите, — сказала Дени, отворачиваясь от окна. Вошли слуги Иллирио, поклонились и приступили к делу. Это были рабы, подаренные одним из многочисленных друзей магистра среди дотракийцев. В свободном городе Пентосе рабства не существовало, но тем не менее… Старуха, невысокая и серая, как мышь, не проронила ни слова, зато девушка старалась за обеих. Темноволосая, синеглазая, лет шестнадцати, она была фавориткой Иллирио и трещала не умолкая.

Они наполнили ванну горячей водой, доставленной из кухни, и надушили благоуханными маслами. Девушка стянула грубую льняную рубаху через голову Дени и помогла ей забраться в ванну. Вода обожгла, но Дейенерис не дернулась и не вскрикнула: она любила тепло, дававшее ей ощущение чистоты. К тому же брат часто говорил ей: «Таргариенам не бывает жарко. Мы принадлежим к дому Дракона. Огонь растворен в нашей крови».

Сохраняя молчание, старуха вымыла ее длинные серебристые волосы и аккуратной, ласковой рукой расчесала их. Тем временем девушка терла спину и ноги Дейенерис и говорила, как ей повезло:

— Дрого такой богатый, что даже его рабы носят золотые ошейники. В кхаласаре его ездит сотня тысяч мужчин, а дворец в Вейес Дотрак располагает двумя сотнями комнат — в которые ведут двери из литого серебра. Но самое важное — это какой он видный мужчина. Высокий, свирепый, бесстрашный в битве и не знающий промаха; наездник, лучший его, еще не садился на спину коня.

Дейенерис молчала. Она всегда предполагала, что выйдет замуж за Визериса, когда достигнет возраста. Век за веком Таргариены выдавали сестру за брата — начиная с Эйегона-завоевателя, бравшего в жены собственных сестер. Следует хранить чистоту крови. Визерис тысячу раз говорил ей, что в их жилах течет кровь королей, золотая кровь древней Валирии, кровь Дракона. Драконы ведь не соединялись с полевыми зверями, так и Таргариены не мешали своей крови с кровью простонародья. Но Визерис решил продать сестру варвару.

Когда она всласть помылась, рабыни помогли ей вылезти из воды и вытерли досуха. Девушка расчесывала ей волосы до тех пор, пока они не засияли, как расплавленное серебро, а старуха надушила ее тело цветочными ароматами дотракийских равнин: по капле на каждое запястье, позади ушей, на кончики грудей и, наконец, последнее холодное прикосновение — к губам, что между ее ног.

Они надели на Дейенерис вуаль, которую прислал магистр Иллирио, а потом облачили в платье; сливовый шелк подчеркивал фиалковый цвет ее глаз. Девушка надела на ноги Дени золоченые сандалии, а старуха закрепила в волосах тиару и застегнула на руках золотые браслеты, украшенные аметистами. Последним было наплечье — тяжелая золотая гривна, украшенная старинными валирийскими иероглифами.

— Настоящая принцесса, — выдохнула девушка, когда они закончили. Дени доглядела на свое отражение в зеркале, которое Иллирио предусмотрительно ей прислал. Принцесса, подумала она, но вспомнила слова девушки о том, что кхал Дрого настолько богат, что даже рабы его носят золотые ошейники. Она ощутила внезапный холод, озноб, и гусиная кожа выступила на ее

обнаженных руках.

Брат ожидал ее в прохладе прихожей. Сидя на краю бассейна, он водил пальцами по воде. Визерис поднялся, заметив сестру, и критически оглядел ее.

— Стань здесь, — сказал он. — Повернись. Да, хорошо. Ты выглядишь…

— Царственной, — проговорил магистр Иллирио, появившийся под аркой входа. Он двигался с удивительной легкостью для столь массивного человека. Свободное одеяние из огненного шелка укрывало слои трясущегося жира. На каждом пальце поблескивали драгоценные камни, и он умастил свою раздвоенную желтую бороду, доведя ее до золотого блеска.

— Пусть Повелитель Света осыплет тебя благословениями в самый удачный день твоей жизни, принцесса Дейенерис, — проговорил магистр, взяв ее за руку. Он поклонился, на миг показав желтые зубы в золоте бороды. — Она просто видение, светлейший, просто видение, — сказал он брату. — Дрого будет покорен.

— Слишком уж худа, — отозвался Визерис. Волосы того же серебристого цвета, что и у сестры, у него были туго зачесаны назад и скреплены брошью из драконьей кости. Прическа подчерки-

вала жесткое и сухое лицо принца. Он опустил руку на рукоять меча, который Иллирио одолжил ему, и спросил:

— А вы уверены, что кхал Дрого любит именно таких молодых женщин?

— Важно ее происхождение. Ваша сестра созрела для кхала, — повторил ему Иллирио уже не в первый раз. — Поглядите на нее. Серебристо-золотые волосы, фиалковые глаза… в ней видна кровь старой Валирии, вне сомнения, вне сомнения… И знатность — дочь старого короля и сестра нового, она не может не увлечь нашего друга. — Когда брат выпустил ее руку, Дейенерис поняла, что дрожит.

— Может быть, — с сомнением отвечал Визерис. — У дикарей странные вкусы. Мальчики, лошади, овцы…

— Лучше не говорить об этом при кхале Дрого, — проговорил Иллирио.

Гнев блеснул в сиреневых глазах ее брата.

— Вы принимаете меня за дурака?

Магистр чуть поклонился.

— Я принимаю вас за короля. А владыкам несвойственна природная осторожность обычного человека. Прошу простить, если обидел вас. — Иллирио отвернулся и хлопнул в ладоши,

призывая носильщиков.

На улицы Пентоса пала темная, как смоль, ночь, когда они выехали в паланкине Иллирио, украшенном тонкой резьбой. Двое слуг впереди освещали дорогу причудливыми масляными фонарями из бледного стекла, дюжина сильных мужчин несла шесты на плечах. Было тепло, занавески лишь усиливали духоту. За крепким запахом духов Дени ощущала вонь пухлой плоти Иллирио.

Брат, распростершийся на подушках возле нее, ничего не замечал. Ум его был далеко, в стране за Узким морем.

— Нам не потребуется весь кхаласар, — сказал Визерис. Пальцы его играли рукоятью чужого клинка, хотя Дени знала, что он никогда еще не использовал меч по назначению. — Десяти тысяч будет довольно. Я покорю Семь Королевств с десятью тысячами крикунов-дотракийцев. Страна поднимется на защиту своего законного короля. Тирелл, Редвин, Грейджой любят узурпатора не больше, чем я. Дорнцы рвутся отомстить за Элию и ее детей. Простонародье поддерживает нас. Они всегда за короля. — Он озабоченно посмотрел на Иллирио. — Так, я не ошибаюсь?

— Это ваш народ, и они любят вас, — друже-

любно отвечал магистр Иллирио. — В твердынях по всему государству люди втайне поднимают тосты за ваше здоровье, женщины же вышивают на знаменах драконов и прячут их до того дня, когда вы возвратитесь из-за моря. — Он пожал плечами. — Так утверждают мои агенты.

У Дени не было агентов, и она не могла узнать, что думают или делают за Узким морем, однако принцесса не верила ласковым словам Иллирио, как и не верила купцу вообще. Брат же ретиво кивал.

— Я сам убью узурпатора, — обещал он, юноша, еще не проливший ни капли крови, — как убил он моего брата Рейегара. И Ланнистера-цареубийцу за то, что он сделал с моим отцом.

— Достойный поступок, — проговорил магистр Иллирио, и Дени заметила тень улыбки, скривившей его губы, но брат не видел ничего. Кивнув, Визерис отодвинул занавеску и принялся смотреть в ночь. Дени поняла, что в мечтах он вновь сражается при Трезубце.

Девятибашенный дом кхала Дрого расположился возле залива, высокие кирпичные стены его заросли плющом. Как объяснил им Иллирио, дворец представили кхалу магистры Пентоса. Свободные города всегда соблюдали вежливость

в обращении с владыками кочевников.

— Не то чтобы мы боялись этих варваров, — повествовал Иллирио с улыбкой. — Повелитель Света защитит наш город от миллиона дотракийцев, так обещают красные жрецы… Но зачем рисковать, когда дружба обходится столь дешево?

Паланкин остановился у ворот, один из телохранителей без всякой учтивости отодвинул занавески. Дотракиец этот, меднокожий, темноглазый и безбородый, в рогатом бронзовом шлеме Безукоризненных, обдал их холодным взглядом. Магистр Иллирио буркнул ему что-то на грубом дотракийском языке, страж ответил подобными словами и пропустил их через ворота. Дени заметила, как рука ее брата стиснула рукоятку одолженного меча. Он был тоже испуган, как и она.

— Надменный евнух, — пробормотал Визерис, пока паланкин, дергаясь, поднимался к дворцу.

Магистр Иллирио отвечал медовыми речами:

— Сегодня на пиру будет много важных людей. У таких людей есть враги. Кхал должен защитить своих гостей, и главные среди них вы с сестрой, светлейший. Вне сомнения, узурпатор готов хорошо заплатить за вашу голову.

— О да, — жестко ответил Визерис. — Он уже пытался это сделать, Иллирио. Не сомневайтесь в этом. Его наемные убийцы повсюду преследуют нас. Я — последний дракон, и он не может заснуть спокойно, пока не отнимет у меня жизнь.

Паланкин замедлил ход и остановился. Занавеси отодвинули, и раб предложил руку, чтобы помочь Дейенерис выйти. Она отметила, что наплечье его сделано из обычной бронзы. Брат последовал за ней, не отнимая руки от рукояти меча. Потребовались усилия двух сильных людей, чтобы Иллирио приподнялся на ноги.

Внутри замка воздух насквозь пропах благовониями, огненной понюшкой, сладким лимоном и киннамоном. Гостей провели по прихожей, где мозаика из цветного стекла изображала гибель Валирии. В черных железных фонарях, развешанных на стене, горело масло. Под аркой из переплетенных каменных листьев евнух воспевал их приход.

— Визерис из дома Таргариенов, третий носитель своего имени, — провозгласил он тонким и сладким голосом, — король андалов, ройнаров и Первых Людей, владыка Семи Королевств и Хранитель Областей. Его сестра, Дейенерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня.

Его достопочтенный хозяин Иллирио Мопатес, магистр свободного города Пентос.

Миновав евнуха, они вошли во двор, окруженный заросшей плющом колоннадой. Лунный свет разрисовывал листья оттенками кости и серебра, вокруг расхаживали гости. Среди них было много дотракийских конных владык, рослых мужей с красно-коричневой кожей; вислые усы перехвачены металлическими кольцами, черные волосы намаслены, расчесаны и увешаны колокольчиками. Были тут и наемники из Пентоса, Мира и Тироша; красный жрец, толщиной превышавший Иллирио; косматые жители Порт-Иббена и князья с Летних островов, кожа которых показалась ей темнее эбенового дерева. Дейенерис оглядела собравшихся с удивлением и с внезапным ужасом поняла, что, кроме нее, женщин здесь нет…

Иллирио шепнул им:

— Вот эти трое — кровные всадники Дрого. Возле столба стоит кхал Моро с сыном Рхогоро. Тот зеленобородый — брат архонта Тироша, а позади него — сир Джорах Мормонт.

Последнее имя заинтересовало Дейенерис:

— Это рыцарь?

— Никак не менее. — Иллирио улыбнулся

сквозь бороду. — Помазанный семью елеями самим верховным септоном.

— А что он делает здесь? — выпалила она.

— Узурпатор искал его головы, — объяснил Иллирио. — Из-за какой-то пустячной ссоры. Сир Джорах продал каких-то бродяг тирошийскому работорговцу, вместо того чтобы передать их Ночному Дозору. Абсурдный закон. Человек должен иметь право поступить с такими людьми, как ему угодно.

— Мне бы хотелось переговорить с сиром Джорахом Мормонтом, прежде чем ночь закончится, — проговорил ее брат. Дени обнаружила, что и сама смотрит с любопытством на рыцаря. Человек пожилой, лысеющий и уже миновавший сорокалетие, он сохранил силу и крепость. Вместо шелка и хлопка на нем были кожа и шерсть. Темно-зеленую тунику украшало изображение черного медведя, стоящего на задних лапах.

Дейенерис все еще глядела на этого странного человека, родившегося в ее отечестве, когда магистр Иллирио положил влажную ладонь на ее плечо.

— Нам туда. А вон там, милая принцесса, — прошептал он, — там находится кхал собственной персоной. — Дени хотелось спрятаться и убе-

жать, но брат глядел на нее, и, не угодив ему, она, конечно, разбудила бы дракона. С тревогой она обернулась и поглядела на человека, который, как надеялся Визерис, попросит ее руки, прежде чем закончится ночь.

Рабыня не слишком уж ошибалась, подумала она. Кхал Дрого был на целую голову выше самого высокого из мужчин в этом зале, но вместе с тем двигался легко и изящно, словно пантера в зверинце Иллирио. Кхал оказался моложе, чем она думала, и еще не достиг тридцати лет. Кожа Дрого отливала полированной бронзой, густые усы украшали золотые кольца.

— Я должен приблизиться и принести кхалу собственное приветствие, — проговорил магистр Иллирио. — Подождите здесь, я приведу его.

Когда Иллирио, переваливаясь, направился к кхалу, брат взял Дени за руку, болезненно сжимая ее ладонь пальцами.

— Видишь его косу, милая сестрица?

Коса Дрого, черная как ночь и тяжелая от ароматных масел, была увешана крошечными колокольчиками, позвякивавшими, когда он двигался. Коса эта опускалась ниже пояса, ниже ягодиц кхала, доставая концом бедер.

— Видишь, какая длинная? — спросил Визерис.

— Когда дотракиец терпит поражение в поединке, он отрезает свою косу в знак унижения, чтобы мир знал о его позоре. Кхал Дрого никогда не проигрывал поединка. Он вновь рожденный Эйегон, Повелитель Драконов, и ты будешь его королевой.

Дени поглядела на кхала Дрого. Лицо его показалось ей жестоким и жестким, глаза холодными и темными, словно оникс. Брат иногда причинял ей боль, когда она будила дракона, но Визерис никогда не пугал ее так, как этот человек.

— Я не хочу быть его королевой, — проговорила она тоненьким голоском. — Прошу тебя, прошу тебя, Визерис, пойдем домой.

— Домой? — отвечал он негромко, но так, чтобы она могла слышать ярость в его тоне. — И как же мы попадем домой, милая сестрица? Родной дом у нас отобрали. — Визерис увлек сестру в тень подальше от посторонних глаз, и пальцы впились в ее кожу. — И как же мы вернемся домой? — повторил он, имея в виду Королевскую Гавань, Драконий Камень и ту страну, которую они потеряли.

Дени, конечно, имела в виду лишь их комнату у Иллирио, а не истинный дом, но брат не хотел и слушать об этом. У него здесь не было дома. И

тот большой дом с красной дверью не являлся ему родным. Пальцы Визериса впились в ее руку, он ждал ответа.

— Не знаю, — наконец дрожащим голосом проговорила она. Слезы закипали в глазах Дени.

— А я знаю, — отвечал он резко. — Мы направимся домой во главе войска, милая сестрица. Во главе войска кхала Дрого, вот так мы вернемся домой. И если для этого тебе нужно выйти за него замуж и лечь с ним в постель, значит, ты сделаешь это. — Он улыбнулся. — Я бы позволил всему его кхаласару отодрать тебя, моя милая сестрица, всем сорока тысячам мужчин и их жеребцам, если бы таким образом смог получить для себя войско. Радуйся, что тебя ждет только Дрого. Со временем он, может быть, тебе даже понравится. А теперь просуши глаза. Иллирио ведет его сюда, и кхал не должен видеть твоих слез.

Дени повернулась и увидела, что магистр Иллирио, сладко улыбаясь, с поклонами уже подводит кхала Дрого к месту, где они стояли. Она смахнула неупавшие слезы тыльной стороной ладони.

— Улыбнись, — нервно шепнул Визерис, положив руку на рукоять меча. — И стой прямо. Пусть он увидит, что у тебя есть грудь. Боги знают, что она и так невелика.

Дейенерис улыбнулась и стала прямо.

Эддард

Гости хлынули в ворота замка рекой золота, серебра и полированной стали; отряд в три сотни мечей, горделивые знаменосцы и рыцари, присягнувшие наемники и вольные всадники. Над их головами северный ветер теребил дюжину золотых знамен, расшитых венценосным оленем Баратеонов.

Нед знал многих. Вот сир Джейме Ланнистер, с волосами светлыми, как кованое золото, а вот промелькнуло жуткое обгорелое лицо Сандора Клигана. Высокий юноша возле него мог быть только кронпринцем, а тот коротышка позади них, безусловно, Бес, Тирион Ланнистер.

Но рослый мужчина, возглавлявший отряд, которого сопровождали по бокам два рыцаря в снежно-белых плащах королевской гвардии, показался Неду почти неузнаваемым… пока не соскочил со спины боевого коня со знакомым ревом и не приступил к сокрушающим кости объятиям.

— Нед! Ах, как я рад снова видеть твою ледяную физиономию! — Король оглядел его сверху дони-

зу и расхохотался. — А ты вовсе не переменился.

Неду хотелось бы сказать то же самое. Миновало пятнадцать лет с той поры, как они выехали, чтобы отвоевать престол, и тогда владыка Штормового Предела был чисто выбрит, светлоглаз и мускулист, как девичья мечта. Шести с половиной футов ростом, он и так возвышался над окружающими, но, надевая броню и великий рогатый шлем своего дома, становился истинным гигантом. И сила у него была под стать обличью: Роберт в сражениях предпочитал шипастый боевой молот, который Нед едва мог поднять. В те дни запах крови и кожи пропитывал его, словно духи. Ну а теперь к нему прилип запах настоящих духов, и пузо выросло под стать росту. Нед в последний раз видел короля девять лет назад, во время битвы Беелона Грейджоя, когда олень и лютоволк объединились, чтобы покончить с претензиями владыки Железных Островов, провозгласившего себя королем. С той ночи, когда они стояли бок о бок в павшей твердыне Грейджоя, где Роберт принял капитуляцию восставшего лорда, а Нед взял в заложники и воспитанники его сына Теона, король набрал не менее восьми стоунов. Борода, грубая и черная, словно железная проволока, покрывала его щеки,

пряча двойной подбородок, но ничто не могло спрятать его брюхо и черные круги под глазами.

И все же Роберт был теперь королем Неда, а не просто другом, поэтому он отвечал согласно этикету:

— Светлейший государь, Винтерфелл к вашим услугам.

К этому времени начали спешиваться и все остальные, конюхи двинулись, чтобы увести коней. Королева Роберта Серсея Ланнистер вошла в ворота пешком вместе со своими младшими детьми. Кибитка, в которой они ехали, точнее, огромная двухэтажная повозка из умащенного маслом дерева и позолоченного металла, влекомая сорока тяжеловозами, была слишком велика, чтобы пройти в ворота замка. Нед встал на колено в снег, чтобы поцеловать кольцо королевы, а тем временем Роберт обнял Кейтилин, словно давно потерянную сестру. Потом позвали детей, их представили, и обе стороны одобрили молодежь.

Когда официальное приветствие и все формальности были совершены, король сказал хозяину:

— Отведи меня в свою крипту, Эддард, я должен отдать дань памяти.

Неду понравилось, что король не позабыл его сестру. А ведь прошло столько лет! Он крикнул,

чтобы принесли фонарь. Других слов было не нужно. Королева немедленно начала протестовать. Они ехали с самого рассвета, все устали и замерзли и, конечно, в первую очередь должны привести себя в порядок. Мертвые могут и подождать. Лишь только она начала ворчать, Роберт поглядел на нее, а брат-близнец Джейме сжал королеве руку. Ей пришлось замолчать.

Потом они вместе отправились в крипту: Нед и король, которого он едва узнал. Вились крутые каменные ступеньки. Нед шел первым с фонарем в руках.

— А я уже думал, что мы никогда не доберемся до Винтерфелла, — пожаловался Роберт спускаясь. — Когда на юге мне говорят о моих Семи Королевствах, то обычно забывают, что твоя часть больше всех шести остальных.

— Полагаю, путешествие было приятным, светлейший?

Роберт фыркнул:

— Болота, леса и поля, изредка попадались приличные постоялые дворы, но к северу от Перешейка их почти нет. Я никогда не видел подобных диких просторов. А где же твой народ?

— Должно быть, перепугались и спрятались, — пошутил Нед. Он ощущал поднимающийся по

лестнице холод земных глубин. — Короли редко показываются на севере.

Роберт усмехнулся:

— Скорее всего зарылись в снег. В снег, Нед! — Король оперся рукой о стену, чтобы не упасть.

— Поздним летом снег у нас выпадает нередко, — проговорил Нед. — Надеюсь, эта пороша не смутила тебя. Снега выпало немного.

— Это Иным, может быть, немного. — Роберт выругался, — На что же похож Винтерфелл зимой? Боюсь и подумать.

— Зимы здесь суровы, — согласился Нед. — Но Старки живут. Нам зимовать не впервой.

— Тебе нужно съездить на юг, — сказал Роберт, — хотя бы посмотреть, каким бывает лето, прежде чем оно закончится. Заглянуть в Вышесад, там золотые розы покрывают целые поля, уходящие вдаль так далеко, как может видеть глаз. Плоды становятся такими спелыми, что просто лопаются во рту, — дыни, тыквы, огненные сливы, ты никогда не пробовал подобной сладости. Но я кое-что привез. Даже в Штормовом Пределе, когда добрый ветер дует с залива, дни настолько жарки, что не хочется шевелиться. Посмотрел бы ты сейчас на наши города, Нед! Цветы повсюду, рынки полны еды, летние вина так дешевы и доб-

ры, что пьянеешь от одного запаха. Вокруг одни только подгулявшие богатые толстяки. — Король расхохотался и шлепнул себя по объемистому животу.

— Ну а девицы, Нед! — воскликнул Роберт, и глаза его, заиграли. — Уверяю тебя, жара заставила женщин забыть о всякой скромности. Они купаются голыми в реке как раз возле замка, на улицах слишком парит, чтобы носить шерсть или мех, поэтому они ходят в коротких платьях, в шелке — если у них есть монеты, — но даже если это простая материя, пот заставляет платья липнуть к телу, и они кажутся голыми. — Король блаженно расхохотался.

Роберт Баратеон всегда обладал неуемным аппетитом и умел брать от жизни все удовольствия. Никто не мог бы обвинить в этом Эддарда Старка. И все же Нед с сожалением заметил, сколь тягостный отпечаток оставили плотские радости на внешности короля. К тому времени, когда они достигли подножия лестницы, Роберт успел запыхаться, лицо его побагровело.

— Светлейший, она в дальнем конце, вместе с отцом и Брандоном, — почтительно сказал Нед, описывая фонарем широкий полукруг. Тени двигались и шевелились. Мерцающий свет

прикасался к камням под ногой, вырисовывал длинную процессию гранитных столбов, попарно маршировавших вперед во тьму. Между столбами на каменных тронах возле стены сидели изваяния усопших, припав спиной к склепам, хранившим их смертные останки.

Нед отправился вперед, и Роберт молча последовал за ним, поеживаясь от подземного холода. Тут всегда было зябко. Звук шагов по камню отдавался над головой; они словно бы шли мимо строя мертвецов дома Старков. Покойные лорды Винтерфелла следили за шагами пришельцев. Длинными рядами сидели подобия здешних хозяев на камнях, запечатавших гробницы, их слепые глаза разглядывали вечную тьму, а огромные каменные лютоволки лежали, свернувшись, возле каменных ног. Казалось, что тени заставляют каменные фигуры шевелиться, пропускай мимо себя живых. По древнему обычаю, на колени каждому, кто был лордом Винтерфелла, клали длинный железный меч, чтобы дух доблести оставался в своей гробнице. Меч родоначальника давно рассыпался в прах, оставив лишь несколько красных пятен там, где металл соприкасался с камнем. Нед подумал, что теперь самые древние призраки могут бродить по замку. Оставалось

надеяться, что это не так. Первые лорды Винтерфелла были людьми жесткими, как и та земля, которой они правили. В те столетия, что предшествовали появлению повелителей драконов из-за моря, Старки никому не приносили присяги, собственной волей именуя себя Королями Севера.

Нед остановился возле последней гробницы и поднял масляный фонарь. Здесь оканчивались запечатанные гробницы, но крипта тянулась и дальше, зияющие черные дыры ожидали постояльцев: и его самого, и детей. Неду не хотелось даже думать об этом.

— Здесь, — сказал он королю.

Роберт безмолвно кивнул, преклонил колени и нагнул голову.

В этом месте бок о бок располагались три гробницы. Вот длинное суровое лицо короля лорда Рикарда Старка, отца Неда. Камнетес хорошо знал своего господина. Он глядел вперед со спокойным достоинством, каменные пальцы сжимали меч, лежащий на его коленях. Но при жизни все мечи подвели его. В двух меньших гробницах по обе стороны от него лежали его дети.

Брандону было двадцать, когда он был удавлен по приказу Безумного короля Эйериса Таргариена за несколько дней до свадьбы с Кейтилин Талли

из Риверрана. Отца заставили видеть смерть сына. Брандон был истинным наследником земель — первенцем, рожденным, чтобы править.

Лианне было всего лишь шестнадцать, еще ребенком она обещала стать женщиной невероятного очарования. Нед любил ее всем сердцем. Роберт еще сильнее. Она была его невестой.

— Ее красоту невозможно передать в камне, — сказал король, помолчав. Глаза его задержались на лине Лианны, словно он все еще надеялся вернуть ее к жизни. Наконец грузный король неловко поднялся на ноги. — Ах, проклятие мне. Неужели ты не мог ее похоронить в другом месте? — Голос его был полон горя. — Она заслуживала света, а не тьмы…

— Она родом из Старков, господ Винтерфелла, — отвечал Нед спокойно. — Нам положено лежать здесь.

— Лианну можно было положить на вершине холма под плодовое дерево, чтобы она видела солнце и облака, а дождь омывал ее.

— Я был возле сестры, когда она умерла, — напомнил Нед королю. — Она решила вернуться домой, чтобы лечь на покой возле Брандона и отца. — Он, казалось, все еще слышал ее голос.

«Обещай мне это, — попросила она его в ком-

нате, пропахшей кровью и розами. — Обещай мне это, Нед».

Лихорадка украла силы, и голос ее был тих, но едва он дал свое слово, страх оставил глаза сестры. Нед вспомнил, как она улыбнулась, как стиснули руку ее пальцы, когда она перестала бороться за жизнь и выпустила из ладони мертвые розовые лепестки. Больше он ничего не помнил. Онемевшего от горя, его нашли возле тела сестры. Хоуленд Рид — тот, что из поселка на озере, — разнял их руки.

— Я ношу ей цветы, когда удается, — сказал Нед. — Лианна… любила цветы.

Король прикоснулся к изваянию, пальцы скользнули по грубому камню столь же мягко, как по живой плоти.

— Я поклялся убить Рейегара за то, что он сделал с ней.

— Ты и убил его, — напомнил ему Нед.

— Но только однажды, — с горечью отвечал Роберт. Это было так давно. Возле Трезубца они сошлись вместе, вокруг бушевала битва. Роберт при своем боевом молоте, в огромном рогатом шлеме напал на облаченного в черный панцирь таргариенского принца. На нагрудной пластине того был вычеканен знак дома — трехголовый

дракон, осыпанный рубинами, сверкавшими подобно пламени. Багряные воды Трезубца омывали копыта их боевых коней, они сходились снова и снова, и наконец последний сокрушительный удар молота Роберта разбил и дракона, и грудь под ним. Когда Нед наконец явился к месту событий, Рейегар уже лежал мертвым в потоке, а воины обеих армий копошились в грязи, разыскивая вылетевшие из панциря рубины.

— Мне снится, что я убиваю его, каждую ночь, — признался Роберт. — Но и тысячи смертей ему мало, он заслуживает большего.

На это Неду нечего было ответить. Помолчав, он сказал:

— Пора бы возвратиться, светлейший государь, ваша жена ждет.

— Чтоб Иные побрали мою жену, — кисло пробормотал Роберт, но направился назад, тяжело топая в темноте. — И если я еще раз услышу «светлейший», то велю насадить твою голову на пику. Мы слишком близки друг другу, чтобы пользоваться подобным титулом.

— Я этого не забыл, — проговорил тихо Нед. Молчание затянулось, и он попросил:

— Расскажи мне о Джоне…

Роберт покачал головой:

— Я никогда не видел, чтобы человек заболевал так внезапно. Мы устраивали турнир в честь именин моего сына. Если бы ты видел в этот день Джона, то поклялся бы, что ему суждена вечная жизнь. Две недели спустя он был уже мертв. Болезнь опалила его нутро. Она прожгла его насквозь. — Король остановился у колонны возле гробницы одного из давно усопших Старков. — Мне нравился этот старик.

— Мне тоже, — Нед помедлил мгновение. — Кейтилин боится за свою сестру. Как Лиза справляется с горем?

Рот Роберта горько скривился.

— Не слишком-то хорошо, если честно, — признался он. — По-моему, смерть Джона заставила ее свихнуться. Она увезла мальчишку в Орлиное Гнездо. Против моего желания. Я надеялся воспитать его у Тайвина Ланнистера на Бобровом утесе. У Джона нет братьев и сыновей. Неужели я могу допустить, чтобы его сына воспитывали женщины?

Нед скорее доверил бы дитя подколодной змеюге, чем лорду Тайвину, однако он оставил свое мнение невысказанным. Иногда старые раны не исцеляются до конца и вновь кровоточат при первом упоминании.

— Жена потеряла мужа, — тщательно выбирая слова, проговорил он. — Быть может, мать страшится потерять сына. Мальчик еще очень юн.

— Ему шесть, он хвор и к тому же лорд Орлиного Гнезда, да смилуются над ним боги. — Король помолчал немного и выругался. — Лорд Тайвин никогда не брал себе воспитанников. Лиза должна была чувствовать себя польщенной. Ланнистеры — весьма благородный дом, но она и слушать меня не стала, уехала среди ночи, даже не спросив разрешения. Серсея была в гневе. — Он глубоко вздохнул. — Мы с мальчиком тезки, или ты не знал этого? Его имя Роберт Аррен. Я поклялся защищать его. А как я могу сделать это, после того как собственная мать похитила Роберта?

— Я могу взять мальчика на воспитание, если ты хочешь, — сказал Нед. — Лиза согласится на это. Они с Кейтилин были в детстве близки, в Винтерфелле будут рады и ей.

— Благородное предложение, друг мой, — сказал король, — но, увы, запоздалое. Лорд Тайвин уже дал согласие. Он оскорбится, если я передам мальчика на воспитание в другое место.

— Меня более заботит благоденствие моего племянника, чем гордость Ланнистеров.

— Это ты говоришь потому, что тебе не при-

ходилось спать с представительницей их рода, — расхохотался Роберт, звук загрохотал между гробниц и несколько раз отразился от сводчатого потолка. Вспыхнула улыбка: в чащобе огромной черной бороды блеснули белые зубы. — Ах, Нед, — сказал король. — Ты по-прежнему слишком серьезен. — Он обнял тяжелой рукой плечи Неда. — Я намеревался поговорить с тобой через несколько дней, но теперь в этом нет нужды. Пойдем!

Они шли между колонн. Слепые каменные глаза, казалось, провожали их. Король не снимал свою руку с плеч Неда.

— Ты, конечно, не догадываешься о причине моего визита в Винтерфелл после столь долгого перерыва?

У Неда были некоторые подозрения на сей счет, однако он не стал говорить о них.

— Чтобы порадоваться моему обществу, — ответил он непринужденно. — Кроме того, нельзя забывать о Стене. Тебе надо бы посмотреть на нее, светлейший, пройтись поверху, поговорить с теми, кто защищает ее. Ночной Дозор стал тенью прежнего своего величия. Бенджен утверждает…

— Вне сомнения, я услышу слова твоего брата из его собственных уст и достаточно скоро,

— проговорил Роберт. — Сколько ж простояла Стена… восемь тысячелетий? Продержится еще несколько дней. У меня есть более насущные дела. Наступают трудные времена, мне нужны надежные люди. Люди, подобные Джону Аррену. Он служил мне как лорд Орлиного Гнезда, как Хранитель Востока, как десница короля. Джона трудно заменить.

— Но его сын… — начал Нед.

— Его сын унаследует Орлиное Гнездо со всеми доходами, — отвечал Роберт отрывисто, — и не более.

Ответ застал Неда врасплох. Он удивился, вздрогнул и начал поворачиваться к своему королю. Слова вылетели сами собой:

— Аррены всегда были Хранителями Востока, титул этот передается вместе с владением.

— Когда Роберт повзрослеет, честь эту можно будет возвратить его роду, — сказал король. — Я могу подумать об этом и сейчас, и в следующем году. Однако шестилетний мальчишка не способен возглавить войско.

— В мирные времена титул этот является просто почетным. Пусть мальчик унаследует его хотя бы в честь отца, если не ради него самого. Ты ведь в долгу перед Джоном за его службу.

Король был недоволен ответом. Он снял руку с плеча Неда.

— Джон был обязан служить своему сюзерену. Не считай меня неблагодарным, Нед. Тебе лучше всех известно, что это не так. Но сын — это далеко не отец, мальчику не удержать Восток. — Тут голос его смягчился. — Ну, довольно об этом. У меня есть и более важное дело, и я не стану спорить с тобой. — Роберт взял Неда за локоть. — Ты мне нужен.

— Я всегда к твоим услугам, светлейший. Всегда. — Нед чувствовал, что должен был сказать эти слова, и он произносил их, еще не зная, что услышит сейчас.

Роберт как будто бы не слышал его.

— Эти годы, которые мы провели в Орлином Гнезде… боги, это были добрые годы. Я хочу, чтобы ты вновь находился возле меня, Нед. Ты мне нужен в Королевской Гавани, а не здесь, на краю мира, где ты ничего не можешь сделать. — Роберт поглядел во тьму, на мгновение сделавшись столь же меланхоличным, как и Старк. — Клянусь тебе, усидеть на троне в тысячу раз труднее, чем завоевать его. Законы — скучное дело, считать медяки еще хуже, но, кроме того, есть еще люди… и им нет конца. Я сижу на этом

проклятом кресле, выслушиваю жалобы, пока ум мой не онемеет, а задница не разболится. Всем что-то нужно: деньги, земля или правосудие. Ну а враки, которые они рассказывают… Впрочем, мои лорды и леди ничем не лучше. Меня окружают льстецы и дураки. Нед, это может довести человека до безумия. Одна половина из них не смеет открыть мне истину, другая половина не способна найти ее. Бывают такие ночи, когда я жалею о том, что мы победили возле Трезубца. Ну не совсем, конечно, но…

— Понимаю, — негромко проговорил Нед.

Роберт поглядел на него.

— Может быть, и в самом деле понимаешь. Но если так, то лишь ты один, мой старый друг. — Он улыбнулся. — Лорд Эддард Старк, я собираюсь назвать тебя десницей короля.

Нед опустился на одно колено. Предложение не удивило его: по какой еще причине мог Роберт заехать в такую даль? Сан десницы в Семи Королевствах предоставлял вторую власть после самого короля. Он позволял говорить от лица короля, командовать королевским войском, добиваться исполнения королевских законов. Десница мог даже сесть на Железный трон, чтобы совершить правосудие, если король был болен,

отсутствовал или же не хотел заниматься делами. Роберт предлагал ему ответственность величиной во все королевство.

Самая непривлекательная перспектива.

— Светлейший государь, — отвечал он, — я не достоин этой чести.

Роберт застонал с добродушным нетерпением.

— Если бы я хотел оказать тебе честь, то отправил бы тебя в отставку. А я хочу, чтобы ты правил королевствами, воевал, позволив обжорству, пьянкам и распутству загнать меня в раннюю могилу. — Похлопав по своему чреву, король ухмыльнулся. — А знаешь, как говорят о короле и его деснице?

Пословицу Нед знал.

— Пока король спит, — отозвался он, — рука строит.

— Рыбачка, с которой я спал однажды, рассказала мне, как выражает эту мысль простонародье. Король ест, сказала она, а десница подтирает задницу. — Закинув назад голову, Роберт громогласно расхохотался. Эхо со звоном пронзило тьму, окружающие их покойники Винтерфелла, казалось, обратили к ним холодные неодобрительные взгляды. Наконец смех иссяк.

Нед все еще оставался на одном колене, подняв

глаза к королю.

— Проклятие, Нед, — пожаловался король. — Мог хотя бы порадовать меня улыбкой.

— Говорят, что здесь зимой бывает так холодно, что смех застывает в горле и душит человека насмерть, — невозмутимым голосом отвечал Нед. — Быть может, поэтому Старки не отличаются весельем.

— Отправляйся на юг вместе со мной, и я научу тебя смеяться, — пообещал король. — Ты помог мне завоевать этот проклятый трон, теперь помоги удержать. Мы должны были править вместе. Если бы Лианна не умерла, мы стали бы братьями, связанными любовью и кровью. Но и теперь еще не поздно. У меня есть сын. У тебя дочь. Мой Джофф и твоя Санса соединят наши дома, как хотели сделать это мы с Лианной.

А вот это предложение и в самом деле удивило Неда.

— Но ведь Сансе всего лишь одиннадцать.

Роберт нетерпеливо махнул рукой.

— Достаточно, чтобы просватать их. Ну а с браком можно подождать несколько лет. — Король улыбнулся. — А теперь вставай, проклятый, и говори — да.

— Ничто не доставит мне большего удоволь-

ствия, светлейший, — отвечал Нед, помедлив. — Но все эти почести настолько неожиданны… Можно ли мне подумать какое-то время? Мне надо рассказать жене…

— Да-да, конечно, разумеется. Расскажи Кейтилин. Выспись, если тебе нужно. — Король схватил Неда за руку и потянул с колен. — Только не заставляй меня ждать слишком долго. Я не самый терпеливый среди людей.

На миг Эддарда Старка переполнило жуткое предчувствие. Здесь было его место, здесь, на Севере. Он поглядел на каменные фигуры, окружавшие его, глубоко вздохнул. В холодном безмолвии крипты он чувствовал на себе взгляды мертвецов. Они все понимали, он знал это. И зима приближалась.

Джон

Не слишком часто, но случалось, что Джон Сноу радовался тому, что родился бастардом. Вновь наполняя свой кубок из шедшей по кругу ендовы, он подумал, что такое мгновение наступило.

Джон занял свое место на скамье между молодыми сквайрами и выпил. Сладкое летнее вино наполнило его рот вкусом плодов и вернуло улыбку на губы.

Под сводами просторного чертога Винтерфелла плавала дымка, пахло жареным мясом и свежевыпеченным хлебом. Серые каменные стены были увешаны знаменами: белыми, золотыми, алыми. Лютоволк Старков соседствовал с коронованным оленем Баратеонов и львом Ланнистеров. Аккомпанируя себе на звонкой арфе, певец выпевал слова баллады, но в этом конце зала его голос был едва слышен за ревом огня, стуком оловянных тарелок и чаш, громким говором сотен подвыпивших глоток.

Шел четвертый час приветственного пира в честь короля. Братья и сестры Джона сидели возле королевских детей рядом с помостом, на

котором лорд и леди Старк принимали короля и королеву. Ради подобной оказии лорд-отец, безусловно, разрешит каждому своему отпрыску выпить по бокалу вина, но не более. Здесь же, на скамье, никто не мог помешать Джону выпить столько, сколько требовала его жажда.

Джон обнаружил умение пить по-мужски, чем пробудил завистливое восхищение юнцов, поощрявших его всякий раз, когда он опустошал очередной кубок. Общество собралось приятное, и Джон наслаждался их россказнями о битвах, любви и охоте. Он не сомневался в том, что в этой компании было веселее, чем с королевскими отпрысками. Джон уже удовлетворил свое любопытство в отношении гостей, когда они выходили в зал. Процессия двигалась в каком-то футе от места, определенного ему на скамье, и Джон успел досыта наглядеться.

Его Лорд-отец шествовал первым, сопровождая королеву. Мужчины называли ее красавицей. Украшенная драгоценными камнями тиара сверкала на длинных золотых волосах, рубины подчеркивали зелень глаз. Отец помог ей подняться на ступени, подвел к сиденью, но королева даже не поглядела на него. В свои четырнадцать лет Джон уже смог разобраться в том, что прячет

ее улыбка.

Следующим шел король Роберт собственной персоной, об руку с леди Старк. Король весьма разочаровал Джона. Отец часто рассказывал о безупречном Роберте Баратеоне, демоне Трезубца, свирепейшем воине края, гиганте среди князей. Джон же увидел лишь толстяка, краснолицего, заросшего бородой, взмокшего под всеми шелками. Двигался он весьма неуклюже.

За ним шли дети. Первым — маленький Рикон, с тем достоинством, которое только может изобразить трехлетка. Джону пришлось поторопить его, когда братец остановился рядом. Позади малыша шел Робб в сером шерстяном облачении с белыми полосами по краю. Это были цвета Старков. Он провожал принцессу Мирцеллу, воздушное создание, еще не достигшее восьми лет. Золотые кудри ее весьма эффектно ниспадали из-под украшенной камнями сетчатой шапочки. Джон заметил, как застенчиво она поглядывает на Робба, проходя между столов, как смущенно улыбается брату. И решил, что она чересчур проста. А Робб даже не замечал, насколько она глупа. Он все время ухмылялся, как сельский дурень.

Сводные сестры Джона сопровождали кронпринцев. Арья выступала возле пухлого юного

Томмена, светлые волосы принца оказались длиннее, чем у нее. Санса, что была старше сестры на два года, шла возле кронпринца Джоффри Баратеона. Двенадцатилетний, он был младше Джона или Робба, но, к огромному разочарованию Джона, оба брата уступали в росте принцу. У Джоффри были такие же волосы, как и у сестры, и зеленые глаза матери. Густые светлые кудри ниспадали на золотой бант, закрывая стоячий бархатный воротник. Санса светилась, шествуя возле него, однако Джону не понравились надменные губы Джоффри и тот скучный разочарованный взгляд, которым он рассматривал великий чертог Винтерфелла.

Но более его интересовала пара, шествовавшая следом: братья королевы, Ланнистеры с Бобрового утеса. Лев и Бес, перепутать их было невозможно. Сир Джейме Ланнистер, близнец королевы Серсеи, высокий, золотой, с искрящимися зелеными глазами и улыбкой, резавшей, словно нож. Облаченный в алые шелка, черные высокие сапоги и черный атласный плащ. С груди его туники разевал пасть вышитый золотой нитью герб его дома. Джейме называли в лицо Львом Ланнистера, а за спиной шептали — Цареубийца.

Джон с трудом отвернулся от него. Вот таким и должен быть король, подумал он, провожая идущего красавца взглядом.

Потом он углядел второго брата, почти незаметного в тени. Тирион Ланнистер, самый младший из отпрысков лорда Тайвина и, бесспорно, самый уродливый. Тириону не досталось ничего из того, что боги уделили Серсее и Джейме. Карлик, едва ли не по пояс своему брату, он с трудом поспевал за ним на коротких ногах. Голова его была слишком велика для тела, под выпуклым лбом открывалось расплывшееся лицо уродца. Из-под прямых волос, светлых настолько, что они казались белыми, глядел зеленый глаз, рядом с ним поблескивал черный. Джон завороженно посмотрел на Беса.

Замыкая череду высоких лордов, вошли его дядя Бенджен Старк из Ночного Дозора и воспитанник отца, молодой Теон Грейджой. Проходя мимо, Бенджен одарил Джона теплой улыбкой. Теон же как бы не заметил его, но в этом не было ничего необыкновенного. Наконец все уселись, провозгласили тосты, ответили благодарностями и снова поблагодарили, и пир начался. Тогда Джон начал пить и с тех пор не останавливался. Что-то потерлось о его ногу под столом. Джон

заметил обращенные к нему красные глаза.

— Опять проголодался? — спросил он. На середине стола еще оставалась половинка цыпленка под медом, Джон потянулся, чтобы оторвать ножку, но придумал кое-что получше. И целиком подцепив птицу, между своих ног спустил тушку на пол. В дикарском молчании Призрак вцепился в мясо. Братьям и сестрам не разрешили взять своих волков на банкет, но псов набежало больше, чем Джон мог сосчитать. В дальней стороне зала никто не сказал ни одного укоризненного слова о его щенке. Джон попытался уверить себя в том, что ему снова повезло. Глаза его щипало. Джон яростно потер их, ругая дым. Выпив еще глоток вина, он посмотрел, как его лютоволк расправляется с цыпленком.

Следуя за служанками, между столами сновали псы. Одна из собак, черная дворовая сучонка с продолговатыми желтыми глазами, унюхала запах цыпленка. Она остановилась и полезла под скамью, чтобы получить свою долю. Джона это заинтересовало. Сука негромко заворчала и подвинулась ближе. Призрак безмолвно посмотрел на собаку красными глазами. Сука гневно зарычала. Она была в два раза больше волчонка, но тот не шевельнулся. Стоя над своей добычей,

он ощерился, обнажил клыки. Сука напряглась, вызывающе тявкнула, потом передумала, повернулась и исчезла между столов, еще раз тявкнув на прощание, чтобы сохранить достоинство. Призрак принялся за еду.

Джон ухмыльнулся, потянулся под стол, чтобы погладить косматый белый мех. Лютоволк поглядел на него, по-приятельски цапнул за руку и возвратился к еде.

— И это один из лютоволков, о которых я так много слыхал? — проговорил рядом знакомый голос.

Джон радостно поглядел на своего дядю Бена, положившего руку на его голову и взъерошившего волосы, как только что Джон ерошил шерсть волка.

— Да, — отвечал он. — Зовут его Призрак.

Один из сквайров прервал сбою непристойную историю, чтобы расчистить место у стола для брата их лорда. Бенджен Старк перешагнул через скамью длинными ногами и взял чашу с вином из руки Джона.

— Летнее вино, — сказал он, попробовав. — Какое сладкое. И сколько же чаш тебе уже досталось, Джон?

Тот только улыбнулся.

Бен Старк расхохотался.

— Этого я и опасался. Помнится, я был младше тебя, когда впервые искренне и честно напился. — Он подхватил с ближайшего блюда зажаренную луковицу, источавшую бурый сок, и с хрустом впился в нее зубами.

Лицо дяди напоминало острый горный утес, но в серо-голубых глазах всегда проглядывал смех. Бенджен Старк был одет в черное, как и подобает тому, кто служит в Ночном Дозоре. Сегодня он предпочел богатый черный бархат, высокие кожаные сапоги и широкий пояс с серебряной пряжкой. Тяжелая серебряная цепь лежала на его шее. Доедая луковицу, Бенджен с удивлением посмотрел на Призрака.

— Очень спокойный волк, — заметил он.

— Этот не такой, как остальные, — сказал Джон. — Он всегда молчит, поэтому я и назвал его Призраком. Но еще и потому, что он белый. Все остальные темные: серые или черные.

— Ну, за Стеной лютоволков еще хватает. Мы слышим их вой во время вылазок. — Бенджен пристально поглядел на Джона. — Разве ты обычно ешь не вместе со своими братьями?

— Обычно да, — отвечал Джон ровным голосом, — но сегодня леди Старк решила, что королев-

ская семья посчитает оскорблением общество бастарда.

— Понимаю. — Взгляд дяди обратился за спину Джона к возвышению в конце зала. — Что-то на лице моего брата сегодня не видно праздничного настроения.

Джон тоже разглядел это. Бастарду приходится все замечать, учиться читать истину, которую люди прячут за своими глазами. Отец держался учтиво, однако в нем чувствовалась напряженность, которой обычно не было. Лорд Старк ел немного и оглядывал зал полуприкрытыми глазами, словно ничего не видя. Король же, сидевший через два места от него, пил и ел вовсю. Широкое лицо его побагровело под черной бородой. Король уже провозгласил достаточное количество тостов, громко смеялся всем шуткам и атаковал каждое блюдо, словно изголодавшийся. Но королева казалась рядом с ним холодной, как ледяная статуэтка.

— Королева тоже сердита, — негромко проговорил Джон своему дяде. — Отец вчера вечером водил короля вниз. Королева не хотела этого.

Бенджен посмотрел на Джона долгим взвешивающим взглядом.

— Итак, Джон, ты многое замечаешь? Такому

человеку найдется место на Стене.

Джон раздулся от гордости.

— Робб лучше владеет копьем, но я лучше фехтую, а Халлен говорит, что лучше меня в нашем замке никто не сидит на коне.

— Заметные достижения.

— Возьми меня с собой, когда будешь возвращаться на Стену, — вдруг выпалил Джон. — Отец разрешит мне, если ты попросишь, я знаю это.

Дядя Бен внимательно оглядел его лицо.

— Мальчикам на Стене не место, Джон.

— Но я почти уже вырос, — запротестовал Джон. — В следующие именины мне исполнится пятнадцать, а мейстер Лювин говорит, что бастарды растут быстрее, чем обычные дети.

— Наверное, — чуть скривился Бенджен. Он взял со стола чашу Джона, наполнил ее из ближайшего кувшина и выпил единым долгим глотком.

— Дейерену Таргариену было только четырнадцать, когда он покорил Дорн, — напомнил Джон. Юный Дракон был одним из его героев.

— На покорение ушло целое лето, — напомнил ему дядя. — Твой мальчишка-король потерял десять тысяч людей, чтобы захватить королевство, и еще пятьдесят тысяч, пытаясь удержать

его. Кто-то должен был объяснить ему, что война — это не игра. — Он выпил еще вина. — Кстати, — проговорил он, вытирая рот, — Дейерену Таргариену было всего лишь восемнадцать, когда он погиб. Или ты забыл об этом?

— Я ничего не забываю, — похвастал Джон. Вино наделило его отвагой. Он попытался выпрямиться на скамье, чтобы показаться выше. — Я хочу служить в Ночном Дозоре, дядя.

Он давно и упорно думал об этом по ночам, когда братья уже засыпали. Когда-нибудь Робб унаследует Винтерфелл и как Хранитель Севера возглавит великое войско. Бран и Рикон будут знаменосцами Робба, им суждено править крепостями от лица брата.

Сестры Арья и Санса выйдут замуж за наследников других великих домов и отправятся на юг хозяйничать в собственных замках. Но какое место может достаться бастарду?

— Ты не знаешь, чего просишь, Джон. Ночной Дозор — это братство, которому присягают. У нас нет семей. Никто из нас не может родить сына. Долг — вот наша жена. А любовница — честь.

— Честь есть и у бастарда, — проговорил Джон. — Я уже готов принести вашу клятву.

— Ты мальчик, тебе еще четырнадцать, — про-

говорил Бенджен. — Ты еще не мужчина. Пока ты не познаешь женщину, не поймешь, от чего отказываешься.

— Я не хочу даже думать об этом! — с пылом проговорил Джон.

— Захочешь, когда узнаешь, что это такое, — сказал Бенджен. — Если бы ты знал, чего стоит плата, то, возможно, не стал бы торопиться с клятвой, сынок.

Джон ощутил, как в нем вспыхнул гнев.

— Я тебе не сынок!

Бенджен Старк поднялся.

— Вот это и жалко. — Он положил ладонь на плечо Джона. — Обратишься ко мне, когда заведешь собственных бастардов, посмотрим, как ты тогда запоешь.

Джон задрожал.

— Я никогда не буду отцом бастарда. Никогда! — подчеркнул он, словно выплеснул яд.

И вдруг понял, что все за столом умолкли и глядят на него. Джон почувствовал, как слезы начинают наполнять глаза. Он поднялся на ноги.

— Прости, — сказал он, собрав остатки достоинства, и, резко повернувшись, бросился прочь, чтобы вокруг не заметили его слез. Наверное, он выпил больше вина, чем полагал: ноги подвели

Джона, он столкнулся со служанкой, опрокинул кувшин вина на пол. Вокруг загремел смех, и Джон ощутил на щеках жаркие слезы. Кто-то попытался поддержать его. Он вырвался из услужливых рук и, полуслепой, бросился к двери.

Призрак последовал за ним в ночь.

Во дворе было тихо и пусто. Одинокий часовой застыл высоко на внутренней стене, плотно кутаясь в плащ, закрывавший его от ветра. Скучный и несчастный, он горбился там в одиночестве, но Джон охотно поменялся бы с ним местами. Но в остальном замок казался темным и брошенным. Джону уже приходилось видеть заброшенную крепость, скучные стены, среди которых шевелился лишь ветер. Камни молчали о людях, которые жили там. Ныне Винтерфелл напоминал ту твердыню. Звуки музыки и песни сквозь открытые окна тянулись за ним. Но Джону не хотелось веселья. Он стер слезы рукавом рубашки, жалея о том, что пролил их, и собрался уйти.

— Мальчик, — позвал его голос. Джон обернулся. Тирион Ланнистер сидел на карнизе над дверью великого чертога, напоминая горгулью. Карлик ухмыльнулся. — Это животное называется волком?

— Лютоволком, — отвечал Джон. — Его зовут

Призрак. — Он поглядел на невысокого человека, разом забыв свое разочарование. — А что ты делаешь наверху? Почему ты не присутствуешь на пиру?

— Там слишком жарко, слишком шумно, и я уже выпил слишком много вина, — поведал карлик. — Я уже давно понял, что блевать на собственного брата неучтиво. Скажи, а можно посмотреть поближе на твоего волка?

Поколебавшись, Джон кивнул:

— Ты сумеешь спуститься или мне принести лестницу?

— О, к чертям лестницы, — отвечал человечек, отрываясь от карниза. Джон охнул, а потом с уважением проследил, как Тирион Ланнистер свернулся в тугой комок, легко приземлился на руки, потом сделал сальто и встал на ноги. Призрак в нерешительности отскочил в сторону.

Отряхнувшись, карлик рассмеялся:

— По-моему, я испугал твоего волчонка. Прошу прощения.

— Он не испуган, — отвечал Джон и, согнувшись, позвал: — Призрак, иди сюда. Иди сюда. Вот так.

Волчонок подошел ближе, ткнулся носом в лицо Джона, приглядывая осторожным глазом за

Тирионом Ланнистером, но когда карлик протянул руку, чтобы погладить его, отодвинулся и с безмолвной угрозой обнажил клыки.

— Боится, правда? — заметил Ланнистер.

— Сидеть, Призрак! — скомандовал Джон. — Вот так. Сиди смирно. — Он поглядел на карлика. — Теперь ты можешь прикоснуться к волку, он не пошевелится, пока я не прикажу ему. Я учу его.

— Понимаю, — проговорил Ланнистер. Погладив белую шерсть между ушами Призрака, он сказал: — Хороший волк.

— Если бы меня не было рядом, он разорвал бы тебе глотку, — сказал Джон. Пока дело обстояло не совсем так, но все еще впереди…

— В таком случае лучше держись поближе, — проговорил карлик. Он нагнул свою слишком крупную голову набок и поглядел на Джона разными глазами. — Я — Тирион Ланнистер.

— Я знаю это, — проговорил Джон распрямляясь. Ростом он был выше карлика… странное ощущение.

— А ты — бастард Неда Старка, так?

Джон ощутил, как холод пробежал по нему. Стиснув зубы, он ничего не ответил.

— Я обидел тебя? — спросил Ланнистер. — Прости, карликам не обязательно соблюдать такт.

Поколения шутов и дураков дают мне право скверно одеваться и высказывать все, что приходит в голову. — Он ухмыльнулся. — Но ты и есть бастард.

— Лорд Эддард Старк — мой отец, — жестко признался Джон. Ланнистер поглядел ему в лицо.

— Да, — сказал он, — это видно. В тебе больше севера, чем в твоих братьях.

— Сводных братьях, — поправил Джон. Слова карлика были приятны ему, но он попытался не показать этого.

— Позволь мне дать тебе кое-какой совет, бастард, — сказал Ланнистер. — Никогда не забывай, кто ты такой, ведь мир, конечно, этого не забудет. Сделай происхождение своей силой. Не допускай, чтобы оно превратилось в слабость. Облачись в это, словно в броню, и тогда никто не сможет ранить тебя.

Джону было не до советов.

— Ну что ты знаешь о том, как чувствуют себя бастарды?

— Любой карлик — бастард в глазах собственного отца.

— Но ты законный сын своей матери, истинный Ланнистер.

— Неужели? — с иронией отвечал карлик. —

Скажи это моему лорду-отцу. Моя мать умерла, рожая меня, и он никогда не испытывал уверенности в этом.

— А я даже не знаю своей матери, — проговорил Джон.

— Вне сомнения, она была женщиной. Как и все они. — Он одарил Джона скорбной улыбкой. — Запомни это, мальчик. Всякого карлика можно считать бастардом, но бастарду не обязательно быть карликом! — Тут он повернулся и направился в замок на пир, насвистывая расхожую мелодию. Когда Тирион открыл дверь, свет бросил длинную тень на двор, и какое-то мгновение Бес Ланнистер казался высоким, словно король.

Кейтилин

Палаты Кейтилин были жарче всех помещений великого замка Винтерфелл. Ей редко приходилось зажигать здесь очаг. Замок был возведен на естественных горячих источниках, и обжигающая вода бежала внутри стен его покоев, словно кровь в человеческом теле, прогоняя холод из каменных залов, наполняя стеклянные сады влажным теплом, храня землю от замерзания. В дюжине небольших двориков день и ночь курились открытые пруды. Для лета — немного, для зимы же — грань между жизнью и смертью.

Ванна Кейтилин всегда парила, и ладонь ее прикасалась к теплой стене; тепло напоминало ей о Риверране, о днях, проведенных под солнцем с Лизой и Эдмаром. Но Нед не переносил жары. Старки созданы для холода, говаривал он ей; на это она обычно со смехом отвечала, что в таком случае они, безусловно, построили свой замок не на том месте.

Нед поцеловал жену и выбрался из постели, как делал уже тысячу раз. Он пересек комнату, отодвинул тяжелые занавеси и по одному открыл

высокие узкие окна, впуская в палату ночной воздух. Ветер кружил вокруг него, обратившегося лицом во тьму, — обнаженного и с пустыми руками. Натянув меха до подбородка, Кейтилин следила за ним. Нед казался ей почему-то каким-то ранимым и невысоким — похожим на того юношу, с которым она обвенчалась в септе Риверрана пятнадцать долгих лет назад. Тело ее все еще ныло после его ретивой любви. Добрая боль. Она ощущала в себе его семя. И помолилась, чтобы оно прижилось. Прошло уже три года после рождения Рикона, а она еще не слишком стара и может родить мужу еще одного сына.

— Я откажу ему, — проговорил Нед, поворачиваясь. В глазах его была тоска, в голосе сомнение.

Кейтилин села на постели.

— Ты не можешь этого сделать и не должен.

— Мои обязанности здесь, на Севере. Я не хочу быть десницей Роберта.

— Он этого не поймет. Теперь он король, а короли не похожи на простых людей. Если ты откажешься служить ему, он станет интересоваться причинами и рано или поздно решит, что ты втайне замышляешь какой-нибудь заговор. Неужели ты не видишь опасности, в которой мы тогда окажемся?

Не желая верить, Нед покачал головой:

— Роберт никогда не станет вредить мне или моей семье. Мы с ним ближе чем братья. Он любит меня. Если я откажу ему, он будет реветь, ругаться, но через неделю мы вместе посмеемся над ссорой. Я знаю этого человека!

— Ты знал человека, — проговорила она. — А король тебе не знаком. — Кейтилин вспомнила мертвую лютоволчицу в снегу, сломанный рог, глубоко застрявший в ее горле. Следует доказать мужу свою правоту. — Гордость — главное для короля, милорд. Роберт проделал весь этот долгий путь, чтобы оказать тебе великую честь, и ты не можешь отказать ему.

— Честь? — с горечью рассмеялся Нед.

— В его глазах — да, — отвечала она.

— А в твоих?

— И в моих! — вспылила она. И как это он не понимает? — Король предлагает женить своего сына на нашей дочери, как иначе назвать это предложение? Когда-нибудь Санса сможет стать королевой. И ее сыновья будут править от Стены и до Дорнских гор. Что здесь плохого?

— Боже, Кейтилин, Сансе всего лишь одиннадцать, — проговорил Нед. — Джоффи… Джоффи просто…

Она договорила за него:

— …кронпринц и наследник престола. А мне было всего двенадцать, когда отец обещал меня твоему брату Брандону.

Рот Неда с горечью изогнулся.

— Брандон. Да. Брандон знал, как поступить. Он всегда знал, что делать. Все это было предназначено для Брандона. И ты, и Винтерфелл, и все на свете. Он-то и был рожден, чтобы стать десницей короля и отцом королевы. Я никогда не просил, чтобы эта чаша досталась мне.

— Возможно, — проговорила Кейтилин, — но Брандон мертв, и чаша в твоих руках. Ты должен испить ее, хочешь этого или нет.

Нед отвернулся от нее и уставился в окно. Он поглядел во тьму, на луну и на звезды, даже на часовых на стене. Кейтилин успокоилась, она понимала его боль. Как требовал обычай, Эддард Старк женился на ней вместо брата. Но тень мертвого брата по-прежнему разделяла их, как и другая тень, — женщины, имени которой она не знала, женщины, которая родила ему незаконнорожденного сына.

Кейтилин уже собиралась направиться к мужу, когда в дверь постучали, громко и неожиданно. Нед повернулся и нахмурился.

— Что там еще?

За дверью послышался голос Десмонда:

— Милорд, здесь мейстер Лювин, он просит срочной аудиенции.

— Ты сказал ему, что я велел не тревожить меня?

— Да, милорд. Он настаивает.

— Хорошо. Пусть войдет.

Нед направился к гардеробу и надел тяжелый халат. Кейтилин вдруг поняла, насколько холодно стало вокруг. Она села в постели и натянула меха до подбородка.

— Не закрыть ли окна? — предложила она.

Нед рассеянно кивнул. В дверях показался мейстер Лювин.

Невысокий мейстер воплощал собой геральдический цвет Старков — серый: глаза его были серыми и быстрыми и многое замечали, тот остаток волос, который оставили ему годы, сделался серым от седины. И конечно же, отороченное белым мехом одеяние его было сшито из серой шерсти. В огромных просторных рукавах были устроены карманы. Лювин всегда все заталкивал в эти рукава, а извлекал из них что-нибудь другое: послания, странные вещи, игрушки для детей. Зная об этих запасах, Кейтилин всегда удивля-

лась, как мейстер вообще мог поднимать руки.

Лювин дождался, пока дверь закрылась за ним, и только тогда заговорил:

— Милорд, прошу прощения за то, что потревожил вас, но мне передали послание.

Нед отвечал не без раздражения:

— Передали послание? Кто? Разве приехал гонец? Мне ничего не сказали.

— Гонца не было, милорд, но пока я спал, на столе в моей обсерватории кто-то оставил резную деревянную шкатулку. Мои слуги никого не заметили, но вещицу, должно быть, принес кто-то из королевской дружины. У нас нет никаких других гостей с юга.

— Деревянная шкатулка, ты говоришь? — переспросила Кейтилин.

— Внутри оказалось несколько новых линз для обсерватории, сделанных, судя по всему, в Мире. Тамошние оптики не имеют себе равных.

Нед нахмурился. Кейтилин знала, что на подобные вещи у него не хватало терпения.

— Линзы, — проговорил он. — Какое отношение они имеют ко мне?

— Я задал себе тот же вопрос, — проговорил мейстер Лювин. — И решил, что в этом ларце скрыто нечто большее.

Кейтилин поежилась под тяжестью мехов.

— Линза — это предмет, помогающий нам видеть.

— Воистину это так. — Мейстер теребил пальцами наплечье, подобающее его ордену. Тяжелую цепь он носил под одеждой на шее, каждое колечко ее было выковано из другого металла.

Кейтилин вновь ощутила, как ужас зашевелился внутри ее.

— Так что же мы должны видеть более ясно?

— Об этом я спросил себя самого. — Мейстер Ювин извлек из рукава туго скатанную бумажку. — Истинное послание обнаружилось под дном, когда я разобрал шкатулку, в которой прибыли линзы, но оно предназначено не для моих глаз.

Нед протянул руку:

— Тогда дай письмо мне.

Ювин не пошевелился.

— Прошу прощения, милорд. Письмо направлено не мне и не вам. Оно адресовано леди Кейтилин, и только ей одной. Можно ли мне приблизиться?

Кейтилин кивнула, не заставив себя заговорить. Мейстер положил бумажку на стол возле постели. Она была запечатана небольшой нашлепкой из синего воска. Ювин поклонился и

начал отступать.

— Останься, — приказал Нед суровым голосом. Он поглядел на Кейтилин. — Что это такое? Миледи, ты дрожишь.

— Я боюсь, — призналась Кейтилин. Протянув руку, она нащупала письмо. Меха упали, но женщина и не вспомнила о своей наготе. На синем воске была оттиснута печать дома Арренов — луна и сокол.

— Это от Лизы. — Кейтилин поглядела на мужа. — Письмо не принесет нам радости. Я чувствую в нем горе, Нед. Я ощущаю это.

Нед нахмурился, лицо его потемнело.

— Распечатывай.

Кейтилин сломала печать.

Глаза ее пробежали несколько строк. Буквы не складывались в осмысленные слова. А потом она вспомнила:

— Лиза не рисковала. Девочками мы придумали свой собственный язык.

— А ты можешь прочитать?

— Да, — согласилась Кейтилин.

— Тогда говори.

— Быть может, мне лучше уйти? — сказал мейстер Лювин.

— Нет, — отвечала Кейтилин. — Нам потребу-

ется твой совет. — Откинув меха, она выбралась из постели. Ночной воздух холодным могильным прикосновением натянул ее кожу, пока она перебежала по комнате. Мейстер Лювин отвернулся. Даже Неда покоробило.

— Что ты делаешь? — возмутился он.

— Зажигаю огонь, — ответила ему Кейтилин. Она отыскала халат и, надев его, склонилась над холодным очагом.

— Но здесь мейстер Лювин… — начал Нед.

— Мейстер Лювин принимал все мои роды, — сказала Кейтилин. — Сейчас не время для ложной скромности. — Она положила бумажку в очаг и придавила сверху поленьями. Нед подошел к ней и поднял на ноги. Лицо его оказалось буквально в дюйме от ее лица.

— Миледи, скажи мне, что здесь написано?

Кейтилин напряглась.

— Предупреждение, — негромко ответила она, — для тех, у кого хватает ума прислушаться.

Глаза Неда обратились к ее лицу.

— Продолжай.

— Лиза сообщает, что Джона Аррена убили.

Пальцы мужа напряглись на ее руке.

— Кто?

— Ланнистеры, — сказала Кейтилин. — Коро-

лева.

Нед выпустил ее руку. На коже остались темные отметины.

— Боги, — пробормотал он хриплым голосом, — твоя сестра обезумела от горя. Она не знает, что говорит.

— Она знает, — проговорила Кейтилин. — Лиза порывиста, но это послание было тщательно спланировано и умно спрятано. Она знала, что бумажка эта грозит ей смертью, если письмо попадет не в те руки. Чтобы так рисковать, она должна располагать более чем подозрениями. Теперь у нас действительно нет выхода. Ты должен стать десницей Роберта. Тебе придется отправиться на юг и узнать истину.

Кейтилин поглядела на мужа и сразу же поняла, что Нед пришел к противоположному выводу.

— Единственная известная мне правда находится здесь. А Юг — это гадючье гнездо, от которого лучше держаться подальше.

Любин поправил цепь, прищемившую кожу на горле, и поклонился:

— Десница короля обладает великой властью, милорд. Лорд-десница способен узнать правду о смерти лорда Аррена и предать убийцу королевскому правосудию, способен защитить леди

Аррен и ее сына, если верным окажется худшее.

Нед беспомощно оглядел опочивальню. Сердце Кейтилин рвалось к нему, но она понимала, что рано еще обнимать мужа. Сперва нужно добиться победы — ради ее детей.

— Ты говоришь, что любишь Роберта как брата. Неужели ты можешь оставить своего брата в окружении Ланнистеров?

— Чтобы Иные побрали вас обоих, — мрачно буркнул Нед. Он отвернулся от них и подошел к окну. Кейтилин выжидала, молчал и мейстер. А Эддард Старк молча прощался с любимым домом. Он отвернулся от окна, лицо разом сделалось усталым и угрюмым, в уголках глаз поблескивала влага. — Отец мой однажды отправился на юг, отвечая на призыв короля. Но так и не вернулся домой.

— Другие времена, — ответил мейстер Лювин, — другой король.

— Да, — мрачно отозвался Нед, опускаясь в кресло возле очага. — Кейтилин, тебе придется остаться в Винтерфелле.

Слова эти холодным ветром пронзили ее сердце.

— Нет, — сказала Кейтилин с внезапным испугом. Неужели таким будет ее наказание? Никогда

не увидеть его лица, не ощутить прикосновения к телу его рук.

— Да, — отвечал Нед голосом, не допускающим возражений. — Ты будешь править Севером вместо меня, пока я исполняю поручения Роберта. В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк. Роббу только четырнадцать. Скоро он вырастет, а меня не окажется рядом. Пусть он участвует в твоих советах. Робб должен быть хорошо подготовлен к правлению, когда придет его время.

— Да будет воля богов, чтобы это случилось не слишком скоро, — проговорил мейстер Лювин.

— Мейстер Лювин, я доверяю вам как родичу. Помогайте моей жене советом во всех делах, великих и малых. Научите моего сына тому, что он должен знать. Зима близко.

Мейстер Лювин серьезно кивнул. Потом наступило молчание, наконец Кейтилин, набравшись отваги, задала вопрос, которого боялась более всего:

— А что будет с остальными детьми?

Нед поднялся и обнял ее, коснувшись щекой щеки.

— Рикон очень мал, — ответил он мягко, — и он останется здесь вместе с тобой и Роббом. Остальных я возьму с собой.

— Я не перенесу разлуки, — сказала Кейтилин дрожа.

— Придется перенести, — отвечал он. — Санса должна выйти за Джоффри. Теперь это ясно; мы не можем предоставить королю повод для сомнений в нашей преданности. К тому же пора и Арье познакомиться с обычаями южного двора, через несколько лет она тоже войдет в брачный возраст.

Санса будет блистать на Юге, подумала про себя Кейтилин, и видят боги, что Арья нуждается в воспитании. Неохотно она отпустила их в своем сердце. Но не Брана. Только не Брана.

— Да, — сказала она, — но пожалуйста, ради нашей любви, пусть Бран останется в Винтерфелле, ему только семь.

— Мне было семь, когда мой отец послал меня приемышем в Орлиное Гнездо, — сказал Нед. — Сир Родрик говорит, что Робб и принц Джоффри не ладят. Это плохо. Бран может помочь сгладить сложности… Он обаятельный мальчишка, смешливый, легко влюбляющийся. Пусть вырастет вместе с молодыми принцами, подружится с ними, как я с Робертом. Это выгодно нашему дому.

Нед прав, Кейтилин это знала. Но боль от этого не становилась меньше. Она потеряет сразу чет-

верых: Неда, обеих дочерей и милого, любящего Брана; только Робб и маленький Рикон останутся с ней. Ей вдруг сделалось одиноко в таком огромном замке.

— Тогда держи его подальше от стен, — отважно промолвила она. — Знаешь, как Бран любит лазать.

Нед поцелуями снял слезы с ее глаз, прежде чем они успели упасть.

— Спасибо тебе, миледи, — отвечал он. — Я знаю, что тебе тяжело решиться на это.

— А как насчет Джона Сноу, милорд? — спросил мейстер Лювин.

Кейтилин напряглась, услыхав это имя. Нед ощутил в ней гнев и отодвинулся. Бастарды рождались у многих. Кейтилин уже успела привыкнуть к этому. В первые годы их брака она без удивления узнала, что у Неда есть сын от какой-то девушки, случайно встреченной в военном походе. В конце концов он — мужчина, а они проводили тот год в разлуке. Нед воевал на юге, она оставалась в безопасном замке своего отца в Ривердане. Тогда она думала больше о Роббе, младенце возле ее груди, чем о муже, которого едва успела узнать. Нед имел право на любую утеху, которую мог отыскать среди битв. А раз се-

мя его укоренилось, она полагала, что он должен приглядеть за ребенком.

Но он сделал большее: Старки не были похожи на обычных людей. Нед взял своего бастарда домой и звал его сыном на глазах всего Севера. И когда война наконец окончилась и Кейтилин переехала в Винтерфелл, Джон вместе с его няней уже находился там.

Она восприняла это болезненно. Нед не говорил о матери ребенка ни слова, а в замке не было секретов, и Кейтилин услышала, как служанки повторяют рассказы солдат. Они шептали о сире Эртуре Дейне, Мече Зари, самом искусном воине из семи рыцарей королевской стражи Эйериса, и о том, как их молодой лорд сразил его в поединке. Они рассказывали, как потом Нед повез меч сира Эртура к прекрасной и юной сестре сраженного рыцаря, леди Эшаре Дейн, высокой и светловолосой, с очаровательными фиолетовыми глазами, ожидавшей своей судьбы в замке, именуемом Звездопадом, что стоит на берегах Летнего моря.

Потребовалось две недели, чтобы она набралась храбрости, но наконец однажды ночью Кейтилин спросила своего мужа о ней, спросила прямо в лицо. В тот единственный раз за все прошедшие годы Нед испугал ее.

— Никогда не спрашивай меня о матери Джона, — отвечал он голосом холодным как лед. — Джон от моей крови, и большего тебе знать не нужно. А теперь я хочу выяснить, где моя госпожа узнала это имя.

Ей пришлось повиноваться, она все рассказала, и с этого дня все сплетни прекратились, а имя Эшары Дейн никогда более не упоминалось в Винтерфелле.

Кем бы ни была мать Джона, Нед, наверное, пылко любил ее, потому что никакие уговоры Кейтилин не могли заставить его отослать мальчика. Лишь этого она не могла простить ему. Кейтилин научилась любить мужа всем сердцем, но так и не сумела заставить себя полюбить Джона. Ради любви к Неду она стерпела бы и дюжину бастардов, если бы только их не было на глазах, но Джон никогда не отлучался из замка, и вырастая, он становился похожим на Неда больше, чем любой из его законных сыновей, что лишь ухудшало положение дел.

— Джон должен уехать, — сказала она.

— Они с Роббом дружат, — проговорил Нед. — Я надеялся…

— Он не может оставаться в Винтерфелле, — обрезала его Кейтилин. — Он твой сын, а не мой. Я

не потерплю его здесь. — Жестоко, она понимала это, но ничего изменить не могла. Нед не обрадует парня, оставив его в Винтерфелле.

Муж отвечал ей раненым взором.

— Ты знаешь, я не могу взять его на юг. Для него нет места при дворе. Мальчишка — бастард… ты знаешь, что будут о нем говорить. Его заклюют.

Кейтилин решила не уступать мужу, несмотря на его просящий взгляд.

— Говорят, что твой приятель Роберт сам является отцом дюжины бастардов.

— И никого из них не видели при дворе! — вспыхнул Нед. — Ланнистерша позаботилась об этом. Как ты можешь быть настолько жестокой, Кейтилин? Это всего лишь мальчишка. И он…

Ярость накатила на него. Он сказал бы и худшее, но вмешался мейстер Лювин.

— Возможно другое решение, — проговорил он спокойным голосом. — Несколько дней назад ваш брат Бенджен явился ко мне с разговором о Джоне. Похоже, мальчика тянет к Черным Братьям.

Нед казался потрясенным.

— Он захотел вступить в Ночной Дозор?!

Кейтилин отошла к окну. Пусть Нед все обдумает, сейчас ей лучше промолчать. И все же она

охотно бы расцеловала мейстера за идеальное решение. Бенджен Старк принес братскую присягу. Джон будет сыном ему, ребенком, которого у него иначе никогда бы не было. Со временем мальчик и сам даст обет. У него не будет сыновей, которые когда-нибудь смогут оспорить право внуков Кейтилин на Винтерфелл.

Мейстер Лювин сказал:

— Служить на Стене — великая честь, милорд.

— И даже бастард может высоко подняться в Ночном Дозоре, — заметил Нед. И все же в голосе его слышалась тревога. — Но Джон так молод. Если бы он попросил об этом в более зрелом возрасте, это было бы другое дело, но в четырнадцать лет…

— Суровая жертва, — согласился мейстер Лювин. — Но жестоки и времена, милорд. Его дорога не будет горше пути, что ждет вас и госпожу.

Кейтилин подумала о тех детях, которых ей предстоит потерять. Смолчать было нелегко.

Нед отвернулся от окна, и лицо его помрачнело. Пройдя несколько шагов, он повернул назад:

— Очень хорошо, — обратился он к мейстеру Лювину. — Наверное, так будет лучше. Я переговорю с Беном.

— А когда мы скажем Джону? — спросил мей-

стер.

— Когда это потребуется. Пока нужно сделать приготовления. Возможно, пройдет пара недель, прежде чем мы сумеем подготовиться к дороге. Пусть Джон порадуется этим последним дням. Лето скоро закончится, а с ним и его детство. Когда придет зима, я сам скажу ему.

Арья

Стежки под рукой Арьи вновь вышли кривыми. Бросив на них хмурый и недовольный взгляд, она поглядела на сестру, окруженную девушками. Санса великолепно владела иглой. Так говорили все.

— Шитье Сансы столь же красиво, как и она сама, — сказала однажды септа Мордейн их леди-матери. — У нее такие деликатные руки. — А когда леди Кейтилин спросила об Арье, септа фыркнула: — А у Арьи руки кузнеца.

Арья повела взглядом по комнате, опасаясь, что септа Мордейн прочтет ее мысли, но септа не уделяла ей сегодня внимания. Она сидела возле принцессы Мирцеллы, выражая улыбкой восторг. Септам нечасто удается поучить женскому делу принцесс королевской крови, сказала она, когда королева привела к ним Мирцеллу. На взгляд Арьи, стежки принцессы тоже казались чуточку кривоватыми, но по воркованию септы Мордейн этого никак нельзя было определить. Арья вновь оглядела собственную работу, пытаясь найти способ исправить ее, а потом вздохнула, опустила

иглу и мрачно уставилась на сестру. Санса весело трещала за работой. Бет Кассель, младшая дочь сира Родрика, сидела возле ее ног, прислушиваясь к каждому слову, Джейни Пуль, склонившись, что-то шептала ей на ухо.

— О чем вы говорите? — вдруг спросила Арья.

Джейни удивленно поглядела на нее и хихикнула. Санса смутилась. Бет покраснела. Никто не ответил.

— Скажите же, — проговорила Арья.

Джейни оглянулась, чтобы убедиться в том, что септа Мордейн не слушает. Мирцелла как раз что-то кончила рассказывать, и септа рассмеялась вместе со всеми остальными дамами.

— Мы говорили о принце, — ответила Санса голосом мягким, как поцелуй. Арья знала, о каком из принцев шла речь: конечно же, о Джоффри, высоком и красивом. Санса сидела рядом с ним на пиру. Ей же, Арье, пришлось сидеть с пухлым малышом. Вполне естественно.

— Твоя сестра понравилась Джоффри, — прошептала Джейни с гордостью, словно от нее что-то зависело. Она была дочерью стюарда Винтерфелла и самой близкой подругой Сансы. — Он сказал ей, что она прекрасна.

— Он собирается жениться на ней, — сонным

голосом объявила кроха Бет, обхватив себя руками. — Тогда Санса сделается королевой.

Санса изящно покраснела. Краснела она всегда удивительно мило. Она все делает мило, с тупой укоризной подумала Арья.

— Бет, тебе не следует сочинять такие сказки, — поправила Санса младшую, ласково погладив ее по голове, чтобы лишить резкости собственные слова. Она поглядела на Арью. — А что ты думаешь о принце Джоффри, сестра? Он очень галантен, тебе не кажется?

— Джон говорит, что он очень похож на девочку, — сказала Арья.

Санса вздохнула, не прекращая шитья.

— Бедный Джон, — сказала она. — Он ревнует потому, что он бастард.

— Он наш брат, — сказала Арья слишком уж громко. Голос ее прорезал полдневный покой горницы наверху башни.

Септа Мордейн подняла глаза. Костлявое лицо, острые глаза и тонкие губы как будто специально были созданы для того, чтобы укорять. Рот ее уже кривился.

— И о чем же вы разговариваете, девочки?

— О нашем сводном брате, — поправилась Санса, мягко и точно. Она улыбнулась септе: — Мы с

Арьей как раз говорили, что нам приятно шить сегодня в обществе принцессы.

Септа Мордейн кивнула:

— Действительно. Это великая честь для всех нас. — Принцесса Мирцелла неуверенно улыбнулась комплименту. — Арья, почему ты не шьешь? — зашелестев накрахмаленными юбками, спросила септа и, встав на ноги, направилась через всю комнату. — Покажи-ка мне свою работу?

Арье хотелось заплакать. Ну зачем это Санса, как всегда, привлекла внимание септы?

— Вот, — сказала она, подавая свое шитье. Септа посмотрела на ткань.

— Арья, Арья, Арья, — покачала она головой. — Это не дело. Это совсем не дело!

Все вокруг глядели на нее. Это уж слишком. Санса была слишком хорошо воспитана, чтобы улыбнуться несчастью сестры, но Джейни блаженствовала. Даже принцессе Мирцелле было жаль ее. Арья почувствовала, как слезы наполняют ее глаза. Выскочив из кресла, она бросилась к двери.

Септа Мордейн позвала ее:

— Арья, вернись! Ты не сделаешь ни одного шага. Твоя леди-мать услышит об этом. Ты позоришь семью перед лицом нашей царственной гостьи.

Арья остановилась в дверях и повернула назад, закусив губу. Слезы теперь бежали по ее щекам. Она умудрилась отпустить короткий нервный поклон Мирцелле:

— Прошу вашего разрешения, моя госпожа.

Мирцелла моргнула и поглядела на своих дам, ожидая наставлений. Однако в отличие от принцессы септа Мордейн не испытывала неуверенности.

— И куда же ты направлялась, Арья? — потребовала ответа септа.

Бросив на нее яростный взор, Арья ответила самым любезным тоном:

— Коней ковать, — и, недолго насладившись потрясением, проступившим на лице септы, бросилась вон, сбежав по ступеням так быстро, как могли нести ее ноги.

Это было нечестно. Сансе досталось все. Санса была на два года старше, и к тому времени, когда родилась Арья, ей ничего уже не осталось. Так она считала. Санса умела шить, танцевать и петь. Она писала стихи. Она со вкусом одевалась. Она играла на высокой арфе и колокольчиках. Хуже того, она была прекрасна. Санса унаследовала высокие, тонкие скулы матери и густые, осеннего цвета волосы Талли. Арья пошла в своего лорда-

отца. Каштановые волосы ее не блестели, лицо казалось длинным и скорбным. Джейни обычно дразнила ее лошадью и ржала, когда Арья проходила мимо. Лучше сестры она умела лишь ездить на коне. Ну, кроме этого, еще хорошо управлялась по дому. Санса никогда не разбиралась в цифрах. Если она выйдет за принца Джоффи, тому придется обзаводиться надежным управителем.

Нимерия ожидала ее в караулке у подножия лестницы и вскочила на ноги, едва завидев Арью. Девочка ухмыльнулась. Уж этот волчонок любит ее, как бы ни относились к ней все остальные. Они повсюду ходили вместе, Нимерия и спала в комнате Арьи — возле постели. Если бы мать этого не запрещала, Арья охотно брала бы волчонка с собой на шитье. Вот пусть тогда септа Мордейн попробует осудить ее стежки. Арья отвязала Нимерию, та лизнула ее руку. Желтые глаза волчонка, отражая солнечный свет, блеснули двумя золотыми монетами. Арья назвала ее в честь воинственной королевы ройнов, которая некогда провела свой народ через Узкое море. Это имя тут же послужило причиной для большого скандала. Санса, конечно же, назвала своего щенка Леди. Сделав гримасу, Арья обняла волчонка, Нимерия лизнула ее в ухо, и девочка хихикнула.

Септа Мордейн, безусловно, успела все сообщить ее леди-матери. Если она отправится к себе, ее сразу найдут. Арья не хотела этого. Она придумала кое-что получше. Мальчики как раз занимались во дворе. И ей хотелось увидеть, как Робб уложит галантного принца Джоффа на спину.

— Пойдем, — шепнула она Нимерии. Вскочив, Арья побежала, волчонок следовал за ней по пятам.

В стене крытого перехода между арсеналом и Великим Замком находилось окошко, из которого был виден весь двор. Туда они и направились.

Запыхавшаяся и раскрасневшаяся Арья обнаружила там Джона, сидевшего на подоконнике, поджав колени к подбородку. Он следил за происходящим, углубившись настолько, что даже не заметил ее приближения, лишь его белый волк отправился им навстречу. Нимерия приближалась с опаской. Призрак был крупнее, чем его собратья; он обнюхал сестру, лизнул в ухо и опустился на пол.

Джон, любопытствуя, повернулся.

— Разве тебе не положено сейчас работать над шитьем, маленькая сестрица?

Арья отвечала гримасой:

— Я хочу посмотреть, как они дерутся.

Он улыбнулся.

— Тогда подойди сюда.

Арья взобралась на окно и села возле него, прислушиваясь к стуку и говору во дворе. К ее разочарованию, учили младших ребят. Бран был укутан так, что показался ей завернутым в перину, а уж Томмен, при всей своей толщине, похож был на колобок. Они пыхтели, сопели и разили друг друга обмотанными тканью деревянными мечами под внимательным взглядом сира Родрика Касселя, мастера над оружием, рослого и объемистого, словно бочонок, с великолепными белыми бакенбардами во всю щеку. Дюжина зрителей, мужчины и мальчики, подбадривали сражающихся. Голос Робба был самым громким. Возле старшего брата она заметила Теона Грейджоя, черный дублет воспитанника украшал золотой кракен его дома, на лице проступало выражение превосходства. Оба сражавшихся уже спотыкались. Арья решила, что бой длится достаточно давно.

— Более утомительное занятие, чем шитье?

— Более веселое занятие, чем шитье, — отвечала ему Арья. Джон с ухмылкой протянул руку и взъерошил ее волосы. Арья покраснела. Они

всегда были близки. Джон напоминал ей отца, и она ему тоже. Они были единственными: Робб, Санса и даже маленький Рикон пошли в Талли — улыбчивые, с пламенной шевелюрой. По малолетству Арья когда-то боялась, что из-за этого ее тоже сочтут бастардом. С опасениями своими она отправилась именно к Джону, и именно он переубедил ее.

— А ты почему не во дворе? — спросила его Арья.

Он отвечал ей полуулыбкой.

— Бастардам не позволено сражаться с юными принцами. Все синяки, которые они получат во время упражнений, должны быть нанесены руками законных сыновей.

— О!.. — Арья смутилась. Ей следовало бы понять это самостоятельно. Второй раз за сегодняшний день Арья решила, что жизнь не так уж и хороша. Она посмотрела, как ее младший брат рубанул Томмена. — А я могу управляться с мечом не хуже Брана. Ему только семь, а мне уже девять.

Джон посмотрел на нее с высоты всей своей четырнадцатилетней мудрости.

— Ты слишком худа, — объявил он и взял сестру за руку, чтобы пощупать мускулы, а потом вздох-

нул и покачал головой. — Едва ли ты сможешь просто поднять длинный меч, маленькая сестрица, не говоря уже о том, чтобы размахнуться им.

Арья вырвалась и яростно поглядела на него. Джон снова взлохматил ее волосы. Бран и Томмен все еще кружили друг против друга.

— А ты видишь принца Джоффри? — спросил Джон.

Она заметила его не с первого взгляда, лишь приглядевшись, — сзади, в тени высокой каменной стены. Принца окружали мужчины, которых Арья не знала, незнакомые ей молодые сквайры в ливреях Ланнистеров и Баратеонов. Среди них были мужчины постарше. Она решила, что это рыцари.

— Погляди-ка на герб на его плаще, — прошептал Джон.

Арья посмотрела. На подбитом плаще принца был вышит причудливый щит. Тут уж, вне сомнения, шитье было великолепным. Герб разделялся на две половины: по одной стороне мчался венценосный олень королевского дома, на другой рычал лев Ланнистеров.

— Ланнистеры горды, — заметил Джон. — Джоффри было бы достаточно и королевского герба, но нет, он решил воздать дому своей матери такие

же почести.

— С женщиной тоже надо считаться! — возразила Арья. Джон усмехнулся:

— Неужели и ты сделала бы то же самое, маленькая сестрица? Объединила Талли со Огарками в своем гербе?

— Волк с рыбой в зубах! — Она расхохоталась. — Это было бы глупо. К тому же, если девочка не может сражаться, зачем нужен ей герб?

Джон пожал плечами:

— У девушек есть гербы, но нет мечей. Бастард получает меч, а не герб. Не я учреждаю правила, моя маленькая сестрица.

Внизу во дворе послышался крик. Принц Томмен катался в грязи, безуспешно пытаясь встать. Подушки делали из него некое подобие черепахи. Бран стоял над ним с поднятым мечом, готовый рубануть, если поверженный противник снова поднимется на ноги. Мужчины расхохотались.

— Довольно! — проговорил сир Родрик. Он подал принцу руку и поднял его на ноги. — Хорошая схватка. Лью, Доннис, помогите им снять броню. — Он огляделся.

— Принц Джоффри, Робб, дело за вами, объявляю новый поединок.

Робб, уже покрывшийся потом в предыдущей

схватке, бодро шагнул вперед:

— Охотно!

Отвечая на вызов Родрика, Джоффри вышел на солнечный свет. Волосы его блеснули золотой нитью.

— Это же игра для детей, сир Родрик, — проговорил он со скукой.

Пеон Грейджой разразился хохотом.

— Вы и есть дети, — сказал он.

— Робб, возможно, и ребенок, — сказал Джоффри, — но я принц. И мне надоело рубить Старков игрушечным мечом.

— Ты получил больше ударов, чем нанес, Джофф, — возразил ему Робб. — Или ты боишься?

Принц Джоффри поглядел на него и процедил сквозь зубы:

— Просто в ужасе перед таким грозным воином. — Кое-кто из Ланнистеров расхохотался.

Джон, хмурясь, глядел на эту сцену.

— А Джоффри-то хоть еще и не вырос, но уже дерьмо, — сообщил он Арье.

Сир Родрик задумчиво потянул за белый ус.

— Что вы предлагаете? — спросил он у принца. — Настоящую сталь?

— По рукам, — отвечал Робб, — сам же и по-

жалеешь.

Оружейных дел мастер положил руку на плечо Робба, чтобы успокоить его.

— Настоящая сталь слишком опасна. Я разрешаю вам взять турнирные мечи с затупленными краями.

Джоффри не ответил, но незнакомый Арье высокий рыцарь с черными волосами и оставленными ожогами шрамами на лице пробился вперед и стал перед принцем.

— Это твой принц, и кто ты таков, сир, чтобы указывать ему, может он или нет брать в руки острый меч.

— Я Кассель, мастер над оружием в Винтерфелле, и советую тебе не забывать об этом.

— Неужели здесь учат женщин? — захотел узнать рыцарь со шрамами. Его мышцы вздувались, как у быка.

— Я воспитываю рыцарей, — подчеркнул сир Родрик. — Они получат сталь, когда будут готовы к ней… Когда достигнут нужного возраста.

Рыцарь поглядел на Робба.

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Четырнадцать, — отвечал Робб.

— Я убил мужчину в двенадцать лет. И не сомневайся — не тупым мечом.

Арья заметила, как Робб ощетинился, гордость его была задета. Он обернулся к сиру Родрику:

— Позволь мне сделать это. Я смогу победить его.

— Тогда бери турнирный меч, — ответил сир Родрик.

Джоффри пожал плечами:

— Встретимся, когда подрастешь, Старк. Но только не в глубокой старости. — Люди Ланнистеров расхохотались.

Ругательства Робба раздались во дворе. Потрясенная Арья прикрыла рот. Теон Грейджой схватил Робба за руку, чтобы увести его подальше от принца. Сир Родрик недовольно потянул себя за усы.

Джоффри изобразил зевок и повернулся к младшему брату.

— Пошли, Томмен, — сказал он. — Время игр закончено. Пусть дети развлекаются.

Ланнистеры снова разразились смехом, Робб опять отвечал бранью. Лицо сира Родрика под белыми бакенбардами уже побурело, как свекла. Теон удерживал Робба железной хваткой, пока принцы и их отряд не отошли подальше.

Джон проводил их взглядом, Арья заметила, что лицо Джона сделалось столь же спокойным,

как пруд в середине богорощи. Наконец он слез с окна.

— Развлечение закончено, — проговорил он, нагибаясь, чтобы почесать Призрака за ушами. Волк поднялся и потерся о хозяина боком, — Лучше бы тебе отправиться к себе в комнату, маленькая сестрица. Септа Мордейн уже притаилась там, и чем дольше ты будешь прятаться, тем суровее окажется наказание. Тебе придется шить всю зиму. А когда настанет оттепель, твое тело обнаружат с иголкой, застывшей между замерзшими пальцами.

Арья не видела в подобной перспективе ничего забавного.

— Ненавижу шитье! — проговорила она с пылом. — Это нечестно!

— Все нечестно, — ответил Джон, вновь взъерошил ее волосы и отправился прочь. Призрак безмолвно последовал за хозяином. Нимерия тоже было увязалась за ними, но остановилась и вернулась назад, заметив, что Арья остается на месте. Девочка неуверенно, без особой охоты повернула в обратную сторону. Но там ее ожидала худшая участь, чем предполагал Джон: в комнате сидела не одна септа Мордейн, там была и ее мать.

Бран

Охотники выехали на рассвете. Король хотел затравить дикого вепря для вечернего пира. Принц Джоффри сопровождал отца, поэтому и Роббу позволили присоединиться к охотникам. Дядя Бенджен, Джори, Теон Грейджой, сир Родрик и даже забавный младший брат королевы — все выехали в лес. В конце концов это была последняя охота. Утром они отправятся на юг. Брана оставили позади с Джоном, девочками и Риконом. Рикон был еще младенцем, девочки всегда оставались только девочками, ну а Джона с его волком нигде не было видно. Впрочем, Бран и не разыскивал его слишком усердно. Он решил, что Джон сердится на него, ведь в эти дни Джон, похоже, сердился на каждого. Бран не знал причины. Ему казалось, что если Джон уезжает вместе с дядей Беном на Стену, чтобы вступить в Ночной Дозор, то это ничуть не хуже, чем ехать на юг вместе с королем. Дома оставался один только Робб. Бран никак не мог дождаться отъезда. Ему предстояло ехать по Королевскому тракту на собственном коне — не на пони, на настоящем коне!

Потом его отец в Королевской Гавани сделается десницей короля, и они будут жить в том самом Красном замке, который построили владыки Драконов. Старая Нэн говорила, что там обитают призраки, есть и темница, где творятся жуткие вещи, а на стенах повсюду развешаны драконьи головы. Подумав об этом, Бран поежился, но не от страха. Чего бояться? С ним будет отец и еще король со всеми своими рыцарями и рубаками, присягнувшими на верность.

Бран намеревался когда-нибудь сделаться рыцарем и вступить в Королевскую гвардию. Старая Нэн говорила, что лучших мечей не сыщешь по всей стране. Их было всего семеро, они носили белую броню, не имели жен и детей и служили одному только королю. Бран знал все рассказы о них. Одни их имена звучали песней. Сервин Зеркальный щит, сир Пойен Редвин, принц Эйемон Рыцарь Дракона, близнецы сир Эррик и сир Аррик, погибшие от мечей друг друга сотни лет назад, когда брат воевал с сестрой в войне, которую певцы назвали Пляской Драконов, Белый Бык, Герольд Хайтауэр, сир Эртур Дейн, Меч Зари, Барристан Отважный.

Двое гвардейцев сопровождали короля Роберта в поездке на север. Бран смотрел на них как

заколдованный и не смея заговорить. Сир Борос был лыс, и щеки его тряслись, глаза сира Мерри-на прятались в нише между нависшим лбом и ржавой бородой. Более похожий на рыцарей из сказаний сир Джейме Ланнистер прежде принадлежал к Королевской гвардии, но Робб говорил, что Джейме убил старого безумного короля и посему был исключен из нее. Самым великим среди живых рыцарей считался сир Барристан Селми — Барристан Отважный, лорд-начальник Королевской гвардии. Отец обещал познакомить Брана с сиром Барристаном, когда они приедут в Королевскую Гавань, и Бран отмечал на стене оставшиеся до отъезда дни, мечтая повидать мир, о котором он мог только мечтать, и наконец начать жизнь, которой он даже не представлял себе.

И все же, когда наступил последний день, Бран вдруг почувствовал себя потерянным. Он не знал иного дома, кроме Винтерфелла. Отец велел ему сегодня попрощаться со всеми, и Бран попытался это сделать. Когда уехали охотники, он отправился по замку со своим волком, намереваясь посетить тех, кто останется дома: старую Нэн, повара Гейджа, Миккена-кузнеца, Ходора-конюха, который все время улыбался, заботился о его

пони и никогда не говорил другого слова, кроме своего имени Ходор, а еще человека из стеклянного сада, который угощал его ежевикой, когда он являлся с визитом.

Но ничего хорошего не получилось. Первым делом Бран посетил конюшню, попрощался со своим пони. Он ведь больше не принадлежал ему, Бран получил настоящего коня, и с пони нужно было расставаться. И вдруг Бран захотел просто сесть где-нибудь и расплакаться. Он повернулся и побежал; прежде чем Ходор и остальные конюхи смогли заметить слезы на его глазах. Тем и закончилось его прощание. Вместо этого Бран провел утро в богороще, пытаясь обучить волка приносить палку, но успеха не достиг. Волчонок был смышленее любой собаки в своре отца. Бран присягнул бы, что зверь понимал каждое сказанное ему слово, но интереса к палкам при этом не обнаруживал.

Бран все еще обдумывал имя, Робб звал своего волка Серым Ветром, потому что тот быстро бегал, Санса дала своей волчице имя Леди, а Арья выбрала для своей имя королевы-ведьмы, воспетой в старинных песнях. Маленький Рикон называл волка Лохматым Песиком, с точки зрения Брана — довольно глупое имя для лютоволка. Белый

волк Джона носил кличку Призрак. Бран пожалел, что не придумал эту кличку первым, хотя его волк и не мог похвастаться белой шкурой. За последние дни недели мальчик опробовал сотню имен, но ни одно из них не казалось подходящим.

Наконец Бран устал от игры с палкой и решил полазать. Он уже несколько недель не поднимался на разрушенную башню, а учитывая все обстоятельства, иного шанса могло и не представиться.

Он побежал через богорощу окольным путем, чтобы не проходить мимо водоема, возле которого росло сердце-дерево. Оно всегда пугало Брана, полагавшего, что у деревьев не должно быть глаз и рук. Волк следовал за ним.

— Ты останешься здесь, — сказал Бран у подножия страж-дерева, росшего возле стены арсенала. — Ложись, вот так, и жди меня.

Волк поступил как приказано. Бран поскреб его за ушами, обернулся, подпрыгнул, уцепился за невысокий сук и подтянулся. Он уже поднялся до середины дерева, легко перебираясь с ветки на ветку, когда волк вскочил на ноги и завыл.

Бран поглядел вниз. Волк умолк, глядя на него лиловыми узкими глазами. Странный холодок

пронзил Брана, но он полез дальше. Волк снова взвыл.

— Тихо, — сказал Бран. — Садись. Ты хуже, чем мать. — Волчий вой сопровождал его, пока он лез выше, — до тех пор, пока Бран наконец не перескочил на крышу арсенала и волк не смог более видеть его.

Крыша Винтерфелла была для Брана родным домом. Мать нередко говорила, что он научился лазать прежде, чем ходить. Сам Бран не помнил, когда научился ходить, но не мог вспомнить и когда начал лазать. Возможно, мать действительно была права. Для мальчика Винтерфелл представлял серый каменный лабиринт: стены, башни, дворы и переходы, разбегавшиеся во все стороны. Покои в старой части замка успели накрениться в разные стороны, так что нельзя было даже сказать, на каком этаже ты находишься. Замок вырос за века, подобно какому-то чудовищному дереву, и ветви его сделались корявыми и толстыми, а корни углубились в землю, как верно заметил однажды мейстер Лювин.

Поднявшись к небу, Бран мог охватить глазом сразу весь Винтерфелл. Ему нравился замок, распростертый под ним. Пока птицы кружили над его головой, а внизу жила своей жизнью

крепость, Бран мог целые часы проводить между источенных дождями горгулий, в задумчивости приглядывавших за Первой Твердыней: правильно ли люди обрабатывают дерево и сталь во дворах, следят ли садовники за овощами в стеклянном саду, снуют ли без отдыха псы взад и вперед, молчалива ли по-прежнему богороща и не изменились ли сплетни девиц, обменивающихся ими во время стирки возле колодца? Отсюда он казался себе лордом всего замка, Роббу никогда не понять этого.

Здесь Бран узнал и некоторые секреты Винтерфелла. Оказалось, что строители даже не выровняли землю. За стенами Винтерфелла были свои холмы и равнины. И мостик шел с четвертого этажа колокольной башни на второй этаж грачевни. Бран знал об этом. Еще он знал, что сумеет попасть на внутреннюю стену через южные ворота, подняться на три этажа и обежать весь Винтерфелл по узкому каменному туннелю, а потом выйти на уровне земли через северные ворота под сотнею футов стены, высящейся над головой. Мейстер Лювин этого не знал, Бран был в этом уверен.

Мать все боялась, что однажды Бран сорвется со стены и убьется. Он уверял ее, что этого не

случится, но она не верила ему. Однажды она заставила его обещать, что он всегда будет оставаться на земле. Бран сумел выдержать обещание почти две недели, день ото дня ощущая себя все более несчастным, и наконец удрал прямо из окна детской, пока братья крепко спали.

В порыве раскаяния он исповедовался в преступлении на следующий день. Лорд Эддард отправил его в богорощу, чтобы очиститься. И расставил стражу, которая должна была приглядеть, чтобы сын его провел в лесу целую ночь, обдумывая свое неповиновение. Наутро Брана нашли не сразу; наконец он обнаружился спящим в ветвях самого высокого дерева рощи.

При всем гневе отцу оставалось только расхохотаться.

— Ты не мой сын, — сказал он Брану; когда его доставили вниз, — ты какая-то белка. Лазай, если не можешь не лазать. Только пусть мать этого не видит.

Бран старался, хотя знал, что ее трудно провести. Поскольку отец более не запрещал этого, мать нашла другие способы. Старая Нэн рассказала ему сказку о скверном маленьком мальчике, который забрался слишком высоко и был поражен молнией, а потом вороны выклевали ему

глаза. Бран пропустил это мимо ушей. Он видел много вороньих гнезд на вершине разрушенной башни, куда, кроме него, не поднимался никто, а иногда наполнял свои карманы зерном, так что вороны клевали у него прямо из рук. И никто из них ни разу не обнаружил никакого желания выклевать у него хотя бы один глаз.

Потом мейстер Лювин вылепил из глины фигурку мальчика, одел куклу в одежду Брана и сбросил со стены во двор, чтобы показать, что останется от Брана, если он упадет. Зрелище было забавным, но Бран только посмотрел на мейстера и сказал:

— Но я не сделан из глины и к тому же никогда не упаду.

Некоторое время, заметив его на крыше, стража гонялась за ним, пытаясь поймать. Это была самая веселая пора. Все равно что играть с братьями, но здесь Бран побеждал всегда. Никто из стражников не умел лазать, как Бран, даже Джори. А в основном его вообще не замечали. Люди никогда не смотрят вверх. Он любил крыши еще и по этой причине. Там, наверху, он становился как бы невидимым.

Ему нравилось и просто перебираться с камня на камень, впиваясь пальцами рук и ног в узкие

щели. Он всегда снимал ботинки и лез вверх босым. И тогда ему казалось, что у него четыре руки вместо двух. Бран любил глубокую сладкую боль, которая потом ощущалась в мышцах. Он любил сам воздух наверху — плотный и сладкий, как зимняя груша. Любил птиц: ворон в разбитой башне, крохотных воробьев, гнездившихся в трещинах между камнями, древнюю сову, которая спала в пыльной расщелине на вершине старого арсенала. Бран знал их всех.

Но больше всего он любил посещать места, где никто не мог бывать, и смотреть сверху на серый Винтерфелл. Таким его не видел никто. Так целый замок сделался секретным уголком Брана.

Любимым местом своим он считал разбитую башню. Некогда она была сторожевой, самой высокой в Винтерфелле. Давным-давно, за сотню лет до рождения отца, удар молнии воспламенил ее. Вершина третьего этажа рухнула вниз, башню забросили и никогда не перестраивали. Иногда отец посылал крысоловов к основанию башни, чтобы убрать гнезда, которые всегда обнаруживались среди обуглившихся и сгнивших брусьев и битых камней. Но кроме Брана и ворон, никто не поднимался к зубчатой вершине сооружения. Он знал два способа забраться туда. Можно было

лезть по стене башни, но камни в ней вихлялись, потому что связка, некогда удерживавшая их, давно рассыпалась песком. Бран не любил наступать на них. Более удобный путь вел от богорощи: надо было подняться по высокому страж-дереву и перебраться через арсенал и зал караульной башни, перепрыгивая с крыши на крышу босыми ногами, так, чтобы стражники не услышали. Тогда он оказывался со слепой стороны Первой Твердыни, стариннейшей части замка, круглой крепости, более высокой, чем она казалась. Лишь крысы да пауки жили там, но по старым камням было удобно лезть. Дальше можно было подняться наверх, к слепо глядящим в пустоту горгульям, перебраться от фигуры к фигуре на северную сторону, а оттуда, если как следует потянуться, можно было перелезть на разбитую башню. Последнюю часть пути к вершине, к гнездам, к площадке не более десяти футов шириной приходилось подниматься по почерневшим камням. Тут-то к нему и прилетали вороны посмотреть, не принес ли он зерна.

Бран передвигался от горгульи к горгулье с легкостью, достигнутой долгими тренировками, когда услыхал голоса. Он испугался настолько, что едва не сорвался: в Первой Твердыне никогда

не обнаруживалось признаков жизни.

— Мне это не нравится, — проговорила женщина. Под Браном был рядок окон, голос доносился из последнего. — Десницей бы следовало стать тебе.

— Боги запрещают, — отвечал ленивый мужской голос. — Этой чести я не добиваюсь. Она требует слишком больших усилий.

Бран застыл, прислушиваясь, с внезапным испугом. Если он попытается двинуться, они могут заметить его ноги.

— Разве ты не видишь грозящей нам опасности? — сказала женщина. — Роберт любит Старка как собственного брата.

— Роберт с трудом переваривает общество собственных братьев. Я не виню его. Одного Станниса довольно, чтобы вызвать несварение желудка.

— Не валяй дурака! Одно дело — Станнис и Ренли, другое дело — Эддард Старк. Роберт прислушивается к Старку. Черт бы побрал их обоих! Мне следовало настоять, чтобы он выбрал тебя, но я не сомневалась в том, что Старк откажется.

— Следует считать, что нам повезло, — проговорил мужчина, — король вполне мог назначить одного из своих братьев или даже Мизинца, спа-

си нас боги. Лучше иметь врагов честных, чем честолюбивых, и сегодня ночью я усну спокойно.

Они говорят об отце, понял Бран. И захотел услышать больше. Еще несколько футов… но что, если они заметят его перед окном?

— Нам придется приглядывать за ним повнимательнее, — проговорила женщина.

— Я лучше понаблюдаю за тобой, — отвечал мужчина со скукой. — Иди-ка сюда.

— Лорд Эддард никогда не обнаруживал никакого интереса к тому, что творится к югу от Перешейка, — сказала женщина. — Нет, говорю тебе, он захочет предпринять меры против нас. Зачем же ему тогда занимать седалище власти?

— По сотне причин… по обязанности или по долгу чести. Может быть, он стремится вписать свое имя крупными буквами в книгу истории, может быть, хочет оставить свою жену или сделать и то и другое. Быть может, решил просто погреться — впервые в своей жизни.

— Он женат на сестре леди Аррен. Просто чудо, что Лизы нет здесь и она не встретила нас своими обвинениями.

Бран поглядел вниз. Под окном был узкий карниз, лишь несколько дюймов шириной. Он попытался стать на него. Слишком далеко. Ему

не дотянуться.

— Ты слишком ворчлива. Лиза Аррен просто перепуганная корова.

— Эта перепуганная корова делила постель с Джоном Арреном.

— Если бы она что-то знала наверняка, то бросилась бы к Роберту, а не бежала из Королевской Гавани.

— Когда он уже согласился отдать ее слабака воспитанником на Бобровый утес? Не думаю. Она понимала, что жизнь мальчишки послужит залогом ее молчания. Лиза может и осмелеть, когда окажется в безопасном Орлином Гнезде.

— Ох, эти матери! — Слово это в устах мужчины прозвучало ругательством. — По-моему, роды что-то делают с женским рассудком. Вы все безумны. — Он с горечью расхохотался. — Пусть леди Аррен набирается отваги. Что бы ей ни казалось, доказательств у нее нет. — Он помедлил мгновение. — Но так ли на самом деле?

— Ты думаешь, что король потребует доказательств? — спросила женщина. — Говорю тебе, он не любит меня.

— И кто же виноват в этом, милая сестрица?

Бран посмотрел на карниз. Можно соскочить вниз. Было слишком узко, чтобы приземлиться,

но пролетая, он сумеет ухватиться за камни и подтянуться, однако при этом поднимется шум и они подойдут к окну. Не понимая услышанного, он знал, что разговор не предназначен для его ушей.

— Ты слеп, словно Роберт, — сказала женщина.

— Если ты хочешь сказать, что вижу то же самое, тогда согласен, — ответил мужчина. — Я вижу мужа, который скорее умрет, чем предаст своего короля.

— Он уже предал одного, или ты забыл? — отвечала женщина. — Только вот что-то еще будет, когда Роберт умрет и Джофф займет престол. А ведь чем скорее это случится, тем в большей безопасности мы окажемся. Мой муж с каждым днем становится все беспокойнее, а когда Старк окажется возле него, он сделается только хуже. Подумать только, он все еще любит его покойную сестрицу. Того и гляди бросит меня ради какой-нибудь новой Лианны.

Бран внезапно перепугался. Теперь он хотел одного — вернуться домой и отыскать своих братьев. Но только что сказать им? Нет, надо приблизиться, решил Бран. Посмотреть, кто говорит.

Снова раздался мужской голос:

— Надо меньше думать о будущих неприятно-

стях и побольше о будущих удовольствиях.

— Ах, прекрати! — проговорила женщина. Бран услышал внезапный шлепок по голому телу, потом мужчина расхохотался. Бран подтянулся, перебрался через горгулью и вылез на крышу. Это было нетрудно. Он пролез по крыше к следующей горгулье, располагавшейся как раз над окном той комнаты, откуда слышались голоса.

— Этот разговор уже надоедает мне, сестрица, — проговорил мужчина. — Иди сюда и успокойся.

Бран сел верхом на горгулью, обхватил ее ногами и перегнулся вниз. Он повис на ногах, медленно опуская голову к окну. Мир казался перевернутым, перед глазами проплыл двор в головокружительном повороте, камни его увлажнял талый снег. Бран заглянул в окно. Внутри комнаты боролись мужчина и женщина, оба они были нагими. Бран не различал, кто это. Мужчина находился спиной к нему, и тело его закрывало женщину, которую он прижимал к стене. Раздались мягкие влажные звуки. Бран понял, что они целуются. Он смотрел круглыми глазами, в испуге дыхание застыло и его горле. Мужчина запустил руку между ног женщины и, должно быть, сделал ей больно, потому что женщина застонала низким горловым голосом.

— Прекрати это, — сказала она, — прекрати, ну пожалуйста… — Но голос ее был низок и слаб, и она не отталкивала его. Руки ее утопали в его волосах, в золотой всклоченной гриве, припавшей к ее груди. Тут Бран увидел лицо… закрытые глаза, раскрывшийся рот. Золотые волосы метались сбоку на бок, голова раскачивалась взад и вперед, но он узнал королеву.

Должно быть, он издал какой-то звук; глаза вдруг открылись, женщина поглядела прямо на него и закричала.

Тогда все и случилось. Женщина с криком оттолкнула мужчину и показала рукой на окно. Бран попытался подтянуться, перегибаясь к горгулье, но чересчур поспешил. Рука его беспомощно коснулась гладкого камня, в панике ноги соскользнули, и он вдруг почувствовал, что летит. Мгновенное головокружение, тошнота, когда мимо промелькнуло окно… Бран протянул руку, ухватился за карниз, потерял его, ухватил другой рукой, тяжело ударившись о камень. Столкновение выбило из него дух. Тяжело дыша, Бран качался на одной руке. Вверху над ним появились лица. Королева. Теперь Бран узнал и мужчину; они казались отражениями в зеркале.

— Он видел нас, — пронзительным голосом

сказала женщина.

— Видел, — подтвердил мужчина.

Пальцы Брана начали разгибаться. Он ухватился за карниз другой рукой. Пальцы впивались в неподатливый камень. Мужчина перегнулся вниз и сказал:

— Держи мою руку, а то упадешь!

Бран уцепился за руку со всей своей силой. Мужчина легко поднял его на карниз.

— Что ты делаешь? — спросила женщина. Мужчина не обратил внимания на ее слова. Поставив Брана на подоконник, он спросил:

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Семь, — проговорил Бран, трясясь от пережитого. Пальцы его впились в руку мужчины. Осознав это, он выпустил ее. Мужчина поглядел на женщину.

— На что только не пойдешь ради любви, — сказал он с ненавистью и толкнул. Бран с криком вылетел из окна в пустой воздух. Уцепиться было не за что. Мощеный двор ринулся навстречу. Где-то вдали взвыл волк. Вороны кружили над разбитой башней, ожидая зерна.

Тирион

Где-то в каменных лабиринтах Винтерфелла завыл волк. Звук повис над замком траурным флагом. Тирион Ланнистер оторвался от книг и поежился, хотя в библиотеке было тепло и уютно. Что-то в вое этого волка заставило его забыть уютное настоящее и почувствовать себя спасающимся от стаи обнаженным беглецом.

Когда лютоволк взвыл снова, Тирион захлопнул тяжелую, переплетенную в кожу обложку столетней давности повествования о смене времен года, написанного давно почившим мейстером, и прикрыл зевок тыльной стороной ладони. Лампа мерцала, масла в ней почти не осталось, и рассвет уже сочился сквозь высокие окна. Он просидел здесь всю ночь, но ничего нового не обнаружил. Тирион Ланнистер был не из тех, кто любил поспать.

Онемевшие ноги заныли, когда он поднялся со скамьи. Растерев, Тирион вернул в них какую-то жизнь и тяжело прохромал к столу, где негромко похрапывал септон, опустивший голову на открытую книгу. Тирион поглядел на заглавие:

«Жизнь великого мейстера Эйетельмура». Пространное сочинение…

— Хейли, — сказал он негромко. Смущенный молодой человек, моргая, поднял голову, хрустальный знак его ордена раскачивался на цепочке. — Я намереваюсь прервать свой поиск. Пригляди, чтобы книги вернулись на полки. И будь аккуратен с валирийскими свитками, пергамент очень хрупок. «Военные машины» Армидиона — очень редкая вещь, а ваш экземпляр единственный, который мне приходилось когда-нибудь видеть. — Хейли глядел на него в полусне, Тирион терпеливо повторил наставления, а потом хлопнул септона по плечу и оставил его выполнять поручение.

Оказавшись снаружи, Тирион вдохнул полной грудью холодный утренний воздух и начал старательно спускаться по крутым каменным ступенькам, винтом огибавшим снаружи Библиотечную башню. Предприятие вышло долгим; узкие ступени были слишком высоки для его коротких и кривых ног. Встающее солнце еще не озарило стены Винтерфелла, но люди уже были заняты во дворе внизу. До ушей Тириона донесся скрипучий голос Сандора Клигана:

— Мальчик давно умирает. Лучше, чтобы он

поторопился.

Тирион поглядел вниз и увидел Пса, стоявшего возле окруженного сквайрами молодого Джоффри.

— Во всяком случае, он умирает тихо, — отвечал принц. — Воет лишь волк. Я едва мог спать прошлой ночью.

Тень Клигана далеко протянулась по утоптанной земле, сквайр надвинул черный шлем на голову.

— Могу заткнуть пасть твари, если это порадует тебя, — сказал он сквозь открытое забрало. Паж подал ему длинный меч. Клиган взвесил его, рубанул холодный утренний воздух. Позади него двор отозвался звоном стали о сталь.

Предложение как будто бы восхитило принца.

— Послать Пса убить пса! Винтерфелл просто кишит волками! Старки не хватятся, если одного из них не станет.

Тирион спрыгнул с последней ступени во двор.

— Если ты не против, хочу сделать одно уточнение, племянник, — проговорил он. — Старки умеют считать и после шести в отличие от некоторых принцев, не будем их здесь называть.

У Джоффри хватило совести покраснеть.

— Голос из ниоткуда, — сказал Сандор и огля-

делся сквозь прорезь забрала.

— Дух воздуха!

Принц расхохотался, как бывало всегда, когда его телохранитель разыгрывал очередной фарс. Тирион привык к этому.

— Ну-ка, посмотри сюда.

Сандор поглядел на землю и сделал вид, что заметил его. — Маленький лорд Тирион, — проговорил он. — Прошу прощения, я и не заметил, как вы появились здесь.

— Сегодня у меня нет настроения терпеть твою наглость. — Тирион повернулся к племяннику. — Джоффри, ты давно должен был зайти к лорду Эддарду и леди Кейтилин, чтобы предложить им свои утешения.

Джоффри возмутился, как может сделать только мальчишка.

— Еще не хватало! Зачем им нужны мои утешения?

— Им не нужны слова, — отвечал Тирион, — но от тебя ждут соболезнований. Твое отсутствие замечено.

— Мальчишка Старков мне безразличен, — проговорил Джоффри, — А я не могу терпеть женских слез.

Тирион Ланнистер привстал на носки и силь-

ной рукой ударил племянника по лицу. Щека мальчика покраснела.

— Одно только слово, — проговорил Тирион, — и я ударю тебя еще раз.

— Я все скажу матери! — воскликнул Джоффри.

Тирион ударил снова, теперь покраснели обе щеки.

— Рассказывай своей матери, — велел ему Тирион. — Но сперва ты сходишь к лорду и леди Старк, упадешь перед ними на колени и скажешь, насколько тебе жаль мальчика, скажешь, что готов предложить любые услуги, если можно помочь им даже какой-нибудь мелочью в этот жуткий час. И что ты непрестанно молишься за них. Ну, теперь понял? Все понял?

Лицо мальчишки скривилось, словно бы он намеревался заплакать. Ответив легким кивком, Джоффри повернулся и бросился вон со двора, держась за щеку, Тирион поглядел ему вслед.

Тень упала на лицо Тириона. Он повернулся и обнаружил, что Клиган нависает над ним подобно утесу. Черная как пепел броня, казалось, погасила солнце. Клиган опустил забрало, шлем его изображал морду ощерившегося и страшного черного пса, хотя Тирион всегда находил в нем

приятные отличия от изуродованного ожогом лица Клигана.

— Принц запомнит оскорбления, маленький лорд, — предостерег его Пес. Шлем превратил его хохоток в гулкий рокот.

— Не сомневаюсь, — отвечал Тирион Ланнистер. — А если забудет, будь доброй собакой, напомни ему. — Он оглядел двор. — А не знаешь ли ты, где я могу отыскать своего брата?

— Он изволит завтракать с королевой.

— Ага, — отвечал Тирион. И, пренебрежительно кивнув Сандору Клигану, направился прочь со всей быстротой, на которую были способны его короткие ноги, насвистывая на ходу. Жаль только рыцаря, который первым обратится сегодня к Псу. У этого типа скверный характер.

Холодную неприветливую трапезу подали в утренней комнате гостевого дома. Джейме сидел за столом вместе с Серсеей и детьми, они разговаривали приглушенными голосами.

— Роберт все еще спит? — спросил Тирион, без приглашения усаживаясь за стол.

Сестра поглядела на него с тем же самым выражением легкого презрения, с которым смотрела на него со дня рождения.

— Король не спал вообще, — сказала она ему.

— Он рядом с лордом Эддардом. Король принял скорбь друга к самому сердцу.

— У нашего Роберта большое сердце, — проговорил Джейме с ленивой улыбкой. Он удостаивал серьезного отношения весьма немногое. Тирион знал за своим братом эту особенность и прощал ее. Во все жуткие, и такие долгие годы его детства лишь Джейме иногда выказывал уродцу-брату некоторую симпатию и уважение, и за это Тирион готов был простить ему едва ли не любой поступок.

Приблизился слуга.

— Хлеба, — сказал ему Тирион, — две маленькие рыбки и кружку доброго темного пива, чтобы утопить их. И немного бекона, поджарь его на углях. — Слуга поклонился и направился прочь. Тирион повернулся к своим родственникам. Разнополые близнецы сегодня казались особенно похожими. Оба предпочли глубокую зелень одежды, подчеркивающую цвет глаз. Длинные светлые кудри были завиты самым модным образом, на обоих золотые украшения — на запястьях, пальцах и шее.

Тирион попробовал представить себе, как живется на свете близнецам, и решил, что никогда не поймет этого. Тошно, должно быть, все время

видеть себя, как в зеркале. Собственное подобие он не мог даже представить. Принц Томмен спросил:

— Дядя, а что слышно о Бране?

— Я проходил вчера вечером мимо его комнаты, — ответил Тирион, — но перемен не было. Мейстер видит в этом хороший знак.

— Я не хочу, чтобы Бран умер, — проговорил Томмен. Эта был ласковый мальчик, непохожий на брата, но ведь и Джейме с Тирионом нельзя считать фасолинами из одного стручка.

— У лорда Эддарда был брат по имени Брандон, — заметил Джейме. — Один из заложников, убитых Таргариеном. Несчастливое имя.

— По-моему, не столь несчастливое, как тебе кажется, — возразил Тирион. Слуга принес ему блюдо, Тирион откусил от ломтя черного хлеба. Серсея тревожно посмотрела на него.

— Тирион, что ты хочешь сказать?

Карлик криво улыбнулся ей и приложился к пиву.

— Лишь то, что желание Томмена может исполниться. Мейстер надеется, что мальчик выживет.

Мирцелла радостно охнула, Томмен нервно улыбнулся, но Тирион следил не за детьми. Джей-

ме и Серсея обменялись коротким, не более чем в секунду взглядом, но карлик не пропустил его. Королева посмотрела на стол.

— Где милосердие? Здешние северные боги слишком жестоки, раз позволяют ребенку терпеть такие муки. А что именно говорит мейстер?

Обжаренный бекон захрустел под зубами Тириона. Задумчиво пожевав, он ответил:

— Мейстер полагает, что, если бы мальчику суждено было умереть, жизнь уже оставила бы его. Однако прошло четыре дня, и никаких перемен нет.

— А Бран поправится, дядя? — спросила маленькая Мирцелла, унаследовавшая от матери всю ее красоту, но не вздорный нрав.

— Малышка, он сломал спину, — сказал Тирион, — и ноги. Жизнь в нем поддерживают медом и водой, иначе он умер бы от истощения. Если он очнется, то, наверное, сумеет есть настоящую пищу, но никогда снова не научится ходить.

— Если он очнется… — повторила Серсея. — А это возможно?

— Правду знают только боги, — ответил Тирион. — Сам мейстер всего лишь надеется. — Он снова откусил от ломтя хлеба. — Могу поклясться, что жизнь в мальчике поддерживает только его

волк. Зверь день и ночь воет возле большого окна и всякий раз возвращается, когда его прогоняют. Мейстер сказал, что однажды он закрыл окно, чтобы стало потише, и Бран ослабел. А когда совсем открыл его, сердце мальчика забилось сильнее.

Королева поежилась и сказала:

— Есть что-то противоестественное в этих животных. Они опасны. И я не позволю ни одному из них направиться на юг вместе с нами.

Джейме возразил:

— Этого будет трудно добиться, сестра. Волки повсюду следуют за девчонками.

Тирион приступил к рыбе.

— Значит, вы скоро уезжаете?

— Не так уж скоро, — опять вступила в разговор Серсея. И нахмурилась. — Что значит — мы? А как насчет тебя? Только ради Бога не говори мне, что намереваешься остаться в Винтерфелле.

Карлик пожал плечами:

— Бенджен Старк возвращается в Ночной Дозор с бастардом своего брата. Я хочу поехать вместе с ними и увидеть Стену, о которой мы так много слышали.

Джейме улыбнулся:

— Надеюсь, ты не собрался облачиться в чер-

ное, милый брат?

Тирион расхохотался:

— Разве я выдержу целибат? Тогда разорятся все шлюхи от Дорна до Бобрового утеса. Нет, я только хочу постоять на вершине Стены и пустить струю с края мира.

Серсея резко поднялась.

— Детям незачем выслушивать всякую грязь. Томмен, Мирцелла, идемте! — Резкими шагами королева вышла из комнаты, свита и дети потянулись за ней.

Джейме Ланнистер задумчиво поглядел на брата холодными зелеными глазами.

— Старк никогда не согласится оставить Винтерфелл, пока сын его пребывает в смертной тени.

— Если прикажет Роберт, он сделает это, — сказал Тирион. — А Роберт прикажет. В любом случае лорд Эддард ничем не сможет помочь своему сыну.

— Старк может прекратить его мучения, — сказал Джейме. — Случись это с моим сыном, я поступил бы именно так. И считал бы, что совершил благодеяние.

— Не советую обращаться с подобным предложением к лорду Эддарду, милый брат, — усмех-

нулся Тирион. — Он воспримет его без должной доброты.

— Даже если мальчишка выживет, он будет калекой. Хуже чем калекой — уродом. Я предпочитаю добрую чистую смерть.

Тирион пожал плечами, что только подчеркнуло их кривизну.

— Кстати об уродах, — напомнил он. — Разреши уточнить. Смерть окончательна и подводит жуткий итог, в то время как жизнь полна неисчислимых возможностей.

Джейме улыбнулся:

— А ты развратный чертенок, вот что!

— Конечно, — согласился Тирион. — Надеюсь, что мальчик очнется. Я бы хотел услышать, что он тогда расскажет.

Улыбка Джейме свернулась кислым молоком.

— Тирион, мой милый братец, — заметал он мрачно, — иногда мне с трудом удается понять, на чьей ты, собственно, стороне.

Рот Тириона был полон рыбы и хлеба. Глотнув крепкого черного пива, чтобы протолкнуть съеденное в желудок, он ответил Джейме волчьей ухмылкой:

— Зачем же так! О, Джейме, мой милый братец, ты ранишь меня, прекрасно зная, как я люблю

свое семейство...

Джон

Джон медленно поднимался по ступенькам, стараясь не думать о том, что, возможно, делает это в последний раз. Призрак безмолвно топал позади него. Снаружи, в воротах замка, кружил снег, во дворе стоял шум и хаос, но внутри толстых каменных стен было тепло и покойно. Слишком уж спокойно — на взгляд Джона.

Поднявшись, он испуганно замер на лестничной площадке. Призрак ткнулся носом в его ладонь, подбадривая. Джон распрямился и вошел в комнату.

Леди Старк находилась возле постели Брана. Она сидела там день и ночь уже почти две недели, ни на мгновение не оставляя Брана. Сюда ей приносили еду, горшок тоже. Спала она на твердой небольшой постели; впрочем, говорили, что она вообще не спала, Кейтилин сама кормила сына медом, поила водой и травяным отваром, поддерживавшими его, ни на миг не оставляя комнату. Поэтому Джон сюда и не приходил, но теперь выхода не было.

Он на миг задержался в двери, боясь заговорить,

боясь подойти ближе. Окно было открыто. Внизу завыл волк. Призрак услыхал и поднял голову.

Леди Старк оглянулась. Мгновение она как будто не узнавала его, но наконец моргнула.

— Что ты делаешь здесь? — спросила она голосом странно бесстрастным и ровным.

— Я пришел повидать Брана, — отвечал Джон. — Попрощаться с ним.

Лицо мачехи не переменилось. Длинные, осеннего цвета волосы потускнели и спутались. Казалось, что она постарела на двадцать лет.

— Ты уже попрощался. А теперь уходи.

Часть души его мечтала только о бегстве, но Джон знал, что если поддастся слабости, то никогда впредь не увидит Брана. Он нервно шагнул в комнату и попросил: — Пожалуйста!

Что-то холодное шевельнулось в ее глазах.

— Я велела тебе уходить. Ты здесь не нужен.

Некогда подобные слова заставили бы его бежать. Некогда они могли заставить его плакать. Но сейчас Джон лишь рассердился. Скоро он присягнет на верность Ночному Дозору, и тогда его ждут худшие опасности, чем общество Кейтилин Талли Старк.

— Он мой брат, — сказал Джон.

— Или мне позвать стражу?

— Зовите, — ответил Джон с возмущением. — Но вы не сможете запретить мне попрощаться с ним. — Он вошел в комнату, держась по другую сторону постели от леди Старк, и поглядел на Брана.

Она держала одну из его рук, теперь напоминавшую клешню. Это был не тот Бран, которого помнил Джон: плоть ушла от него. Кожа обтянула кости, подобные палкам. Ноги под одеялом изгибались под таким углом, что Джону сделалось худо. Глаза брата ввалились в черные ямы, они были открыты, но ничего не видели. Падение каким-то образом иссушило Брана. Он казался засохшим листком, и первый порыв ветра мог унести его в могилу. И все же под хрупкой грудной клеткой, под переломанными ребрами вздымалась грудь, опадая с каждым мелким выдохом.

— Бран, — позвал Джон. — Прости, что я не пришел к тебе раньше. Я боялся. — Он ощущал, как слезы катятся по его щекам, но ему теперь было безразлично. — Не умирай, Бран, прошу тебя. Мы все ждем, чтобы ты очнулся. Я, Робб и девочки, все кругом…

Леди Старк неотрывно следила за ним. Она не подняла крик, и Джон принял ее молчание за согласие. Снаружи, за окном, вновь взвыл лю-

товолк. Тот, которому Бран так и не успел дать имени.

— Сейчас мне надо ехать, — проговорил Джон. — Дядя Бенджен ждет, я поеду на север, к Стене. Мы отправимся сегодня, пока еще не пошел сильный снег.

Как ждал Бран предстоявшее ему путешествие! Джон не мог подумать, что придется оставить брата таким. Он смахнул слезы, нагнулся и легонько поцеловал брата в губы.

— Я хотела, чтобы он остался со мной, — сказала негромко леди Старк.

Джон с опаской повернулся в ее сторону, но Кейтилин даже не глядела на него. Она говорила, словно бы не замечая его.

— Я молилась об этом, — проговорила она тусклым голосом. — Бран был моим любимцем. Я отправилась в септу и семь раз помолилась семи именам бога, чтобы Нед изменил свои намерения и оставил его со мной. Иногда молитвы доходят.

Джон не знал, что сказать.

— Но в этом не было вашей вины, — выдавил он после неловкого молчания. Глаза ее обратились к нему. Взгляд леди Кейтилин был полон яда.

— Я не нуждаюсь в твоих утешениях, бастард.

Джон потупил глаза. Она не выпускала одну из

ладоней Брана. Он прикоснулся к другой и пожал пальцы, ставшие похожими на птичьи кости.

— До свидания, — проговорил Джон. Он уже был у двери, когда Кейтилин остановила его.

— Джон, — сказала она. Он ушел бы, но леди Старк никогда не обращалась к нему по имени. Он обернулся и увидел, что она смотрела на него, словно бы впервые заметив.

— Да? — проговорил он.

— На его месте должен был лежать ты, — сказала она. А потом повернулась назад к Брану и зарыдала, сотрясаясь всем телом. Джон никогда еще не видел, чтобы она так плакала.

Долог был путь вниз во двор. Снаружи царили шум и смятение. Вовсю кричали люди, грузившие фургоны, запрягавшие и седлавшие коней и выводившие их из конюшен. Пошел легкий снег, и все торопились.

Посреди толпы находился Робб, выкрикивавший распоряжения; брат, казалось, сразу подрос, словно бы падение Брана и несчастье матери каким-то образом прибавили ему сил. Серый Ветер был возле него.

— Дядя Бенджен разыскивает тебя, — сказал Робб. — Он хотел уехать уже час назад.

— Знаю, — отмахнулся Джон. — Сейчас! — Он

оглядел весь этот шум и смятение. — А расставаться труднее, чем я думал.

— По-моему, тоже, — проговорил Робб. Снежинки застревали в его волосах и таяли. — Видел его?

Джон кивнул, не имея силы ответить.

— Он не умрет, — сказал Робб. — Я знаю это.

— Вас, Старков, трудно убить, — согласился Джон голосом ровным и усталым. Визит этот отнял у него все силы.

Робб понял, что случилось нечто нехорошее.

— Моя мать… — начал он.

— Она была… очень добра со мной, — перебил его Джон.

Робб улыбнулся с облегчением:

— Хорошо. В следующий раз мы встретимся, когда ты будешь уже в черном.

Джон заставил себя ответить улыбкой:

— Я всегда любил этот цвет. А как ты думаешь, много ли времени пройдет до присяги?

— Не очень, — предположил Робб. Он прижал к себе Джона и крепко обнял его.

— Ну а теперь — прощай!

Джон ответил объятием:

— И ты тоже, Старк. Заботься о Бране.

— Можешь не сомневаться! — Они отодвину-

лись и с неловкостью поглядели друг на друга. — Дядя Бенджен велел, как только я увижу тебя, передать, чтобы ты шел в конюшню, — наконец сказал Робб.

— Мне нужно попрощаться еще с одним человеком, — сообщил ему Джон.

— Тогда я тебя не видел, — ответил Робб.

Джон оставил брата стоящим в снегу, окруженным фургонами, волками и лошадьми. До арсенала было недалеко. Джон прихватил свой сверток и по крытому мостику направился в замок.

Арья находилась в своей комнате, она укладывала вещи в полированный сундук из железного дерева, такой большой, что она сама поместилась бы в нем. Нимерия помогала. Арье нужно было только показать, и волчица бросалась через всю комнату, брала зубами нужное шелковое одеяние и приносила его. Но уловив запах Призрака, она присела на задние лапы и тявкнула на вошедших.

Арья обернулась, заметила Джона и вскочила на ноги. Она обняла его за шею своими тонкими руками.

— Я боялась, что ты уже уехал, — сказала она, дыхание ее перехватывало. — Меня не выпуска-

ют, чтобы попрощаться.

— А что ты сейчас делала? — Джон был удивлен.

Арья отодвинулась от него и скривилась.

— Ничего. Я просто собиралась. — Она кивнула на огромный сундук, наполненный не более чем наполовину, и вещи, разбросанные по комнате. — Но септа Мордейн сказала, что я сделала все не так и вещи мои сложены неправильно. Она считает, что настоящая южная леди не бросает свой вещи в сундук словно тряпки.

— Значит, ты так и поступила, маленькая сестрица?

— Но они же все равно перепутаются, — сказала Арья. — Какая разница, как они сложены?

— Кстати, о септе Мордейн, — заметил Джон. — Едва ли ей понравится, что Нимерия помогает тебе. — Волчица безмолвно поглядела на него темно-золотыми глазами. — Но ничего. У меня есть кое-что для тебя. Ты возьмешь это с собой и спрячешь подальше.

Лицо Арьи осветилось.

— Это подарок?

— Можешь называть и так. Закрой дверь.

С опаской взволнованная Арья выглянула в коридор.

— Нимерия, сюда! Охраняй, — Она посадила волчицу снаружи, чтобы та помешала нежеланному вторжению, и закрыла дверь. К этому времени Джон уже развернул все тряпки, которыми обмотал свой подарок.

— Вот.

Глаза Арьи расширились. Темные глаза, подобные его собственным.

— Меч, — сказала она негромко.

Ножны из мягкой серой кожи зашуршали вкрадчиво, словно грех. Джон медленно извлек клинок, так чтобы сестра увидела глубокую синеву стали.

— Это не игрушка, — сказал он. — Будь осторожна и не порежься. Лезвием можно даже бриться.

— Девочки не бреются, — заметила Арья.

— Иногда приходится. Ты когда-нибудь видела ноги септы?

Арья хихикнула:

— Она такая худая.

— Ты тоже, — сказал Джон. — Я велел Миккену сделать это для тебя. В Пентосе и Мире и в других свободных городах такими пользуются бандиты. Голову им не срубить, но дырок можно наделать изрядное количество — если поторопишься.

— Я умею двигаться быстро, — сказала Арья.

— Тебе придется тренироваться с мечом каждый день. — Джон вложил оружие в ее руки, показал, как держать, и отступил. — Ну, как ты себя чувствуешь? Он тебе по руке?

— По-моему, да, — отвечала Арья.

— Вот первый урок, — сказал Джон, — протыкай их насквозь. — Он указал на платья, висевшие на стене.

Арья шлепнула его плоской стороной меча по руке. Удар оказался болезненным, но Джон обнаружил, что ухмыляется как идиот.

— Я знаю, с какого конца им пользуются, — сказала Арья, но тут же сомнение пробежало по ее лицу. — Септа Мордейн отберет его у меня.

— Нет — если не будет знать о нем.

— А с кем мне практиковаться?

— Найдешь кого-нибудь, — пожал плечами Джон. — Королевская Гавань — настоящий город. Он в тысячу раз больше Винтерфелла. Ну а пока не найдешь партнера, наблюдай за тем, как фехтуют при дворе. Бегай, катайся верхом, укрепляй силы. И что бы ты ни делала…

Арья знала, что сейчас последует, и они договорили вместе:

— …не… говори… Сансе!

Джон растрепал ее волосы.

— Мне будет не хватать тебя, маленькая сестричка.

Арья почувствовала, что собирается плакать.

— Жаль, что ты не едешь с нами.

— В один и тот же замок нередко ведет множество дорог. Кто знает? — Джон чувствовал себя теперь увереннее. Он не хотел допускать печаль в свое сердце. — Ну а теперь мне пора. Если я заставлю дядю Бена ждать, весь первый год на Стене мне суждено выносить ночные горшки.

Арья побежала к нему для последнего объятия.

— Сперва положи меч, — предостерег ее со смехом Джон.

Застенчивым движением отставив оружие, она покрыла лицо брата поцелуями.

Джон повернулся назад к двери, Арья взяла меч, взвешивая его в руке.

— Чуть не забыл, — сказал Джон. — У всех хороших мечей есть имена.

— Например, Лед. — Она поглядела на клинок в своих руках. — Неужели у него уже есть имя? Ну говори же.

— Разве ты не догадываешься? — поддразнил Джон. — Назови свою самую любимую вещь.

Арья сперва удивилась, а потом поняла, И они хором произнесли:

— Игла!

Воспоминание это долго потом согревало его в дороге на север.

Дейенерис

Свадьбу Дейенерис Таргариен с кхалом Дрого, страшную и варварски великолепную, сыграли на поле возле стен Пентоса, потому что дотракийцы верили, что все важные события в мире и в жизни мужчины должны совершаться под открытым небом.

Дрого созвал свой кхаласар, и они пришли, сорок тысяч воинов-дотракийцев, вместе с несчетным количеством женщин, детей и рабов. Они остановились вместе со своими стадами у городских стен, воздвигли жилища из спряденной травы и съели все, что можно было найти вблизи. Добрый народ Пентоса с каждым днем проявлял все большее беспокойство.

— Мои друзья-магистры удвоили численность городской стражи, — говорил Иллирио, сидя ночью за блюдом с уткой в меду и оранжевым хрустящим перцем, во дворце, что принадлежал Дрого. Кхал отправился к своему кхаласару, предоставив дом в распоряжение Дейенерис и ее брата до дня свадьбы.

— Только лучше выдать принцессу Дейенерис

скорее, чем они скормят добро Пентоса наемникам. — пошутил сир Джорах Мормонт. Беглец предложил ее брату свой меч в ту самую ночь, когда Дени продали кхалу Дрого, и Визерис охотно принял его. С той поры Мормонт сделался их постоянным спутником.

Магистр Иллирио непринужденно расхохотался, поглаживая раздвоенную бороду, а Визерис даже не улыбнулся.

— Он может получить ее хоть завтра, если захочет, — сказал брат, поглядев на Дени. Она опустила глаза, — Пусть только выплатит цену.

Иллирио махнул мягкой рукой в воздухе, кольца блеснули на толстых пальцах.

— Я сказал вам, что все улажено. Доверьтесь мне. Кхал обещал вам корону, и вы ее получите.

— Да, но когда?

— Когда кхал решит, — ответил Иллирио. — Сначала он получит девицу, а после того, как они вступят в брак, ему нужно будет совершить путешествие по равнинам и представить ее подданным. После этого, быть может, все и решится. Если кхал получит добрые предзнаменования.

Визерис кипел нетерпением:

— Клал я на дотракийские предзнаменования! Узурпатор сидит на троне моего отца. Долго ли

мне ждать?

Иллирио пожал жирными плечами:

— Вы ждали всю свою жизнь, великий король. Что для вас еще несколько месяцев или даже несколько лет?

Сир Джорах, бывалый путешественник и знаток местных обычаев, согласно кивнул:

— Я советую вам проявить терпение, светлейший. Дотракийцы верны своему слову, но поступки они совершают, когда настает их время. Низменный человек может молить кхала о милости, но не вправе корить его.

Визерис ощетинился:

— Последите за своим языком, Мормонт, или я вырву его. Я не из простонародья; я — законный владыка Семи Королевств. Дракон не просит!

Сир Джорах с почтением потупил взгляд, Иллирио, загадочно улыбаясь, отодрал крылышко от утки. Мед и жир стекали по его пальцам, капали на бороду, зубы впились в нежное мясо.

«Драконов больше не существует», — подумала Дени, глядя на своего брата, хотя и не осмелилась высказать свою мысль вслух.

Но той ночью ей приснился дракон. Визерис бил ее нагую, млевшую от страха, делая ей больно. Дени побежала от брата, но тело сделалось

непослушным. Он вновь ударил ее, она споткнулась и упала.

— Ты разбудила дракона, — вскрикнул Визерис, ударяя ее. — Разбудила дракона, разбудила дракона. — Бедра ее увлажняла кровь. Она закрыла глаза и заскулила. И словно бы отвечая ей, послышался жуткий хруст, затрещал великий огонь. Когда она поглядела снова, Визерис исчез, вокруг поднялись великие столбы пламени, а посреди него оказался дракон. Он медленно поворачивал свою огромную голову. А когда огненная лава его глаз коснулась ее взгляда, она проснулась, сотрясаясь в холодном поту. Ей еще не случалось так пугаться…

…до дня, когда наконец свершился ее брак.

Обряд начался на рассвете, продолжался до сумерек; бесконечный день заполняли пьянство, обжорство и сражения. Посреди зеленых дворцов была возведена высокая земляная насыпь, откуда Дени наблюдала за происходящим, сидя возле кхала Дрого над морем дотракийцев. Ей еще не приводилось видеть столько людей вокруг себя, тем более из столь чуждого и страшного народа. Табунщики, посещая свободные города, наряжались в самые богатые одеяния и душились благовониями, но под открытым небом они со-

храняли верность старым обычаям. И мужчины, и женщины надевали на голое тело разрисованные кожаные жилеты и сплетенные из конского волоса штаны в обтяжку, которые удерживались на теле поясами из бронзовых медальонов. Воины смазывали свои длинные косы жиром, взятым из салотопных ям. Они обжирались зажаренной на меду и с перцем кониной, напивались до беспамятства перебродившим конским молоком и тонкими винами Иллирио, обменивались грубыми шутками над кострами; голоса их звучали резко и казались Дени совсем чужими.

Облаченный в новую черную шерстяную тунику с алым драконом на груди, Визерис сидел ниже ее. Иллирио и сир Джорах находились возле брата. Им предоставили весьма почетное место, как раз чуть ниже кровных всадников кхала. Однако Дени видела гнев, собирающийся в сиреневых глазах брата. Визерису не нравилось, что Дени сидит выше, и он кипел уже оттого, что рабы предлагали каждое блюдо сначала кхалу и его невесте, а ему подавали лишь то, от чего они отказывались. Тем не менее ему приходилось скрывать свое раздражение, и оттого Визерис впадал во все более мрачное настроение, усматривая все новые и новые оскорбления соб-

ственной персоне.

Дени никогда еще не было так одиноко, как посреди этой громадной толпы. Брат велел ей улыбаться, и она улыбалась, пока лицо ее не заболело и непрошеные слезы не подступили к глазам. Она постаралась сдержать их, понимая, насколько сердит будет Визерис; если заметит, что она плачет. Ей подносили еду: дымящиеся куски мяса, черные толстые сосиски, кровяные дотракийские пироги, а потом фрукты и отвары сладких трав, тонкие лакомства из кухонь Пентоса, но она отмахивалась от всего. В горле ее словно встал ком, и она понимала, что не сумеет ничего проглотить.

Поговорить было не с кем, кхал Дрого обменивался распоряжениями и шутками со своими кровными, смеялся их ответам, но даже не глядел на Дени, сидевшую возле него. У них не было общего языка. Дотракийского она не понимала, а сам кхал знал лишь несколько слов того ломаного валирийского наречия, на котором разговаривали в Вольных Городах, и вовсе не слыхал общего языка Семи Королевств. Дели была бы рада обществу Иллирио и брата, однако они находились слишком далеко внизу, чтобы слышать ее.

Так сидела она в своих брачных шелках, с

чашей подслащенного медом вина, не в силах поесть, безмолвно уговаривая себя. «Я от крови дракона, — говорила она про себя, — Я Дейенерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня, от крови и семени Эйегона-завоевателя…»

Солнце поднялось вверх по небу лишь на четверть пути, когда Дейенерис впервые в жизни увидела смерть человека. Били барабаны, женщины плясали перед кхалом. Дрого бесстрастно следил за ними, провожая взглядом движения и время от времени бросая вниз бронзовые медальоны, за которые женщины принимались бороться. Воины тоже наблюдали. Один из них вступил в круг, схватил плясунью за руку, кинул на землю и взгромоздился на нее, как жеребец на кобылу. Иллирио предупреждал ее о том, что подобное может случиться, ведь дотракийцы в своих станах ведут себя подобно животным. В кхаласаре нет уединения, они не знают ни греха, ни позора в нашем понимании.

Осознав происходящее, Дени в испуге отвернулась от совокупляющейся пары, но тут шагнул в круг второй воин, за ним третий, и скоро глаза некуда было прятать. Потом двое мужчин схватили одну женщину. Она услыхала крик, увидала движение, и в одно мгновение они обнажили

аракхи; длинные и острые как бритва клинки, смесь меча и косы. Смертельная пляска началась, воины сходились, рубились, прыгали друг вокруг друга, махали клинками над головой, выкрикивали оскорбления при каждом ударе. Никто не сделал даже попытки вмешаться.

Схватка завершилась так же быстро, как и началась. Руки замелькали быстрее, чем Дени могла уследить, один из мужчин споткнулся, клинок другого описал широкую плоскую дугу. Сталь впилась в плоть как раз над плечом дотракийца и развалила его тело от шеи до пупка, внутренности вывалились наружу. Когда побежденный умер, победитель схватил ближайшую женщину — даже не ту, из-за которой они поссорились, — и немедленно взял ее. Рабы унесли тело, пляска возобновилась.

Магистр Иллирио предупреждал Дени и об этом. Свадьбы хотя бы без трех смертей кажутся дотракийцам скучными, сказал он. Ее свадьба оказалась особо благословенной: прежде чем день окончился, погибла дюжина мужчин.

Шли часы, и ужас все сильнее овладевал Дени; наконец она едва могла сдерживать крик. Она боялась дотракийцев, чьи обычаи казались ей чудовищными и чуждыми, словно бы они были

зверями в человеческом обличье. Она боялась своего брата, того, что он может натворить, если она подведет его. Но более всего она боялась наступления ночи, когда брат отдаст ее этому гиганту, который пил возле нее, храня на лице жестокий покой бронзовой маски.

«Я от крови дракона», — сказала она себе.

Когда наконец солнце опустилось к горизонту, кхал Дрого хлопнул в ладони, и все барабаны, пир и крик вдруг остановились. Дрого встал и поднял Дени на ноги. Наступило время свадебных подарков.

После подарков, когда опустится солнце, настанет время для первой езды и совершения брака. Дени попыталась отодвинуть эту мысль, но не смогла. Она обняла себя, чтобы не дрожать.

Братец Визерис подарил ей трех служанок. Дени знала, что подарок ничего не стоил ему. Вне сомнения, девиц предоставил Иллирио. Меднокожих дотракиек с черными волосами и миндальными глазами звали Ирри и Чхику, светлокожую и синеглазую лисенийку — Дореа.

— Это не обычные служанки, милая сестрица, — сказал брат, когда девушек поставили перед ней. — Мы с Иллирио специально выбирали их для тебя. Ирри научит тебя верховой езде, Чхи-

ку — дотракийскому языку, а Дореа наставит в женственном искусстве любви. — Он тонко улыбнулся. — Она очень хороша в нем, мы с Иллирио оба можем это подтвердить.

Сир Джорах Мормонт извинился за свой подарок.

— Это пустяк, моя принцесса, но большего бедный изгнанник не может себе позволить, — проговорил он, положив перед ней небольшую стопку старинных книг. Это были истории и песни Семи Королевств, написанные на общем языке. Дени поблагодарила рыцаря от всего сердца.

Магистр Иллирио пробормотал приказ, и пятеро крепких рабов вышли вперед с огромным кедровым сундуком, окованным бронзой. Открыв его, она обнаружила груды тончайших бархатов и дамасков, которые умели делать в Вольных Городах; поверх мягкой ткани лежали три огромных яйца. Дени охнула. Она не видела ничего прекраснее, каждое отличалось от других и переливалось невероятно богатыми красками; сначала ей даже показалось, что они украшены драгоценностями. Яйца были такими большими, что их пришлось брать обеими руками. Дени поднимала их аккуратно, предполагая, что видит

вещицы, изготовленные из тонкого фарфора, деликатной эмали или цветного стекла, но они оказались гораздо тяжелее, чем если бы были сделаны из камня. Поверхность яиц была покрыта крошечными чешуйками, и, повертев их, Дени заметила, что они отливают полированным металлом цвета заходящего солнца. Одно яйцо было глубокого зеленого цвета с золотистыми пятнышками, которые появлялись и исчезали в зависимости от того, как она его поворачивала. Другое оказалось бледно-желтым с красными полосками. Последнее же, черное; как полночное море, выглядело живым, по нему пробегали алые завитки и волны.

— Что это такое? — спросила она негромким, полным удивления голосом.

— Драконьи яйца, привезенные из Края Теней за Асшаем, — отвечал магистр Иллирио. — Эоны обратили их в камень, и все же они горят красотой.

— Я буду хранить это сокровище! — Дени слыхала рассказы о подобных яйцах, но никогда не видела ни одного и не думала, что увидит. Это был действительно великолепный дар. Впрочем, она знала, что Иллирио может позволить себе расточительность: он получил целое состояние

лошадьми за посредничество в ее продаже кхалу Дрого.

Кровные всадники кхала поднесли ей, как требовал обычай, три вида оружия, надо сказать, великолепной работы. Хагго подарил ей огромный кожаный кнут с серебряной рукоятью. Кохолло — великолепный аракх, украшенный золотом, а Квото — громадный изогнутый лук из драконьей кости. Магистр Иллирио и сир Джорах научили ее подобающему отказу от подобных приношений. Ей следовало говорить, что сей дар достоин великого воина, что она всего лишь женщина и что только господин ее и муж достоин носить это оружие. Так и кхал Дрого получил свои брачные дары.

Дотракийцы подарили ей множество всяких вещей. Шлепанцы и драгоценные камни, серебряные кольца для волос и пояса для медальонов, раскрашенные жилеты и мягкие меха, песочный шелк, горшочки с притираниями, иголки, перья и крошечные бутылочки пурпурного стекла, наконец, мантию, сшитую из шкурок тысячи мышей.

— Великолепный дар, кхалиси, — оценил магистр Иллирио последний предмет, объяснив ей магические свойства мантии: — Сулит счастье.

Дары складывали вокруг Дейенерис в огромные

груды, их было больше, чем она могла представить себе, больше, чем ей было нужно, больше, чем она могла использовать.

Наконец, кхал Дрого преподнес ей собственный дар. Когда он оставил ее, молчание побежало от центра стана и постепенно охватило весь кхаласар. Когда Дрого вернулся, плотная толпа подносящих дары дотракийцев расступилась, и кхал подвел к ней коня. Это была молодая кобылица, нервная и великолепная. Дени достаточно разбиралась в конях, чтобы понять, насколько это необыкновенная лошадь. Было в ней нечто такое, от чего захватывало дыхание. Шкура напоминала зимнее море, а грива курилась серебряным дымом. Дени нерешительно прикоснулась к ней, погладила конскую шею, провела пальцами по серебристой гриве. Кхал Дрого сказал что-то по-дотракийски, и магистр Иллирио перевел:

— Серебро к серебру твоих волос, сказал тебе кхал.

— Она прекрасна, — пробормотала Дени.

— Она — гордость всего кхаласара, — сказал Иллирио. — Обычай требует, чтобы кхалиси ездила на коне, достойном ее места возле кхала.

Дрого шагнул вперед и взял ее за талию. Он поднял Дени так легко, словно бы она была ре-

бенком, и усадил в тонкое дотракийское седло, много проще тех, к которым она привыкла. Дени застыла, растерявшись на миг: никто не предупредил ее об этом.

— Что мне делать? — спросила она Иллирио.

Ответил ей сир Джорах Мормонт.

— Берите поводья и поезжайте. Но недалеко.

Волнуясь, Дени подобрала узду и вставила ноги в короткие стремена. Она ездила только на ярмарках и наездницей себя считать не могла; путешествовать ей приводилось на кораблях, фургонах, паланкинах, но не на конской спине. Помолившись о том, чтобы не упасть и не опозорить себя, Дени легко, едва ли не застенчиво прикоснулась к лошади и коленями послала ее вперед.

И впервые за последнее время совсем забыла об испуге. А быть может, и вообще впервые в жизни.

Серебристо-серая кобыла взяла с места гладко и плавно, толпа расступилась, не отводя от Дени глаз; она обнаружила, что несется быстрее, чем хотела, но скорость лишь обрадовала ее, а не испугала. Лошадь перешла на рысь, Дени улыбнулась. Дотракийцы торопливо давали дорогу. Хватало легкого прикосновения ногами,

напряжения удил. Она послала лошадь в галоп, и дотракийцы захохотали, с криками отпрыгивая с пути. Когда Дени повернула обратно, прямо перед ней возник костер. Их сжимали с обеих сторон так, что не было места объехать. С неведомой до сих пор отвагой Дейенерис послала кобылу вперед. Серебряная лошадь перелетела пламя словно бы на крыльях.

Когда она остановилась возле магистра Иллирио, Дени проговорила:

— Скажи кхалу Дрого, что он подарил мне ветер. — Жирный пентошиец гладил желтую бороду, переводя ее слова на дотракийский, и тут она впервые увидела улыбку своего мужа.

Последний осколок солнца исчез за высокими стенами Пентоса на западе, но Дени потеряла счет времени. Кхал Дрого велел кровным всадникам привести своего собственного коня, стройного рыжего жеребца. Пока кхал седлал его, Визерис скользнул поближе к серебряной кобыле, впился пальцами в ногу Дени и сказал:

— Порадуй его, милая сестрица, или клянусь, ты увидишь такого дракона, какого еще не встречала.

С этими словами брата страх опять вернулся к ней. Дени вновь ощутила себя ребенком, трина-

дцатилетней одинокой девочкой, не готовой к тому, что ожидало ее.

Они оставили позади кхаласар и травяные жилища, они мчались, и звезды высыпали на небо. Кхал Дрого не говорил ей ни слова, но гнал своего жеребца крупной рысью в собирающейся тьме. Крошечные серебряные колокольчики в его длинной косе тихо позвякивали при езде.

— Я от крови дракона, — громко прошептала Дени, чтобы поддержать в себе отвагу. — Я от крови дракона. Я от крови дракона. Я от крови дракона. Дракон никогда не боится!

Потом она не могла вспомнить, сколько времени это длилось, но когда они остановились у заросшей травой низинки возле небольшого ручья, совсем стемнело. Дрого соскочил с коня и снял Дени с кобылы. В его руках она ощущала себя хрупкой как стекло, а руки и ноги сделались слабыми как вода. Беспомощная и жалкая, она дрожала в своих свадебных шелках, пока Дрого привязывал коней, а когда кхал обернулся к ней, заплакала. Кхал Дрого поглядел на ее слезы со странно бесстрастным лицом.

— Нет. — Он поднял руку и стер слезы с ее лица грубым мозолистым большим пальцем.

— Ты говоришь на общем языке? — с удивлени-

ем спросила Дени.

— Нет, — отвечал он опять.

Наверное, он знает одно это слово, подумала Дени, но она почему-то вдруг приободрилась. Дрого легким движением прикоснулся к ее волосам, пропустив серебристые пряди между пальцами, тихо бормоча что-то на дотракийском. Дени не понимала слов, но в голосе мужа слышались тепло и нежность, которых она не ожидала от этого человека.

Взяв за подбородок, он приподнял ее голову, и она заглянула в его глаза. Дрого возвышался над ней, как над всем вокруг.

Взяв Дени под руки, он посадил ее на круглый камень. Потом сел на землю перед ней, скрестив ноги. Их лица наконец оказались на одной высоте.

— Нет, — сказал он.

— Это единственное слово, которое ты знаешь? — спросила она.

Дрого не ответил. Тяжелая коса покрылась пылью. Он перебросил ее через правое плечо и начал по одному снимать колокольчики. Спустя мгновение Дени склонилась вперед, чтобы помочь. Когда они были сняты, Дрого кивнул. Она поняла. И медленно, осторожно начала распле-

тать косу. На это ушло много времени. Все это время он сидел, молчаливо следя за ней, и когда она закончила, мотнул головой и волосы рассыпались позади него темной рекой, намасленные и блестящие. Она никогда не видела таких длинных, черных и густых волос.

Теперь пришел его черед. Он начал раздевать ее. Пальцы Дрого оказались ловкими и странно нежными. Один за другим он снял с нее шелка. Недвижимая Дени лишь молча глядела ему в глаза. Когда он обнажил ее крохотные грудки, она не сумела справиться с собой, потупила глаза и прикрыла их руками.

— Нет, — сказал Дрого и отвел ее руки, мягко, но твердо повторил он.

— Нет, — отозвалась она словно эхо.

Он поставил ее и придвинул к себе, чтобы снять последние одежды. Ночной воздух холодом прикоснулся к нагому телу. Дени поежилась, на ногах и руках выступила гусиная кожа. Она боялась того, что будет, но ничего страшного не случилось. Кхал Дрого сидел, скрестив ноги, впивая ее тело своими глазами. А потом начал прикасаться к ней, сперва почти незаметно, потом крепче. Дени ощущала свирепую силу в его руках, но ей не было больно. Он взял ее руку и по

одному растер пальцы. Потом нежно провел рукой по ноге. Погладил лицо, уши, ласково повел пальцем вокруг рта, запустил обе руки в волосы и расчесал их своими пальцами. Потом повернул ее, растер плечи, провел рукой по спине.

Наверное, прошли часы, прежде чем его руки добрались до грудей.

Он гладил мягкую кожу под ними, пока по ним не побежали мурашки. Поведя пальцами вокруг ее сосков, он зажал их между указательным и большим пальцами, а потом потянул на себя — сперва легко-легко, а потом настойчивее, так, что соски напряглись и заныли.

Тогда он остановился и посадил девушку к себе на колени. Дени горела, задыхалась, сердце колотилось в груди. Взяв ее лицо в свои огромные руки, он заглянул в ей глаза.

— Нет? — спросил он. И она поняла, что это за вопрос.

Она взяла его руку и опустила к влаге между своих бедер.

— Да, — прошептала она, вводя в себя его палец.

Эддард

Его разбудили за час до рассвета, когда серый мир еще не начинал шевелиться. Элин грубо вытряхнул его из снов, и полусонный Нед, спотыкаясь, вывалился в предутренний холодок, обнаружив своего коня оседланным, а рядом короля — уже верхом. На Роберте были толстые коричневые рукавицы, тяжелый меховой плащ с капюшоном закрывал его уши, и выглядел он медведем, взгромоздившимся на лошадь.

— Просыпайся, Старк! — прогремел он. — Приходи в себя. Нужно обсудить государственные дела.

— Как угодно, — отвечал Нед. — Входи, светлейший. — Элин поднял полог шатра.

— Нет, нет и нет, — воскликнул Роберт, каждое слово его курилось дымком. — В лагере полно чужих ушей. К тому же я хочу проехаться, осмотреть твою страну. — Сир Борос и сир Меррин с дюжиной гвардейцев ожидали позади короля. Неду оставалось лишь протереть глаза, одеться и вскочить в седло.

Темп задал Роберт, подгонявший своего огром-

ного черного жеребца так, что Неду едва удавалось не отставать. На ходу он выкрикнул вопрос, но ветер унес в сторону слова, и король его не услышал. Потом Нед ехал в молчании. Они вскоре оставили Королевский тракт и направились в сторону по просторной равнине, над которой плыл темный туман. К этому времени телохранители чуть отстали и, конечно, ничего не расслышали бы, но Роберт по-прежнему гнал вперед. Когда они поднялись на невысокий гребень, рассвело, и король остановился. К этому времени они отъехали на несколько миль к югу от ночной стоянки.

Взволнованный, раскрасневшийся Роберт обратился к Неду, остановившему своего коня рядом с ним.

— Боги, — ругнулся он хохоча. — Как хорошо выбраться на волю и проехаться так, как положено ездить мужчине! Клянусь тебе, Нед, можно свихнуться от этой черепашьей езды. А еще проклятая кибитка, я не могу больше терпеть ее стоны и скрипы. Для нее любой пригорок — гора… Обещаю тебе, если у проклятой телеги сломается еще одна ось, я сожгу ее, и пусть Серсея идет пешком!

Нед расхохотался:

— Придется подстелить тебе соломки…

— Добрая душа! — Король хлопнул его по плечу. — Я наполовину решился оставить их позади и поехать вперед.

Улыбка легла на губы Неда.

— Ты действительно этого хочешь?

— А как же! — ответил король. — Что ты на это скажешь, Нед? Ты да я, двое странствующих рыцарей на Королевском тракте, мечи у поясов, лишь богам известно, что нас ожидает! И пусть фермерская дочка или девка из таверны согреет сегодня мою постель!

— Неплохо бы, — качнул головой Нед. — Но теперь у нас есть обязанности, мой господин… перед страной, перед детьми, у меня перед моей благородной женой, а у тебя перед королевой. Мы больше не юноши.

— Ты никогда не был молод, вот что, — буркнул Роберт. — Как жаль. И все же однажды это случилось… как же звали твою простушку? Бекка? Нет, это одна из моих, помню, помню, черные волосы и сладкие большие глаза, в них и утонуть можно. Твою звали… Алина? Нет, ты говорил мне однажды. Или это была Мерил? Да ты же знаешь, кого я имею в виду, мать твоего бастарда!

— Звали ее Вилла, — отвечал с прохладной любезностью Нед, — и лучше не вспоминать о ней.

— Вилла, да. — Король ухмыльнулся. — Должно быть, редкостная девка, раз сумела заставить лорда Эддарда Старка забыть о собственной чести, пусть даже на час. Ты никогда не рассказывал мне, какова она была…

Рот Неда напрягся в гневе.

— И не скажу. Оставим этот разговор, Роберт, ради той любви, которую ты питаешь ко мне. Я обесчестил себя, обесчестил Кейтилин перед богами и перед людьми.

— Спаси тебя боги, тогда ты едва знал Кейтилин.

— Я уже взял ее в жены. Она носила моего ребенка.

— Как всегда, ты слишком строго относишься к себе, Нед. Ерунда. Ни одна женщина не пожелает заполучить святого Бейелора Благословенного в свою постель. — Он хлопнул ладонью по колену Неда. — Ну, не буду заставлять тебя, раз ты до сих пор испытываешь к ней такие крепкие чувства; временами ты делаешься таким колючим, что тебе, пожалуй, следовало бы сменить в гербе волка на ежа.

Встающее солнце своими лучами, словно пальцами, перебирало белые туманные занавеси. Перед ними расстилалась просторная равнина,

бурую и голую гладь тут и там нарушали длинные невысокие насыпи, Нед указал на них королю:

— Курганы Первых Людей.

Роберт нахмурился:

— Неужели мы заехали на кладбище?

— На севере курганы повсюду, светлейший, — сказал Нед. — Это древний край.

— И холодный, — добавил ворчливо Роберт, поплотнее закутываясь в плащ. Телохранители остановили коней в стороне от них, у подножия гребня. — Ну что ж, мы приехали сюда не за тем, чтобы разговаривать о могилах или ссориться из-за твоего бастарда. Ночью приехал гонец от лорда Вариса из Королевской Гавани. Ну-ка взгляни!

Король извлек из-за пояса бумагу и вручил ее Неду. Евнух Варис был главой шептунов короля. Он служил теперь Роберту, как прежде Эйерису Таргариену. Памятуя про Лизу и ее жуткое обвинение, Нед развернул бумажный свиток с тревогой, но послание касалось вовсе не леди Аррен.

— А каков источник этой информации?

— Ты помнишь сира Джораха Мормонта?

— Лучше бы мне забыть его, — покачав головой, бросил Нед.

Мормонты с Медвежьего острова принадлежа-

ли к древним родам, гордым и достопочтенным. Но далекие их земли были холодны и бесплодны. Сир Джорах попытался пополнить фамильные сундуки, продав кое-кого из браконьеров тирошийскому работорговцу. Мормонты были знаменосцами Старков, и его преступление обесчестило Север. Нед совершил долгое путешествие на запад до Медвежьего острова только для того, чтобы обнаружить там, что Джорах на корабле направился в пределы, недоступные королевскому правосудию. С тех пор минуло пять лет.

— Сир Джорах сейчас находится в Пентосе и стремится заработать королевское прощение, которое позволит ему вернуться из изгнания, — объяснил Роберт. — Лорд Варис умело пользуется им.

— Итак, наш работорговец сделался шпионом, — отвечал Нед с презрением, передавая письмо назад. — Я бы предпочел, чтобы он превратился в труп.

— Варис утверждает, что шпионы много полезнее трупов, — усмехнулся Роберт. — Оставив в стороне Джораха, скажи, что ты думаешь о его сообщении?

— Дейенерис Таргариен вышла замуж за какого-то предводителя дотракийских табунщиков.

Ну и что? Следовало бы послать ей подарок к свадьбе.

Король нахмурился:

— Не нож ли? Острый, и чтобы его вручил ей один из палачей…

Нед не стал изображать удивление. Ненависть Роберта к Таргариенам доводила того до безумия. Нед вспомнил гневные слова, которыми они обменялись, когда Тайвин Ланнистер представил Роберту трупы жены и детей Рейегара в качестве доказательства верности. Нед назвал поступок убийством, Роберт же объяснил все военным временем. Когда Нед заметил, что молодой принц и принцесса едва вышли из младенческого возраста, новоявленный король бросил в ответ:

— Я вижу не детей, а порождение дракона.

Даже Джон Аррен не сумел умиротворить эту бурю. В холодной ярости Эддард Старк отправился на последнюю битву на юге. Потребовалась еще одна смерть, чтобы они примирились: смерть Лианны и общее горе.

На этот раз Нед решил сдержать темперамент.

— Светлейший, девица еще невинный ребенок. И ты не Тайвин Ланнистер, чтобы убивать невинных. — Он вспомнил рассказы о том, что, увидев перед собой мечи, маленькая дочка Рейегара

заплакала, когда ее вытащили из-под кровати. Мальчик же еще не вырос из пеленок, но латники лорда Тайвина вырвали его из рук матери и разбили голову о стену.

— И как долго сей экземпляр останется невинным? — Рот Роберта напрягся, — Это дитя скоро расставит пошире ножки и начнет рожать новое драконье племя, чтобы досаждать мне.

— Тем не менее, — проговорил Нед, — детоубийство… это грех… немыслимый…

— Немыслимый? — прогрохотал король. — А что Эйерис сделал с твоим братом Брандоном? А мыслима ли смерть твоего лорда-отца? А Рейегар… Сколько раз, как ты думаешь, он изнасиловал твою сестру? Сколько сотен раз? — Голос короля сделался столь громким, что конь под ним яростно заржал. Король натянул узду, успокоил животное и гневно ткнул пальцем в Неда, — Я убью каждого Таргариена, до которого сумею добраться, чтобы все они умерли, как их драконы, и охотно помочусь на могилу каждого.

Нед понимал, что противоречить королю в таком гневе не стоит. Если уж годы не утихомирили мстительности в душе Роберта, слова помочь не могли.

— Однако, по-моему, до нее тебе не дотянуться,

или не так? — негромко проговорил Нед.

Рот короля скривился в горькой гримасе.

— Нет, о проклятые боги! Какой-то изъеденный язвами пентошийский сыроторговец содержал сестру и брата в своем поместье под охраной евнухов в остроконечных шапочках, а теперь передал их дотракийцам. Я бы приказал убить обоих еще много лет назад, когда до них нетрудно было добраться, но Джон, как и ты, не стремился помочь мне. И я по своей глупости послушал его.

— Джон Аррен был умен и хорошо служил тебе.

Роберт фыркнул. Гнев оставил его так же внезапно, как и начался.

— Как утверждают, у этого кхала Дрого в орде сто тысяч человек. И что, по-твоему, сказал бы на это Джон?

— Наверное, что даже миллионы дотракийцев не опасны для государства, пока они остаются на другой стороне Узкого моря, — невозмутимо проговорил Нед. — У варваров нет кораблей. Они ненавидят открытое море и страшатся его.

Король поежился.

— Но в Вольных Городах корабли найдутся. Говорю тебе, Нед, мне не нравится этот брак. В Семи Королевствах найдется достаточно народу,

который считает меня узурпатором. Ты забыл, сколько родов приняло сторону Таргариенов в войне? Сейчас они выжидают, но если получат хотя бы половину шанса, то убьют меня прямо в постели и моих сыновей вместе со мной. Если король-попрошайка пересечет море с дотракийской ордой за спиной, предатели присоединятся к нему.

— Он не сделает этого! — воскликнул Нед. — Ну а если по какому-то несчастному случаю это все-таки случится, мы сбросим его в море. Как только ты назначишь нового Хранителя Востока…

Король простонал:

— В последний раз говорю тебе: я не стану называть Хранителем мальчишку Аррена. Я знаю, что он твой племянник, но когда таргариенка лезет в постель дотракийского кхала, только безумец может возложить одну четверть королевства на плечи больного ребенка.

У Неда был готов ответ:

— Но нам нужен Хранитель Востока. Если не подходит Роберт Аррен, пусть это будет кто-нибудь из твоих братьев. Станнис, например, он хорошо проявил себя при осаде Штормового Предела.

Имя на мгновение повисло в воздухе. Король

нахмурился и молча, с неуверенностью огляделся.

— Значит, — негромко добавил Нед, выжидая, — ты уже обещал эту честь другому?

На мгновение Роберту хватило достоинства изобразить удивление. Но столь же быстро взгляд короля сделался тусклым.

— И что, если так?

— Значит, это Джейме Ланнистер?

Роберт послал коня вперед и по гребню направился к кургану. Нед держался возле него. Король ехал, глядя перед собой.

— Да, — сказал он наконец, закончив разговор одним жестким словом.

— Цареубийца, — проговорил Нед. Значит, слухи были верными. Теперь он знал, что въезжает на опасную почву. — Вне сомнения, отважный человек и способный, — сказал он осторожно, — Но его отец — Хранитель Запада. И со временем сир Джейме унаследует эту честь. Ни один человек не вправе владеть сразу Востоком и Западом. — Нед не стал высказывать истинные причины своей озабоченности: такое назначение отдало бы половину войска в руки Ланнистеров.

— Придет время — разберемся, — упрямо сказал король. — В настоящий момент Лорд Тайвин

кажется вечным, как Бобровый утес, и я сомневаюсь; чтобы Джейме мог вскоре рассчитывать на наследство. Не раздражай меня расспросами, Нед, камень уже установлен.

— Светлейший, могу ли я говорить откровенно?

— Похоже, я не в силах остановить тебя, — буркнул Роберт, направляя коня в заросли высокой бурой травы.

— Ты можешь доверять Джейме Ланнистеру?

— Он близнец моей жены, присягал на верность братству Королевской гвардии, его жизнь, состояние и честь связаны с моими.

— Также, как они были связаны с Эйерисом Таргариеном, — заметил Нед.

— Почему я должен не доверять ему? Джейме выполнял все мои поручения. Меч его помог мне завоевать этот трон.

Меч его помог поколебать тот престол, на котором ты теперь сидишь, подумал Нед, не позволив себе произнести эти слова.

— Он поклялся отдать за своего короля собственную жизнь. А потом перерубил ему горло мечом.

— Седьмое пекло, кто-то ведь должен был убить Эйериса! — вскричал Роберт, резко останавливая

коня возле древнего кургана. — Если бы на это не согласился Джейме, за меч пришлось бы взяться тебе или мне.

— Мы не были братьями Королевской гвардии, — проговорил Нед, разом решив, что настало время, когда Роберт должен узнать всю правду. — Ты помнишь Трезубец, светлейший?

— Возле него я добился короны. Как могу я забыть эту битву?

— Рейегар ранил тебя, — напомнил ему Нед. — Поэтому, когда войско Таргариенов сломалось и побежало, ты поручил мне преследовать его. Остатки армии Рейегара бежали к Королевской Гавани. Мы гнались за ними. Эйерис находился в Красном замке с несколькими тысячами верных ему воинов. Я ожидал найти ворота закрытыми.

Роберт нетерпеливо тряхнул головой.

— Но обнаружил, что наши люди уже взяли город. Ну и что из того? Ланнистеры. Над башнями полоскался лев Ланнистеров, а не венценосный олень. И они захватили город предательством.

Война бушевала уже почти год. Лорды, великие и малые, собрались под знаменами Роберта, другие же оставались верными Таргариенам. Могущественные Ланнистеры с Бобрового утеса, Хранители Запада, держались в стороне от

борьбы, не внимая призывам как восставших, так и сторонников короля. Наконец лорд Тайвин Ланнистер с двенадцатью тысячами войска пришел к воротам Красного замка и объявил о своей верности королю; Таргариен решил, конечно, что это боги ответили на его молитвы. И тогда Безумный король совершил свой последний безумный поступок: он открыл ворота львам, стоявшим у крепости.

— Предательство… эта монета хорошо известна Таргариенам, — проговорил Роберт. Гнев вновь овладел им. — Ланнистеры отплатили Эйерису его же монетой. Иного они не заслуживали, и я не буду из-за них тревожить свой сон.

— Тебя не было там, — проговорил Нед с горечью в голосе. Он знал, что такое тревожные сны. Свой поступок лорд Старк совершил четырнадцать лет назад, и все же память о нем до сих пор преследовала его по ночам. — В этой победе не было чести.

— Пусть Иные поберут твою честь, — выругался Роберт. — Что знали о чести эти Таргариены? Спустись к себе в крипту и спроси Лианну, что она думает о чести дракона!

— Ты отомстил за Лианну возле Трезубца, — ответил Нед, останавливаясь возле короля.

— Обещай мне, Нед, прошептала она тогда.

— Месть не вернула ее. — Роберт отвернулся, разглядывая серые дали. — Проклятые боги подарили мне пустую победу. Корону… а я просил у них девушку. Твою сестру, целую и сохранную… Я спрашиваю тебя, Нед, что хорошего в этой короне? Боги смеются над молитвами и королей, и пастухов.

— Не знаю, как насчет богов, светлейший… но вот еще что я увидел, когда въехал в тот день в тронный зал, — проговорил Нед. — Эйерис лежал на полу, утонув в собственной крови, черепа драконов глядели вниз со стен. Люди Ланнистеров были повсюду. И Джейме в белом плаще Королевской гвардии поверх золоченой брони. Я до сих пор вижу его. Даже меч сверкал позолотой. Он сидел на Железном троне, высоко над рыцарями, в своем львином шлеме, и надувался от гордости.

— Это известно, — заметил король.

— Я все еще был на коне. И в безмолвии проехал через весь зал между долгими рядами драконьих черепов. Казалось, что они наблюдают за мной. Я остановился перед троном и поглядел на Джейме. Обагренный кровью короля золотой меч лежал на его коленях. Мои люди наполняли зал позади меня, люди Ланнистера отступали.

Я не проронил ни слова, только глядел на него, сидящего на престоле. И ждал. Наконец Джейме расхохотался и встал. А потом снял свой шлем и сказал мне: «Не бойся, Старк. Я просто грел кресло для нашего друга Роберта. Увы, не слишком-то удобное сиденье».

Король откинул назад голову и захохотал. Смех его вспугнул ворон из высокой бурой травы. Отчаянно захлопав крыльями, птицы взмыли в воздух.

— Ты полагаешь, что я должен не доверять Ланнистеру, потому что он провел несколько мгновений на моем троне? — Король вновь зашелся смехом. — Джейме было всего семнадцать, он едва вышел из мальчишеского возраста!

— Мальчишка или мужчина, но права садиться на престол он не имел.

— Быть может, он устал, — предположил Роберт. — Убивать королей — дело тяжелое. Боги знают, что в этом проклятом зале негде передохнуть. И он не солгал: это чудовищно неуютное кресло, причем во многих отношениях. — Король покачал головой. — Теперь я знаю самый черный грех Джейме, значит, обо всем можно забыть. Нед, меня с души воротит от этих тайн, слухов и государственных дел. Это так же скучно, как считать

медяки. Проедемся еще, раньше ты любил ездить. Я снова хочу ощутить ветер в своих волосах. — Он послал коня вперед и поскакал по кургану.

Нед не сразу последовал за ним. Слова кончились, и его переполнила печаль к беспомощность. Он опять удивился тому, что делает здесь, зачем оказался в этом месте. Он не Джон Аррен и не способен укротить своенравный нрав короля и научить его мудрости. Роберт будет поступать, как ему заблагорассудится, и все слова или поступки Неда этого не переменят. Сам же он принадлежит Винтерфеллу. Ему следует разделять горе Кейтилин и быть рядом с Браном.

Но мужчина не всегда вправе находиться там, где хочет. С решимостью Эддард Старк сжал сапогами бока коня и направился следом за королем.

Тирион

Север тянулся бесконечно.

Тирион Ланнистер пользовался картами не хуже любого другого, однако двухнедельный путь по дикой дороге, ответвлению Королевского тракта, заставил его понять, что карты — одно, а земля — совершенно другое.

Они оставили Винтерфелл в тот же самый день, что и король, среди суматохи царственного отъезда, под крики мужчин и фырканье лошадей, под грохот фургонов и сгон громадного дома на колесах. Кружился легкий снежок. Королевский тракт проходил вблизи замка и города. Тут знамена, фургоны, колонна рыцарей и свободные всадники повернули к югу, унося с собой весь шум, а Тирион отправился на север с Бендженом Старком и его племянником.

Сразу сделалось холоднее и тише.

К западу от дороги поднимались кремневые холмы, серые и зубастые пики, с высокими сторожевыми башнями на каменистых вершинах. К востоку земля уходила вдаль, насколько мог видеть глаз, становясь гладкой равниной. Ка-

менные мосты пересекали узкие быстрые реки, а небольшие сельские дома тесными кольцами окружали крепости, сложенные из дерева и камня. На дороге еще было много путников, но на ночь путешественники могли устроиться в неприхотливых постоялых дворах.

В трех днях езды от Винтерфелла обработанная земля уступила место лесам, и Королевский тракт опустел. Кремневые холмы вырастали с каждой новой милей, обретая все более дикий облик, и скоро превратились в холодные синие горы, зубастые громады, покрытые снегом. Когда с севера задувал ветер, долгие хвосты ледяных кристаллов тянулись от высоких пиков, словно знамена. С запада горы встали стеной, дорога повернула на северо-восток через леса, дубовые и хвойные. Заросли вереска казались Тириону черными и древними. «Волчий лес» — называл этот край Бенджен Старк, и действительно, ночи теперь полнились воем звериных стай, иногда не столь уж далеких.

Услышав ночной вой, альбинос Джона Сноу наставлял уши, но никогда не отвечал собственным голосом. Тириону виделось в этом животном нечто весьма тревожное.

Не считая волка, их отряд теперь состоял из

восьми человек, Тирион путешествовал с двумя слугами, как подобало Ланнистеру. Бенджен Старк ехал в сопровождении своего незаконнорожденного племянника. Он прихватил несколько свежих коней для Ночного Дозора. Но прежде чем углубиться в чащобы Волчьего леса, они заночевали за деревянными стенами лесного острога, где к ним присоединился еще один из Черных Братьев, некто Йорен, человек сутулый и мрачный. Лицо его пряталось за бородой, не менее черной, чем его одеяние, но Йорен казался крепким, как старый корень, и твердым как камень. Его сопровождала пара оборванных крестьянских мальчишек из Перстов.

— Насильники, — коротко бросил Йорен, холодно поглядев на своих подопечных.

Тирион понял. Суровая жизнь на Стене тем не менее была предпочтительнее кастрации. Пятеро мужчин, трое мальчиков, лютоволк, двадцать лошадей, клетка с воронами, которую вручил Бенджену Старку мейстер Лювин. Любопытная компания для Королевского тракта, да и вообще для любой дороги.

Тирион заметил, что Джон Сноу наблюдает за Йореном и его мрачными компаньонами со странным выражением на лице, похожим на

разочарование. Плечо Йорена было согнуто, от него пахло кислятиной, жирные волосы и борода спутались и кишели блохами, старая и залатанная одежда его явно редко стиралась. От обоих молодых рекрутов пахло еще хуже, они казались глупыми и жестокими.

Вне сомнения, мальчик ошибочно полагал, что Ночной Дозор собран из людей, подобных его собственному дяде. Если так, Йорен и его спутники весьма грубо вернули Джона к действительности. Тириону было жаль мальчика. Он выбрал трудную жизнь: или — точнее говоря — для него выбрали трудную жизнь. К дяде мальчика Тирион испытывал гораздо меньшую симпатию. Бенджен Старк, казалось, разделял презрение брата к Ланнистерам, и не обрадовался, когда Тирион сообщил ему о своем намерении.

— Предупреждаю вас, Ланнистер, возле Стены вы не найдете гостиниц, — строго поглядел на него Старк.

— Вне сомнения, вы отыщете мне какое-нибудь место, — мрачно усмехнулся Тирион. — Как вы могли заметить, я невысок и удовольствуюсь малым.

Брату королевы нельзя было отказать, это и уладило дело, но Старк явно не обнаруживал

радости.

— Вам не понравится дорога, гарантирую это, — проговорил коротко Бенджен и с тех пор делал все возможное, чтобы подтвердить свое обещание. К концу первой недели Тирион сбил ноги седлом, промерз до костей, но не жаловался. Черт побери, он не даст Бенджену Старку ни малейшего повода для удовлетворения! Маленький реванш ему предоставил плащ для верховой езды — потрепанная и пахнущая мускусом медвежья шкура, Старк предложил ее с любезностью Ночного Дозорного и, вне сомнения, рассчитывал на изящный отказ. Но Тирион принял предложенное с улыбкой. Выехав из Винтерфелла, он прихватил с собой теплую одежду, но скоро обнаружил, что ее недостаточно. На севере было по-настоящему холодно, и с каждым днем становилось все холоднее. Начались ночные морозы, а порывы ветра, словно нож, прорезали самую теплую шерсть. Через несколько дней Старк, несомненно, сожалел о своем рыцарском жесте. Но и он получил свой урок. Ланнистеры никогда не отказываются. Ланнистеры берут все, что им предлагают.

Чем дальше они продвигались на север, погружаясь во мрак Волчьего леса, тем реже и реже попадались фермы и остроги; наконец ни одна

кровля не могла более предоставить ночлега путникам, и им пришлось обратиться к собственным ресурсам.

От Тириона не было никакой пользы при устройстве на ночлег или стоянку. Маленький и кривоногий, он только путался под ногами. Посему, пока Старк, Йорен и другие мужчины делали грубое укрытие, ухаживали за конями и разжигали огонь, он обычно брал плащ, небольшой мех с вином и уходил почитать.

На восемнадцатую ночь путешествия вино оказалось редкостным и сладким янтарным напитком с Летних островов, который он привез с собой на север с Бобрового утеса, книга же увлекательно повествовала об истории и драконах. С разрешения лорда Эддарда Старка Тирион прихватил с собой в путь несколько редкостных томов из библиотеки Винтерфелла.

Он обнаружил уютное место как раз за пределами лагерной суеты, возле торопливого ручья с водой чистой и холодной, как лед. Корявый старый дуб предоставил ему укрытие от кусачего ветра. Тирион завернулся в меха, припал спиной к стволу, глотнул вина и принялся читать о достоинствах драконьей кости. Драконья кость черна, потому что в ней много железа, повествовала

книга. Она прочна как сталь, но легче и гибче и, конечно, совершенно неподвластна огню. Луки из драконьей кости весьма ценятся дотракийцами; этому нечего удивляться: стрела, посланная из такого оружия, летит дальше, чем пущенная из деревянного.

К драконам Тирион относился с трепетным интересом. Впервые явившись в Королевскую Гавань на свадьбу своей сестры с Робертом Баратеоном, он решил отыскать драконьи черепа, которые прежде висели на стенах тронного зала Таргариенов. Король Роберт заменил их знаменами и гобеленами, но Тирион настоял на своем и наконец отыскал черепа в мрачном погребе, куда их сложили.

Он надеялся обнаружить нечто отвратительное и жуткое и не думал, что кости окажутся прекрасными. Черная, словно оникс, полированная кость загадочно искривилась в свете огня. Драконы любили пламя, понял Тирион. Сунув факел в пасть одного из самых больших черепов, он заставил тени плясать на стене перед ним. Длинные зубы, они казались кривыми ножами из черного алмаза. Пламя его факела не могло повредить им: они помнили и больший жар. Ну а отойдя в сторону, Тирион решил — и мог бы

присягнуть в этом, — что пустые глазницы твари следят за ним.

Черепов насчитывалось девятнадцать. Самому старшему было более трех тысяч лет; самому молодому — лишь полтора века. Эти были и самыми маленькими. Вот пара не больше черепов мастифа, странные уродливые останки двух последних драконов, вылупившихся на Драконьем Камне. Они были последними — и у Таргариенов, и, быть может, вообще — и прожили недолго.

Чем старее были драконы, тем крупнее становились их кости; замыкали череду черепа трех великих чудовищ, прославленных в сказаниях и песнях. Этих драконов Эйегон Таргариен и его сестра в старину выпустили на Семь Королевств. Певцы дали им имена богов: Балерион, Мираксес, Вхагар. Тирион стоял в их разверстых пастях, не в силах сказать ни слова. В глотку Вхагара можно было въехать верхом на коне. Впрочем, рискнувший сделать это при жизни дракона никогда бы не выехал наружу. Мираксас был еще больше. Но самый великий из всех, Балерион Черный Ужас, мог проглотить целого зубра, а может быть, и волосатого мамонта, которые все еще бродили по холодным пустошам за Порт Иббеном.

Тирион долго простоял в этом мрачном погребе,

разглядывая огромный пустой череп Балериона, и, пока не догорел его факел, пытался понять величину живого зверя, представить себе, каким казался огнедышащий змей в небе на распростертых крыльях.

Его собственный далекий предок, король Лорен с Бобрового утеса, попытался выстоять против огня и объединился с королем Мерном, владыкой Раздолья, чтобы противостоять таргариенскому завоеванию. Это случилось почти три века назад, когда Семь Королевств действительно были королевствами, а не провинциями большой страны. Эти два короля могли поднять шесть сотен знамен, выставить пять тысяч конных воинов и в девять раз больше свободных всадников и вооруженных людей. У Эйегола Драконовластного было не более пятой части от этого числа, как утверждают хроники. Да и то большую часть их набрали из воинов убитого короля, в верности которых можно было сомневаться.

Воины сошлись на широких просторах Раздолья, посреди золотых полей пшеницы, созревшей для жатвы. Два короля повели свое войско вперед, и армия Таргариена дрогнула, рассыпалась и побежала. На несколько мгновений, писали хроникеры, завоевание закончилось… но только

на несколько мгновений, потому что Эйегон Таргариен и его сестры вступили в сражение.

Один только раз Вхагара, Мираксеса и Балериона выпустили одновременно, и певцы назвали поле битвы Пламенным Полем.

Почти четыре тысячи человек сгорели в тот день, среди них оказался Мери, король Раздолья. Король Лорен спасся и прожил достаточно долго, чтобы сдаться, присягнуть на верность Таргариену и породить сына, за что Тирион был ему должным образом благодарен.

— Почему ты так много читаешь?

Тирион поднял голову на звук голоса. В нескольких футах от Ланнистера стоял Джон Сноу, разглядывавший его с любопытством. Карлик заложил книгу пальцем и проговорил:

— Погляди на меня и скажи, что ты видишь?

Мальчик подозрительно поглядел на него.

— Ты шутишь. Я вижу только тебя, Тирион Ланнистер.

Тирион вздохнул.

— Для бастарда ты чрезвычайно вежлив, Джон Сноу. Ты видишь перед собой карлика. Сколько тебе лет, двенадцать?

— Четырнадцать, — отвечал мальчик.

— Четырнадцать, и ты выше, чем суждено мне

когда-либо стать. Ноги мои кривы и коротки, я хожу с трудом. Мне нужно особое седло, чтобы не упасть с коня. Его придумал я сам, если тебе интересно знать. Иначе мне пришлось бы ездить на пони.

Руки у меня крепкие, но слишком короткие. Из меня никогда не получится фехтовальщик. Если бы я родился в семье крестьянина, то меня оставили бы умирать или продали как уродца какому-нибудь работорговцу. Но увы, я был рожден Ланнистером с Бобрового утеса, и во всех тамошних ярмарочных балаганах не хватит денег на такого карлу. От меня многого ожидали. Мой отец двадцать лет был десницей короля. Потом мой брат убил этого самого короля… так вышло, но жизнь полна маленьких сюрпризов. Моя сестра вышла замуж за нового короля, и мой отвратительный племянник со временем станет его наследником. Поэтому я должен делать все возможное ради чести моего дома, разве ты не согласен? Но как? Ноги мои слишком малы для тела, а голова чересчур велика, но я бы сказал, что, на мой взгляд, она как раз впору для моего ума. Я спокойно принимаю собственные силы и слабости. Ум — вот мое оружие. У брата Джейме есть меч, у короля Роберта боевой молот, а у

меня разум. А он нуждается в книгах, как меч в точильном камне, чтобы не затупиться, — Тирион постучал по кожаной обложке книги. — Вот поэтому я читаю так много, Джон Сноу.

Мальчик выслушал его в молчании. Лицом, если не именем, он был похож на Старка. Длинным, печальным, настороженным лицом, которое ничего не выдавало. Кем бы ни была его мать, она не оставила на сыне заметного отпечатка своей личности.

— О чем ты читаешь? — спросил Джон.

— О драконах, — улыбнулся ему Тирион.

— А какой в этом прок? Драконов больше не существует, — проговорил мальчик с бесшабашной уверенностью юности.

— Да, так говорят, — отвечал Тирион. — Грустно, не правда ли? Когда мне было столько, сколько сейчас тебе, я мечтал о том, чтобы у меня был собственный дракон.

— Да ну? — с сомнением в голосе спросил мальчик, должно быть, подумав, что Тирион смеется над ним.

— Знаешь, ведь и уродливый горбатый коротышка может увидеть мир, если сядет на спину дракона. — Тирион откинул в сторону медвежью шкуру и поднялся на ноги. — Я начал разводить

огонь в недрах Бобрового утеса и часами смотрел на пламя, воображая, что это драконий огонь. Иногда мне представлялось, что в нем горит мой отец. Иногда — моя сестра…

Джон снова поглядел на него, взгляд его выражал в равной мере ужас и восхищение.

Тирион фыркнул:

— Не надо смотреть на меня такими глазами, бастард. Я знаю твой секрет. Тебе снятся такие же сны.

— Нет! — вскрикнул в ужасе Джон Сноу. — Я бы не…

— Как? Никогда? — Тирион приподнял бровь. — Ну что ж, тогда, вне сомнения, Старки были жутко добры к тебе. И леди Старк обращалась с тобой, словно с родным сыном. Ну а братец Робб всегда был ласков, а почему бы и нет? Он ведь получает Винтерфелл, а ты — Стену. Твой отец… должно быть, у него были веские причины отправить тебя в Ночной Дозор.

— Прекрати, — скривил губы Джон Сноу, потемнев от гнева. — Служить в Ночном Дозоре — благородное дело!

Тирион расхохотался:

— Ты слишком умен, чтобы верить в это. Ночной Дозор служит свалкой для всех неудачников

нашего края. Я видел, как ты смотришь на Йорена и его мальчишек. Они твои новые братья, Джон Сноу. Или они тебе не нравятся? Унылые мрачные крестьяне, должники, браконьеры, насильники, воры и бастарды, подобные тебе самому, все они уходят на Стену ловить грамкинов, снарков и прочих чудищ, о которых рассказывают няньки. Хорошо еще, что ни грамкинов, ни снарков не существует, и поэтому дело едва ли можно назвать опасным. Хуже то, что здесь нетрудно напрочь отморозить яйца, но поскольку тебе запрещено размножаться, это едва ли имеет значение.

— Прекрати! — завопил мальчик. Он шагнул вперед, сжимая кулаки, едва ли не со слезами.

Неожиданно Тирион почувствовал себя виноватым. Он шагнул вперед, намереваясь приободрить мальчика, похлопав его по плечу, и пробормотать какие-нибудь извинения.

Он так и не заметил волка, откуда тот появился и как напал на него. Только что он шел в сторону Сноу и уже в следующий момент лежал на спине, на жесткой каменистой земле, а книга взлетела в воздух, вырвавшись из его рук. Дыхание оставило Тириона, рот наполнился грязью, кровью и гнилой листвой. Тирион раздраженно скрипнул зубами, ухватился за корень и с трудом сел.

— Помоги, — сказал он мальчику, протягивая руку.

И вдруг волк оказался между ними. Зверь не рычал. Проклятая тварь никогда не испускала ни звука. Он только глядел на Ланнистера своими ярко-красными глазами и скалил зубы, но и этого было довольно. Тирион со стоном осел на землю.

— Не надо помогать мне, ладно. Я посижу, пока ты не уйдешь.

Джон Сноу погладил густой мех Призрака и улыбнулся:

— А теперь попроси меня вежливо.

Тирион Ланнистер ощущал, как собирается внутри его гнев, и подавил его усилием воли. Не первое унижение в его жизни и, бесспорно, не последнее. Быть может, он даже и заслужил его.

— Я буду очень благодарен тебе за любезную помощь, Джон, — кротко произнес Тирион.

— Сидеть, Призрак, — сказал мальчик. Лютоволк уселся на задние лапы, но красные глаза так и не отрывались от Тириона. Джон зашел сзади карлика, взял его за плечи и легко поставил на ноги, а потом поднял книгу и подал ее.

— Почему он набросился на меня? — спросил Тирион, искоса глянув на волка. Тыльной стороной руки он стер со рта кровь и грязь.

— Наверное, принял за грамкина.

Тирион посмотрел на него, и короткий смешок вырвался у него против воли.

— О боги, — проговорил он, заливаясь смехом и покачивая головой. — Действительно, я похож на грамкина. Ну а что он делает со снарками?

— Этого тебе уж точно не следует знать. — Джон подобрал бурдючок и передал его Тириону.

Тирион извлек пробку, склонил голову, плеснул в рот струйку вина. Холодный огонь пробежал по горлу и согрел живот. Он подал мех Джону Сноу:

— Хочешь попробовать?

Мальчик взял мех и осторожно глотнул.

— Настоящее вино? — спросил он. — А это верно? То, что ты говорил относительно Ночного Дозора?

Тирион кивнул.

Джон Сноу мрачно стиснул губы.

— Ну и что, если так, значит, так и будет.

Тирион качнул головой:

— Молодец, бастард. Люди чаще предпочитаю отрицать жестокую истину, чем становиться к ней лицом.

— Большая часть людей, — проговорил мальчик. — Но не ты.

— Да, — согласился Тирион, — только не я. Те-

перь мне больше не снятся драконы, поскольку их не существует. — Он подобрал медвежью шкуру. — Пойдем, надо бы вернуться в лагерь, прежде чем твой дядя начнет созывать знамена.

Путь был недолог, неровная почва утомила его ноги. Джон Сноу подал ему руку, чтобы помочь перебраться через густо сплетенные корни, но Тирион отмахнулся. Он должен идти сам, как всю свою жизнь. И все же в лагере было приятно. Возле обветшавшей стены давно заброшенной крепости установили укрытие, устроили заслон против ветра. Лошадей покормили, разожгли костер. Йорен сидел на камне и обдирал белку. Аромат отвара наполнил ноздри Тириона. Он направился к своему слуге Морреку, приглядывающему за котлом. Тот без слов передал ему ложку. Тирион попробовал и вернул ее назад.

— Больше перца, — сказал он.

Бенджен Старк выглянул из укрытия, которое делил со своим племянником.

— Так вот ты где, Джон! Проклятие, не повторяй этого впредь. Я думал, что Иные схватили тебя.

— Это были грамкины, — со смехом ответил Тирион. Джон снова улыбнулся. Старк бросил вопросительный взгляд на Йорена. Старик что-то буркнул, пожал плечами и вернулся к своему

кровавому делу.

Белка добавила питательности отвару, и, сидя в тот вечер вокруг костра, они съели ее с черным хлебом и твердым сыром. Тирион пустил по рукам свой мех с вином, наконец даже Йорен размяк. По одному путешественники отправлялись в укрытие спать, все, кроме Джона Сноу, которому выпала первая ночная стража.

Последним, как всегда, улегся Тирион. Забравшись в укрытие, которое соорудили для него его люди, он помедлил и поглядел на Джона Сноу. Мальчик стоял возле костра, спокойное и жесткое лицо его было обращено к пламени.

С печальной улыбкой Тирион Ланнистер отвернулся к стене.

Кейтилин

Нед и девочки отсутствовали уже восемь дней, когда мейстер Лювин однажды ночью явился в комнату Брана с лампой для чтения и книгой отчетов.

— Мы давно уже не проверяли цифры, миледи, — сказал он. — Вы, конечно, хотите знать, во что обошелся нам визит короля?

Кейтилин поглядела на Брана, на его ложе и смахнула волосы с его лба. Она заметила, что они выросли, хорошо было бы подстричь.

— Нет необходимости изучать цифры, мейстер Лювин, — сказала она, не отрывая глаз от Брана. — Я знаю, чего нам стоил визит. Уберите отчетные книги.

— Миледи, войско короля не стесняло себя в еде. Нам нужно пополнить запасы, прежде…

Она прервала его:

— Я сказала — уберите книги. Пусть стюард займется нашими нуждами.

— У нас больше нет стюарда, — напомнил ей мейстер Лювин.

«Прямо серая крыса, — подумала она, — не

хочет уходить».

— Пуль отправился на юг, чтобы устроить хозяйство лорда Эддарда в Королевской Гавани.

Кейтилин рассеянно кивнула:

— О да, помню. — Бран казался таким бледным. Она подумала, не переставить ли кровать под окно, чтобы утреннее солнце падало на него.

Мейстер Лювин оставил лампу в нише у двери и принялся возиться с фитилем.

— Есть несколько вопросов, которые нуждаются в вашем непосредственном внимании, миледи. Помимо стюарда, нам требуется капитан гвардии на место Джори, новый конюший.

Рассеянный взгляд ее глаз обратился к нему.

— Какой еще конюший? — Голос казался ударом кнута.

Мейстер был потрясен.

— Да, миледи. Халлен уехал на юг с лордом Эддардом, поэтому…

— Лювин, мой сын покалечен и умирает, а вы говорите о новом конюшем. Неужели вы думаете, что меня интересует, что будет с конюшней? Неужели вы думаете, что это вообще беспокоит меня? Я охотно зарежу каждую лошадь в Винтерфелле своими руками, если после этого Бран откроет глаза, вы понимаете это? Понимаете?

Он склонил голову.

— Да, миледи, но распоряжения…

— Я отдам нужные распоряжения, — сказал Робб.

Кейтилин не слышала, как он вошел, но сын стоял в дверях и глядел на нее. Она кричала, поняла Кейтилин с внезапным стыдом. Что творится с ней? Она так устала, и сердце все время болит.

Мейстер Лювин перевел взгляд от Кейтилин на ее сына.

— Я приготовил список тех, кто может заместить вакантные должности, — сказал он, предлагая Роббу бумагу, извлеченную из рукава.

Сын быстро просмотрел имена.

Он пришел снаружи, заметила Кейтилин, щеки его зарозовели от холода, волосы взлохматил ветер.

— Хорошие люди, — проговорил Робб. — Обсудим это завтра, — и вернул список мейстеру.

— Слушаюсь, милорд. — Бумага исчезла в рукаве. — А теперь оставь нас, — попросил Робб. Мейстер Лювин поклонился и вышел. Робб закрыл за собой дверь и повернулся к матери. Она заметила, что он был с мечом. — Мать, что ты делаешь?

Кейтилин всегда думала, что Робб похож на нее

и, как Бран, Рикон и Санса, пошел в породу Талли. Осенние волосы, синие глаза. Но теперь впервые она увидела в его лице нечто, унаследованное от Эддарда Старка, суровое и жестокое, словно сам ветер.

— Что я делаю? — отозвалась она удивленным голосом. — Как ты можешь спрашивать такое? Что, по-твоему, я могу здесь делать? Я забочусь о твоем брате. Я присматриваю за Браном.

— Значит, ты так называешь свое занятие? Ты не оставляла эту комнату с того мгновения, как Бран упал. Ты даже не вышла попрощаться к воротам, когда отец и девочки уезжали на юг.

— Я распрощалась с ними здесь. Из этого окна смотрела, как они уезжали. — Она молила Неда остаться и не уезжать сразу после того, как все произошло. Все переменилось, неужели он не понимает этого? Но уговоры остались безрезультатными. У него нет выбора, сказал Нед уезжая. — Но я не могу оставить сына даже на минуту, когда любое мгновение может оказаться последним в его жизни. Я должна быть с ним, если… если… — Она взяла вялую руку сына, переплела его пальцы своими собственными. Он стал таким хрупким и тонким, в руке не осталось силы, но она все еще могла ощущать под кожей живую

теплоту.

Голос Робба смягчился:

— Бран не умрет, мать. Мейстер Лювин говорит, что самая большая опасность уже миновала.

— А что, если мейстер Лювин ошибается? Что, если я понадоблюсь Брану и меня не окажется рядом?

— Рикон тоже нуждается в тебе, — сурово проговорил Робб. — Ему только три года, и он не понимает, что происходит. Он думает, что все бросили его, и поэтому ходит за мной и цепляется за ноги. Я не знаю, что с ним делать. — Робб прикусил нижнюю губу, как делал, когда был маленьким. — Мать, и я тоже нуждаюсь в тебе. Я пытаюсь, но не могу… не могу сделать всего самостоятельно. — Голос его дрогнул от нахлынувших чувств, и Кейтилин вспомнила, что сыну только четырнадцать. Она хотела бы встать, подойти к Роббу, но Бран держал ее, и она не смела пошевелиться. Снаружи, у подножия башни, взвыл волк. И Кейтилин поежилась от этого звука.

— Это волк Брана. — Робб открыл окно и впустил ночной воздух в духоту комнаты. Вой сделался громче. Одинокий, полный отчаяния и скорби.

— Не надо, — сказала Кейтилин. — Брану нужно тепло.

— Ему нужна их песня, — сказал Робб. Где-то в Винтерфелле, вторя первому, завыл другой волк. Затем к ним присоединился третий голос, поближе. — Лохматый Песик и Серый Ветер, — проговорил Робб, слушая вздымающиеся и опадающие голоса.

— Их можно различить, если хорошенько прислушаться.

Кейтилин дрожала от горя, от холода, от воя лютоволков. Ночь за ночью холодный ветер продувал огромный опустевший замок, и ничего не менялось; здесь лежал ее изувеченный мальчик, самый милый из ее детей, самый мягкий… Бран, любивший смеяться, лазать, мечтавший о рыцарстве. Все теперь пропало, она никогда не услышит его смеха. С рыданиями она высвободила свою руку и прикрыла уши, чтобы не слышать этого жуткого воя.

— Пусть они умолкнут, — всхлипнула ока. — Я не могу терпеть этого, пусть они умолкнут, угомони их, убей их всех, если иначе нельзя, но пусть они умолкнут.

Она не помнила, как упала на пол, но, очнувшись, ощутила, как Робб поднимает ее своими сильными руками.

— Не бойся, мать. Они не причинят Брану вреда.

— Он подвел ее к узкой постели в уголке комнаты и сказал: — Закрой глаза, отдохни. Мейстер Лювин говорил, что ты почти не спала после падения Брана.

— Я не могу заснуть, — пробормотала Кейтилин сквозь слезы. — Пусть простят меня боги, Робб, я не могу заснуть. Что будет, если он умрет, когда я засну, что будет, если он умрет, что будет, если он умрет… — Волки все еще выли. Вскрикнув, она вновь прикрыла уши. — О боги, закрой же окно!

— Если ты обещаешь мне выспаться. — Робб подошел к окну, но, отодвинув портьеру, услышал, что к скорбному вою лютоволков добавился еще один звук. — Собаки, — сказал он прислушиваясь. — Лают все собаки. Они никогда не делали этого прежде.

Кейтилин почувствовала, как дыхание застыло в ее горле. Поглядев вверх, увидела лицо, побледневшее разом в свете лампы.

— Пожар, — прошептал Робб.

— Пожар, — повторила она и сразу подумала о Бране. — Помоги мне, — сказала Кейтилин дрогнувшим голосом. — Помоги мне с Браном.

Робб как будто не слышал ее.

— Горит Библиотечная башня, — сказал он. Кейтилин заметила, как пляшет красный огонь

за открытыми окнами. Она осела назад с облегчением: Брану ничто не грозило. Библиотека была на другой стороне двора, и огонь никак не мог перекинуться сюда.

— Слава богам, — прошептала Кейтилин. Робб поглядел на нее, как на безумную.

— Мать, оставайся здесь, я вернусь, как только огонь погасят.

Он выбежал. Кейтилин сразу услышала голос сына за дверью, приказывающий стражам, караулившим комнату снаружи; потом все они вместе бросились вниз по лестнице, перепрыгивая разом через две или три ступеньки. Во дворе послышались крики «Огонь!», вопли, звук бегущих ног, ржание испуганных лошадей и отчаянный лай собак. Потом лютоволки умолкли, но она поняла, что все равно слушает эту какофонию.

Кейтилин мысленно произнесла благодарственную молитву семи ликам бога и подошла к сыну. За двором, из окон библиотеки, выбросило длинные языки пламени. Она поглядела на дым, поднимающийся в небо, и со скорбью подумала о книгах, которые Старки собирали не один век. А потом закрыла ставни.

Когда Кейтилин отвернулась от окна, рядом с ней в комнате оказался мужчина.

— Ты не должна была сейчас находиться в комнате, — проговорил он кислым голосом, — никого здесь не должно быть. — Невысокий грязный мужчина, в бурой одежде, пахнущей лошадьми. Кейтилин знала всех, кто работал на конюшне, но он был не из них. Худощавый блондин с длинными волосами и бледными глазами, утонувшими в костлявом лице. В кулаке его был кинжал.

Кейтилин посмотрела на нож, потом на Брана.

— Нет, — сказала она. Слово застряло в ее горле свистящим шепотом.

Должно быть, он все-таки услышал ее и пробормотал:

— Это милосердие; он уже мертв.

— Нет, — сказала Кейтилин теперь громче, голос вновь вернулся к ней. — Нет, ты не сделаешь этого!

Она бросилась к сыну, хотела позвать на помощь, но человек умел двигаться быстрее, чем она могла предполагать. Одна рука зажала ей горло и откинула назад голову, другая поднесла кинжал к ее шее. Воняло от него жутко.

Кейтилин подняла вверх обе руки и со всей силой надавила на лезвие, отводя его от своего горла. Она слышала, как убийца сопит возле ее уха. Пальцы сделались скользкими от крови, но

она не могла выпустить кинжал. Рука плотнее зажимала рот Кейтилин, лишая воздуха. Она дернула головой в сторону и умудрилась впиться в ладонь зубами. Убийца охнул от боли. Она свела зубы вместе и рванула. Тогда он вдруг выпустил ее. Вкус чужой крови наполнил ее рот. Она вдохнула воздух и закричала. Тут он схватил ее за волосы и отбросил, она споткнулась и упала. И вот он уже стоял над ней, тяжело дыша и трясясь. Правая рука его, покрытая кровью, сжимала кинжал.

— Ты не должна была оказаться здесь, — тупо проговорил он.

Кейтилин заметила, как через открытую дверь позади него скользнула тень. Послышалось негромкое ворчание, совсем не грозное, даже непохожее на рычание. Он, должно быть, услышал, потому что начал поворачиваться, и тут волк прыгнул. Они упали вместе возле Кейтилин, не успевшей еще подняться. Волк впился прямо в горло мужчине. Крик его не прозвучал и секунды, зверь дернул головой и разодрал глотку.

Кровь хлынула на лицо Кейтилин теплым дождем.

Волк глядел на нее, челюсти его были обагрены, глаза светились золотом в темной комнате. Волк

Брана, поняла Кейтилин. Как же иначе?

— Спасибо тебе, — прошептала она трепещущим голосом и подняла дрожащую руку. Волк подошел ближе, обнюхал пальцы, лизнул кровь мокрым и грубым языком. Облизав всю ее руку, он безмолвно повернулся назад, вскочил на постель Брана и лег рядом с ним. Кейтилин истерически захохотала.

Так и обнаружили их, когда Робб, мейстер Лювин и сир Родрик ворвались внутрь с половиной стражи Винтерфелла. Когда смех наконец оставил ее, Кейтилин завернули в теплое одеяло и отвели в ее собственные палаты. Старая Нэн раздела ее, уложила в обжигающе горячую ванну, смыла кровь мягкой тканью.

Потом пришел мейстер Лювин, чтобы перевязать ее раны. Глубокие порезы на пальцах дошли почти да самой кости, а с головы был выдран клок волос. Мейстер сказал, что боль только начинается, и дал ей макового молока, чтобы помочь уснуть. Наконец она закрыла глаза, а когда открыла их снова, ей сказали, что она проспала четыре дня. Кейтилин кивнула и села в постели. Все теперь казалось ей кошмаром, все, начиная с падения Брана, с ужасного сна, полного крови и горя, но боль в руках напоминала, что случив-

шееся было реально. Голова ее кружилась, она ощущала слабость и странную решительность. Словно бы огромная тяжесть спала с ее плеч.

— Принесите мне немного хлеба и меда, — приказала она слугам. — И скажите мейстеру Лювину, что мои повязки надо переменить. — Они поглядели на нее с удивлением и бросились исполнять приказания. Кейтилин вспомнила, как вела себя до того, и устыдилась. Она бросила всех: детей, мужа, свой дом. Хватит! Она должна показать этим северянам, какими сильными бывают Талли из Риверрана.

Робб явился раньше, чем ей принесли еду. С ним вошли Родрик Кассель, воспитанник мужа Теон Грейджой, а завершал процессию Халлис Моллен, мускулистый стражник с квадратной каштановой бородой. Он назначен капитаном гвардии, сказал Робб. Сын был облачен в проваренную кожу и кольчугу, у пояса его висел меч.

— Кто это был? — спросила Кейтилин.

— Никто не знает его имени, — покачал головой Халлис Моллен. — Он родом не из Винтерфелла, миледи, но некоторые утверждают, что видели его здесь, около замка, в последние несколько дней.

— Значит, он из людей короля, — сказала она.

— Или из Ланнистеров. Он мог остаться, когда остальные уехали.

— Возможно, — сказал Халлис. — При такой толпе, наполнявшей в эти дни Винтерфелл, трудно сказать, откуда он взялся.

— Он прятался в конюшне, — доложил Грейджой. — Это нетрудно было понять по запаху.

— И как он мог войти туда незамеченным? — спросила Кейтилин резким тоном. Халлис Моллен казался пристыженным.

— Когда лорд Эддард увел часть коней на юг, а других мы отослали на север, в Ночной Дозор, стойла остались пустыми. Не так уж трудно спрятаться от конюшенных мальчишек. Возможно, его видел Ходор, поговаривали, что он ведет себя странно при всей его простоте. — Хал потряс головой.

— Мы обнаружили, где он спал, — вставил Роберт. — Под соломой нашлась кожаная мошна с девяноста семью оленями.

— Приятно знать, что жизнь моего сына оценили достаточно дорого, — с горечью проговорила Кейтилин.

Халлис Моллен в смятении поглядел на нее.

— Прошу прошения, миледи, вы говорите, что он намеревался убить вашего мальчика?

Грейджой посмотрел на нее с сомнением.

— Это безумие.

— Он явился за Браном, — ответила Кейтилин. — Он все бормотал, что я не должна была оказаться в опочивальне. Он поджег библиотеку, думая, что я брошусь туда спасать книги и возьму с собой стражу. Замысел сработал бы, если бы я наполовину не обезумела от горя.

— Но зачем кому-то убивать Брана? — сказал Робб. — Боги, он всего лишь маленький мальчик, беспомощный и находящийся в забытьи.

Кейтилин глянула на своего первенца вызывающе.

— Если ты собираешься править на Севере, значит, нужно уметь видеть смысл происходящего. Сам ответь на собственный вопрос. Зачем кому-то может понадобиться смерть спящего ребенка?

Прежде чем Робб успел ответить, вошли слуги с блюдом еды, присланной из кухни. Ее оказалось куда больше, чем просила Кейтилин: горячий хлеб, масло, мед, черная смородина с сахаром, кусок бекона, сваренное всмятку яйцо, ломоть сыра и кувшинчик мятного чая.

— Как там мой сын, мейстер? — Кейтилин поглядела на яства и обнаружила, что не ощущает аппетита.

Мейстер Лювин потупил глаза.

— Без перемен, миледи. — Именно этого ответа она и ожидала — не более и не менее. Руки Кейтилин пульсировали от боли, нож словно бы еще резал их. Она отослала слуг и поглядела на Робба.

— Ну, как насчет ответа?

— Кто-то боится, что Бран очнется, — предположил Робб. — Боится того, что он может сказать или сделать. Боится чего-то, что известно Брану.

Кейтилин ощутила гордость за сына.

— Очень хорошо. — Она повернулась к новому капитану гвардии. — Надо беречь Брана. Там, где побывал один убийца, может найтись и другой.

— Сколько стражи выделить ему? — спросил Хал.

— Пока лорд Эддард отсутствует, в Винтерфелле распоряжается мой сын, — ответила она.

Робб чуточку распрямился.

— Пусть один человек дежурит возле больного днем и ночью, один около двери и двое у подножия лестницы. Никто не должен входить к Брану без разрешения моей матери.

— Как вам угодно, милорд.

— Исполняйте немедленно, — приказала Кейтилин.

— И пусть его волк остается у него в комнате, — добавил Робб.

— Да, — сказала Кейтилин. И повторила еще раз: — Да.

Халлис Моллен поклонился и оставил покои.

— Леди Старк, — спросил сир Родрик, когда стражник ушел. — А вы, случайно, не заметили кинжал, которым воспользовался убийца?

— Обстоятельства не позволили мне разглядеть его, но за остроту поручусь, — проговорила Кейтилин с сухой улыбкой. — А почему вы спрашиваете?

— Мы обнаружили кинжал в его руке. Мне показалось, что кинжал этот слишком хорош для такого типа, поэтому я внимательно разглядел его. Клинок из валирийской стали, рукоять из кости дракона. Такой кинжал не мог оказаться в его руках просто так. Кто-то дал ему это оружие.

Кейтилин задумчиво кивнула:

— Робб, закрой дверь.

Сын с удивлением поглядел на нее, но выполнил распоряжение.

— То, что я скажу сейчас, не должно выйти за пределы комнаты, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы дали мне клятву. Если справедлива даже часть моих подозрений, Нед и девочки едут навстречу

смертельной опасности, и слово, попавшее в чужие уши, может стоить им жизни.

— Лорд Эддард для меня второй отец, — проговорил Теон Грейджой. — Клянусь.

— И я приношу клятву, — проговорил мейстер Лювин.

— Я тоже, — словно эхо, отозвался сир Родрик. Она поглядела на своего сына.

— А ты, Робб?

Он согласно кивнул.

— Моя сестра Лиза полагает, что ее мужа лорда Аррена, десницу короля, убили Ланнистеры, — сказала Кейтилин. — Помнится, что Джейме Ланнистер не выехал на охоту в тот день, когда упал Бран. Он оставался в замке. — В комнате воцарилась смертельная тишина. — Итак, Бран едва ли сам упал с этой башни, — сказала она. — По-моему, его столкнули.

На лицах отразилось явное потрясение.

— Миледи, какое жуткое предположение, — проговорил Родрик Кассель. — Даже Цареубийца не пойдет на убийство невинного ребенка.

— В самом деле? — усмехнулся Теон Грейджой. — Сомневаюсь.

— Гордыне и честолюбию Ланнистеров нет предела, — проговорила Кейтилин.

— В прошлом мальчик всегда лазал уверенно, — задумчиво проговорил мейстер Лювин. — Он знал в Винтерфелле каждый камень.

— Боги! — ругнулся Робб, юное лицо его потемнело от гнева. — Если так, за это придется заплатить. — Он достал меч и взмахнул им в воздухе. — Я сам убью его.

Сир Родрик ощетинился:

— Убери оружие! Ланнистеры в сотне лиг отсюда. Никогда не извлекай свой меч, если не намереваешься немедленно воспользоваться им. Сколько раз мне повторять это, глупый мальчишка!

Пристыженный Робб вложил меч в ножны, вдруг вновь сделавшись ребенком. Кейтилин кивнула сиру Родрику:

— Я вижу на поясе моего сына сталь.

Старый мастер над оружием проговорил:

— Я решил, что настало время.

Робб тревожно поглядел на нее.

— Время настало уже давно, — сказала Кейтилин. — Скоро нам потребуются все мечи, и среди них не должно быть деревянных.

Теон Грейджой опустил ладонь на рукоять своего клинка и заверил:

— Миледи, если дойдет до оружия, мой дом в

долгу перед вашим.

Мейстер Ювин потянул за цепочку, покоившуюся на шее.

— Пока мы располагаем лишь совпадением и хотим обвинить возлюбленного брата королевы. Она не станет слушать пустых разговоров. У нас должны быть доказательства, или же нам придется замолчать.

— Наши доказательства в кинжале, — проговорил сир Родрик. — Подобный клинок не может остаться неизвестным.

— Есть только одно место, где можно отыскать истину.

Кейтилин поняла.

— Кто-то должен направиться в Королевскую Гавань.

— Я поеду, — сказал Робб.

— Нет, — ответила она. — Твое место здесь. В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк. — Она поглядела на сира Родрика, на его огромные белые бакенбарды, на мейстера Ювина в его сером одеянии, на молодого Грейджоя, смуглого и пылкого. Кого послать? Кому довериться? Тут она поняла и откинула назад одеяло. Перевязанные пальцы остались неподвижными, словно камень. Она выбралась из постели.

— Я должна ехать сама.

— Миледи, — проговорил мейстер Лювин, — разумно ли это? Безусловно, Ланнистеры отнесутся к вашему появлению с подозрением.

— А как насчет Брана? — спросил Робб. Бедный мальчишка совершенно смутился. — Неужели теперь ты оставишь его?

— Для Брана я уже сделала все, что могла, — ответила Кейтилин, положив перевязанную руку на плечо сына. — Его жизнь в руках богов и мейстера Лювина. Ты ведь сам напоминал мне, Робб, что нельзя забывать и о других детях.

— Вам потребуется сильная свита, миледи, — проговорил Теон.

— Я пошлю Хала с отрядом гвардейцев, — проговорил Робб.

— Нет, — решила Кейтилин. — Большой отряд привлечет нежелательное внимание. Я не хочу, чтобы Ланнистеры узнали о моем приезде.

Сир Родрик запротестовал:

— Позвольте по крайней мере мне сопровождать вас. Королевский тракт опасен для одиноких женщин.

— Я не поеду этим путем, — ответила Кейтилин. Потом подумала мгновение и согласно кивнула: — Да, двое всадников двигаются так же быстро,

как и один, но много быстрее, чем длинная колонна, отягощенная фургонами и кибитками на колесах. Я рада вашему обществу, сир Родрик. Мы спустимся вдоль Белого Ножа до моря и найдем корабль в Белой гавани. Крепкие кони и свежий ветер доставят нас в Королевскую Гавань задолго до Неда и Ланнистеров. — А там, подумала она, мы увидим то, что должны увидеть.

Санса

Эддард Старк уехал с рассветом, септа Мордейн сообщила об этом Сансе, когда они приступили к завтраку.

— Король послал за ним. Должно быть, они охотятся. В этих краях, как говорят, до сих пор обитают дикие зубры.

— Я никогда не видела зубра, — вздохнула Санса, переправляя кусок бекона сидевшей под столом Леди. Волчица приняла кусок из руки элегантным движением королевы.

Септа Мордейн неодобрительно фыркнула.

— Благородная леди не кормит собак под столом, — сказала она, отламывая еще один кусок сотов и выпуская капли меда на хлеб.

— Это не собака, а лютоволчица, — заметила Санса, когда Леди лизнула ее пальцы шершавым языком. — Во всяком случае, отец разрешил нам держать их.

Септа не смягчилась.

— Ты хорошая девочка, Санса, но клянусь, когда речь заходит об этом звере, становишься столь же прихотливой, как твоя сестра Арья. — Она

нахмурилась. — Кстати, где она сейчас?

— Она не голодна, — ответила Санса, прекрасно понимая, что сестра ее, по всей видимости, прокралась в кухню не один час назад и заставила какого-нибудь повареника накормить ее.

— Напомни, чтобы она сегодня оделась получше. Наверное, в серый бархат. Мы приглашены прокатиться с королевой и принцессой Мирцеллой в их доме на колесах и должны выглядеть как положено.

Санса и без того выглядела прекрасно. Она до блеска расчесала длинные рыжеватые волосы и выбрала лучшие голубые шелка. Сегодняшнего дня она ждала почти целую неделю. Ехать с королевой — великая честь, к тому же там будет принц Джоффри, ее жених. Мысль эта вызвала в душе ее странный трепет, хотя до брака оставались еще годы и годы. Санса почти не знала Джоффри, но уже успела влюбиться в него. Именно таким она и видела своего принца: высоким и сильным, золотоволосым красавцем. Она ценила каждую возможность провести время с ним. Пугала ее сегодня лишь Арья. Сестра всегда умела все напортить. И что она выкинет, никогда нельзя было предсказать заранее.

— Я скажу ей, — проговорила Санса неуверен-

но, — но Арья оденется как всегда. — Оставалось только мечтать, что это не вызовет неловкости. — Могу ли я выйти из-за стола?

— Безусловно. — Септа Мордейн взяла новый кусок хлеба и сотов, а Санса соскользнула со скамьи. Леди последовала за ней к выходу из гостиницы.

Снаружи она немного постояла, прислушиваясь к крикам, ругательствам и скрипу деревянных колес; мужчины складывали шатры и палатки, грузили фургоны перед очередным переходом. Приземистая гостиница, сложенная из белого камня, оказалась самой большой из всех, которые уже видела Санса, но тем не менее смогла вместить менее трети отряда короля, уже распухшего до четырех сотен после того, как к нему добавились челядь ее отца и свободные всадники, присоединившиеся по дороге.

Они обнаружили Арью на берегах Трезубца, она вычесывала засохшую грязь из шерсти Нимерии, пытаясь удержать ее на месте. Лютоволчица не испытывала восторга от этого занятия. Арья была в том же самом костюме для верховой езды, что вчера и позавчера.

— Надень что-нибудь покрасивее, — предупредила сестру Санса, — септа Мордейн так сказала.

Мы будем путешествовать в повозке королевы с принцессой Мирцеллой.

— Только не я! — воскликнула Арья, вычесывая репей из взлохмаченного серого меха Нимерии. — Мы с Микой отправляемся вверх по течению поискать рубины у брода.

— Рубины, — в недоумении проговорила Санса, — какие рубины?

Арья посмотрела на сестру, удивляясь подобной глупости.

— Рубины Рейегара. Это как раз то самое место, где король Роберт убил его и захватил корону.

Санса с недоверием посмотрела на свою младшую сестрицу.

— Ты не можешь отправляться за рубинами, принцесса ждет нас обеих.

— Мне там неинтересно, — взмахнула рукой Арья. — В повозке даже нет окон, оттуда ничего не увидишь.

— И что ты хочешь увидеть? — возмутилась Санса. Такое чудесное приглашение, а глупая сестра намеревается все погубить; как раз этого она и опасалась. — Вокруг только поля, хутора, фермы и крепости.

— Это не так, — упрямо сказала Арья. — Если бы ты иногда ездила с нами, то увидела бы…

— Ненавижу верховую езду, — раздраженно ответила Санса. — После нее ты чувствуешь себя грязной, пыльной, и тело болит.

Арья пожала плечами.

— Тише ты, — рявкнула она на Нимерию, — ничего с тобой не случится. — А потом сказала, обращаясь к Сансе: — Пока мы пересекали перешеек, я насчитала тридцать шесть видов цветов, которых никогда не видела, а Мика показал мне львоящера.

Санса поежилась. Перешеек они пересекали извилистой обходной дорогой, пролегшей по бесконечному черному болоту, двенадцать дней, и каждое мгновение пути казалось ей ненавистным. Воздух был сырым и липким. Сама дорога сузилась настолько, что вечером они не могли даже найти место для настоящего лагеря и устроились ночевать прямо на Королевском тракте. Густые чащобы наполовину утонувших в воде деревьев стискивали дорогу, с ветвей их свисали наросты грибов. Огромные цветы раскидывали в грязи свои лепестки, плавали в лужах стоялой воды, и всякого, у кого хватало глупости оставить насыпь, чтобы сорвать их, ожидали трясины, готовые поглотить человека. На деревьях караулили змеи, а львоящеры плавали, напоминая

черные бревна с глазами и зубами.

Но ничто, конечно, не могло остановить Арью. Однажды она вернулась с улыбкой во всю свою физиономию, лохматая, вся в грязи, но с букетом пурпурных и зеленых цветов для отца. Санса надеялась, что он велит Арье вести себя, как подобает высокородной леди. Но отец не стал ругать ее, только обнял и поблагодарил за цветы. Это еще более расстроило Сансу.

А потом оказалось, что пурпурные венчики здесь называют жгучецветом, и руки Арьи сперва покраснели, а потом на них выступили волдыри. Санса надеялась, что случившееся наконец образумит сестру, но Арья только смеялась и на следующий день вымазала руки грязью, словно невежественная селянка, потому что ее приятель Мика сказал, что так можно остановить зуд. На плечах и руках сестры проступали синяки, темно-пурпурные, желто-зеленые с резкими границами и бледные, расплывшиеся. Санса заметила их, когда сестра раздевалась перед сном. Однако где и как Арья заработала их, знали только семь богов.

Арья все еще занималась своим делом и, расчесывая шерсть Нимерии, трещала о том, что видела на пути на юг.

— На прошлой неделе мы нашли сторожевую

башню с призраками, а за день до того гоняли табун диких лошадей. Видела бы ты, как они полетели, когда уловили запах Нимерии. — Волчица дернулась под рукой, и Арья обругала зверя: — Прекрати, мне нужно расчесать еще другой бок, ты вся в грязи.

— Но ты не должна оставлять отряд, — напомнила ей Санса. — Отец запретил.

Арья пожала плечами:

— Я никогда не отъезжала далеко. И во всяком случае, рядом со мной всегда была Нимерия. И я не каждый раз съезжаю с дороги. Иногда просто интересно ехать среди фургонов, поговорить с людьми.

Сансу раздражали те люди, с которыми любила разговаривать Арья: сквайры, конюхи, служанки, старики и голые дети, не стесняющиеся в выражениях свободные всадники неизвестного происхождения. Арья умела подружиться со всеми. А этот Мика был еще хуже: сын мясника, тринадцатилетний дикарь, он спал в мясном фургоне, от него пахло бойней. Только от одного вида его Сансу тошнило, но Арья явно предпочитала его общество. Терпение Сансы кончалось.

— Тебе придется пойти со мной, — жестко сказала она сестре. — Ты не можешь отказать

королеве. Септа Мордейн будет ожидать тебя.

Арья словно не слышала сестру. Она налегла на щетку, Нимерия сердито заворчала и вырвалась.

— Ну-ка, сюда!

— Там будет лимонный пирог и чай, — продолжала Санса, подражая рассудительным взрослым. Леди припала к ее ноге. Санса почесала за ушами волчицы, и Леди села возле нее, поглядывая, как Арья ловит Нимерию. — Зачем нужно ездить на старой вонючей кобыле, зарабатывать себе синяки и потеть, когда можно отдыхать на перьевых подушках и есть вместе с королевой?

— Мне не нравится королева, — спокойно отвечала Арья. Санса задохнулась, потрясенная тем, что Арья запросто сказала подобную вещь, но сестра все трещала без умолку. — Она даже не позволит мне взять с собой Нимерию.

Арья заткнула гребень за пояс и направилась к своей волчице. Та с опаской следила за ее приближением.

— Королевская повозка для волков не место, — сказала Санса. — И принцесса Мирцелла боится их, ты знаешь это.

— Мирцелла еще совсем маленькая. — Арья ухватила Нимерию за шкуру на шее, но в тот самый миг, когда она извлекла щетку, волчица

вновь вырвалась на свободу. Разочарованная Арья бросила щетку. — Ах ты, сквернавка! — выкрикнула она.

Санса не могла не улыбнуться. Некогда главный псарь говорил, что животные всегда похожи на хозяев. Она торопливо обняла Леди, та лизнула ее в щеку, Санса хихикнула. Арья услышала и повернулась, обдав сестру яростным взглядом.

— Мне безразлично, что ты там говоришь, я не поеду. Я уезжаю кататься верхом.

Длинная лошадиная физиономия свидетельствовала о готовности выкинуть очередную штуку.

— Видят боги, Арья, иногда ты поступаешь подобно ребенку, — сказала Санса. — Тогда я отправлюсь одна. Так день пройдет приятнее. Мы с Леди съедим все лимонные пироги и повеселимся без тебя.

Она отвернулась, но Арья крикнула вслед:

— Тебе-то они позволят взять с собой и Леди. — Погнавшаяся вдоль реки за Нимерией сестра исчезла из виду прежде, чем Санса успела придумать ответ. Униженная и одинокая, Санса постаралась вернуться в гостиницу долгим путем, чтобы отдалить встречу с ожидавшей ее септой Мордейн. Леди невозмутимо топала возле

нее. Слезы подступали к глазам Сансы. Она хотела лишь одного: чтобы все было хорошо и мирно, как всегда бывает в песнях. Ну почему Арья не умеет быть ласковой, деликатной и доброй, подобно принцессе Мирцелле? Она предпочла бы такую сестрицу.

Санса никогда не могла понять, почему они так не похожи — две сестры, которых разделяли всего два года. Уж лучше бы Арья была незаконнорожденной, подобно их брату Джону. Она даже внешне напоминала Джона длинным лицом и каштановыми волосами Старков — ничего общего с их леди-матерью. Джона же родила женщина из простонародья, так шептали люди. Однажды, когда она была маленькой, Санса даже спросила у матери, не случилась ли какая-нибудь ошибка. Быть может, ее настоящую сестру утащили грамкины? Но мать расхохоталась и покачала головой. Арья действительно была законной дочерью лорда Старка и истинной сестрой Сансы. Санса не знала причин, которые могли бы заставить мать солгать, и поэтому решила, что все так и есть.

Когда она приблизилась к центру стана, то скоро забыла о расстройстве. Вокруг повозки королевы собралась толпа. Санса слышала голоса,

жужжавшие пчелиным ульем. Двери были распахнуты настежь, и королева стояла на верхней деревянной ступени, улыбаясь кому-то внизу. Девушка услышала ее слова:

— Совет оказывает нам великую честь, мои добрые лорды.

— Что происходит? — спросила она у знакомого сквайра.

— Совет прислал всадников из Королевской Гавани, чтобы встретить нас и проводить до конца дороги, — ответил он. — Почетный караул для короля.

Стремясь увидеть все своими глазами, Санса позволила Леди расчистить дорогу в толпе. Люди торопливо расступались перед лютоволком. Подойдя ближе, Санса увидела двоих рыцарей, преклонявших колени перед королевой. Они были в доспехах столь прекрасных и пышных, что она даже заморгала.

На одном рыцаре был причудливый панцирь, набранный из покрытых эмалью белых чешуек, искрившихся свежевыпавшим снегом, серебряные перевязки и застежки блестели на солнце. Когда он снял шлем, Санса увидела седины под стать белизне доспехов, однако старый рыцарь сохранил изящество и силу. С плеч его свисал

чисто-белый плащ Королевской гвардии.

Спутника его, мужчину лет двадцати, облегала стальная броня, отливавшая густой лесной зеленью. Санса еще не видела такого красавца: высокий, могучий, россыпь черных как смоль волос на плечах, на чисто выбритом лице смеющиеся глаза — зеленые, в тон доспехам. Под рукой он держал шлем, ветвистые рога горели золотом.

Сперва Санса не заметила третьего незнакомца. Он не преклонял колени вместе с остальными. Отступив в сторону, худой и мрачный, он молча следил за происходящим, оставаясь возле коней. Лишенное бороды лицо его избороздили рытвины. Глаза прятались в ямах над впалыми щеками. Он еще не был стар, но на голове его, над самыми ушами, осталось лишь несколько клоков волос, длинных, как у женщины. Простая железная кольчуга его, надетая на несколько слоев дубленой кожи, носила следы времени и частого употребления. Над его правым плечом поднималась кожаная рукоять закинутого за спину меча. Огромный двуручный клинок был слишком длинен, чтобы носить его сбоку.

— Король отправился на охоту, но я знаю, по возвращении он будет рад видеть вас, — говорила королева двоим рыцарям, преклонявшим перед

ней колени, но Санса не могла отвести глаз от третьего человека. Тот, казалось, ощутил тяжесть ее взгляда. И медленно повернул голову. Леди заворчала. Ужас, еще незнакомый Сансе Старк, вдруг наполнил ее. Толкнув кого-то, она отступила назад.

Сильные руки ухватили ее за плечи, и на мгновение Санса решила, что это отец, но, обернувшись, увидела обгорелое лицо Сандора Клигана, глядевшего на нее сверху вниз; рот его кривила жуткая пародия на улыбку.

— Что же ты дрожишь, девочка? — спросил он скрежещущим голосом. — Неужели я так испугал тебя?

Это было правдой, она боялась его с первой же встречи… с первого взгляда на разрушения, причиненные огнем его лицу, хотя теперь казалось, что Клиган и наполовину не пугает ее так, как тот, другой. Но все же Санса отодвинулась от него: Пес расхохотался, и Леди встала между ними, грозно ворча. Санса упала на колени, обхватив руками волчицу. Все собрались вокруг с открытыми ртами. Санса чувствовала, что на нее смотрят, тут и там раздавались обидные комментарии и смешки.

— Волк, — сказал мужчина.

Другой добавил:

— Седьмое пекло, это лютоволк.

И первый голос промолвил:

— А что он делает в лагере?

Скрежещущий голос Пса ответил:

— У Старков они вместо нянек.

Тут Санса поняла, что двое незнакомых ей рыцарей с мечами в руках глядят на нее и Леди, и вновь ощутила испуг и стыд. Слезы наполнили ее глаза.

Она услышала, как королева сказала:

— Джоффри, подойди к ней.

И ее принц оказался рядом.

— Оставь ее в покое, — приказал Джоффри Псу. Принц остановился над ней, прекрасный в синей шерсти и черной коже, золотые локоны сверкали на солнце, словно корона. Подал ей руку и поднял с колен. — Что случилось, моя милая леди? Чего вы боитесь? Никто вас не ударит. А вы уберите мечи. Этот волк у нее вместо собаки. — Он поглядел на Сандора Клигана. — Вот что, Пес, убирайся, не надо пугать мою невесту.

Пес, как всегда верный, невозмутимо поклонился и растворился в толпе. Санса постаралась твердо стоять на ногах. Она ощущала себя такой дурой! Она — благородная леди родом из Старков

Винтерфеллских, будущая королева.

— Это не он, мой милый принц, — попыталась она объяснить. — Я испугалась этого человека.

Двое незнакомых рыцарей обменялись взглядами.

— Пейна? — хихикнул молодой человек в зеленом панцире.

Старик снисходительно обратился к Сансе:

— Сир Илин нередко пугает и меня самого, милая леди. Жуткий человек.

— Так и должно быть. — Королева спустилась из повозки. Собравшиеся расступились, давая ей дорогу. — Ведь если злые не боятся королевского правосудия, значит, мы назначили на эту должность неподходящего человека.

Санса наконец нашла нужные слова.

— Тогда вы, бесспорно, назначили нужного человека, светлейшая государыня, — отвечала она, и смех ветерком охватил всех вокруг.

— Хорошо сказано, дитя, — заметил старик в белой броне. — Как и подобает дочери Эддарда Старка. Считаю за честь наше знакомство, невзирая на внезапность и обстоятельства. Я — сир Барристан Селми, из Королевской гвардии. — Он поклонился.

Когда Санса услыхала это имя, все любезные

слова, которым ее год за годом учила септа Мордейн, вернулись назад.

— Лорд-начальник Королевской гвардии, — сказала она. — Советник Роберта, нашего короля, и Эйериса Таргариена, предшественника его. Наша встреча честь для меня, добрый рыцарь. Даже на далеком севере певцы воспевают Барристана Отважного.

Зеленый рыцарь вновь расхохотался.

— Ты хочешь сказать — Барристана Старого. Не льсти так ему, дитя, он и без того слишком себя превозносит. — Рыцарь улыбнулся. — Ну а теперь, девушка с волком, если ты сумеешь назвать и мое имя, значит, я действительно вижу дочь королевской десницы.

Джоффри напрягся возле нее.

— Обращайся почтительнее с моей невестой.

— Я могу ответить, — заторопилась Санса, чтобы успокоить гнев принца. Она улыбнулась зеленому рыцарю. — На шлеме твоем золотые рога, милорд. Олень — это герб королевского дома. У короля два брата. Судя по твоей крайней молодости, ты можешь быть только Ренли Баратеоном, лордом Штормового Предела и советником короля, и это имя я называю.

Сир Барристан усмехнулся:

— Судя по его крайней молодости, он может зваться просто Брыкучим Ослом, так именую его я.

Послышался общий смех, первым засмеялся сам лорд Ренли. Былая напряженность исчезла, Санса начала успокаиваться… но тут сир Илин Пейн, отодвинув плечами двоих мужчин, встал перед ней без тени улыбки на лице. Он не проронил ни слова. Леди обнажила зубы и заворчала, негромко, но грозно. Но на этот раз Санса успокоила волчицу, ласково положив ей на голову руку.

— Прошу прощения, если я оскорбила вас, сир Илин.

Она ожидала ответа, но его не последовало. Палач поглядел на нее бесцветными глазами, словно бы срывая с тела Сансы одежду, а затем и кожу, так что перед ним осталась лишь одна нагая душа. Так и не проронив ни слова, он повернулся и отошел в сторону.

Санса ничего не поняла. Она поглядела на принца.

— Неужели я сказала что-то не так, ваша светлость? Почему он не заговорил со мной?

— Сир Илин последние четырнадцать лет не ощущает склонности к разговору, — заметил лорд Ренли с лукавой улыбкой.

Джоффри одарил дядю полным ненависти взглядом, а потом взял руки Сансы в свои.

— Эйерис Таргариен велел вырвать его язык раскаленными щипцами.

— Теперь он проявляет свое красноречие мечом, — проговорила королева, — и в преданности сира Илина нашему государству нельзя усомниться. — Тут она улыбнулась и добавила: — Санса, мы должны переговорить с добрыми советниками, пока король не вернется с твоим отцом. Боюсь, что нам придется отложить твой визит к Мирцелле. Пожалуйста, передай своей милой сестре мои извинения. Джоффри, быть может, ты постараешься сегодня развлечь наших гостей?

— Это порадует меня, мать, — очень официально поклонился Джоффри. Он взял Сансу за руку и отвел от повозки, и сердце девушки затрепетало. Целый день с принцем! Она восторженно поглядела на Джоффри и подумала, что он такой галантный и что он уже спас ее — от Илина и Пса, прямо как в песне, — в той, где Сирвен Зеркальный Щит спас принцессу Дейерису от гигантов. Или в песне про принца Эйемона Рыцаря Дракона, который защитил честь королевы Нейерис от злой клеветы сира Моргила.

Прикосновение руки Джоффри к ее рукаву заставило сердце Сансы забиться сильнее.

— И чем тебе хочется сейчас заняться?

Быть с тобой, подумала Санса, но не сказала этого.

— А чем хочет заняться мой принц?

Джоффри подумал мгновение.

— Можно покататься верхом.

— О, я обожаю верховую езду, — сказала Санса.

Джоффри поглядел на Леди, следовавшую за ними по пятам:

— Твой волк способен напугать лошадей, а мой Пес пугает тебя. Пусть оба они останутся здесь и не мешают нам, как по-твоему?

Санса помедлила.

— Если тебе это понравится, я могу привязать Леди. — Она не совсем поняла его. — А я не знала, что у тебя есть собака…

Джоффри расхохотался:

— Этот пес принадлежит моей матери. Она приставила его охранять меня, что он и делает.

— Так ты имеешь в виду Пса, — проговорила она. Санса готова была ударить себя за непонятливость. Принц никогда не полюбит ее, если она будет такой глупой.

— А не опасно ехать без него?

Принцу Джоффри ее слова показались досадными.

— Не опасайся, леди. Я почти взрослый и не умею фехтовать палками, подобно твоим братьям. Мне нужен только он.

Принц извлек свой меч, чтобы показать ей. Длинный клинок искусно укоротили, чтобы он подошел двенадцатилетнему мальчику, — выкованная в замке обоюдоострая блестящая синева, с кожаной рукоятью и львиной головой вместо яблока. Санса восхитилась мечом, и Джоффри выразил удовлетворение.

— Я зову его Львиным Зубом, — сказал он.

Так, оставив позади себя ее лютоволка и его телохранителя, они направились по северному берегу Трезубца, охраняемые лишь Львиным Зубом.

День выдался великолепный, даже волшебный. Воздух благоухал цветами, леса здесь были исполнены мягкой красы, которой Санса никогда не замечала на севере. Конь принца Джоффри, кровный гнедой скакун, был легок как ветер, и принц мчался вперед, забыв обо всем. Да так быстро, что Санса едва успевала держаться вровень на своей кобыле. День этот был создан для приключений. Они обследовали пещеры на берегу реки

и загнали сумеречного кота в его логово, а когда проголодались и Джоффри отыскал по струйке дыма стоянку, он велел мужчинам доставить еду и вино для их собственного принца и его дамы.

Они перекусили форелью, только что выловленной в реке, и Санса выпила вина больше, чем когда-нибудь прежде.

— Отец позволяет нам одну чашу и то лишь на пиру, — пожаловалась она.

— Моя невеста может пить сколько ей хочется, — проговорил Джоффри, подливая еще.

Поев, они отправились дальше — уже медленнее. Джоффри пел голосом высоким, чистым и приятным. Голова Сансы чуть кружилась от выпитого вина.

— А не повернуть ли нам назад? — спросила она.

— Скоро повернем, — обещал Джеффри. — Поле битвы уже рядом, как раз у той излучины. Там мой отец убил Рейегара Таргариена, ты это знаешь. Он ударил его в грудь, трах, и он умер, — Джоффри размахнулся воображаемым боевым молотом, чтобы показать Сансе, как это было сделано, — Потом дядя Джейме убил старого Эйериса, и мой отец сделался королем. Правда, здорово? А это что за звук?

Санса тоже услыхала плывущее над лесом деревянное «тук-тук-тук».

— Не знаю, — отвечала она, внезапно заволновавшись. — Джоффри, лучше повернуть назад.

— Я хочу посмотреть, что там. — Джоффри повернул коня в сторону звука, и Сансе оставалось только последовать за ним. Шум становился громче и четче — стучало дерево о дерево, — подъехав поближе, они услышали пыхтение и какое-то бормотание.

— Там кто-то есть, — тревожно проговорила Санса и, вспомнив про Леди, пожалела, что оставила волчицу в лагере.

— Со мной ты в безопасности. — Джоффри извлек из ножен свой Львиный Зуб. Сталь скользнула по коже, и Санса поежилась. — Нам туда, — показал он на рощу.

Там на поляне возле реки мальчик и девочка играли в рыцарей. Мечи их — деревянные палки — нетрудно было принять за древки метлы; они бегали, по траве и отчаянно размахивали своим оружием. Мальчик был постарше, на голову выше и много сильнее, и он побеждал. Девочка, неряха в грязном кожаном костюме, тем не менее умудрялась отражать большинство ударов мальчишки, хотя и не все. Но когда она попыталась

ударить его, он отбросил ее палку своей и стукнул по пальцам. Девочка вскрикнула, и выронила оружие.

Принц Джоффри расхохотался. Мальчик оглянулся недоуменными глазами, вздрогнул и выронил свою палку в траву. Девочка яростно посмотрела на них, посасывая костяшки, чтобы извлечь занозу, и Санса ужаснулась.

— Арья? — не веря своим глазам, позвала она.

— Убирайся, — крикнула ей сестра сквозь гневные слезы на глазах. — Что вы делаете здесь? Оставьте нас вдвоем.

Джоффри поглядел на Арью, Сансу, опять на Арью.

— Это твоя сестра? — Санса, покраснев, кивнула. Принц посмотрел на мальчика, нескладного, с грубым веснушчатым лицом и густыми красными волосами.

— А ты кто такой? — спросил он командным тоном, не обращая внимания на то, что мальчик был на год его старше.

— Мика, — пробормотал парнишка. Он узнал принца и опустил глаза. — Милорд.

— Это сын мясника, — проговорила Санса.

— Мой друг, — резко сказала Арья. — Оставьте его в покое.

— Сын мясника, который хочет стать рыцарем, так? — Джоффри нагнулся с коня с мечом в руке, — Возьми-ка свой меч, сын мясника, — велел принц, и глаза его посветлели от удовольствия, — Посмотрим, насколько ты хорош в бою.

Мика стоял, замороженный страхом. Джоффри подошел к нему.

— Ну, бери же, или ты сражаешься только с маленькими девочками?

— Она сама просила меня, милорд, — проговорил Мика. — Сама просила.

Сансе оставалось только посмотреть на Арью — румянец на лице сестры показывал, что мальчик говорил правду, но Джоффри не был в настроении шутить. Вино ударило ему в голову.

— Ты намереваешься взять свой меч?

Мика качнул головой:

— Это только палка, милорд. Это не меч, это всего лишь палка.

— А ты всего лишь сын мясника, а не рыцарь. — Джоффри поднял Львиный Зуб, кольнул острием клинка щеку трепещущего сына мясника. — Но дерешься с сестрой миледи. Или ты этого не знаешь? — Яркая капля крови выступила под глазом Мики, где меч прорезал кожу, и медленно поползла по щеке.

— Остановись! — завопила Арья, хватаясь за палку.

Санса испугалась:

— Арья, немедленно прекрати!

— Я не стану причинять ему боли… большой, — отвечал Арье принц Джоффри, не отводя глаз от мальчика-мясника.

Арья приближалась к принцу. Санса соскочила с кобылы, но опоздала. Сестра уже ударила обеими руками. Деревянная палка с громким треском переломилась о затылок принца, потом все помутилось перед глазами потрясенной Сансы. Джоффри пошатнулся и оглянулся, выкрикивая угрозы. Мика бросился к деревьям со всей скоростью, на которую были способны его ноги. Арья вновь ударила Джоффри, но на этот раз он принял удар Львиным Зубом и выбил из ее рук переломанную палку. Затылок принца кровоточил, глаза полыхали огнем. Санса кричала:

— Нет, нет, прекратите, остановитесь оба, вы все испортили! — Но никто не слушал.

Арья подобрала камень и бросила в голову Джоффри. Но вместо этого угодила в коня, и кровный гнедой, поднявшись на дыбы, отправился галопом следом за Микой.

— Прекрати, не надо, прекрати! — визжала

Санса. Джоффри замахнулся на Арью мечом, выкрикивая жуткие грязные слова. Испуганная девочка отскочила, Джоффри следовал за ней, гоня к лесу. Санса не знала, что делать. Она беспомощно наблюдала за происходящим, почти ослепнув от слез.

Тут мимо нее мелькнула серая молния, и внезапно появившаяся Нимерия сомкнула челюсти на руке Джоффри. Сталь выпала из его пальцев. Волчица сбила принца с ног, он покатился по траве и закричал от боли.

— Уберите ее! — завопил он. — Уберите!

Голос Арьи хлестнул ударом кнута:

— Нимерия!

Волчица выпустила Джоффри и подошла к Арье. Лежа в траве, Джоффри, застонав, взялся за поврежденную руку. На рубахе его выступила кровь.

Арья сказала:

— Она не причинила тебе боли… большой.

Подобрав Львиный Зуб, она встала над принцем, держа меч обеими руками.

Джоффри поглядел на нее с испугом и с присвистом вымолвил:

— Не бей меня, я скажу матери.

— Оставь его в покое! — завопила Санса. Арья

повернулась и бросила меч в воздух, вложив всю силу в бросок. Синяя сталь мелькнула на солнце, и меч взмыл над водой. А потом, плеснув, исчез в ней. Джоффри застонал, Арья побежала к своей лошади. Нимерия прыгала за ней по пятам.

Когда они удалились, Санса бросилась к принцу Джоффри. Глаза его были закрыты от боли, дыхание казалось отрывистым. Санса встала на колени возле него.

— Джоффри, — сказала она сквозь рыдания, — что они наделали, только погляди, что они наделали! Мой бедный принц, не бойся, я съезжу в крепость и привезу помощь.

Глаза Джоффри открылись и поглядели на нее. В них не было ничего, кроме ненависти, смешанной со злобным пренебрежением.

— Тогда ступай! — Он плюнул. — И не прикасайся ко мне!

Эддард

— Они нашли ее, милорд.

Нед торопливо поднялся.

— Чьи люди нашли ее — наши или Ланнистеров?

— Это сделал Джори, — сообщил управляющий Вейон Пуль. — Она цела.

— Слава богам, — проговорил Нед. Его люди разыскивали Арью уже четыре дня, искали ее и люди королевы. — Где она? Прикажи Джори немедленно привести ее ко мне.

— Прошу прощения, милорд, — пояснил Пуль. — У ворот караулили люди Ланнистеров, и они известили королеву, когда Джори привел ее. Арью взяли прямо пред королевские очи.

— Проклятая баба, — проговорил Нед, подходя к двери. — Найди Сансу, пусть придет в палату для аудиенции, возможно, потребуется ее голос.

В страшной ярости спускался он по ступеням башни. Он и сам искал свою дочь, не уснув даже на час после исчезновения Арьи. Этим утром сердце Неда стиснула такая усталость, что он едва мог стоять, но теперь ярость вернула ему силы.

Во дворе замка люди окликали его, но Нед, торопясь, не замечал их. Он побежал бы, но, оставаясь десницей короля, должен был соблюдать достоинство. Он видел взгляды, которыми его провожали; недоуменные голоса бормотали; гадая, что он будет делать.

Они находились в скромном замке, в половине дня езды на юг от Трезубца. Отряд короля нежданно нагрянул к его владельцу сиру Реймену Дарри, пока Арью и сына мясника разыскивали по обоим берегам реки. Нагрянул нежданно и нежеланно. Сир Реймен жил в мире под рукой короля, но родичи его воевали под драконьими знаменами Рейегара возле Трезубца, трое его старших братьев погибли там, о чем не забыл ни сам Роберт, ни сир Реймен. И когда люди короля, Дарри, Ланнистеров и Старков набились в тесный замок, отношения накалились.

Король присвоил себе приемный зал сира Реймена, где и нашел его Нед. Палата была уже полна, когда он ворвался внутрь. Слишком полна, решил он. Оставшись вдвоем с Робертом, они могли бы уладить вопрос миром.

Роберт горбился в высоком сиденье Дарри в дальнем конце зала. Лицо его казалось замкнутым и мрачным. Серсея Ланнистер и сын ее

стояли возле него. Королева опиралась на плечо Джоффри. Плотная шелковая повязка до сих пор покрывала руку мальчика.

Арья стояла посреди комнаты одна, если не считать Джори Касселя; все глаза были обращены к ней.

— Арья! — громко окликнул дочь Нед и направился к ней, стуча сапогами по каменному полу. Увидев его, она заплакала навзрыд.

Нед опустился на колено и обнял дочь. Она тряслась.

— Мне так жаль, — прорыдала она. — Так жаль, так жаль.

— Я знаю, — отвечал он. Она казалась такой крошечной в его руках, просто маленькая неряшливая девчонка. Трудно понять, как она могла вызвать столько хлопот. — Ты ранена?

— Нет. — Слезы бежали по грязному лицу, оставляя полоски на щеках. — Только голодна. Я ела ягоды, но ничего больше не нашла.

— Скоро мы тебя накормим, — обещал Нед.

Поднявшись, он стал лицом к королю.

— Что значит все это? — Глаза его обежали комнату, отыскивая дружелюбные лица. Если не считать его собственных людей, таких было немного. Сир Реймен Дарри словно замкнулся

в себе. На лице лорда играла полуулыбка, способная прикрыть все что угодно. Старый сир Барристан сохранял серьезность, остальные были Ланнистеры, и они глядели враждебно. Повезло ему лишь в одном: Джейме Ланнистер и Сандор Клиган отсутствовали здесь, потому что возглавляли поиски к северу от Трезубца.

— Почему мне не доложили, что нашли мою дочь? — вопросил Нед звонким голосом. — Почему ее немедленно не доставили ко мне?

Он обращался к Роберту, но ответила Серсея Ланнистер:

— Как ты смеешь так разговаривать со своим королем!

Король шевельнулся.

— Тихо, женщина, — сказал он, поворачиваясь на своем сиденье. — Прости, Нед, я не хотел пугать девочку. Просто мне показалось, что лучше привести ее сюда и быстрее покончить с делом.

— С каким это делом? — Нед добавил льда в свой голос.

Королева шагнула вперед.

— Ты прекрасно знаешь, Старк! Это твоя девица напала на моего сына. Она и парень мясника. А этот ее зверь попытался оторвать Джоффри руку!

— Это не так, — громко возразила Арья. — Она

только укусила его, потому что он делал больно Мике.

— Джофф поведал нам, что произошло, — сказала королева, — Ты и сын мясника били его дубинками, а потом напустили своего волка.

— Это было не так, — проговорила Арья, едва сдерживая слезы. Нед опустил руки на ее плечи.

— Неправда! — настаивал принц Джоффри. — Они напали на меня, и она выбросила Львиный Зуб в реку! — Нед заметил, что он не глядит на Арью.

— Лжец! — завопила Арья.

— Заткнись! — закричал на нее принц.

— Довольно! — в гневе взревел король, поднимаясь с места. Наступило молчание. Глаза его над густой бородой яростно впились в Арью. — А теперь, дитя, расскажи мне, как все случилось, во всех подробностях и правдиво. Лгать королю — великий грех. — Потом король поглядел на своего сына. — Когда она закончит, наступит твой черед. До тех пор попридержи язык.

Когда Арья начала свою повесть, Нед услышал, как позади растворилась дверь. Он оглянулся назад и увидел, что в зал вошла Санса и тихо остановилась позади, услыхав голос Арьи. Когда Арья стала описывать, как зашвырнула меч Джоффри

на самую середину Трезубца, Ренли Баратеон расхохотался. Король немедленно ощетинился:

— Сир Барристан, выставите моего брата из зала, прежде чем он задохнется.

Лорд Ренли справился со смехом.

— Мой брат слишком добр, я и сам сумею найти дверь. — Он поклонился Джоффри. — Быть может, потом вы, принц, сумеете объяснить мне, как девятилетняя девочка ростом с мокрую крысу смогла разоружить вас, орудуя одной палкой от метлы, и забросить меч на середину реки. — Как только дверь закрылась за Ренли, Нед услыхал его голос с той стороны: — Львиный Зуб! — За этими словами вновь послышался хохот.

Принц Джоффри, побледнев, начал излагать собственную версию событий. Когда сын его завершил речь, король тяжко поднялся с сиденья, напоминая человека, желающего оказаться где угодно, только не здесь.

— И что же, во имя семи преисподних, я должен сейчас решить? Он говорит одно, девчонка другое…

— Присутствовали не только они, — сказал Нед. — Санса, подойди сюда. — Нед выслушал ее версию событий в ночь исчезновения Арьи и узнал правду. — Расскажи нам, что случилось.

Старшая дочь лорда Старка неуверенно шагнула вперед. Она была одета в синий бархат с белой строчкой, на ее шее висела серебряная цепь. Густые золотистые волосы были расчесаны до блеска. Санса моргнула сестре, потом молодому принцу.

— Не знаю, — проговорила она голосом, полным слез, всем видом выражая желание выбежать отсюда. — Я ничего не помню. Все произошло так быстро, что я не успела…

— Ах ты, дрянь! — воскликнула Арья. Она стрелой бросилась на сестру и, повалив Сансу на пол, принялась колотить ее. — Врунья, врунья, врунья, врунья!

— Арья, прекрати! — закричал Нед. Джори стащил брыкающуюся девочку с сестры. Бледная Санса тряслась, когда Нед поднял ее на ноги. — Тебе не больно? — спросил он, но Санса глядела на Арью и словно не слышала его.

— Эта девица столь же дика, как и ее грязная животина, — проговорила Серсея Ланнистер, — Роберт, я хочу, чтобы ее наказали.

— Седьмое пекло! — огрызнулся король. — Серсея, погляди на нее. Это ребенок, или ты хочешь, чтобы я приказал прогнать ее кнутом по улицам? Обычная детская драка, все закончено, все целы.

Королева была в ярости:

— Эти шрамы навсегда останутся на теле Джоффри.

Роберт Баратеон поглядел на своего старшего сына.

— Да, это так. И быть может, они научат его кое-чему. Нед, проследи, чтобы твою дочь наказали. Я сделаю то же с моим сыном.

— Охотно, светлейший государь, — ответил Нед с огромным облегчением. Роберт повернулся к трону, но королева еще не закончила.

— А как насчет лютоволка? — окликнула она короля. — Что будет с тварью, которая изуродовала твоего сына?

Король остановился, повернулся, нахмурился.

— Я забыл об этом.

Нед видел, как напряглась Арья в руках Джори, и тот быстро проговорил:

— Светлейший государь, мы не нашли даже следа лютоволка.

Роберт не обнаружил ни малейших признаков расстройства.

— Нет? Ну, ладно.

Королева возвысила голос:

— Даю сотню золотых драконов тому, кто принесет мне его шкуру!

— Дорогая будет шкура, — пробормотал Роберт. — Я в этом не участвую, женщина. Можешь покупать себе меха на деньги Ланнистеров.

Королева наделила его холодным взглядом.

— Я не думала, что ты такое ничтожество. Король, за которого я выходила, положил бы волчью шкуру на мою постель, прежде чем взойдет солнце.

Лицо Роберта потемнело от гнева.

— Сущие пустяки, если волка нет.

— Волк у нас, — проговорила Серсея Ланнистер голосом весьма спокойным. В зеленых глазах ее светился триумф.

Все какое-то мгновение осознавали ее слова, но потом король раздраженно повел плечами.

— Как угодно. Пусть сир Илин займется им!

— Роберт, нельзя ли обойтись без этого? — проговорил Нед.

Король более не желал спорить.

— Довольно, Нед. Не желаю ничего больше слушать. Лютоволк — свирепый зверь. Рано или поздно он порвет твою собственную девицу не хуже, чем моего сына. Заводи ей собаку, и все будет в порядке.

Санса только тут наконец поняла, что происходит. Испуганные глаза ее обратились к отцу.

— Но ведь он же говорит не про Леди, так ведь? — Она увидела подтверждение на лице Неда, — Нет, — сказала она. — Нет, только не Леди. Леди никого не кусает, она хорошая…

— Леди там не было! — гневно крикнула Арья. — Оставьте ее в покое.

— Останови их, — молила Санса. — Зачем так поступать? Пожалуйста, при чем тут Леди, это сделали Нимерия с Арьей, ты не можешь допустить этого, это была не Леди, не позволяй им убивать Леди. Она будет хорошей, я обещаю, обещаю… — Санса заплакала.

Неду оставалось только покрепче обнять плачущую дочь. Он глядел через комнату на Роберта, старинного друга, более близкого ему, чем любой брат.

— Прошу тебя, Роберт, не разбивай любви, которую ты ко мне питаешь. Ради твоей любви к моей покойной сестре, прошу тебя.

Король долго глядел на них, а потом обратил взгляд к жене.

— Проклятие на твою голову, Серсея, — сказал он с ненавистью.

Нед встал, мягко высвободившись из объятий Сансы. Вся усталость минувших четырех дней возвратилась к нему.

— Тогда ты сам сделай это, Роберт, — отрезал он голосом холодным как сталь. — Во всяком случае, имей отвагу сделать это своей рукой.

Король поглядел на Неда мертвыми глазами и вышел, не говоря ни слова, шаги его были тяжелы как свинец. Молчание наполнило зал.

— А где лютоволк? — спросила Серсея Ланнистер, когда муж ее вышел. Принц Джоффри стоял возле нее и улыбался…

— Тварь на цепи возле воротной сторожки, ваша светлость, — не без колебаний ответил сир Барристан Селми.

— Пошлите за Илином Пейном.

— Нет, не надо, — возразил Нед. — Джори, отведи девочек в их комнаты и принеси мне Лед. — Слова застревали в горле, он вытолкнул их, — Если так надо, я сам сделаю это.

Серсея Ланнистер с подозрением поглядела на него.

— Вы, Старк? Может, это какой-нибудь подвох? Почему вы хотите сделать такую вещь?

Все уставились на него, но взгляд Сансы резал.

— Волчица эта родом с севера и заслуживает лучшей участи, чем смерть от руки мясника.

Он вышел из комнаты — глаза ело, рыдания дочери отдавались в ушах — и нашел волчицу

там, где ее привязали. Нед посидел возле нее немного.

— Леди, — проговорил он, пробуя имя на вкус. Он никогда не уделял особого внимания тем именам, которые выбрали дети, но, поглядев на волчицу, понял теперь, что Санса дала ей подходящую кличку. Леди была самой маленькой и самой симпатичной во всем помете, самой доброй и доверчивой. Волчица глядела на него ясными золотыми глазами, и он взлохматил густой серый мех.

Тут Джори принес ему Лед.

Когда все было закончено, он сказал:

— Выбери четверых людей и отправь их вместе с телом на север. Похороните ее в Винтерфелле.

— Зачем так далеко? — спросил удивленный Джори.

— Затем, — подтвердил распоряжение Нед, — чтобы Ланнистерша никогда не получила этой шкуры.

Он направился к башне, чтобы наконец отоспаться, когда Сандор Клиган и его всадники прогрохотали сквозь ворота замка, возвращаясь со своей охоты.

Через круп коня Сандора было переброшено что-то тяжелое… тело, обернутое кровавым пла-

щом.

— Твоей дочери мы не нашли, десница, — скрежетнул Пес. — Но день провели не напрасно. Мы добыли ее приятеля. — Протянув руку назад, он сбросил свою ношу, упавшую прямо перед Недом. Согнувшись, тот отвернул плащ, страшась тех слов, которые придется искать для Арьи, но перед ним оказалась не Нимерия, а сын мясника, Мика. Тело его, покрытое запекшейся кровью, было перерублено почти пополам — от плеча до поясницы — тяжелым, нанесенным сверху ударом.

— Значит, загнал его, — сказал Нед.

Глаза Пса блеснули сквозь стальное забрало жуткой собачьей морды.

— Он бежал. — Сандор поглядел в глаза Неда и расхохотался. — Но недостаточно быстро.

Бран

Казалось, что он падал годы и годы. Лети, шептал ему голос во сне. Бран летать не умел, поэтому оставалось лишь падать, Мейстер Лювин слепил из глины мальчишку и обжег его, чтобы тело сделалось твердым и хрупким. Одел в одежды Брана и сбросил с крыши. Бран вспомнил, как разбилась фигурка.

— Но я никогда не упаду, — сказал он падая.

Земля была так далеко, что Бран едва мог разглядеть ее сквозь туман, кружившийся вокруг, но он чувствовал, насколько быстро летит, и знал, что его ждет внизу. Даже во сне нельзя падать вечно. Он проснется за мгновение до того, как ударится о землю. Бран знал это, потому что всегда просыпался за мгновение до того, как ударялся о землю.

— А если нет? — прошептал чей-то голос.

Земля приближалась, оставаясь еще далеко, — в тысяче миль, но уже ближе, чем раньше. Здесь, во тьме, было холодно. Здесь не было звезд, не было солнца, лишь земля надвигалась, чтобы разбить его тело, и серый туман, и шепчущий

голос. Ему захотелось плакать.

— Не плачь. Лети.

— Я не могу летать, — сказал Бран. — Не могу, не могу…

— Откуда ты знаешь? Разве ты пытался?

Голос был высоким и тонким. Бран огляделся, чтобы понять, откуда он доносится. Рядом с ним спиралью опускался ворон, но Бран падал и не мог дотянуться до него рукой.

— Помоги мне, — сказал Бран.

— Я пытаюсь, — отвечал ворон. — Скажи, а зерно принес?

Бран полез в карман, а Земля кружила голову и вращалась вокруг. Он извлек руку, и золотые зернышки посыпались между пальцами в воздух. Они падали вместе с ним. Ворон уселся на его руку и начал есть.

— А ты и в самом деле ворон? — спросил Бран.

— А ты и в самом деле падаешь? — ответил тот вопросом на вопрос.

— Это просто сон, — сказал Бран.

— Разве? — спросил ворон.

— Я проснусь, когда ударюсь о землю, — сказал Бран птице.

— Ты умрешь, когда ударишься о землю, — исправил его ворон, продолжая клевать зерно.

Бран поглядел вниз. Он теперь видел горы, белые снеговые вершины и серебряные нити рек в темных лесах. Он закрыл глаза и заплакал.

— А вот это не поможет, — сказал ворон. — Я же объяснил тебе: надо лететь, а не плакать. Ты считаешь, что это трудно? Но ведь я летаю. — Поднявшись в воздух, ворон облетел вокруг руки Брана.

— Но у тебя есть крылья, — возразил Бран.

— Возможно, они есть и у тебя.

Бран потянулся рукой к плечам, надеясь нащупать перья.

— Крылья бывают разными, — заметил ворон.

Бран поглядел на свои руки, на свои ноги. Он стал настолько худым, ну просто кожа, натянутая на кости. Неужели он всегда был таким? Он попытался вспомнить. Из серого тумана, осветившись, выплыло золотое лицо.

— Чего не сделаешь ради любви, — проговорили губы.

Бран вскрикнул. Ворон, каркнув, взмыл в воздух.

— Только не это! — закричал он. — Забудь об этом, тебе не нужно про это знать, забудь, забудь. — Птица приземлилась на плечо Брана, клюнула его, и золотое сияющее лицо исчезло.

Бран падал уже быстрее, чем прежде. Серые туманы выли вокруг, а он несся к земле.

— Что ты делаешь со мной? — со слезами в голосе спросил он у ворона.

— Учу тебя летать.

— Я не могу летать.

— Ты уже летишь.

— Я падаю.

— Каждый полет начинается с падения, — сказал ворон. — Погляди вниз.

— Я боюсь…

— Погляди вниз!!!

Бран поглядел вниз и ощутил, что внутренности его обратились в воду. Теперь земля неслась навстречу ему. Весь мир распростерся под ним, словно ковер, расшитый белой, бурой и зеленой нитями. Он видел все настолько отчетливо, что на мгновение забыл об испуге. Он видел всю страну и каждого в ней.

Он увидел Винтерфелл, каким видят замок орлы: высокие башни казались сверху приземистыми огрызками, а стены превратились в линии, прорисованные на земле. Бран, увидел мейстера Лювина на балконе, изучающего небо через полированную бронзовую трубку; ученый, хмурясь, делал заметку. Увидел своего брата Роб-

ба, подросшего и окрепшего по сравнению с тем, каким он помнил его; брат занимался во дворе фехтованием с настоящей сталью в руке. Он увидел Ходора, простодушного гиганта из конюшни, тот нес наковальню кузнецу Миккену, взвалив ее на плечо, словно простое бревно. В сердце богорощи огромное чардрево размышляло над своим отражением в черной воде, листья его шелестели под холодным ветром. Ощутив, что Бран наблюдает за ним, оно подняло свои глаза от тихих вод и ответило ему понимающим взглядом.

Он поглядел на восток и увидел галею, несущуюся по волнам. И мать, одиноко сидевшую в каюте. Она рассматривала окровавленный нож, лежавший перед ней на столе; гребцы налегали на весла, а сир Родрик привалился к поручням, содрогаясь всем телом. Впереди них собрался шторм, ревущую тьму прорезали молнии, но корабельщики почему-то не видели бурю.

Он поглядел на юг и увидел огромный сине-зеленый поток Трезубца. Увидел, как отец, лицо которого искажало горе, о чем-то просит короля. Увидел, как плачет Санса и не может никак заснуть. Увидел, как затаилась молчаливая Арья, скрывая свои секреты. Их окружали тени. Одна черная, словно кленовый ствол с жуткой соба-

чьей мордой. Другая была как солнце в золотой и прекрасной броне. Над всеми возвышался гигант в панцире, выкованном из камня, но когда он отвел забрало, под ним ничего не оказалось — лишь тьма и густая черная кровь.

Он поднял глаза и увидел мир за Узким морем: Вольные Города, зеленый океан дотракийских трав, а за ним Вейес Дотрак под горой, сказочные острова Яшмового моря и Асшай у Тени, прячущей до рассвета драконов.

Потом Бран поглядел на север. Стена сверкала, как синий кристалл, и его незаконнорожденный брат Джон спал возле нее в холодной постели; кожа его бледнела и становилась жесткой, утрачивая даже память о тепле. Он поглядел за Стену, за бесконечный лес, укутанный снегом, мимо замерзшего побережья, за огромные иссиня-белые ледяные реки и мертвые равнины, где ничего не могло расти или жить. Все дальше и дальше на север уходил его взгляд — к завесе света в конце мира, а потом и за эту завесу. Бран заглянул в самое сердце зимы, ужаснулся, испуганно вскрикнул, и щеки его обожгли слезы.

— Теперь ты знаешь, — проговорил ворон, опускаясь на его плечо. — Теперь ты знаешь, почему должен жить.

— Почему? — сказал Бран, ничего не понимая, но падая, падая, падая.

— Потому что зима близка.

Бран поглядел на ворона, сидящего на его плече, тот отвечал ему своим немигающим взглядом. У птицы оказалось три глаза, и третий наполняло жуткое знание. Бран поглядел вниз. Там не было ничего, только снег, холод и смерть, холодная пустошь грозила ему сине-белой зубастой ледяной пастью. Клыки ее поднимались как копья. Бран увидел на них кости тысяч других мечтателей, пронзенных остриями. И отчаянно испугался.

— Может ли мужчина стать отважным, если он боится? — услыхал он собственный голос, тихий и недалекий.

Ответил ему отец:

— Только преодолев страх, он и станет храбрым, он и станет мужчиной!

— Ну же, Бран, — напомнил ему ворон. — Выбирай. Лети или умирай.

Смерть с воплем протянула к нему руку.

Бран раскинул свои руки и полетел. Незримые крылья впивали ветер; наполнившись, они подняли его вверх. Жуткие иглы льда удалились вниз. Над головой открылось небо. Бран поднялся вверх. Это было великолепно. Мир под ним сде-

лался маленьким.

— Я лечу! — выкрикнул он в восхищении.

— Я заметил, — сказал трехглазый ворон, взмывая. Замедляя полет, он замахал крыльями перед лицом Брана, ослепляя его. И застыл в воздухе, ударяя перьями по его щекам. Клюв жестоко впился в лоб Брана, и он ощутил внезапную боль между глазами.

— Что ты делаешь? — закричал он.

Ворон открыл клюв и каркнул с пронзительным страхом. Задрожав, отлетели окружавшие его туманы, и Бран увидел, что ворон сделался женщиной, служанкой с длинными черными волосами. И вспомнил, что когда-то знал ее в Винтерфелле… да, это было там. Тут только он понял, что лежит в родном замке, на высокой кровати в холодной комнате башни. Черноволосая женщина выронила кувшин, и по полу потекла вода. Служанка побежала вниз по ступеням с криком:

— Он очнулся, он очнулся, он очнулся!

Бран прикоснулся ко лбу между глазами. Место, куда клюнул его ворон, все еще горело, но там не было ничего — ни крови, ни раны. Почувствовав слабость и головокружение, он попытался выбраться из постели, но даже не двинулся.

Однако возле кровати кто-то шевельнулся, и

прямо на него опустилось какое-то тело. Бран ничего не почувствовал. Пара желтых глаз, сияющих, словно солнце, заглянула в его глаза. Окно было открыто, в комнате было холодно, однако тепло, которое источал волк, охватило его жаркой волной. Это его щенок, понял Бран… Но щенок ли? Теперь он сделался таким большим… Бран протянул руку, чтобы погладить животное, но ладонь дрожала как лист.

Когда брат его Робб ворвался в комнату, запыхавшись после бега по ступеням башни, лютоволк уже лизал лицо Брана. Невозмутимо поглядев вверх, Бран объявил:

— Его зовут Лето.

Кейтилин

— Через час мы причалим в Королевской Гавани.

Кейтилин отвернулась от поручней и заставила себя улыбнуться.

— Твои гребцы хорошо потрудились ради нас, капитан. Каждый из них получит серебряного оленя в знак моей благодарности.

Капитан Морео Тумитис почтил ее полупоклоном.

— Вы слишком благородны, леди Старк. Довольно с них и чести везти столь знатную госпожу.

— Но от серебра они не откажутся?

Морео улыбнулся:

— Не откажутся.

Он бегло говорил на общем языке — с самым легчайшим акцентом тирошийского. Капитан бороздил Узкое море уже тридцать лет, как он рассказывал ей, сперва гребцом, потом квартирмейстером и, наконец, капитаном собственных торговых галей. «Пляшущая на валах» была его четвертым кораблем и самым быстрым: двухмачтовая галея имела шестьдесят весел.

Корабль этот оказался самым быстроходным среди всех, находившихся в Белой гавани, когда Кейтилин и сир Родрик Кассель появились там после долгой скачки. Тирошийцы славились своей алчностью, и сир Родрик предложил было нанять рыбацкий шлюп с Трех сестер, но Кейтилин настояла на галее. И хорошо, что она так поступила. Ветры все время препятствовали путешествию, и без весел галеи они сейчас плелись бы где-нибудь возле Перстов, не имея возможности проскочить мимо них, чтобы добраться до Королевской Гавани и тем самым завершить путешествие.

Так близко, подумала Кейтилин. Пальцы ее еще болели под полотняными повязками там, где их укусил кинжал. Боль твердила ей, верила Кейтилин, чтобы она ничего не забыла. Она не могла теперь согнуть два последних пальца на левой руке, да и прочие никогда не обретут прежней гибкости. И все же это была мизерная цена за жизнь Брана.

Сир Родрик избрал этот момент, чтобы появиться на палубе.

— Мой добрый друг, — обратился к нему Морео сквозь раздвоенную зеленую бороду. — Тирошийцы любят яркие краски, даже когда речь идет

о цвете лица. Как прекрасно, что вам сегодня лучше.

— Да, — согласился сир Родрик. — Мне уже второй день не хочется умирать. — Он поклонился Кейтилин. — Миледи…

Рыцарь действительно выглядел лучше. Может быть, он слегка похудел на море после отплытия из Белой гавани; но теперь вновь сделался самим собой. Сильные ветры и бурные воды Узкого моря не отвечали его натуре, и сир Родрик едва не вывалился за борт, когда неожиданный шторм налетел на них от Драконьего Камня, но все-таки каким-то чудом сумел уцепиться за веревку, тем самым позволив людям Морео спасти его, и доставить в безопасное место под палубой.

— Капитан как раз говорил мне, что наше путешествие почти закончилось, — сказала Кейтилин.

Сир Родрик выдавил сухую улыбку:

— Так скоро? — Лишившись своих огромных белых бакенбардов, он казался ей незнакомым. Сир Родрик сделался меньше ростом, да и постарел лет на десять. В море на волнах Пасти ему пришлось покориться бритве одного из мореходов, чтобы в третий раз не осквернить свои бакенбарды, припадая к борту и извергая содержимое

желудка в бушующие волны.

— Ну, оставляю вас, чтобы вы могли обсудить свои дела, — проговорил капитан Морео и с поклоном отправился прочь.

Галея неслась по волнам подобно стрекозе, весла мерно вздымались и опускались в ровном ритме. Держась за поручень, сир Родрик поглядел на приближающийся берег.

— Я оказался не самым надежным из хранителей.

Кейтилин тронула его за руку.

— Мы прибыли сюда, сир Родрик, без приключений. Это я считаю главным. — Рука ее нырнула под плащ, неловкие пальцы нащупали кинжал. Она успела заметить, что время от времени прикасается к нему, чтобы подбодрить себя. — А теперь мы должны проникнуть к оружейных дел мастеру короля, и остается только молиться, чтобы ему можно было довериться.

— Сир Арон Сантагар человек тщеславный, но честный. — Рука сира Родрика отправилась к лицу, чтобы разгладить бакенбарды, и немедленно — с явным неудовольствием — обнаружила их отсутствие. — Быть может, он узнает этот клинок… но для вас, миледи, риск начнется сразу, как только мы выйдем на берег. При дворе есть

люди, которые узнают вас на месте.

Рот Кейтилин напрягся.

— Мизинец, — пробормотала она, увидев умственным взором юношеское лицо, хотя обладатель его более не являлся мальчишкой. Отец его умер несколько лет назад, и теперь Петир сделался лордом Бейлишем, но его до сих пор звали Мизинцем. Прозвище это дал ему в Ривердане ее брат Эдмар. Скромные владения Бейлишей располагались на меньшем из Перстов, к тому же Петир был мелковат и невысок для своего возраста.

Сир Родрик прочистил глотку.

— Лорд Бейлиш некогда… э… — Он в нерешительности подыскивал нужное слово.

Кейтилин было не до деликатности.

— Он был воспитанником моего отца. Мы выросли вместе в Ривердане. Я видела в нем брата, он же относился ко мне… с более чем братской любовью. Когда было объявлено, что я должна выйти замуж за Брандона Старка, Петир решил оспорить его право на мою руку. Безумный поступок; Брандону уже исполнилось двадцать, а Петиру не было и пятнадцати. Мне пришлось просить, чтобы Брандон пощадил Петира. Он отпустил его, удовольствовавшись одним шра-

мом. Потом мой отец отослал Петира прочь. С той поры я не видела его. — Она подставила лицо водяной пыли, словно бы резкий ветер мог прогнать воспоминания. — После смерти Брандона он прислал мне письмо в Ривердан, но я сожгла его не читая. Тогда я уже знала, что Нед женится на мне вместо брата.

Пальцы сира Родрика вновь попытались найти несуществующие бакенбарды.

— Теперь Мизинец заседает в Малом совете.

— Я знала, что Петир поднимется высоко, — проговорила Кейтилин. — Он всегда был умен, даже в мальчишеские годы, но ум и мудрость — вещи разные. Интересно, что сделали с ним годы?... — Высоко над головой среди снастей пропел голос впередсмотрящего. Капитан Морео расхаживал по палубе, отдавая приказы, и на «Пляшущей на валах» началась лихорадочная деятельность. Королевская Гавань, раскинувшаяся на трех высоких холмах, медленно разворачивалась перед ними.

Три сотни лет назад, как знала Кейтилин, высоты эти были покрыты лесом, и лишь горстка рыбаков обитала на северном берегу Черноводной возле устья, где глубокая и быстрая река вливалась в море. Потом Эйегон-завоеватель

приплыл с Драконьего Камня. Именно здесь его войско и высадилось на берег, именно здесь он поставил на самом высоком холме первое грубое укрепление из дерева и земли.

Теперь город захватил всю землю. Дворцы в рощах, амбары, кирпичные склады, бревенчатые гостиницы, дома купцов, таверны, кладбища, бордели — все друг на друге. Гомон рыбного рынка был слышен даже с моря. Здания разделяли широкие дороги, обсаженные деревьями, от них отделялись кривые улочки, а переулки были такими узкими, что два человека едва могли разойтись. Холм Висеньи венчала септа Бейелора с семью хрустальными башнями. На противоположной стороне города, на холме Рейенис, высились почерневшие стены Драконьего логова. Огромный купол обрушился, бронзовые двери не отпирали уже целый век. Соединяла холмы улица Сестер, прямая, словно стрела. Вдали поднимались стены города — высокие и надежные.

Возле воды вытянулась целая сотня причалов, и гавань была полна судов. Морские рыболовные корабли и речные посыльные лодки через Черноводную, торговые галеи разгружали товар, доставленный из Браавоса, Пентоса и Лиса. Кейтилин заметила причудливую барку королевы,

привязанную возле толстопузого китобоя из Порт-Иббена. Корпус ее покрывала черная смола. Вверху на реке дюжина стройных военных кораблей, спустив паруса, отдыхала у своих причалов, о мощные железные тараны плескала вода.

И над всем этим на высоком холме Эйегона хмурился Красный замок: семь огромных башен, увенчанных железом. Из стены вырастала огромная и мрачная подвесная башня, виднелись сводчатые палаты, залы, крытые переходы, казармы, темницы, амбары, зубчатые массивные стены, сложенные из бледного красного камня. Этот замок приказал возвести Эйегон-завоеватель. Завершили стройку при его сыне Мейегоре Жестоком. Он велел обезглавить каждого каменщика, плотника и строителя, трудившегося здесь. Лишь крови дракона подобает знать тайны этой крепости.

Но теперь над укреплениями реяли золотые, а не черные знамена; там, где прежде извергал огонь трехголовый дракон, ныне скакал венценосный олень дома Баратеонов.

Из порта неторопливо выходил корабль с высокими мачтами под флагом Летних островов, огромные белые паруса наполнял ветер. «Пляшущая на валах» миновала его, уверенно

направляясь к берегу.

— Миледи, — проговорил сир Родрик. — Отлеживаясь, я понял, как нам нужно поступить. Вам не следует появляться в замке. Я сделаю это и приведу к вам сира Арона в какое-нибудь безопасное место.

Она поглядела на старого рыцаря. Галея остановилась возле пирса, Морео уже вовсю кричал на вульгарном валирийском Вольных Городов.

— Вы будете рисковать не менее, чем я.

Сир Родрик улыбнулся:

— Едва ли. Я поглядел на собственное отражение в воде и едва узнал себя. Последний раз без бакенбард меня видела моя мать, а она умерла сорок лет назад. Думаю, мне ничего не грозит, миледи.

Морео выкрикнул команду. Все шестьдесят весел разом поднялись из воды и, обратив движение, опустились в воду. Галея замедлила ход. Раздался новый крик. Весла скользнули внутрь корпуса. Когда корабль стукнулся о причал и тирошийские матросы соскочили на берег, Морео поднялся наверх, блистая улыбкой.

— Королевская Гавань, миледи, как вы приказывали! Ни один корабль еще не доплывал сюда быстрее и спокойнее. Не потребуется ли вам

помощь, чтобы перенести вещи в замок?

— Мы направимся не в замок. Быть может, вы можете порекомендовать нам гостиницу, чистую и уютную, чтобы она стояла не слишком далеко от реки?

Тирошиец принялся теребить раздвоенную зеленую бороду.

— Значит, так. Я знаю несколько заведений, которые могут подойти вам. И все же, если я вправе осмелиться, как насчет второй части платы, которую мы обговорили? И конечно, насчет того серебра, которое вы так любезно обещали. Кажется, речь шла о шестидесяти оленях.

— Для гребцов, — напомнила ему Кейтилин.

— О, конечно же! — вскричал Морео. — Хотя я, например, приберег бы серебро до возвращения в Тирош, ради их жен и детей. Если выдать людям серебро, миледи, они в одну ночь спустят его, играя в кости, или потратят на женщин.

— Есть худшие способы спустить деньги, — вставил сир Родрик. — Зима близко.

— Человек вправе самостоятельно делать свой выбор, — сказала Кейтилин. — Они заработали серебро, а как они потратят его, меня не касается.

— Как вам угодно, миледи, — отвечал Морео, кланяясь и улыбаясь.

На всякий случай Кейтилин сама заплатила каждому гребцу по оленю и дала по медяку двум людям, которые перенесли их сундуки на холм Висеньи в ту гостиницу, которую порекомендовал Морео. Старый покосившийся дом располагался в Угревом переулке. Хозяйничала там кислолицая карга, недоверчиво оглядевшая их рассеянным взором и прикусившая монету, которую дала ей Кейтилин, чтобы убедиться в том, что она не фальшивая. Комнаты были просторны и полны воздуха, а Морео клялся, что лучшей ухи, чем здесь, не сыщешь во всех Семи Королевствах. Но удобнее всего было то, что их именами хозяйка не интересовалась.

— Я думаю, вам лучше держаться подальше от гостиной, — сказал сир Родрик, когда они устроились. — Нельзя заранее знать, кого может сюда принести. — Рыцарь облачился в кольчугу и спрятал длинный меч под темным плащом, капюшон которого легко можно было набросить на голову. — Я вернусь к вечеру вместе с сиром Ароном, — пообещал он. — А теперь отдыхайте, миледи.

Она устала. Путешествие было долгим и изнурительным, а она более не чувствовала себя молодой. Окна выходили на переулки и крыши,

за ними тускло поблескивала Черноводная. Кейтилин проследила за удалявшейся фигурой сира Родрика. Рыцарь торопливой походкой направился вниз по людной улице и скоро затерялся в толпе. Пришлось последовать его совету. Матрас оказался набитым соломой, а не перьями, но уснула она сразу.

Проснувшись от стука в дверь, Кейтилин резко села. За окном под лучами заходящего солнца багровели крыши Королевской Гавани. Она проспала дольше, чем намеревалась. Кулак вновь забарабанил в дверь, и голос выкрикнул:

— Откройте! Именем короля! Приказываю!

— Мгновение, — отвечала она, закутываясь в плащ. Кинжал лежал возле постели. Она схватила его, прежде чем отпереть тяжелую деревянную дверь. В комнату ворвались люди в черных кольчугах и золотых плащах городской стражи. Их предводитель улыбнулся, увидев кинжал в ее руке, и сказал:

— Излишняя предосторожность, миледи. Мы должны проводить вас в замок.

— Кто приказал? — спросила она.

Он показал ей ленту. Кейтилин ощутила, как дыхание перехватило ее горло. На сером воске печати вырисовывалось изображение пересмеш-

ника.

— Петир, — прошептала она. — Так скоро. Должно быть, что-то случилось с сиром Родриком.

Кейтилин поглядела на старшего из стражников.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет, миледи, — отвечал тот, — милорд Мизинец приказал нам только привести вас к нему так, чтобы вы при этом не претерпели никаких неприятностей по дороге.

Кейтилин кивнула:

— Можете подождать снаружи, пока я оденусь.

Она омыла руки в тазу и вытерла их чистым полотном. Неловкие и опухшие пальцы с трудом застегнули платье и завязали под горлом толстый коричневый плащ. Как мог узнать Мизинец, что она находится здесь? Сир Родрик никогда бы не сказал ему этого. Он стар, упрям и безупречно верен. Неужели они опоздали и Ланнистеры уже успели достичь Королевской Гавани? Нет, если бы это было так, Нед тоже был бы здесь, а тогда он сам пришел бы к ней. Как же?..

Тут она поняла. Морео! Тирошиец — черти бы его взяли — знал, кто они и где остановились. Можно было не сомневаться в том, что он хорошо заработал на этом.

Для нее привели коня. Все фонари вдоль улиц были зажжены, и, окруженная стражей, Кейтилин ощущала на себе глаза всего города. Когда они добрались до Красного замка, решетка была опущена и Великие ворота уже закрылись на ночь, хотя в окнах замка было полно мерцающих огней. Гвардейцы оставили своих коней за стеной, проводили ее через узкую калитку, а потом по бесконечной лестнице она поднялась в башню.

Мизинец находился в комнате один, он сидел за тяжелым деревянным столом и писал в свете масляной лампы. Когда ее ввели, он отложил перо, поглядел на нее и негромко сказал:

— Кет!

— Почему ты приказал доставить меня сюда таким образом?

Он поднялся и резко махнул стражникам.

— Оставьте нас.

Люди ушли.

— Надеюсь, что с тобой обходились вежливо, — сказал он после того, как они вышли. — Я дал им твердые наставления. — Он заметил ее повязки. — Твои руки…

Кейтилин игнорировала вопрос.

— Я не привыкла, чтобы со мной обращались,

как со служанкой, — сказала она ледяным тоном. — В детстве у тебя были лучшие манеры.

— Я прогневал вас, миледи, простите; я не хотел этого.

Петир явно раскаивался. Взгляд извлек из памяти яркие воспоминания: в детстве он всегда был лукавым ребенком, но после проказ обычно принимал невинное обличье, так уж он был устроен. Годы не слишком-то переменили Петира. Невысокий, он так и не вырос, оставшись на дюйм или два ниже Кейтилин. Тонкий и быстрый, он сохранил острые черты, памятные ей, и те же самые смеющиеся серо-синие глаза. Подбородок его теперь украшала небольшая, острым клинышком бородка, темные волосы Петира пронизывала седина, хотя ему еще не было и тридцати. Шевелюра его гармонировала с серебристым пересмешником, которым был застегнут плащ. В детстве он тоже любил серебро.

— Откуда ты узнал, что я в городе? — спросила она.

— Лорд Варис знает все, — ответил Петир с лукавой улыбкой. — Он скоро присоединится к нам, но сначала я хотел повидать тебя. Кет, как это было давно, сколько же лет прошло?

Кейтилин игнорировала его фамильярность. У

нее были более важные дела.

— Итак, меня обнаружил королевский паук?

Мизинец дернулся.

— Не надо так называть его. Он очень чувствителен — должно быть, потому, что евнух. В этом городе не случается ничего такого, о чем не знал бы Варис. А иногда он заранее узнает о том, что случится. У него повсюду есть доносчики… маленькие птички — так он зовет их. Одна из его птах услыхала о твоем прибытии. К счастью, Варис пришел сразу ко мне.

— Почему к тебе?

Он пожал плечами:

— А почему бы и нет? Я здесь мастер над монетой, личный советник короля. Селми и лорд Ренли уехали на север встречать Роберта, лорд Станнис отправился на Драконий Камень, остались только я и мейстер Пицель. Я был самой очевидной кандидатурой. Я всегда был другом твоей сестры Лизы, и Варис знает об этом.

— А Варис знает о…

— Лорд Варис знает обо всем… кроме причин, которые привели тебя сюда. — Он приподнял бровь. — Итак, почему ты здесь?

— Жена вправе желать мужа, а если мать решила повидать дочерей, кто может отказать ей?

Мизинец расхохотался:

— Весьма убедительные доводы, миледи, однако прошу вас не рассчитывать, что я поверю им. Для этого я знаю вас слишком хорошо. Как там говорят Талли?

Горло Кейтилин пересохло.

— Семья, долг, честь, — строгим голосом повторила она. Петир хорошо знал этот девиз.

— Семья, долг, честь, — отозвался он. — И то, и другое, и третье требуют, чтобы ты оставалась в Винтерфелле, где десница оставил тебя. Нет, миледи, что-то случилось, твое внезапное путешествие свидетельствует о срочном деле. Прошу, разреши мне помочь тебе, старые друзья должны полагаться друг на друга.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — позвал Мизинец.

Дверь открыл пухлый, надушенный, напудренный и безволосый, как яйцо, человек, в жилете, расшитом золотой нитью, и свободной мантии из пурпурного шелка. На ногах его были шлепанцы из мягкого бархата с заостренными носами.

— Леди Старк, — сказал он, принимая ее руку обеими, — я просто счастлив видеть вас после столь долгих лет. — Прикосновение его было мягким и влажным, а дыхание отдавало сиренью.

— О бедные руки! Неужели вы обожглись, милая леди? Пальцы столь нежны… наш добрый мейстер Пицель делает великолепную мазь, я могу послать за горшочком?

Кейтилин высвободила руку.

— Благодарю вас, милорд, но мой мейстер Лювин уже приглядел за моей раной.

Варис покачал головой:

— Я с глубокой скорбью узнал о случившемся с вашим сыном. Он так молод, но боги жестоки.

— В этом я с вами согласна, лорд Варис, — проговорила она. Титулом этим пользовались лишь из почтения к члену совета; лорд Варис ничем не правил, кроме собственной паутины, и был повелителем лишь своих шептунов.

Евнух развел мягкие руки.

— Но я все-таки надеюсь, милая леди. Я весьма уважаю вашего мужа, нашу новую десницу, и знаю, что мы оба любим короля Роберта.

— Да, — пришлось согласиться ей. — Конечно.

— В стране еще не было короля столь любимого, как наш Роберт, — вмешался Мизинец. Он лукаво улыбнулся. — По крайней мере так уверяет лорд Варис.

— Добрая леди, — заявил Варис с полной убежденностью в голосе. — В Вольных Городах есть

люди, обладающие удивительной целительной силой. Скажите лишь слово, и я пошлю за одним из них ради нашего дорогого Брана.

— Мейстер Лювин уже сделал для Брана все возможное, — сказала она, не желая разговаривать об изувеченном сыне здесь, с этими людьми. Мизинцу она доверяла лишь отчасти, а Варису вовсе не доверяла. Нельзя позволять им видеть ее горе. — Лорд Бейлиш сказал мне, что я должна поблагодарить вас за то, что меня доставили сюда.

Варис хихикнул, как распутная девчонка:

— О да. Признаюсь вам в своей вине и надеюсь на прощение, добрая леди. — Он опустился в кресло и сложил руки. — А нельзя ли попросить вас показать нам кинжал?

Ошеломленная, не веря своим ушам, Кейтилин Старк глядела на евнуха. Действительно паук, подумала она, чародей или хуже того. Этот знает вещи, которых не знает никто, кроме…

— А что вы сделали с сиром Родриком? — потребовала, она ответа.

Мизинец сделал вид, что ничего не понимает:

— Я ощущаю себя рыцарем, который явился на поле боя, забыв свое копье. О каком кинжале мы говорим? Кто такой сир Родрик?

— Сир Родрик Кассель — мастер над оружием

в Винтерфелле, — пояснил ему Варис. — Уверяю вас, леди Старк, с добрым рыцарем ничего не случилось. Он заходил сюда сегодня утром, посетил сира Арона Сантагара в оружейной, где они и поговорили о кинжале. А к закату оба рыцаря вместе оставили замок и отправились к той жуткой дыре, где вы остановились. Они и сейчас там, пьют в гостиной и дожидаются вашего возвращения. Сир Родрик весьма расстроился, обнаружив ваше отсутствие.

— Откуда вы знаете все это?

— Птички нашептывают, пичужки, — отвечал Варис улыбаясь. — Я знаю все, милая леди. Такова природа моей службы. — Он пожал плечами. — Итак, кинжал сейчас при вас?

Кейтилин извлекла оружие из-под плаща и бросила на стол перед ним.

— Вот он. Быть может, ваши пташки начирикают и имя человека, которому он принадлежит?

Варис поднял нож с преувеличенной осторожностью и провел пальцем вдоль края. Выступила кровь, он вскрикнул и уронил кинжал обратно на стол.

— Осторожно, — предупредила Кейтилин. — Он очень острый.

— Ничто так не держит заточку, как валирий-

ская сталь, — проговорил Мизинец и, пока Варис сосал кровоточащий палец, мрачно и многозначительно качал головой, глядя на Кейтилин. Потом Петир непринужденно взвесил нож на руке, опробовал рукоятку. Подбросил в воздух, поймал другой рукой. — Какой баланс! Значит вам нужно отыскать владельца, и за этим вы пожаловала сюда? Для этого сир Арон вам не потребуется, миледи. Надо было сразу обратиться ко мне.

— Ну а если так, — проговорила она, — что скажешь мне ты?

— Я бы рассказал тебе, что в Королевской Гавани видели лишь один такой кинжал.

Взявшись большим и указательным пальцами за острие, он бросил кинжал назад через плечо заученным движением кисти. Нож вонзился, в дверь и глубоко застрял в дубовой доске.

— Он мой.

— Твой? — Это было бессмысленно. Петир не приезжал в Винтерфелл.

— Он был моим до турнира в честь именин принца Джоффри, — сказал он, пересекая комнату, чтобы извлечь кинжал из дерева. — В тот день вместе с половиной двора я ставил на сира Джейме. — Застенчивая улыбка вновь сделала из

Петира мальчишку. — Когда Лорас Тирелл выбил его из седла, многие из нас чуточку обеднели. Сир Джейме потерял сотню золотых драконов, королева — изумрудный кулон, а я — свой нож. Ее величество получила свой изумруд назад, но победитель сохранил остальное.

— Кто он? — спросила она голосом, сухим от страха. Пальцы ее заныли, незабытая боль вновь пронзила их.

— Бес, — сказал Мизинец, пока лорд Варис следил за ее лицом. — Тирион Ланнистер.

Джон

Во дворе раздавался звон мечей. По груди наступавшего Джона под черной шерстью, вареной кожей и панцирем ледяными струйками сочился пот. Гренн споткнулся, шагнул вперед и неловко отразил удар. Когда он замахнулся мечом, Джон ударил под ним сбоку, угодив сзади в ногу юноши, и тот снова споткнулся. Отбив ответный выпад Гренна, он угодил в шлем. Когда тот попытался ударить сбоку, Джон отбросил его клинок и влепил бронированным кулаком в грудь. Гренн пошатнулся и уселся в снег. Джон выбил его меч ударом по пальцам, заставившим сидящего взвыть.

— Довольно! — Голос сира Аллисера Торне звенел валирийской сталью.

Гренн держался за руку.

— Бастард разбил мне кисть.

— Бастард подсек твои сухожилия, раскроил пустой череп и отрезал руку. Отрезал бы, будь у этих клинков лезвие. Впрочем, тебе повезло. Дозору, кроме разведчиков, нужны и конюхи, — Сир Аллисер махнул Джерену и Жабе. — Поставьте

Зубра на ноги, он должен позаботиться о своих похоронах.

Джон отошел в сторону и снял шлем, пока другие юноши поднимали Гренна на ноги. Морозный утренний воздух прикоснулся к его лицу. Он оперся на меч, глубоко вздохнул и позволил себе короткое мгновение наслаждения победой.

— Это длинный меч, а не посох старца, — резко бросил сир Аллисер. — Или у вас ноги болят, лорд Сноу?

Джон ненавидел эту насмешливую кличку, которой сир Аллисер наградил его в первый же день упражнений. Мальчики подхватили ее, и теперь она раздавалась повсюду.

Опустив длинный меч в ножны, Джон ответил:

— Нет.

Торне шагнул к нему, скрипучая черная кожа сухо пришепетывала при ходьбе. Аккуратный мужчина пятидесяти лет, жесткий и сухощавый, седина в черных волосах, и глаза словно кусочки оникса.

— А теперь говори правду, — приказал он.

— Я устал, — признался Джон. Натруженная мечом рука его ныла, он уже начинал ощущать оставленные схваткой синяки.

— Это потому, что ты слабак.

— Я победил.

— Нет. Это Зубр проиграл.

Один из мальчишек фыркнул. Джон знал, что лучше не отвечать. Он побил всех, кого мог выставить против него сир Аллисер, но ничего не добился. Оружейных дел мастер выказывал лишь возмущение. Торне ненавидит его, решил Джон, впрочем, других мальчишек он ненавидит еще сильнее.

— Ну, на сегодня все, — сказал им Торне. — Новую порцию бестолковости нынче я уже не смогу переварить. Если за нами придут Иные, мне останется только молиться, чтобы у них нашлись и стрелки, поскольку вы годитесь только на мишени для стрел.

Следом за прочими Джон направился в арсенал. Он часто ходил здесь один. Группа, в которой он учился, состояла без малого из двадцати юношей, но ни одного из них он не смог бы назвать другом. В основном они были на два-три года старше его, однако таких, кто умел бы владеть оружием хотя бы вполовину хуже Робба в его четырнадцать, среди них не было. Быстрый Дарион опасался ударов. Пип пользовался мечом, как кинжалом. Джерен был слаб, как девица. Гренн нетороплив

и неуклюж. Халдер рубил жестко, но постоянно открывался. И каждый новый день, проведенный среди них, заставлял Джона презирать этот сброд все больше и больше.

Оказавшись внутри, Джон, не обращая внимания на всех остальных, повесил меч и ножны на крюк, торчавший из каменной стены. А потом методично начал снимать кольчугу, кожу и пропитанное потом шерстяное белье. В обоих концах длинной комнаты на железных жаровнях тлели угольки, но Джон обнаружил, что дрожит. Здесь холод никогда не оставлял его. Через несколько лет он вообще забудет, что такое тепло.

Усталость навалилась внезапно, когда он натянул грубую повседневную одежду из черной ткани. Джон сел на скамью, пальцы его возились с застежками плаща. Как холодно, подумал он, вспоминая теплые залы Винтерфелла, где горячая вода бежала в стенах, словно кровь в человеческом теле. В Черном замке тепла искать было негде. Стены его были холодны, а люди казались еще холоднее.

Никто не говорил ему, что в Ночном Дозоре придется так туго; никто, кроме Тириона Ланнистера. По дороге на север карлик открыл ему правду, но сделал это чересчур поздно. Джон подумал о

том, знал ли его отец, как обстоят дела на Стене. Наверное, знал, решил он и ощутил новую боль.

Даже дядя забросил его в этом холодном месте на краю света. Здесь, наверху мира, знакомый ему остроумный Бенджен Старк сделался другой особой. Он был первым разведчиком и проводил свои дни и ночи с лордом-командующим Мормонтом, мейстером Эйемоном и другими высшими офицерами. Джон был предоставлен менее чем ласковому попечению сира Аллисера Торне.

Через три дня после их прибытия Джон услыхал, что Бенджен Старк собирается повести полдюжины человек на разведку в Зачарованный лес. Той же ночью он отыскал своего дядю в большом, обшитом деревом зале и попросил взять с собой. Бенджен коротко отказал.

— Это не Винтерфелл, — говорил он, разрезая мясо кинжалом и цепляя его вилкой. — На Стене человек получает лишь то, что заслуживает. Джон, ты пока не разведчик, ты — зеленый мальчишка, от которого еще пахнет летом.

Джон возразил глупым голосом:

— Но в именины мне будет уже пятнадцать, я почти взрослый!

Бенджен Старк нахмурился.

— Ты еще мальчишка и таковым останешься,

пока сир Аллисер не скажет, что ты годен к службе в Ночном Дозоре. Если ты решил, что кровь Старков позволит тебе заслужить легкие почести, то ошибся. На Стене, принося присягу, мы отрекаемся от наших семей. Твой отец навсегда останется в моем сердце, но мои братья перед тобой. — Он показал кинжалом в сторону окружавших его людей, жестких холодных мужчин, облаченных в черное.

На следующий день Джон встал с рассветом, чтобы проводить дядю. Один из разведчиков, рослый и уродливый, пел непристойную песню, седлая своего коня, дыхание курилось парком в холодном утреннем воздухе. Бен Старк улыбался, но к племяннику обратился без улыбки:

— Сколько раз нужно мне говорить тебе нет, Джон? Переговорим, когда я вернусь.

А потом, провожая взглядом дядю, уводившего коня в тоннель, Джон вспомнил все, что говорил ему на Королевском тракте Тирион Ланнистер, и вдруг представил ярко, словно наяву, Бена Старка мертвым в алом пятне на снегу. От мысли этой ему сделалось нехорошо. Что за странные видения, в кого же он превращается? В своей одинокой каморке Джон отыскал волчонка и спрятал лицо в густой белый мех. Если он должен

всегда быть один, значит, одиночество должно сделаться его броней. В Черном замке не было богорощи, в здешней небольшой септе служил пьяный септон, но Джон не мог найти в себе сил, чтобы помолиться старым или новым богам. Если эти боги существуют, подумал он, то они жестоки и безжалостны, словно зима.

Ему не хватало сводных братьев: крохи Рикона, с блестящими глазками выпрашивающего очередную конфету; Робба, соперника и лучшего друга, постоянно находящегося рядом; Брана, упрямого и любопытного, всегда желающего увязаться за Джоном и Роббом и присоединиться к ним в любых делах. Не хватало ему и девочек; даже Сансы, которая ни разу не назвала его по имени с той поры, когда она выросла настолько, чтобы понимать, что такое бастард. И Арья… ее ему не хватало еще больше, чем Робба, невысокой и бойкой, с расцарапанными коленками и перепутанными волосами, в порванном платье, отчаянной и своенравной, Арья всегда оказывалась не там, где надо — как и он сам, — и всегда умела заставить Джона улыбнуться. Он отдал бы все что угодно, чтобы оказаться сейчас с ней рядом, еще раз взлохматить ее волосы, увидеть ее гримасы, поддержать ее болтовню.

— Ты перебил мне руку, бастард.

Джон поднял глаза, услышав угрюмый голос. Над ним возвышался Гренн Толстая шея, красная рожа, рядом трое дружков. Джон знал Тоддера, невысокого уродливого парня с невнятной речью. Рекруты прозвали его Жабой. Другие двое оказались теми, кого Йорен прихватил с собой на север, — это были насильники, взятые в Перстах. Джон забыл их имена, он старался не разговаривать с ними. Грубые невежды, не знающие чести, они были противны ему.

Джон поднялся.

— Перебью и вторую, если ты вежливо попросишь. — Гренну уже исполнилось шестнадцать, ростом он на целую голову был выше Джона. Но это не испугало бастарда: каждого из них он победил во дворе.

— А может быть, это сделаем мы, — сказал один из насильников.

— Попробуй. — Джон потянулся за мечом, но кто-то перехватил его руку и заломил за спину.

— Из-за тебя нас считают плохими, — пожаловался Жаба.

— Ты был сквернавцем еще до того, как я встретил тебя, — ответил Джон. Парень, вцепившийся в его руку, надавил, боль пронзила плечо, но

Джон молчал.

Жаба подступил ближе.

— У этого маленького лорденыша большой рот, — заявил он, блеснув крохотными свиными глазками. — А это мамочкин рот, бастард? И кем же она у нас будет, не шлюхой ли? Как ее звать? А то, может, я с ней переспал бы разок-другой. — Он расхохотался.

Джон вывернулся угрем к ударил пяткой между ног мальчишку, державшего его. Раздался громкий крик боли, и Джон освободился. Бросившись на Жабу, он повалил его спиной на скамью и, ухватив обеими руками за горло, ударил затылком об утоптанную землю.

Двое из Перстов перехватили Джона и грубо отбросили в сторону. Гренн начал бить его ногами. Джону оставалось только одно — откатываться от ударов. Их прервал грохочущий голос, прозвучавший в полутьме арсенала:

— ПРЕКРАТИТЬ! НЕМЕДЛЕННО!

Джон поднялся на ноги. Донал Нойе гневно смотрел на них.

— Для драк отведен двор, — проговорил оружейник. — Все ваши ссоры улаживайте снаружи, или я приму их на свой счет. Вам это не понравится.

Жаба сидел на полу, ощупывая затылок. На

пальцах его оказалась кровь.

— Он пытался убить меня.

— Верно, я видел это, — вставил один из насильников.

— Он перебил мне руку, — вновь проговорил Гренн. Оружейник уделил руке самый короткий взгляд.

— Синяк, быть может, ушиб. Мейстер Эйемон даст тебе мазь. Ступай с ним, Тоддер, покажи голову. А все остальные по своим местам. Кроме тебя, Сноу. Останься.

Когда верстальные вышли, Джон тяжело опустился на длинную деревянную скамью, забыв о взглядах, которые молчаливо сулили будущую компенсацию. Рука его пульсировала от боли.

— Дозор нуждается в каждом человеке, которого может получить, — проговорил Донал Нойе, когда они оказались вдвоем. — Даже таком, как Тоддер! Ты не заслужишь никаких почестей, если убьешь его.

Джон гневно вспыхнул.

— Он сказал, что моя мать…

— …шлюха. Я слыхал. Ну и что?

— Лорд Эддард Старк не из тех людей, кто спит со шлюхами, — едким голосом проговорил Джон. — Его честь…

— …не помешала ему родить бастарда. Так?!

Джон похолодел от ярости.

— Могу я уйти?

— Ты уйдешь, когда я прикажу тебе.

Джон угрюмо смотрел на дымок, курящийся над жаровней, наконец Нойе взял его за подбородок грубыми пальцами, повернул голову в сторону.

— Смотри на меня, когда я разговариваю с тобой, мальчишка.

Джон поглядел. Грудь и пузо оружейника напоминали два бочонка с элем. Плосконосый, он всегда казался небритым. Левый рукав его черной шерстяной туники был пристегнут к плечу серебряной застежкой в форме длинного меча.

— Слова не сделают твою мать шлюхой. Она останется собой, и все слова Жабы этого не изменят. А ты знаешь, что у нас на Стене есть люди, рожденные шлюхами?

Мать моя не из тех, подумал Джон. Он ничего не знал о матери, Старк не рассказывал сыну о ней. И все же она снилась ему по ночам так часто, что он почти помнил ее лицо. Во снах она приходила прекрасной, знатной и глядела на него добрыми глазами.

— Ты полагаешь, что тебе, бастарду знатного лорда, пришлось туго? — продолжал оружейник.

— А вот мальчишка Джерен, — сын септона, а Коттер Пайк — сын самой настоящей трактирной шлюхи. Теперь он командует Восточным Дозором у моря.

— Мне все равно, — отвечал Джон. — Они мне безразличны, как безразличны мне вы, Торне, Бенджен Старк и все остальные. Я ненавижу это место. Здесь… слишком холодно.

— Да, здесь холодно, сурово и скучно, это Стена, и такие люди ходят по ней. Ничуть непохожие на те сказки, которыми потчевала тебя нянька? Так что можешь насрать на эти сказки и на свою няню. Такая здесь жизнь, и тебе предстоит такая же судьба, как и всем остальным.

— Жизнь, — с горечью повторил Джон. Оружейник мог говорить о жизни. Он знал ее. Нойе надел черное после того, как потерял руку во время осады Штормового Предела. Перед тем он был кузнецом у брата короля Станниса Баратеона, Донал видел все Семь Королевств от края до края. Он пировал, знал девок и сражался в сотне битв. Говорили, что именно Донал Нойе выковал для короля боевой топор, тот самый, которым Роберт лишил жизни Рейегара Таргариена возле Трезубца. Донал пережил все, чего не суждено испытать Джону, и уже в зрелом возрасте, на

четвертом десятке, получил скользящий удар топора. Рана загнила так, что пришлось отнять всю руку. Только тогда изуродованный Донал Нойе отправился на Стену, где его жизнь, можно считать, закончилась.

— Да, жизнь, — отвечал Нойе. — А длинная или короткая — это зависит от тебя, Сноу. Судя по пути, на который ты вступил, однажды ночью один из братьев перережет тебе горло.

— Это не мои братья, — отрезал Джон. — Они ненавидят меня, потому что я лучше их.

— Нет, они ненавидят тебя потому, что ты ведешь себя так, как будто считаешь себя лучше их. Они видят в тебе воспитанного в замке бастарда, который считает себя маленьким лордом. — Оружейник нагнулся ближе. — Ты не лорденыш, помни об этом. Ты Сноу, а не Старк. Ты — бастард и задира.

— Задира?! — Джон едва не поперхнулся. Обвинение оказалось столь несправедливым, что он буквально лишился дыхания. — Это они напали на меня. Их было четверо.

— Четверо, которых ты унизил во дворе. Четверо, которые боятся тебя. Я слежу за вашими боями. Ты не учишься в поединках. Дай тебе острый меч, и они будут мертвы; я знаю это, и они

тоже. Ты не предоставляешь им даже шанса. Ты позоришь их. Неужели это тешит твою гордость?

Джон помедлил. Он радовался победам. Почему бы и нет? Но оружейник лишал его теперь и последнего утешения; получалось, что он делает что-то скверное.

— Они же старше меня, — сказал он оборонительным тоном.

— Они сильнее, старше и выше, это правда. Но, держу пари, мастер над оружием научил тебя в Винтерфелле сражаться и с теми, кто выше тебя. Кто это, какой-нибудь старый рыцарь?

— Сир Родрик Кассель, — с опаской отвечал Джон. Он чувствовал ловушку, она смыкалась вокруг него.

Донал Нойе склонился вперед к лицу Джона.

— А теперь подумай вот о чем, парень. Никто из них до сира Аллисера не имел дел с оружейных дел мастерами. Отцы их были фермерами, погонщиками фургонов, браконьерами, кузнецами, рудокопами, наемными гребцами на галеях. Всех своих знаний о боевом мастерстве они поднабрались между палубами, в переулках старой части Ланниспорта, в борделях и тавернах у Королевского тракта. Возможно, прежде чем попасть сюда, им удалось несколько раз постучать палка-

ми, но поверь мне, ни один из двадцати не имел денег, чтобы купить настоящий меч. — Взгляд его оставался мрачным. — Теперь вы ощущаете вкус своих побед, лорд Сноу?

— Не зови меня так! — резко сказал Джон, но гнев его поутих. Он вдруг почувствовал себя пристыженным и виноватым. — Я никогда… я не думал…

— Тогда подумай, — остерег его Ной. — Иначе придется спать с кинжалом под подушкой. Теперь ступай.

Когда Джон оставил арсенал, был почти полдень. Лучи солнца пробивались сквозь облака. Джон повернулся к светилу спиной и возвел глаза к Стене, искрящейся синим хрусталем под солнечными лучами. Даже после всех этих недель вид ее невольно заставлял трепетать его сердце. Столетиями ветер нес пылинки, ранившие ее, шлифовавшие, покрывавшие пленкой… нередко она отливала серостью пасмурного неба. Но когда солнце освещало ее в ясный день, Стена горела собственным светом: колоссальный белый утес, выраставший до половины неба.

— Руки человека не возводили более великого сооружения. — сказал ему Бенджен Старк, когда они впервые заметили Стену с Королевского

тракта.

— И вне сомнения, более бесполезного, — добавил Тирион Ланнистер с ухмылкой. Но даже Бес замолчал, когда они подъехали ближе.

До Стены еще было много миль… Бледно-синяя полоса на севере уходила на восток и запад; могучая и ровная, она как будто бы отмечала конец мира. Когда они наконец заметили Черный замок, его деревянные дома и каменные башни показались горсткой игрушек, брошенных на снег возле огромной ледяной горы. Древняя твердыня Черных Братьев была не похожа на Винтерфелл, она ничуть не напоминала замок. У нее не было стен, ее нельзя было защитить ни с юга, ни с запада; все внимание Ночного Дозора было направлено только на север, где и возвышалась Стена. Она поднималась почти на семьсот футов, и в три раза превышала высоту самой высокой башни Черного замка.

Отец говорил, что по верху Стены может разом проехать дюжина вооруженных рыцарей. Призрачные, если смотреть снизу, катапульты и чудовищные деревянные краны, подобные скелетам огромных птиц, караулили наверху; среди них ходили люди, крохотные, как муравьи.

Вот и сейчас, выйдя из арсенала, Джон ощутил

тот же трепет, как и в тот день на Королевском тракте, когда он впервые увидел Стену. Такова уж она. Иногда он забывал о ней, как забывают о небе или земле под ногами, но бывали мгновения, когда, казалось, ничего, кроме Стены, на свете не существует. Она была старше Семи Королевств. И когда Джон поднимал голову к ее гребню, голова его шла кругом. Он буквально чувствовал всю тяжесть давящего на него льда, словно бы Стена готова была разрушиться, а с ее падением мог рухнуть весь мир.

— Гадаешь, что там за ней? — послышался знакомый голос.

Джон оглянулся.

— Ланнистер. Я не видел… то есть я думал, что я здесь один.

Закутанный в меха, Тирион Ланнистер казался настоящим медвежонком.

— Говорят, что полезно заставать людей врасплох. Никогда не знаешь, что можно тогда узнать.

— От меня ничего не узнаешь, — усмехнулся Джон. Он нечасто встречал карлика после окончания путешествия. Тириона Ланнистера, брата королевы, принимали в Ночном Дозоре, как почетного гостя. Лорд-командующий выделил

ему комнаты в Королевской башне, носившей это имя, несмотря на то что ни один король не посещал ее целый век. Ланнистер обедал за собственным столом Мормонта, все свои дни проводил, разъезжая по Стене, а ночами играл в кости и карты и пил вместе с сиром Аллисером, Боуэном Маршем и другими высшими офицерами.

— О, я учусь всему, где бы ни оказался. — Человечек указал на Стену узловатой черной палкой. — Как там я говорил… интересно получается, когда один человек строит стену, другому немедленно нужно узнать, что находится на другой стороне. — Он наклонил голову набок и поглядел на Джона разноцветными глазами. — А ты хочешь узнать, что находится на другой стороне, так ведь?

— Ничего особенного, — проговорил Джон. Он мечтал уехать с Бенджеком Старком на разведку, погрузиться в тайны Зачарованного леса, хотел сразиться с дикарями Манса-налетчика, охранять страну от Иных, но о том, чего он хотел, лучше было не говорить. — Разведчики рассказывают, что там только леса, горы и замерзшие озера, много снега и льда.

— А еще там водятся грамкины и снарки, —

проговорил Тирион. — Не следует забывать про них, лорд Сноу, иначе зачем же выстроили такую большую штуковину.

— Не называй меня лордом Сноу.

Карлик приподнял бровь.

— Ты бы предпочел зваться Бесом? Дай людям только заметить, что слова ранят тебя, и тебе никогда не избавиться от насмешек. А если к тебе прилепили кличку, прими ее и сделай своим собственным именем. Тогда они не сумеют больше ранить тебя. — Он указал палкой в сторону. — Давай-ка пройдемся. Сейчас в столовой подают какой-то мерзкий отвар, а мне бы хотелось чего-то горячего.

Джон тоже был голоден, а поэтому направился вместе с Ланнистером, подгоняя свой шаг под раскачивающуюся походку карлика. Поднимался ветер, и было слышно, как кряхтят старые деревянные дома, как вновь и вновь хлопает вдали забытая тяжелая ставня. На повороте, глухо ухнув, с крыши перед ними съехал целый снежный пласт.

— Не вижу твоего волка, — сказал Ланнистер по дороге.

— Я посадил его на цепь в старой конюшне, там, где мы занимаемся. Сейчас всех лошадей держат

в восточных конюшнях, поэтому он никому не мешает. Остальное время он проводит со мной. А сплю я в башне Хардина.

— Это та, с поломанными зубцами? Та, возле которой на груде щебня стоит камень, прислонившись к стене прямо как наш благородный король Роберт после долгой попойки? Я думал, она давно заброшена.

Джон пожал плечами:

— До того, где ты спишь, здесь никому нет дела. Дома в основном пусты, выбирай себе любую келью.

Когда-то Черный замок вмещал четыре тысячи воинов вместе с конями, слугами и оружием. Теперь в нем обитала едва ли десятая доля прежнего числа защитников Стены, и замок уже начинал разрушаться.

Смешок Тириона Ланнистера струйкой взвился в холодный воздух.

— Постараюсь напомнить твоему отцу, чтобы он арестовал несколько каменщиков и отправил сюда, прежде чем твоя башня рухнет.

Джон понимал насмешку, но не видел смысла в отрицании правды. Некогда Дозор соорудил девятнадцать больших крепостей вдоль Стены, но теперь мог пользоваться лишь тремя: Восточной

крепостью, расположенной на сером, продутом ветрами берегу; Сумеречной башней у подножия гор, в которые упиралась своим концом Стена; и Черным замком между ними на Королевском тракте. Остальные крепости, давно заброшенные, превращались в унылые скорбные руины, где холодные ветры свистели в черных окнах и лишь духи усопших выходили на боевые парапеты.

— Лучше спать одному, — упрямо проговорил Джон. — Все боятся Призрака.

— Мудрые ребята, — усмехнулся Ланнистер, меняя тему. — Говорят, что твой дядя слишком долго отсутствует.

Джон вспомнил видение, представившееся ему при расставании, когда он разозлился на дядю — Бенджена Старка, распростертого в снегу, — и быстро отвернулся. Карлик умел ощущать чужие мысли, и Джон не хотел, чтобы спутник заметил вину в его глазах.

— Он обещал вернуться к моим именинам, — заметил Джон. Но именины пришли и ушли, никем не замеченные, две недели назад. — Они разыскивали сира Уэймара Ройса, отец его — знаменосец у лорда Аррена. Дядя Бенджен говорил, что собирается добраться до самой Сумеречной башни и даже подняться в горы.

— Я слышал, что в последнее время пропало довольно много разведчиков, — проговорил Ланнистер, поднимаясь на ступени зала. Он ухмыльнулся и распахнул дверь. — Должно быть, грамкины в этом году голодны.

В просторном зале было холодно, невзирая на огонь, ревущий в большом очаге. Вороны сидели на перекладинах потолка. Выслушивая крики над головой, Джон принял чашу похлебки и ломоть черного хлеба от дежурных поваров. Гренн, Жаба и кое-кто из остальных сидели за скамьями возле тепла, они смеялись и перебранивались грубыми голосами. Джон задумчиво посмотрел на них, а потом выбрал себе место в дальнем конце зала, подальше от остальных едоков.

Тирион Ланнистер сел напротив него, с подозрением принюхиваясь к похлебке.

— Ячмень, лук, морковка, — пробормотал он. — Нужно сказать поварам, что репка — это не мясо.

— Зато бульон бараний. — Джон стащил перчатки и принялся греть руки над паром, поднимающимся из чаши. Запах наполнил его рот слюной.

— Сноу. — Джон узнал голос Аллисера Торне, но теперь в нем слышалась еще незнакомая нотка. Он повернулся.

— Лорд-командующий желает немедленно видеть тебя.

На миг Джон слишком испугался, чтобы пошевельнуться. Зачем лорду-командующему видеть его? Наверное, что-то узнали о Бенджене, подумал он в отчаянии. Он погиб, видение оправдалось.

— Речь идет о моем дяде? — выпалил он. — Он вернулся?

— Лорд-командующий не привык ждать, — сказал сир Аллисер. — А я не привык, чтобы бастарды обсуждали мои приказы.

Тирион Ланнистер повернулся на скамье и поднялся.

— Прекратите, Торне. Вы только напрасно пугаете мальчишку.

— Не вмешивайтесь в дела, вас не касающиеся, Ланнистер. Ваше место не здесь.

— Конечно же, мое место при дворе, — улыбнулся карлик. — Но одно слово, сказанное в нужное ухо, и вы умрете кислым старцем, прежде чем получите другого мальчишку на воспитание. А теперь скажите Сноу, почему Старый Медведь хочет видеть его. Что-то случилось с его дядей?

— Нет, — проворчал сир Аллисер. — Дело совершенно в другом. Этим утром прилетела птица из Винтерфелла, весть касается его брата. Его

сводного брата.

— Бран, — выдохнул Джон, вскакивая на ноги. — Что-то случилось с Браном!

Тирион Ланнистер положил руку на его плечо.

— Джон, — сказал он, — мне искренне жаль.

Джон едва слышал его. Смахнув руку Тириона, он выскочил из зала. Захлопнув дверь, он побежал прямо через сугробы старого снега. Когда стражники пропустили его внутрь башни, он бросился наверх, перескакивая через две ступеньки. Перед лордом-командующим он появился в мокрых сапогах и с отчаянием во взоре.

— Бран, — проговорил Джон. — Что там сказано о Бране?

Джиор Мормонт, лорд-командующий Ночного Дозора, ворчливый старик с огромной лысиной во всю голову и клокастой седой бородой, сидел, держа ворона на руке и скармливая ему зернышки.

— Мне говорили, что ты умеешь читать.

Он стряхнул птицу, отлетевшую к окну; хлопая крыльями, ворон опустился на подоконник, наблюдая за Мормонтом, извлекшим свиток бумаги и передавшим его Джону.

— Зерно, — пробормотала птица хриплым голосом. — Зерно, зерно.

Палец Джона ощутил очертания лютоволка на белом воске сломанной печати. Он узнал почерк Робба, но буквы сливались, пока он пытался их прочитать. Джон понял, что плачет. И сквозь слезы осознал смысл этих слов и поднял голову.

— Он проснулся, — сказал он. — Боги вернули его назад.

— Калеку, — отвечал Мормонт. — Мне очень жаль, мальчик, дочитай до конца.

Он поглядел на слова, но они ничего не значили. Ничего более не значили, раз Бран остается в живых.

— Мой брат будет жить, — сказал он Мормонту.

Лорд-командующий покачал головой, набрал целый кулек зерна и свистнул. Ворон перелетел на его плечо с криком:

— Жить, жить.

Джон побежал вниз по лестнице с улыбкой на губах и письмом Робба в руках.

— Мой брат будет жить, — сообщил он стражам. Они обменялись взглядами. Он вбежал в общий зал, где Тирион Ланнистер доканчивал трапезу. Он подхватил карлика под мышки, подбросил в воздух и закружил вокруг себя с возгласом: — Бран будет жить! — Ланнистер казался изум-

ленным. Джон опустил его и сунул в руку бумагу.
— Вот, читай.

Вокруг собирались, поглядывая на него с любопытством. Гренн оказался в нескольких шагах от Джона. Рука его была обмотана толстой шерстяной повязкой. Он казался встревоженным и несчастным, а вовсе не угрожающим. Джон подошел к нему. Гренн отодвинулся, выставив вперед обе руки.

— Теперь держись от меня подальше, бастард!

Джон улыбнулся:

— Прости меня за разбитую руку! Робб однажды ударил меня таким же точно образом, только деревянным мечом. Больно было, как в седьмом пекле. Но тебе сейчас еще больнее. Знаешь, если хочешь, давай я научу тебя контрприему.

Его услышал Аллисер Торне.

— Лорду Сноу угодно принять на себя мои обязанности. Да я скорей научу твоего волка жонглировать, чем ты этих зубров фехтовать.

— Принимаю пари, сир Аллисер, — отвечал Джон. — Мне бы хотелось видеть, как Призрак жонглирует, — Джон услыхал, как Гренн затаил дыхание. Все замолчали.

И тут Тирион Ланнистер заржал. К нему присоединились трое Черных Братьев, сидевших за

соседним столом. Смех побежал по скамейкам, захихикали даже повара. На балках шевельнулись птицы, наконец даже Гренн улыбнулся.

Аллисер так и не отвел глаза от Джона. Когда смех обежал весь зал, лицо его потемнело и рука сжалась в кулак.

— А вот это была самая прискорбная ваша ошибка, лорд Сноу, — бросил он, словно врагу, самым едким голосом.

Эддард

Эддард Старк въехал в высокие бронзовые ворота Красного замка усталый, голодный и раздраженный. Он был на коне и мечтал хорошенько попариться в ванне, перекусить жареной дичью, а потом сразу перебраться на перину, когда стюард короля сообщил ему, что великий мейстер Пицель срочно собирает Малый совет. Должность требовала, чтобы Нед почтил собрание своим присутствием.

— Мне было бы удобнее завтра, — спешиваясь, отрезал Нед.

Управляющий отвечал низким поклоном.

— Я передам членам совета ваши слова, милорд.

— Нет, черт побери, — отвечал Нед. Не дело оскорблять совет, даже не приступив к своим обязанностям. — Я посещу их. Только предоставьте мне немного времени, чтобы переодеться во что-нибудь презентабельное.

— Да, милорд, — поклонился стюард. — Мы отвели вам в башне Десницы покои, которые прежде занимал лорд Аррен. Если вы не возражаете, я

прикажу, чтобы ваши вещи отправили туда.

— Благодарю, — отвечал Нед, снимая с рук перчатки для верховой езды и заталкивая их за пояс. Челядь уже появилась в воротах. Нед заметил Вейона Пуля, собственного управляющего, и позвал его. — Говорят, что я срочно нужен совету. Пригляди за тем, чтобы мои дочери нашли свои спальни, и скажи Джори, чтобы они там оставались. Пусть Арья никуда не выходит. — Пуль поклонился. Нед повернулся к королевскому стюарду: — Мои фургоны все еще тянутся по городу, и я нуждаюсь в какой-либо приличной одежде.

— Я помогу вам с величайшим удовольствием, — отвечал тот.

Получилось, что, когда облаченный в чужую одежду Нед вошел в зал собраний, усталый до самых костей, четверо членов Малого совета уже ожидали его.

Палата была богато обставлена. Вместо тростника пол покрывали мирийские ковры, в уголке, на ширме, привезенной с Летних островов, играли выписанные яркими красками сказочные животные. Стены были завешены гобеленами норвосской, квохорской и лиссенийской работы. Пара валирийских сфинксов стояла возле двери, глаза из полированного граната пылали на чер-

ных мраморных ликах.

Как только Нед появился в дверях, к нему обратился самый неприятный Старку советник — евнух Варис.

— Лорд Старк, я с прискорбием узнал о неприятностях, постигших вас на Королевском тракте. Мы все посетили септу и поставили свечи за здоровье принца Джоффри, я молюсь о его выздоровлении. — Рука его оставила пятна пудры на рукаве Неда, от евнуха пахло какой-то сладкой мерзостью, словно бы могильными цветами.

— Боги услышали нас, — отвечал Нед с холодной вежливостью. — Принц выздоравливает буквально на глазах. — Он высвободил свой рукав из ладоней евнуха и направился через всю комнату к лорду Ренли, стоявшему возле ширмы. Тот негромко разговаривал с коротышкой, который мог быть только Мизинцем. Когда Роберт взошел на трон, Ренли был еще восьмилетним мальчишкой, но теперь он вырос и сделался настолько похожим на брата, что Нед находил сходство смущающим. Встречая Ренли, он иногда думал, что годы пролетели бесследно и Роберт вновь предстал перед ним таким же молодцом, каким был после победы возле Трезубца.

— Вижу, что вы прибыли благополучно, лорд

Старк, — проговорил Ренли.

— Как и вы, — отвечал Нед. — Простите, но иногда вы кажетесь мне истинной копией Роберта.

— Плохой копией, — Ренли пожал плечами.

— Хотя куда лучше одетой, — вставил Мизинец. — Лорд Ренли расходует на одежду больше, чем половина дворцовых дам.

Выпад был достаточно справедлив. Темно-зеленый бархат дублета лорда был расшит целой дюжиной золотых оленей. Короткий плащ из золоченой ткани удерживала на плече изумрудная брошь.

— Есть и худшие преступления, — отвечал Ренли со смешком. — Например, одеваться, как это делаешь ты.

Мизинец игнорировал укол. Он смотрел на Неда с улыбкой граничившей с наглостью.

— Много лет я мечтал познакомиться с вами, лорд Старк, Вне сомнения, леди Кейтилин рассказывала вам обо мне.

— Конечно, — отвечал Нед с холодком в голосе. Лукавая надменность слов задела его. — Насколько я понимаю, вы были близко знакомы и с моим братом Брандоном.

Ренли Баратеон расхохотался. Варис приблизился, прислушиваясь.

— Пожалуй, излишне близко, — проговорил Мизинец. — Я до сих пор ношу на себе знак его уважения. Значит, и Брандон рассказывал обо мне?

— Нередко, и с некоторым пылом, — ответил Нед, надеясь, что тема закрыта. На такие словесные дуэли у него не хватало терпения.

— А я думал, что пыл не в обычаях Старков, — усмехнулся Мизинец. — Здесь на юге поговаривают, что Старков отливают изо льда и все они тают по дороге через Перешеек.

— Лорд Бейлиш, я не намереваюсь таять. Можете не сомневаться в этом. — Нед подошел к столу совета и сказал: — Мейстер Пицель, надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

Великий мейстер мягко улыбнулся из высокого кресла, замыкавшего стол.

— Достаточно хорошо для моих лет, милорд, — отвечал он. — Однако, увы, быстро утомляюсь. — Клочки белых волос обрамляли широкий купол лба над белым лицом. Оплечье мейстера представляло собой не простой металлический воротник, как у Любина: две дюжины цепей сплетались вместе, образуя изумительное ожерелье, прикрывавшее плечи мейстера до горла. На звенья пошел всякий известный человеку металл;

черное железо, червонное золото, яркая медь, тусклый свинец, сталь, олово, бледное серебро, бронза и платина. Работу кузнеца украшали гранаты, аметисты и черные жемчужины, тут и там мелькали рубины и изумруды.

— По-моему, пора начинать, — проговорил великий мейстер, сплетая руки на объемистом чреве. — Боюсь, что я могу уснуть, если ожидание затянется.

— Как угодно. — Королевское место во главе стола оставалось пустым, вышитый золотой ниткой коронованный олень Баратеонов скакал по его спинке. Нед занял кресло возле, как подобает правой руке короля, — Милорды, — произнес он вежливо. — Приношу свои сожаления в том, что заставил вас ждать.

— Вы — десница короля, — отвечал Варис. — Мы рады угодить вам, лорд Старк.

Когда остальные заняли свои привычные места, Эддард Старк вдруг заметил, насколько он не на месте здесь — в этой комнате, посреди этих людей. Он вспомнил, что Роберт говорил ему в крипте под Винтерфеллом. «Я окружен льстецами и глупцами», — сказал тогда король, Нед оглядел стол совета и попытался определить, кого здесь можно считать льстецом, а кого дураком.

Прикинув ответ, он промолвил:

— Но вас всего пятеро.

— Лорд Станнис отправился на Драконий Камень вскоре после того, как король уехал на север, — ответил Варис. — А наш галантный сир Барристан, вне сомнения, сопровождает государя по городу, как подобает лорду-командующему Королевской гвардией.

— Быть может, лучше подождать сира Барристана и короля? — предложил Нед. Ренли Баратеон громко расхохотался:

— Если мы примемся ждать, пока брат мой почтит нас своим королевским присутствием, то застрянем здесь не на один день.

— У нашего доброго короля Роберта много забот, — проговорил Варис. — И чтобы облегчить свою ношу, он доверяет нам кое-какие мелкие дела.

— Лорд Варис хочет сказать, что все эти хлопоты с монетой, урожаем и правосудием до слез утомляют моего царственного брата, — проговорил лорд Ренли.

— Поэтому нам выпадает обязанность самим править страной. Время от времени король дает нам одно-два распоряжения. — Он извлек из рукава туго скатанную бумагу, положил ее на стол. — Этим утром он повелел мне скакать вперед

со всей поспешностью и попросить великого мейстера Пицеля провести этот совет. У него есть для нас срочное поручение.

Мизинец улыбнулся и вручил Неду бумагу, запечатанную королевской печатью. Нед отковырнул воск большим пальцем и расправил письмо, чтобы иметь возможность прочитать срочное распоряжение короля. Но слова вызывали только возрастающее недоверие. Есть ли конец безрассудствам Роберта? А прикрываться его именем — все равно что сыпать соль на рану.

— Благие боги, — вздохнул он.

— Лорд Эддард хочет этим сказать, — объявил лорд Ренли, — что наш светлейший государь предлагает нам провести великий турнир, дабы почтить его назначение королевской десницей.

— Сколько? — кротко спросил Мизинец.

Нед вычитал ответ в письме:

— Сорок тысяч золотых драконов победителю. Двадцать тысяч тому, кто будет вторым. Еще двадцать победителю общей схватки и десять тысяч победителю среди стрелков.

— Итого девяносто тысяч золотых, — вздохнул Мизинец. — Не говоря уже о прочих расходах. Роберт хочет устроить пышное празднество. А для этого нужны повара, плотники, служанки,

певцы, жонглеры, дураки…

— Ну, последних-то у нас тьма, — проговорил лорд Ренли.

Поглядев на Мизинца, великий мейстер Пицель спросил:

— Примет ли казна на себя расходы?

— Это какая казна? — проговорил Мизинец, скривив рот. — Простите мне мою глупость, мейстер. Вы прекрасно знаете, что сокровищница пуста уже не первый год. Мне придется занимать деньги. Вне сомнения, помогут Ланнистеры. Мы уже сейчас должны лорду Тайвину три миллиона драконов, так что уж там говорить еще об одной сотне тысяч.

Нед был ошеломлен.

— Неужели корона должна три миллиона золотых?

— Корона должна более шести миллионов золотых, лорд Старк. В основном Ланнистерам, но мы брали также у лорда Тирелла, в Железном банке Браавоса и у нескольких тирошийских торговых картелей. Недавно мне пришлось обратиться к жрецам. Великий септон дерет хуже, чем дорнийский рыбак.

Нед был потрясен.

— Но ведь после Эйериса Таргариена казна

была выше краев полна золотом. Куда оно подевалось?

Мизинец пожал плечами:

— Мастер над монетой должен отыскать деньги. Тратят их король и десница.

— Не верю, чтобы Джон Аррен позволял Роберту такое мотовство! — с пылом проговорил Нед. Великий мейстер Пицель качнул своей большой лысой головой, цепи негромко звякнули.

— Покойный лорд Аррен был добродетельным человеком, но светлейший, увы, не всегда прислушивался к его мудрым советам.

— Мой царственный брат обожает турниры и пиры, — ответил Ренли Баратеон.

— И презирает низменные медяки.

— Я поговорю со светлейшим, — пообещал Нед. — Страна не может себе позволить таких расходов.

— Говорите с ним, если угодно, — нахмурился лорд Ренли. — Но нам лучше составить план.

— В другой раз, — отмахнулся Нед, быть может, слишком резко, судя по тому, какими взглядами они посмотрели на него.

Ему следует помнить, что теперь он не в Винтерфелле, где выше его был только король; здесь он был всего лишь первым среди равных.

— Простите меня, милорды, — сказал он более мягким тоном. — Я устал. Давайте сегодня закончим и возобновим заседание после некоторого отдыха. — Не спрашивая согласия, Нед поднялся, кивнул всем и отправился к двери.

Снаружи поток фургонов и всадников все так же тек сквозь ворота в замок. Двор превратился в грязевую мешанину, конская плоть соседствовала с галдящими людьми. Неду сказали, что король еще не прибыл. После неприятных событий, происшедших возле Трезубца, Старки вместе с челядью ехали впереди основного отряда, подальше от Ланнистеров и растущей напряженности. Роберта видели редко. Поговаривали, что он путешествовал в огромной кибитке и нередко бывал пьян. До прибытия короля оставались часы, но все равно он появится здесь скорее, чем хотелось бы Неду. Одного выражения на лице Сансы ему хватало, чтобы ощутить ярость в душе. Последние две недели путешествия превратились в сущее несчастье. Санса во всем обвиняла Арью и говорила, что погибнуть должна была Нимерия. Арья же словно потерялась после того, как узнала, что случилось с ее приятелем, сыном мясника. Санса засыпала, только наплакавшись, Арья безмолвно сидела целыми днями, а Эддарду

Старку снилась морозная преисподняя, предназначенная для Старков Винтерфеллских. Нед уже пересек внешний двор, перешел под портиком во внутренний и повернул к сооружению, на его взгляд, являвшемуся башней Десницы, когда перед ним появился Мизинец.

— Вы идете не тем путем, Старк, следуйте за мной.

Поколебавшись, Нед последовал за Мизинцем. Тот привел его в башню, они спустились по лестнице, потом пересекли тесный дворик и направились по заброшенному коридору, вдоль стен которого караульщиками выстроились пустые доспехи. Это были реликвии Таргариенов. Черную сталь с драконьими гребнями затянуло пылью.

— Но в мои палаты ведет другая дорогой, — сказал Нед.

— Разве я утверждал, что мы идем туда? Не думайте только, что я веду вас в темницу, чтобы перерезать глотку и спрятать труп за камнями в какой-нибудь нише, — отвечал Мизинец голосом, полным сарказма. — У нас нет на это времени, Старк: вас ждет жена.

— Какую игру вы затеяли, Мизинец? Кейтилин находится в Винтерфелле, в сотне лиг отсюда.

— Разве? — Серо-зеленые глаза Мизинца восторженно заблестели. — Тогда, выходит, кто-то перевоплотился в нее с удивительной ловкостью. В последний раз говорю вам: пойдемте. Если же нет, я оставлю вашу жену себе. — И заторопился вниз по ступеням.

Нед последовал за ним, подумав, что день этот, наверное, никогда не закончится. Он не любил дворцовых интриг, но уже начинал понимать, что они, словно хлеб насущный, питали людей, подобных Мизинцу.

Лестница привела их к тяжелой, окованной железом дубовой двери. Петир Бейлиш приподнял засов и пропустил Неда. Они вышли наружу. Сумерки спускались на каменистый утес над рекой.

— Но мы вышли из замка, — сказал Нед.

— Вас не одурачить, Старк, — блаженствовал Мизинец. — Солнце выдало меня или небо? Следуйте за мной. Здесь есть ступени, вырезанные в скале. Постарайтесь не упасть; Кейтилин никогда не поймет меня, если вы разобьетесь насмерть. — С этими словами он перегнулся через край утеса и ловко, как обезьяна, полез вниз.

Внимательно изучив поверхность скалы, Нед последовал за своим спутником, но не столь

торопливо. Как обещал Мизинец, в скале обнаружились уступы, невидимые снизу мелкие выемки; нужно было только знать, где их искать. Река оказалась далеко внизу — просто в головокружительной дали. Нед прижимал лицо к скале и старался глядеть вниз не чаще, чем этого требовала необходимость. Достигнув наконец земли, он увидел узкую грязную колею, тянувшуюся вдоль края воды. Отдыхая на камне, Мизинец подкреплял силы яблоком, от которого уже остался один огрызок.

— Стареете, Старк, теряете скорость, — сказал он, небрежно отбрасывая огрызок в быстрый поток. — Но это не важно, остальную часть пути мы проедем верхом.

Их ждали два коня. Поднявшись в седло, Нед отправился следом за Мизинцем в город.

Наконец Бейлиш натянул поводья перед ветхим — в три этажа — деревянным домом, окна которого светились лампами в зарождавшихся сумерках. Звуки музыки и смех плыли над водой. Возле двери на тяжелой цепи висела причудливая масляная лампа с округлым свинцовым красным стеклом.

Нед Старк спешился в ярости.

— Это бордель! — рявкнул он, хватая Мизинца

за плечо и разворачивая к себе. — Ты приволок меня в такую даль, чтобы показать мне бордель?!

— Здесь вы увидите свою жену, — отвечал Мизинец. Большего оскорбления ожидать было нечего.

— Брандон был слишком добр к тебе! — выпалил Нед, толкнув невысокого спутника спиной на стену и выхватывая кинжал.

— Стойте, милорд, стойте, — послышался озабоченный голос. — Он говорит правду. — Сзади послышались шаги. Нед обернулся с кинжалом в руке и увидел спешившего к ним беловолосого старца. Домотканый наряд и рыхлая кожа на подбородке тряслись.

— Не твое дело, — начал Нед и вдруг, узнав старика, с удивлением опустил кинжал. — Сир Родрик?

Родрик Кассель кивнул:

— Ваша леди ждет наверху.

Нед был в недоумении.

— Кейтилин действительно там? Еще один фокус Мизинца? — Он спрятал клинок.

— Если бы так, Старк, — отвечал Мизинец. — Следуйте за мной, но постарайтесь не шествовать, как подобает королевской деснице… изобразите

развратника. Негоже, если вас узнают. А лучше всего потискайте по пути пару девиц.

Они вошли внутрь людной комнаты, где жирная бабенка распевала непристойные песни, а молодые девицы посимпатичнее — в льняных или шелковых рубашках — жались к своим любовникам или сидели у них на коленях. Никто не обратил на Неда даже малейшего внимания. Сир Родрик остался внизу, Мизинец повел его на третий этаж к двери.

Кейтилин ждала его. Увидев Неда, она разрыдалась, бросилась к мужу и с пылом обняла его.

— Миледи, — прошептал изумленный Нед.

— Отлично, — проговорил Мизинец, прикрывая дверь за спиной. — Значит, вы узнали ее.

— Я боялась, что ты не придешь, милорд, — Прошептала она, припав к его груди. — Петир приносил мне сообщения. Он рассказал о происшествии с Арьей и молодым принцем. Как мои девочки?

— Обе в трауре и полны гнева, — ответил он. — Кет, я не понимаю, что ты делаешь в Королевской Гавани? Что случилось? — спросил Нед у жены. — Ты из-за Брана? Он… — Слово «умер» просто не могло сойти с его губ.

— Из-за Брана, но совсем по другому делу.

Нед растерялся.

— Тогда зачем ты здесь, любовь моя? И что это за дом?

— Вы видели его, — отвечал Мизинец, садясь возле окна. — Это бордель. Неужели вы можете найти место, более неподходящее для Кейтилин Талли? — Он улыбнулся. — К тому же, по случаю, это заведение принадлежит мне, и я мог легко отдать нужные распоряжения. Я принял все меры, чтобы Ланнистеры не узнали, что Кет находится здесь, в Королевской Гавани.

— Но почему? — спросил Нед. И только тут увидел ее руку, сделавшуюся неловкой: свежие красные шрамы, два застывших пальца. — Ты была ранена! — Он взял ее пальцы в свои, повернул. — Боже, какие глубокие порезы… Это меч или… Как это случилось, миледи?

Кейтилин извлекла из-под плаща кинжал и вложила его в ладонь мужу.

— Этот клинок должен был перерезать горло Брану.

Голова Неда дернулась вверх.

— Но кто… и почему…

Она приложила палец к губам.

— Позволь я тебе все расскажу, любовь моя. Так будет быстрее. Слушай.

И она рассказала все, что случилось: начиная от пожара в Библиотечной башне до появления Вариса и гвардейцев вместе с Мизинцем. Когда Кейтилин умолкла, Старк опустился возле стола с кинжалом в руке. Волк Брана спас мальчику жизнь, подумал он. Как же там сказал Джон, когда они с Роббом нашли этих щенков в снегу? Эти щенки предназначены вашим детям, милорд. А он собственной рукой убил волка Сансы, и ради чего? Ощущая собственную вину? Или страх? Если это боги послали детям волков, какой безумный поступок он совершил?

С усилием Нед обратил свои мысли к кинжалу, к тому, что он означал.

— Кинжал Беса, — повторил Нед. Это была бессмыслица. Рука Неда обхватила гладкую рукоять драконьей кости, он вонзил клинок в стол, ощутив, как острие впилось в дерево. Нож застыл, смеясь над ним. — Зачем Тириону Ланнистеру смерть Брана? Мальчик никогда не делал ему плохого.

— Неужели у Старков между ушей только снег? — спросил Мизинец. — Бес никогда не стал бы действовать в одиночку.

Нед поднялся и принялся ходить по комнате.

— Если в этом участвовала королева или же,

— о боги, сам король… нет, я в это не верю. — И тут же вспомнил холодное утро на поле среди курганов и слова Роберта о том, что он послал бы убийц к последней принцессе из рода Таргариенов. Он вспомнил младенца — сына Рейегара, его разбитую головенку, и как тогда отвернулся король. Как отвернулся он и в приемном зале Дарри, совсем уж недавно. Он еще слышал мольбы Сансы, как и давние рыдания Лианны.

— Вероятнее всего, король не знает, — сказал Мизинец. — Это не впервые. Наш добрый Роберт приучился закрывать глаза на вещи, которых лучше не замечать.

На это Неду нечего было ответить. Перед его глазами возникло лицо сына мясника, рассеченного почти пополам. Король и тогда не сказал ни слова. В голове Неда грохотало.

Мизинец склонился над столом, извлек нож из дерева.

— Обвинение сочтут предательством в обоих случаях. Обвини короля — и попляшешь в руках Илина Пейна, как только слова вылетят из твоего рта. Королева… если удастся найти доказательства и заставить Роберта прислушаться к ним… тогда, быть может…

— У нас есть доказательства, — сказал Нед,

— Кинжал.

— Этот? — Мизинец непринужденно подбросил кинжал вверх. — Приятная железка, но она режет обеими сторонами, милорд. И Бес, вне сомнения, присягнет, что потерял клинок в Винтерфелле, или же расскажет, что его украли у него, а поскольку наемник погиб, никто не сможет разоблачить эту ложь. — Он непринужденно перебросил клинок Неду. — Советую вам бросить нож в реку и забыть о том, что он вообще существовал.

Нед прохладно поглядел на него.

— Лорд Бейлиш, я Старк Винтерфеллский. Мой сын искалечен, быть может, он умирает. И он бы уже умер, и Кейтилин вместе с ним, если бы не волчонок, найденный нами в лесу. Если вы действительно верите, что я способен забыть такое, то проявляете столь же огромную глупость, как в молодости, когда изволили выйти с мечом против моего брата.

— Возможно, я и дурак, Старк… но я здесь, а брат ваш гниет в своей мерзлой могиле уже четырнадцать лет. Если вы торопитесь разделить его общество, не стану отговаривать вас, но сам я туда не спешу, покорнейше вас благодарю.

— Вас я позвал бы с собой в последнюю очередь,

лорд Бейлиш.

— Вы наносите мне глубокую рану. — Мизинец прижал ладонь к сердцу. — Лично мне Старки всегда казались скучными, но Кет привязана к вам по причинам, которых я понять не могу. Я попытаюсь сохранить вам жизнь, но только ради нее. Безусловно, за такое предприятие возьмется только дурак, но вашей жене я ни в чем не способен отказать.

— Я передала Петиру наши подозрения относительно смерти Джона Аррена, — проговорила Кейтилин. — Он обещал помочь тебе отыскать правду.

Новость не обрадовала Эддарда Старка, однако они и в самом деле нуждались в помощи, а Кет некогда видела в Мизинце почти что брата. Не впервые приходится договариваться с человеком, достойным презрения.

— Очень хорошо, — проговорил Нед, засовывая кинжал за пояс. — Вы упомянули о Варисе. Евнух знает об этом?

— Не от меня, — проговорила Кейтилин. — Ты женат не на дуре, Эддард Старк. Но Варис умеет выведывать тайны любого человека. Он владеет каким-то темным искусством, Нед, я клянусь в этом!

— У него есть шпионы, это всем известно, — презрительно сказал Нед.

— Более того, — настаивала Кейтилин. — Сир Родрик беседовал с сиром Ароном в полной секретности, но паук каким-то образом узнал об их разговоре. Я боюсь этого человека.

Мизинец улыбнулся.

— Предоставьте лорда Вариса мне, милая леди. Если вы позволите мне небольшую непристойность — в этом доме она как нигде уместна, — я держу этого человека за яйца. — Он с улыбкой сжал кулак. — Точнее, держал бы, будь он мужчиной. Видите ли, когда пирог будет разрезан и птички защебечут, Варису это не понравится. На вашем месте я бы больше опасался Ланнистеров, а не евнуха.

Чтобы понять это, Нед не нуждался в Мизинце. Он вернулся мыслями ко дню, когда обнаружилась Арья, и увидел лицо королевы, сказавшей «Волк у нас есть» — таким мягким и тихим голосом. Он подумал и о мальчике Мике, о внезапной смерти Джона Аррена, о падении Брана, об Эйерисе Таргариене, безумном старце, испускающем дух на полу своего собственного тронного зала, где кровь его засохла на золоченом клинке.

— Миледи, — проговорил он, поворачиваясь

к Кейтилин, — более вам здесь делать нечего. Я хочу, чтобы вы немедленно вернулись в Винтерфелл. Там, где есть один убийца, могут найтись и другие. Кто бы ни приказал убить Брана, персона эта скоро узнает, что мальчик остался жив.

— Я надеялась повидать девочек… — сказала Кейтилин.

— Это будет крайне неразумно, — вставил Мизинец. — Красный замок полон любопытных глаз, а дети не могут не проболтаться.

— Он говорит правду, любовь моя, — сказал Нед, обнимая жену. — Бери сира Родрика и уезжай в Винтерфелл. Я прослежу за девочками. Отправляйся домой к нашим сыновьям и береги их.

— Как вам угодно, милорд. — Кейтилин подняла лицо, Нед поцеловал ее. Раненые пальцы впились в спину с отчаянной силой, словно бы Кейтилин старалась навсегда удержать его в своих объятиях.

— Не хотят ли лорд и леди воспользоваться спальней? — спросил Мизинец. — Но предупреждаю, Старк, за этот род занятий здесь принято платить.

— Я хочу остаться с ним вдвоем на мгновение, не более, — сказала Кейтилин.

— Очень хорошо. — Мизинец направился к

двери. — Только побыстрее. Нам с десницей следует возвратиться во дворец прежде, чем наше отсутствие станет заметным.

Кейтилин подошла к Мизинцу и взяла его руки в свои.

— Я не забуду твоей помощи, Петир. Когда твои люди явились за мной, я не знала, куда они меня приведут: к другу или врагу. Я обнаружила в тебе более чем друга — давно потерянного брата.

Петир Бейлиш улыбнулся:

— Я отчаянно сентиментален, милая леди. Никому не говорите этого. Я потратил многие годы, убеждая двор в том, что я зол и жесток, и мне бы не хотелось, чтобы все мои труды оказались напрасными.

Нед не верил ни единому его слову, но, стараясь говорить вежливо, промолвил:

— Я тоже благодарю вас, лорд Бейлиш.

— Вот ваша благодарность — это истинное сокровище, — с восторгом ответил Мизинец.

Когда дверь закрылась, Нед обернулся к жене:

— Как только ты окажешься дома, пошли слово к Хелману Толхарту и Галбарту Гловеру под моей печатью. Пусть выставят по сотне лучников каждый и пошлют их ко Рву Кейлин. Две сотни надежных стрелков способны удержать Перешеек

против любой армии. Прикажи лорду Мандерли привести в порядок все укрепления Белой гавани и приглядеть, чтобы там было достаточно людей. Начиная с этого момента я хочу, чтобы за Теоном Грейджоем тщательно приглядывали. Если будет война, нам отчаянно потребуется флот его отца.

— Война? — Страх проступил на лице Кейтилин.

— Не обязательно, — пообещал ей Нед, надеясь, что эти слова окажутся верными. Он снова обнял ее. — Ланнистеры безжалостны к слабым, что, к скорби своей, узнал Эйерис Таргариен. Но они не полезут на север, не заручившись сначала поддержкой всего королевства. А ее они не добьются. Но мне придется сыграть свою роль в этом дурацком маскараде и сделать вид, словно бы ничего не происходит. Вспомни, зачем я явился сюда, любовь моя. И если я найду доказательства того, что Ланнистеры убили Джона Аррена…

Кейтилин трепетала в его руках. Покрытые шрамами руки обнимали его.

— Если… — проговорила она. — И что будет тогда, любовь моя?

Тут и крылась опасность, Нед знал это.

— Правосудие вершит король, — сказал он. — Выяснив истину, я пойду к Роберту. — «Молясь

богам, чтобы он оказался таким, каким я его считаю, а не тем, каким, по-моему, он уже стал», — докончил он про себя.

Тирион

— А вы и в самом деле уверены, что должны так скоро оставить нас? — поинтересовался лорд-командующий.

— Выше всякой уверенности, лорд Мормонт, — ответил Тирион. — Брат мой Джейме будет гадать, что сталось со мной. Что будем делать, если он заподозрит, что вы уговорили меня надеть черную одежду?

— Если бы я только сумел сделать это… — Взяв клешню краба, Мормонт раздавил ее в кулаке. При всем своем возрасте лорд-командующий сохранил медвежью силу. — Вы хитрый человек, Тирион. Такие люди нужны нам на Стене.

Тирион ухмыльнулся.

— Тогда придется собрать карликов со всех Семи Королевств и отправить их к вам, лорд Мормонт. — Оба расхохотались. Высосав мясо из крабьей ноги, Тирион потянулся за следующей. Крабов в бочонке со снегом прислали из Восточного Дозора только сегодня утром, они возбуждали жажду.

За всем столом лишь сир Аллисер Торне сохра-

нил серьезное выражение лица.

— Ланнистер смеется над нами.

— Нет, лишь над вами одним, сир Аллисер, — возразил Тирион. На сей раз в смехе вокруг стола послышалась нервная неуверенность.

Черные глаза Торне с ненавистью смотрели на Тириона.

— У тебя слишком отважный язык для коротышки. А не хочется ли тебе сходить со мной на двор?

— Зачем? — спросил Тирион. — Крабы-то здесь.

Замечание породило новый смех. Сир Аллисер встал, напрягая губы.

— Выйдем-ка, попробуй пошутить там, со сталью в руке.

Тирион показал на свою правую руку.

— А что как не сталь в моей руке, сир Аллисер, хотя вам она может показаться вилкой для крабов. Действительно, удобно для поединка? — Вскочив на кресло, он принялся тыкать в грудь Торне крошечной вилкой.

Смех в башне превратился в рев. Кусочки крабьего мяса вылетали изо рта лорда-командующего, давившегося и задыхавшегося. К сумятице присоединился его ворон, громко выкрикивав-

ший над окном:

— Дуэль! Дуэль! Дуэль!

Сир Аллисер Торне вылетел из комнаты подчеркнуто выпрямившись, словно проглотив кинжал.

Мормонт все еще пытался обрести дыхание. Тирион постучал его по спине.

— Победителю достаётся добыча, — пояснил он. — Я претендую на порцию Торне. — Наконец лорд-командующий пришел в себя.

— Вы злой человек, раз так раздразнили сира Аллисера, — укорил он Тириона. Тот уселся и пригубил вина.

— Когда человек рисует на своей груди мишень, он должен рассчитывать, что рано или поздно кто-нибудь выпустит в него стрелу. Отсутствие юмора приводило к смерти и более веселых людей, чем сир Аллисер.

— Ну что вы, — возразил лорд-стюард Боуэн Марш, человек округлый и красный, словно гранат. — Слышали бы вы те шуточные прозвища, которые он дает своим воспитанникам.

Тирион слыхал кое-какие из этих имен.

— Клянусь, у парней тоже найдется на него несколько кличек, — сказал он. — Сколите лед с ваших глаз, мои добрые лорды. Сиру Аллисеру

Торне подобает чистить конюшни, а не учить юных воинов.

— В Дозоре нет недостатка в конюхах, — пробормотал лорд Мормонт. — Последнее время нам не присылают других. Шлют только конюхов, воров и насильников. Сир Аллисер принес присягу, он принадлежит к числу немногих, облачившихся в черное одеяние в ту пору, когда я только сделался лордом-командующим. Он отважно сражался у Королевской Гавани.

— Не на той стороне, — сухо заметил сир Джареми Риккер. — Кому знать, как не мне, я стоял на Стене возле него. Тайвин Ланнистер предоставил нам две перспективы на выбор: или надеть черное, или до вечера расстаться с головами. Не хочу вас задеть, Тирион.

— Чем бы это, сир Джареми? Мой отец любил насаживать головы на пики, в особенности если их обладатели чем-либо прогневали его. А заметив среди врагов столь благородное лицо, как у вас, он, вне сомнения, решил украсить им стены города над Королевскими воротами. По-моему, вы смотрелись бы там потрясающим образом.

— Благодарю вас, — отвечал сир Джареми с недовольной улыбкой. Лорд-командующий Мормонт откашлялся.

— Иногда я опасаюсь, что сир Аллисер действительно понял вас, Тирион: вы осмеиваете нас и нашу благородную службу.

Тирион пожал плечами:

— Всякий человек нуждается в том, чтобы над ним иногда посмеялись. Иначе, лорд Мормонт, мы начинаем относиться к себе слишком серьезно. Пожалуйста, побольше вина, — он протянул чашу.

Когда Риккер наполнил чашу, Боуэн Марш сказал:

— Для такого небольшого роста у вас, Тирион, жажда гиганта…

— О, на деле лорд Тирион — рослый мужчина, — проговорил мейстер Эйемон, сидевший у дальнего конца стола. Высшие офицеры Ночного Дозора сразу притихли, чтобы услышать слова древнего старца. — По-моему, он истинный гигант среди нас, прикованных к краю света.

Тирион пожал плечами:

— Меня называли разными именами, милорд, но такого среди них я еще не слыхал.

— Тем не менее, — проговорил мейстер Эйемон, и его затянутые молочно-белой пленкой глаза обратились к лицу Тириона, — По-моему, я не ошибаюсь.

Впервые в жизни Тирион Ланнистер обнаружил, что ему не хватает слов. Оставалось только, вежливо склонив голову, сказать:

— Вы слишком добрый человек, мейстер Эйемон.

Слепец улыбнулся. Крошечный, морщинистый и безволосый, он настолько съежился под тяжестью прожитого им века, что мейстерский воротник со звеньями из многих металлов свободно болтался на шее.

— Меня тоже называли многими именами, милорд, — отвечал он. — Но определение «добрый» я слышал нечасто.

На этот раз первым засмеялся Тирион.

Много позже, когда с серьезным занятием — едой — было покопчено и все остальные ушли, Мормонт предложил Тириону кресло возле очага и чашу подслащенной водки, столь крепкой, что от нее на глаза наворачивались слезы.

— Королевский тракт на севере бывает опасным, — напомнил лорд-командующий.

— У меня есть Джик и Моррек, — отвечал Тирион. — К тому же Йорен вновь едет на юг.

— Йорен всего лишь один человек. Дозор обязан проводить вас до Винтерфелла, — заявил Мормонт тоном, не допускавшим возражений.

— Следует взять не менее троих людей.

— Если вы настаиваете, милорд, — сказал Тирион. — Но вы можете послать со мной молодого Сноу. Он будет рад увидеть своих братьев.

Мормонт нахмурился сквозь густую седую бороду.

— Сноу? Ах да, бастард Старка. Едва ли я пошлю его. Молодым нужно сперва забыть ту жизнь, которую они оставили: матерей, братьев и все прочее. Путешествие домой лишь растревожит его душу. Я знаю, о чем говорю. Мои собственные кровные родственники… После бесчестья моего сына Медвежьим островом правит моя сестрица Мейдж. У меня есть племянницы, которых я никогда не видел. — Он сделал глоток водки. — К тому же Джон Сноу пока еще только мальчишка. А вам потребуется три надежных меча, чтобы вы могли чувствовать себя в безопасности.

— Тронут вашей заботой, лорд Мормонт. — Крепкий напиток наполнял легкостью голову Тириона, но он еще не был настолько пьян, чтобы не понимать: Старый Медведь хочет чего-то добиться от него. — Надеюсь, что смогу отплатить вам за доброту.

— Сможете, — прямо отвечал Мормонт. — Ваша сестра сидит возле Короля. Ваш брат — великий

рыцарь, а отец — самый могущественный из лордов в Семи Королевствах. Замолвите перед ними слово за нас. Напомните им о нашей нужде. Вы все видели сами, милорд: Ночной Дозор умирает. Теперь нас меньше тысячи. Шесть сотен здесь и две сотни в Сумеречной башне, еще меньше в Восточном Дозоре, и лишь треть из них может выйти на поле боя. Стена протянулась на сотню лиг. Подумайте об этом; если придут враги, я смогу выставить только трех человек на каждую милю Стены.

— Трех с одной третью, — проговорил Тирион зевая.

Мормонт едва слышал его. Старик грел руки перед огнем.

— Я послал Бенджена Старка отыскать сына Джона Ройса, потерявшегося во время первой разведки. Мальчишка Ройс был зелен, как летняя трава, но он настоял на том, что будет командовать отрядом, утверждая, что как рыцарь обязан это сделать. Мне не хотелось оскорбить его лорда-отца, поэтому я сдался. Я дал ему двоих спутников, которых я считал не хуже других дозорных. Тем большим дураком я оказался.

— Дураком, — согласился ворон. Тирион поглядел вверх. Птица уставилась на него бусинками

черных глаз и взъерошила крылья. — Дураком, — повторила она снова. Вне сомнения, старый Мормонт не поймет, если он придушит птицу. Жаль.

Лорд-командующий не замечал оскорблений птицы.

— Гаред был почти столь же стар, как я, и провел на Стене больше лет, — продолжил он. — Тем не менее вышло, что он нарушил присягу и пустился в бега. Я бы никогда не поверил этому, но лорд Эддард прислал мне его голову из Винтерфелла. Ройс же пропал без вести. Один дезертир и двое пропавших. А теперь добавился еще и Бен Старк. — Мормонт глубоко вздохнул. — Кого мне послать на поиски? Через два года мне исполнится семьдесят. Я стар и уже слишком устал от той тяжести, которую мне приходится нести, но если я опущу свою ношу, кто поднимет ее? Аллисер Торне? Боуэн Марш? Лишь слепец, подобный мейстеру Эйемону, не заметил бы на моем месте, кто они такие. Ночной Дозор превратился в войско, набранное из угрюмых парней и усталых стариков. Не считая тех, кто сидел сегодня за моим столом, у меня найдется не более двадцати человек, знающих грамоту; еще меньше таких, которые умеют думать, планировать и вести

вперед. Некогда Дозор проводил лето за стройкой, и каждый лорд-командующий считал своим долгом нарастить Стену. Теперь мы боремся за собственное выживание.

Ощущая предельную откровенность собеседника, Тирион несколько смутился. Лорд-командующий был ему здесь хорошим приятелем. Джиор Мормонт провел на Стене добрую часть своей жизни и, конечно же, хотел верить, что все эти годы имеют какое-нибудь значение.

— Обещаю, король услышит о вашей нужде, — отвечал Тирион самым серьезным образом. — Я переговорю с моим отцом и братом Джейме.

И он это сделает, Тирион Ланнистер всегда держал данное слово. Впрочем, он не стал говорить, что король Роберт просто не станет его слушать, лорд Тайвин спросит, где именно он расстался с рассудком, а Джейме всего лишь расхохочется.

— Вы молоды, Тирион, — проговорил Мормонт. — Сколько зим вы видали?

Он пожал плечами:

— Восемь или девять, не помню.

— И все они были короткими.

— Что вы говорите, милорд! — Тирион родился в самой середине ужасно жестокой зимы, продлившейся, по словам мейстеров, целых три

года, но первые воспоминания его относились к весне.

— Когда я был мальчишкой, говорили, что длинное лето всегда предвещает долгую зиму. Это лето продлилось девять лет, Тирион, и скоро начнется десятый год, подумайте об этом.

— Когда я был мальчишкой, — ответил Тирион, — моя няня говорила мне, что, если бы люди стали хорошими, боги послали бы миру бесконечное лето. Быть может, мы вели себя лучше, чем нам казалось, и нас наконец ждет Великое Лето. — Он ухмыльнулся.

Лорд-командующий не принял шутки.

— Вы достаточно умны, чтобы не верить в эти сказки, милорд. Дни уже стали короче. Ошибки не может быть. Эйемон получил письма из Цитадели, согласующиеся с его собственными воспоминаниями. Лето кончается. — Мормонт протянул руку и крепко схватил Тириона за кисть. — Вы должны заставить их понять; я уверяю вас, милорд: тьма наступает. В лесах появились жуткие твари: лютоволки, мамонты и снежные медведи ростом с зубра. Сны открывали мне еще более мрачные тени.

— Сны… — отозвался Тирион, думая о том, что нуждается еще в одной чаше крепкого напитка.

Мормонт не желал слышать едкости в его голосе.

— Рыбаки уже видели Белых Ходоков на берегу возле Восточного Дозора!

На этот раз Тирион не смог сдержаться.

— Рыбаки Ланниспорта нередко видят и мерлингов…

— Денис Маллистер пишет, что горный народ двинулся на юг, они проходят возле Сумеречной башни в количествах больших, чем когда-либо прежде. Они бегут, милорд… но от чего?

Лорд Мормонт подошел к окну, поглядел в ночь.

— Мои старые кости, Ланнистер, еще никогда не ощущали такого мороза… Сообщите королю мои слова, умоляю вас! Зима близко, и когда настанет долгая ночь, лишь Ночной Дозор будет защищать королевство от тьмы, наползающей с севера. Пусть боги помогут всем нам, если мы окажемся неготовыми.

— Пусть сперва боги помогут мне, если я сегодня не высплюсь! Йорен намерен выехать с первым светом.

Устав от разговора, Тирион поднялся на ноги, сонный от выпитого вина.

— Благодарю вас за любезное отношение ко

мне, лорд Мормонт.

— Расскажите им, Тирион. Расскажите и заставьте поверить. В лучшей благодарности я не нуждаюсь. — Мормонт свистнул, и ворон слетел к нему, усевшись на плечо. Лорд-командующий усмехнулся и достал для птицы зерен из кармана. Так и оставил их Тирион.

Снаружи было жутко холодно. Плотно закутанный в меха, Тирион Ланнистер натянул перчатки и кивнул бедолагам, зябшим на карауле возле командирского дома. Он направился через двор к собственным палатам в Королевской башне, торопясь, насколько могли позволить ему короткие ноги. Снег хрустел, сапоги проламывали ночной лед, парок дыхания струился перед ним, подобно знамени. Засунув руки под мышки, Тирион прибавил шагу, надеясь, что Моррек не забыл прогреть его постель горячими кирпичами, взятыми из камина.

За Королевской башней под лучами луны светилась Стена, колоссальная и таинственная, Тирион замер на мгновение и посмотрел на нее. Ноги его ныли от холода и спешки.

Внезапно им овладело странное безумие, желание вновь заглянуть за пределы мира. Последний шанс, подумал Тирион, завтра ему предстоит

уехать на юг; он не мог представить себе причин, способных вновь привести его в этот замерзший унылый край. Сулившая тепло и постель Королевская башня оказалась уже позади него, когда Тирион понял, что направляется к бледному громадному палисаду.

С южной стороны к Стене примыкала деревянная лестница, подвешенная на глубоко вмерзших в лед огромных брусьях. Лестница змеилась из стороны в сторону, прорезая поверхность Стены кривым зигзагом. Черные Братья заверили Тириона, что она намного прочнее, чем кажется, но ноги карлика слишком ныли, чтобы он мог решиться на самостоятельный подъем. Поэтому он подошел к железной клетке возле колодца, забрался в нее и три раза потянул за веревку. Тириону пришлось дожидаться целую вечность; огороженный прутьями, он припал к ним. Карлик даже успел удивиться причинам, приведшим его сюда. Он было решил забыть свою нечаянную прихоть и отправиться в постель, когда вдруг клетка вздрогнула и поползла вверх. Она двигалась медленно, сначала рывками, потом пошла более гладко. Земля уплывала вниз, клетка раскачивалась, Тирион впился руками в железные прутья. Холодное прикосновение металла он

ощущал даже сквозь перчатки. А Моррек уже разжег очаг в его комнате, отметил Тирион с одобрением. В башне лорда-командующего было темно. Похоже, Старый Медведь разжился большим запасом здравого смысла, чем он.

Наконец он поднялся над башней. Черный замок простирался под ним, выгравированный на снегу лунным светом. Сверху было видно, как он суров и пуст; лишенные окон укрепления, осыпающиеся стены, дворы, заваленные ломаным камнем. Вдали мерцали огоньки Кротового городка, крошечной деревни в половине лиги отсюда к югу, у Королевского тракта. Кое-где ярко блестел лунный свет — на воде у подножия ледяных потоков, спускавшихся с горных высот на равнину. Ну а кроме них, Тирион видел лишь продутые ветрами холмы и каменистые поля, кое-где покрытые пятнами снега.

Наконец басистый голос позади него произнес:

— Седьмое пекло, это же карлик! — Клетка вздрогнула и, внезапно замерев, повисла, медленно раскачиваясь взад и вперед.

— Проклятие, достаньте его, — послышалось ворчание, громкий скрип дерева, клетка скользнула в сторону, и Стена оказалась под ногами Тириона. Он дождался, пока клетка остановится,

потом открыл дверцу и осторожно шагнул на лед. Тяжелая фигура в черном наклонялась у ворота, вторая придерживала клетку рукой в перчатке. Лица прятались за шерстяными шарфами, открывавшими только глаза; оба человека казались толстяками внутри чередующихся слоев шерсти и кожи… черного на черном.

— И чего же тебе понадобилось здесь среди ночи? — спросил тот, что стоял у ворота.

— Захотелось поглядеть в последний раз.

Люди обменялись кислыми взглядами.

— Гляди на здоровье, — сказал другой. — Только смотри себе под ноги, человечек. Если ты упадешь, Старый Медведь снимет с нас шкуру.

Под большим подъемным краном ютился деревянный домик, Тирион успел заметить тусклое свечение жаровни и ощутил короткое теплое дуновение, когда тот, что был у ворота, быстро открыл дверь и исчез за ней. Тирион остался один.

Здесь было жутко холодно, ветер пытался забраться под его одежду, подобно настырной любовнице. Верх Стены был шире, чем Королевский тракт, так что Тирион не боялся упасть, хотя ноги его немного скользили. Братья разбрасывали битый камень, насыпая пешеходные тропки, но тяжесть несчетных шагов плавила Стену, лед

нарастал и поглощал гравий, тогда тропа вновь становилась скользкой, и наступало время снова ломать глыбы.

Впрочем, дорога эта не смущала Тириона. Он поглядел: на восток и на запад перед ним тянулась Стена, просторная белая дорога, не имеющая ни конца ни начала, по обе стороны от которой разверзались темные пропасти. «На запад!» — решил он без особых причин и направился на закат по тропе у северного края Стены, где гравия было больше.

Холод румянил голые щеки, ноги с каждым шагом протестовали все громче и громче, но Тирион игнорировал их жалобы. Ветер кружил вокруг него, гравий поскрипывал под ногами, впереди белая лента, следуя очертаниям холмов, поднималась все выше и выше и наконец терялась за западным горизонтом. Тирион миновал высокую, как городская стена, катапульту, основание ее глубоко ушло в лед. Метательный механизм сняли, чтобы починить, а потом забыли о нем. Катапульта валялась, как сломанная игрушка какого-нибудь великана.

За дальней стороной механизма послышался негромкий голос:

— Стой! Кто идет?

Тирион остановился.

— Если я буду стоять слишком долго, то примерзну к месту, Джон, — сказал он, пока безмолвно скользнувший к нему белый силуэт обнюхивал его одежду. — Здравствуй, Призрак.

Джон Сноу подошел поближе. Укутанный в многочисленные слои кожи и меха, он казался этой ночью выше и тяжелее, капюшон плаща был надвинут на голову.

— Ланнистер, — проговорил он, разматывая шарф, чтобы открыть рот. — Вот уж не ожидал увидеть вас здесь. — В руках юноша держал тяжелое копье, заканчивающееся железом, оно было выше его роста. У бока в кожаных ножнах висел меч. На груди блестел окованный серебром черный боевой рог.

— Я и не собирался сюда, — признался Тирион, — но вдруг зачем-то пошел. Если я сейчас прикоснусь к Призраку, он отгрызет мне руку?

— Нет, пока я рядом, — пообещал Джон.

Тирион почесал белого волка за ухом. Красные глаза бесстрастно смотрели на него. Зверь уже сделался высоким, как его сундук… Еще год, мрачно подумал Тирион, и даже на него придется смотреть снизу вверх.

— Что ты делаешь здесь ночью? — спросил он.

— Тут можно лишь отморозить свои мужские предметы…

— Меня назначили в ночную стражу, — ответил Джон. — Сир Аллисер любезно распорядился, чтобы командир дозора обращал на меня особое внимание. Должно быть, надеется, что если я прохожу здесь полночи, то усну во время утренних занятий. Пока мне удавалось разочаровывать его.

Тирион ухмыльнулся:

— А Призрак уже научился жонглировать?

— Нет, — Джон улыбнулся, — но Гренн сегодня выстоял против Халдера, и Пип теперь не так уж часто роняет меч.

— Пип?

— Его зовут Пипаром. Невысокий такой, лопоухий. Он увидел, как я работаю с Гренном, и попросил помочь. Торне даже не показал ему, как надо держать меч. — Он повернулся к северу. — Я должен охранять милю Стены. Ты пройдешься со мной?

— Если ты не будешь торопиться, — сказал Тирион.

— Командир стражи приказал ходить, чтобы кровь моя не замерзла, но не определил, как быстро я должен это делать.

Они пошли. Призрак белой тенью следовал возле Джона.

— Я уезжаю завтра, — сказал Тирион.

— Знаю. — В голосе Джона звучала странная печаль.

— Я намеревался остановиться в Винтерфелле по пути на юг. Если ты хочешь передать туда какую-нибудь весть…

— Передай Роббу, что я намереваюсь вступить в командование Ночным Дозором, чтобы он мог в покое заниматься шитьем с девчонками, и пусть Миккен перекует его меч на подковы для коней.

— Твой брат выше меня, — сказал Тирион с улыбкой. — Отказываюсь передавать такое послание, за которое меня могут убить.

— Рикон спросит, когда я приеду домой. Попытайся объяснить, где я сейчас, если сумеешь. Скажи ему, пусть пользуется всеми моими вещами, пока меня нет, ему это понравится.

Сегодня люди слишком многого хотят от меня, подумал Тирион.

— Но ты можешь все изложить в письме.

— Рикон еще не умеет читать. Но Бран… — Он внезапно остановился. — Я не знаю, что написать Брану. Помоги ему, Тирион.

— Какую помощь я могу предоставить? Я не

мейстер и не могу облегчить его боль. Потом, я не знаю таких заклинаний, которые могли бы вернуть ему ноги.

— Ты помог мне, когда я нуждался в твоей помощи, — сказал Джон Сноу.

— Я ничего не дал тебе, — улыбнулся Тирион, — кроме слов.

— Тогда дай свои слова и Брану.

— Ты просишь хромого научить калеку плясать, — пошутил Тирион, — Сколь бы искренним ни было старание, результат окажется жутким, И все же я понимаю, что такое братская любовь, лорд Сноу. Я окажу Брану ту небольшую помощь, на которую способен.

— Благодарю вас, милорд Ланнистер. — Джон стянул рукавицы и протянул свою руку. — Друг мой.

Тирион обнаружил, что странным образом тронут этим жестом.

— Моя родня в основном бастарды, — сказал он с сухой улыбкой. — Но ты первый, кого я зову другом. — Зубами он стащил перчатку и пожал руку Сноу; плоть прикоснулась к плоти, рука мальчика была сильной и твердой.

Вновь надев свою перчатку, Джон повернулся и направился к низкому северному парапету. За

ним Стена резко обрывалась, впереди лежали тьма и лед. Тирион последовал за ним, и бок о бок они остановились возле края мира.

Ночной Дозор не допускал, чтобы лес приближался к северной стороне Стены более чем на полмили. Чащобы железоствола, страж-дерева и дуба, прежде росшие здесь, были вырублены столетия назад, чтобы создать широкий простор, через который ни один враг не смог бы пробраться незамеченным. Тирион слышал, что вдоль всей Стены между тремя крепостями дикий лес медленно возвращается назад. Находились даже серо-зеленые страж-деревья и бледностволые чардрева, которые запускали корни в саму Стену, но благодаря потребности Черного замка в дровах лес удерживали топоры Черной Братии. Впрочем, он никогда не отступал далеко. Тирион повсюду видел его; темные деревья вторым бастионом вставали за прогалиной параллельно ледяной Стене. Не многим топорам случалось погулять в том черном лесу, куда не проникал даже лунный свет, неспособный пронзить древние переплетения корня, шипа и ветви. Там, вовне, деревья вырастали высокими, разведчики говорили, что они словно бы таили в себе зло и не любили людей. Нечего удивляться, что Ночной Дозор

называет этот лес Зачарованным.

Он стоял здесь перед тьмой, не знавшей огня, под холодным, до костей пронизывающим ветром. Тирион Ланнистер ощутил, что способен поверить в россказни об Иных — о врагах, обитающих в ночи. Собственные шутки о грамкинах и снарках не казались ему теперь настолько уж забавными.

— Где-то там сейчас мой дядя, — громко сказал в темноту Джон Сноу, опершийся на копье. — В ту первую ночь, когда меня послали сюда, я все мечтал, что дядя Бенджен назад вернется ночью, а я увижу его и затрублю в рог. Но он не вернулся. Ни в эту ночь, ни во все остальные.

— Дай время, вернется, — пообещал Тирион.

Вдали на севере завыл волк. На зов ответил другой, потом третий… Призрак склонил голову набок прислушиваясь.

— Если он не вернется, — решил Джон, — мы с Призраком отправимся искать его. — Он положил руку на голову лютоволка.

— Верю тебе, — сказал Тирион. — Но кто тогда отправится искать тебя самого? — Он поежился.

Арья

Отцу на совете опять пришлось туго, Арья поняла это по его лицу, когда лорд Эддард вышел к обеду, вновь опоздав, что теперь случалось нередко. Первое блюдо, густой и сладкий тыквенный суп, уже собрались уносить, когда Старк вошел в Малый зал. Называли его так, чтобы отличить от Великого зала, где король мог пировать с тысячью гостей, но и в этой длинной палате с высоким сводчатым потолком можно было усадить сотни две людей за устроенные на козлах столы.

— Милорд, — проговорил Джори, когда отец вошел. Он поднялся на ноги, остальные последовали его примеру. Все люди были в новых плащах из плотной серой шерсти, подбитой седым атласом. Выкованная из серебра рука перехватывала у ворота шерстяные складки плащей, знаменуя их принадлежность к домашней страже королевской десницы. Старк привел с собой лишь полсотни человек, и скамьи в основном пустовали.

— Садитесь, — сказал Эддард Старк. — Вижу, вы начали без меня, и рад тому, что в этом городе

есть еще люди, сохранившие рассудок. — Он дал знак продолжить трапезу. Слуги начали вносить блюда с ребрами, зажаренными под чесноком и травами.

— Во дворе ходят слухи, что у нас будет турнир, милорд, — проговорил Джори, занимая свое место. — Утверждают, что со всех сторон королевства сойдутся люди, чтобы сражением и на пиру почтить ваше назначение десницей короля.

Арья видела, что отец не очень рад предстоящему событию.

— А не говорят ли во дворе, что мне самому этот турнир совершенно не нужен?

Глаза Сансы округлились, словно два блюдца.

— Будет турнир, — выдохнула она. Санса села между септой Мордейн и Джейни Пуль, подальше от Арьи, но не настолько, чтобы отец сделал ей замечание. — А нам разрешат посетить его, отец?

— Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам, Санса. Похоже, мне придется устроить королю Роберту развлечение и изобразить, что оно делается ради меня. Но это не значит, что я должен разрешить своим дочерям смотреть на подобные глупости.

— Ну, пожалуйста, — попросила Санса. — Я бы хотела посмотреть.

Заговорила септа Мордейн.

— Принцесса Мирцелла будет там, милорд, а она младше леди Сансы. Все дамы двора будут присутствовать на таком великом событии. К тому же турнир дается в вашу честь, и будет странно, если ваша семья останется дома.

Отец отвечал с болью в голосе:

— Должно быть, так. Ну хорошо, я устрою место для тебя, Санса. — Он посмотрел на Арью. — Для вас обеих.

— Мне не нужен этот глупый турнир, — скривила лицо Арья. Она знала, что там будет Джоффри, — принца она ненавидела.

Санса подняла голову:

— Нас ждет великолепное зрелище, а на тебя там никто и не посмотрит.

На лице отца вспыхнул гнев.

— Довольно, Санса! Хватит, иначе я передумаю! Я смертельно устал от вашей бесконечной войны. Вы сестры и должны вести себя соответствующим образом, понятно?

Санса закусила губу и кивнула. Арья угрюмо уставилась в тарелку: она ощутила, как слезы прихлынули к глазам. И с гневом прогнала их, решив не плакать.

Слышен был лишь стук ножей и вилок.

— Прошу извинить меня, — объявил отец всем присутствующим. — Сегодня мне что-то не хочется есть. — И он вышел из зала.

Когда дверь за ним закрылась, Санса обменялась взволнованным шепотом с Джейни Пуль. В дальней части стола Джори рассмеялся шутке, и Халлен завел речь о лошадях:

— Твой-то он боевой, вот он и не лучший для турнира. Не то он, ох, совсем не то.

Мужчины уже слышали все это; Десмонд, Джекс и сын Халлена Харвин потребовали, чтобы он замолчал, а Портер попросил вина.

С Арьей никто не разговаривал. Ее это не волновало. Если бы ей позволили, она предпочла бы есть в своей опочивальне. Иногда так и случалось, когда отец обедал с королем, или каким-нибудь лордом, или с послами, откуда-нибудь вдруг явившимися. В основном они ели в его солярии — отец, она и Санса. Тогда Арья больше всего тосковала о своих братьях. Ей хотелось бы поддразнить Брана, поиграть с маленьким Риконом и увидеть улыбку Робба. Ей хотелось, чтобы Джон взлохматил ее волосы, назвал сестричкой, хотелось услышать его голос, заканчивающий вместе с ней фразы. Но все они были далеко, и рядом никого, кроме Сансы, сестры, даже не

желавшей разговаривать с ней, если этого не требовал отец.

У себя в Винтерфелле они ели в большом зале едва ли не через день. Отец говаривал, что тот лорд, который хочет удержать у себя людей, должен обедать вместе с ними.

— Надо знать людей, которые следуют за тобой. — Она слыхала, как он говорил эти слова Роббу. — И пусть они знают тебя. Нельзя требовать, чтобы люди отдавали свою жизнь ради незнакомца.

В Винтерфелле отец всегда держал лишний стул за своим столом, и каждый день компанию его разделял кто-то из людей. Один вечер это мог быть Вейон Пуль, и разговор шел о медяках, хлебных запасах и слугах; на следующий день его сменял, скажем, Миккен, и отец выслушивал его рассказ о броне и мечах, и о том, каким горячим должен быть металл, и как лучше закаливать сталь. На третий день за столом оказывался Халлен с бесконечными разговорами о лошадях, а потом септон Хейли из библиотеки, а потом Джори, а потом сир Родрик… или даже старая Нэн со своими россказнями.

Арья ничего не любила больше, чем сидеть за столом отца, слушать их разговоры. Ей нравились и рассказы людей, сидящих на скамьях: крепких,

как кожа, свободных всадников, учтивых рыцарей, отважных молодых сквайров, седых старых воителей. Она любила швырять в них снежками и таскала им пироги с кухни. Жены их давали Арье ячменные лепешки, она придумывала имена для их младенцев и играла в «чудовище и деву», «спрячь сокровища» и «короля замка» с их старшими детьми. Толстый Том звал ее Арьей Что-Под-Ногами, потому что она всегда оказывалась именно там. Но это было приятнее, чем слышать «Арья-лошадка».

Только все это осталось в Винтерфелле, в мире, вдруг ставшем далеким. Теперь все переменилось. Сегодня они ели со своими людьми впервые с того времени, как прибыли в Королевскую Гавань. Арья ненавидела этот город, И голоса их сделались ей ненавистны, и смех, и рассказы. Люди эти были ее друзьями, она чувствовала себя среди них в безопасности, но теперь вдруг поняла, как они лгут. Это они позволили королеве убить Леди, что само по себе было ужасно. А потом Пес нашел Мику. Джейни Пуль рассказала Арье, что его изрубили в куски и получил мясник сына в мешке; поначалу бедолага решил, что они убили свинью. И никто не возвысил голос, не извлек клинок… Все смолчали… и Харвин, который

всегда вел такие смелые речи, и Элин, который намеревался стать рыцарем, и Джори, капитан стражи. И даже отец.

— Он был моим другом, — шептала Арья в тарелку негромко, так, чтобы ее не услышали. Нетронутые ребра уже подернулись тонкой пленкой застывшего сала. Арья поглядела на них и почувствовала себя больной. Она отодвинулась от стола.

— И куда же вы собираетесь направиться, молодая леди? — осведомилась септа Мордейн.

— Я не голодна. — Арья с трудом вспомнила подобающие случаю любезные фразы. — Пожалуйста, разрешите мне выйти из-за стола, — проговорила она напряженным голосом.

— Не разрешаю, — сказала септа. — Ты едва прикоснулась к пище. Сядь и очисти тарелку.

— Очисти ее сама! — Прежде чем ее успели остановить, Арья бросилась к двери. Люди захохотали, септа Мордвин что-то закричала вслед, голос ее поднимался все выше и выше. Толстый Том находился на своем посту, охраняя дверь в башню Десницы. Он заморгал, увидев бегущую Арью и услыхав крики септы.

— Постой, маленькая, задержись, — проговорил он, протянув руку, но Арья скользнула между его

ног и бросилась по ступенькам башни. Ноги ее стучали по камню, Толстый Том пыхтел и топал позади нее.

Опочивальня была единственным местом, которое Арья любила во всей Королевской Гавани, но больше всего девочке нравилась дверь — массивная плита из темного дуба, обшитая полосами черного железа. Когда она захлопывала дверь и роняла на место тяжелую защелку, никто не мог пройти в ее комнату: ни септа Мордвин, ни Толстый Том, ни Санса, ни Джори. Никто-никто! Так она поступила и сейчас.

Когда засов оказался на месте, Арья почувствовала себя в безопасности и разревелась.

Она направилась к окну и уселась возле него, хлюпая носом, полная ненависти ко всем, но более всего к себе самой. Это она была виновата в том, что случилось, так утверждали Санса и Дженни.

Толстый Том постучал в дверь.

— Арья, девочка, что случилось? — позвал он. — Ты там?

— Нет! — крикнула она. Стук прекратился. Спустя мгновение она услышала, как он уходит. Толстого Тома всегда легко было одурачить. Арья направилась к сундуку у изножья ее постели.

Она склонилась над ним, открыла крышку и обеими руками начала доставать одежду, хватая горстями шелк, атлас, бархат и шерсть и бросая их на пол. Меч лежал на самом дне сундука, там, где она спрятала его. Арья достала оружие почти ласково; она потянула тонкий клинок из ножен.

Игла.

Она вновь подумала о Мике, и глаза ее наполнялись слезами. Виновата, виновата, виновата. Ведь это она попросила его пофехтовать с ней… В дверь застучали громче, чем прежде.

— Арья Старк, немедленно открой дверь, слышишь меня?

Арья повернулась с Иглой в руке.

— А тебе лучше бы вообще не входить сюда! — И она отчаянно рубанула по воздуху.

— Десница узнает об этих словах, — рассвирепела септа Мордейн.

— Мне все равно! — закричала Арья. — Убирайся.

— Вы пожалеете о своем наглом поведении, молодая леди, обещаю вам это.

Арья подождала у двери и наконец услышала удаляющиеся шаги септы. С Иглой в руке она подошла к окну и поглядела на двор внизу. Если бы только она умела лазать, как Бран, тогда можно

было бы выбраться из окна и спуститься по стене башни, чтобы убежать из этого жуткого места, подальше от Сансы, септы Мордейн, от принца Джоффри, ото всех. Выкрала бы еду на кухне, взяла бы Иглу, надела свои добрые сапоги и теплый плащ. Нимерия нашлась бы в диких лесах возле Трезубца, а потом они вместе вернулись бы в Винтерфелл, чтобы бежать к Джону на Стену. Арья поняла, как жалеет о том, что сводного брата сейчас нет рядом с ней. Тогда ей не было бы столь одиноко.

Негромкий стук в дверь отвлек Арью от окна и от мечтаний о бегстве.

— Арья, — послышался голос отца. — Открой дверь. Мне надо поговорить с тобой.

Арья пересекла комнату и подняла засов. Отец пришел один. Лицо его показалось ей скорее печальным, чем гневным. Это еще более устыдило Арью.

— Можно войти?

Арья кивнула и со стыдом опустила глаза. Отец закрыл дверь.

— Чей это меч?

— Мой. — Арья почти забыла, что Игла осталась в ее руках.

— Дай-ка.

Арья не без колебаний отдала оружие, не зная, получит ли его обратно. Отец повернул меч к свету, осмотрел обе стороны клинка. Попробовал острие пальцем.

— Клинок разбойника, — сказал он, — однако мне кажется, что я знаю метку этого мастера. Работа Миккена.

Арья не могла солгать ему и просто потупила глаза. Лорд Эддард Старк вздохнул.

— Моя девятилетняя дочь вооружается в моей собственной кузнице, и я ничего не знаю об этом. Десница короля обязан править Семью Королевствами, а я, похоже, даже не способен справиться со своим собственным домом. Откуда у тебя этот меч, Арья? Как ты его получила?

Арья прикусила губу и промолчала. Она не могла предать Джона даже в разговоре с отцом.

Спустя мгновение отец проговорил:

— Впрочем, это ничего не значит. — И серьезно поглядел на меч в своих руках. — Оружие не игрушка для детей, во всяком случае, для девиц. Что сказала бы септа Мордейн, узнав, что ты играешь с мечом.

— Я не играю, — настаивала Арья. — Я ненавижу септу Мордейн.

— Довольно, — отвечал отец голосом резким

и жестким. — Септа просто выполняет свои обязанности, и только боги знают, какими тяжкими ты сделала их для бедной женщины. Мы с твоей матерью обременили ее невозможным заданием, захотев превратить тебя в леди.

— А я и не хочу быть леди, — вспыхнула Арья.

— Мне следовало бы прямо сейчас сломать эту игрушку о колено, чтобы положить конец всей чепухе.

— Игла не сломается, — возмутилась Арья, но голос ее противоречил словам.

— Значит, у него есть имя? — Отец вздохнул. — Ах, Арья, Арья. Ты дикарка, моя девочка. Волчья кровь, как говорил мой отец. Она чувствовалась и в Лианне, и в брате моем — в еще большей степени. И обоих она привела к ранней могиле.

Арья услыхала скорбь в его голосе, отец нечасто упоминал о своем отце, брате и сестре, погибших еще до ее рождения.

— Лианна вполне способна была взять меч, если бы это разрешил ей мой лорд-отец. Иногда ты напоминаешь ее… даже внешне.

— Но Лианна ведь была прекрасна… — удивилась Арья. — Так говорили все! — О себе она ничего подобного не слыхала.

— Была, — согласился Эддард Старк, — прекрас-

на, своенравна и умерла прежде своего времени. — Он поднял меч, как бы пробуя его. — Арья, что ты намереваешься делать с этой… Иглой? Кого ты хочешь прошить ею? Свою сестру? Септу Мордейн? Представляешь ли ты, что нужно делать, берясь за меч?

Она могла вспомнить лишь тот короткий урок, который дал ей Джон.

— Держать его кончиком вперед, — выпалила она.

Отец коротко хохотнул.

— Ну что ж, наверное, в этом вся суть.

Арья отчаянно хотела объясниться, заставить отца понять ее.

— Я пыталась учиться, но… — Глаза ее наполнили слезы. — Я попросила Мику поучить меня. — Горе вернулось сразу. Задрожав, она отвернулась. — Это я просила его. Это моя вина. Это я…

Руки отца вдруг сомкнулись вокруг неё. Она повернулась, уткнувшись ему с рыданиями в грудь.

— Не надо, милая моя, — пробормотал он, — горюй о своем друге, но не вини себя. Не ты убила сына мясника. Кровь его легла на Пса и на жестокую женщину, которой он служит.

— Я ненавижу их, — выдавила сквозь рыдания

раскрасневшаяся Арья. — И Пса, и королеву, и короля, и принца Джоффри. Я ненавижу их всех. Джоффри солгал: все было не так, как он говорил. Я ненавижу и Сансу; она солгала, чтобы понравиться принцу.

— Все мы лжем, — проговорил отец. — И ты действительно думаешь, что я поверю в россказни, что Нимерия убежала?

Виноватая Арья раскраснелась.

— Джори обещал мне молчать.

— Джори сдержал свое слово, — ответил отец улыбнувшись. — Есть вещи, о которых мне не надо рассказывать. Даже слепец видит, что волчица никогда не оставила бы тебя по своей воле.

— Нам пришлось бросать камни, — сказала Арья несчастным голосом. — Я велела ей бежать, бежать на свободу; сказала, что больше не хочу ее. Что здесь есть волки, с которыми она сможет играть, — мы слышали их вой. А Джори сказал ей, что леса полны добычи и она добудет себе оленя. Но Нимерия увязалась следом, нам пришлось бросать камни. Я дважды попала. Она визжала и глядела на меня так, что мне сделалось стыдно. Но я ведь поступила правильно, так? Королева бы убила ее.

— Ты поступила правильно, — проговорил отец.

— И эта ложь не была… бесчестной. — Отложив Иглу в сторону, он подошел к Арье и снова обнял ее. А потом вновь взял клинок, приблизился к окну, задержался там на мгновение, разглядывая двор, и обратил к ней задумчивые глаза. Затем опустился на сиденье возле окна с мечом на коленях. — Арья, садись. Я попытаюсь растолковать тебе кое-что.

Она тревожно присела на краешек постели.

— Ты еще слишком мала, чтобы возложить на тебя все мои заботы, — сказал он. — Но ты из Старков Винтерфеллских, ты знаешь наш девиз.

— Зима близко, — прошептала Арья.

— Пришли жестокие, злые времена, — сказал отец, — Мы изведали их и у Трезубца, дитя, и когда упал Бран. Ты родилась долгим летом, моя милая, ты не знала ничего другого, но теперь воистину зима близко. Вспомни герб нашего дома, Арья.

— Лютоволк, — сказала она и, вспомнив Нимерию, поджала колени к груди с внезапным испугом.

— Позволь мне рассказать тебе кое-что о волках, дитя. Когда выпадет снег и задуют белые ветры, одинокий волк гибнет, но стая живет. Лето — пора раздоров, но зимой мы обязаны защищать друг друга, охранять, делиться силой.

Поэтому, если ты кого-то ненавидишь, постарайся обратить свою ненависть на тех, кто вредит нам. Септа Мордейн — добрая женщина, а Санса… Санса — твоя сестра. Вы не похожи, словно луна и солнце, но в ваших сердцах течет одна кровь. Ты нуждаешься в ней, а она в тебе… А я нуждаюсь в вас обеих, помогите мне боги.

В голосе его прозвучала такая усталость, что Арья проговорила:

— Я не испытываю, ненависти к Сансе… настоящей. — Это была лишь половина лжи.

— Я не хочу пугать тебя, но и лгать тоже не следует. Мы оказались в мрачном и опасном месте, дитя мое. Это не Винтерфелл. У нас есть враги, которые готовы причинить нам зло. Мы не можем затевать войну между собой. Твое своенравие, побег, сердитые речи, неповиновение — все это уместно дома. Летние игры ребенка. Здесь — в преддверии зимы — они смотрятся по-другому. Пора взрослеть.

— Я вырасту, — пообещала Арья. Она никогда не любила отца так сильно, как в это мгновение. — Я умею быть сильной, я могу быть сильной, как Робб.

Он протянул ей Иглу рукояткой вперед.

— Бери.

Арья поглядела на меч с удивлением в глазах. Какое-то мгновение она даже боялась взять его, ей казалось, что, если она потянется к мечу, он исчезнет. Но отец сказал:

— Бери, он твой. — И она приняла оружие в руки.

— Я могу оставить его себе? — спросила Арья. — В самом деле?

— В самом деле. — Отец улыбнулся. — Если я заберу его, то через две недели найду под твоей подушкой метательную звезду. Попытайся не проткнуть им свою сестру, как бы тебе ни хотелось это сделать.

— Не проткну. Обещаю тебе. — Арья прижала Иглу к груди, и отец попрощался с ней.

На следующее утро, когда они позавтракали, она извинилась перед септой Мордейн и попросила прощения. Септа посмотрела на нее подозрительно, но отец кивнул.

Через три дня, в полдень, управляющий отца Вейон Пуль отправил Арью в Малый зал. Столы были разобраны, и вдоль всех стен стояли скамьи. Палата казалась пустой. Незнакомый голос сказал:

— Ты опоздал, мальчик. — Худощавый человек с лысеющей головой и огромным, похожим на

клюв носом выступил из тени, держа в руках пару тонких деревянных мечей. — Завтра будешь здесь в полдень. — Акцент, интонации говорили о Вольных Городах, быть может, о Браавосе или Мире.

— Кто вы? — спросила Арья.

— Твой учитель танцев. — Он бросил ей один из деревянных клинков. Арья потянулась к нему, промахнулась, и меч упал на пол.

— Завтра ты поймаешь его. А теперь подбери.

Это была не палка, а настоящий деревянный меч с рукояткой, гардой и клинком.

Арья подобрала меч и, нервно вцепившись обеими руками, выставила его перед собой. Меч показался ей много тяжелее Иглы. Лысый пристукнул зубами.

— Так не пойдет, мальчик. Это не длинный меч, который нужно держать двумя руками. Возьми одной рукой.

— Он слишком тяжелый, — сказала Арья.

— Он достаточно тяжел, чтобы тело твое окрепло. К тому же он хорошо отцентрирован. Полый внутри, он залит свинцом. Попробуй взять его одной рукой.

Арья сняла правую с рукояти и вытерла вспотевшую ладошку о штаны. Она держала меч в

левой руке. Казалось, он одобрял.

— В левой держать хорошо. Все наоборот. Твоим врагам будет неловко. Но ты стоишь неправильно. Поверни тело боком, да, вот так. А знаешь, если посмотреть на тебя сбоку, ты кажешься просто копьем. Это тоже хорошо, попасть труднее. А теперь хватка. Позволь я посмотрю. — Он подошел ближе и уставился на ее руку, потом раздвинул пальцы, перекладывая их. — Вот так. Хватка должна быть ловкой и легкой.

— А если я выроню его? — спросила Арья.

— Сталь должна сделаться частью твоей руки, — сказал ей лысый. — Неужели ты можешь уронить часть руки? Нет, Сирио Форель девять лет был первым мечом морского владыки Браавоса, и он знает такие вещи. Слушай его, мальчик.

Мальчиком он назвал ее уже в третий раз.

— Я девочка, — возразила Арья.

— Мальчик или девочка — не важно, — отвечал Сирио Форель. — Ты фехтовальщик — и это главное. — Он пристукнул зубами. — Вот так и держи. В твоих руках не боевой топор, ты держишь…

— …Иглу, — докончила за него Арья свирепым голосом.

— Именно так. А теперь мы начнем танец. Помни, дитя, мы учимся не железной пляске Ве-

стероса, пляске рыцаря, рубящего и молотящего. Нет. Это будет танец Браавоса, танец воды, быстрый и внезапный. Все люди созданы из воды, ты это знаешь? Так что, когда ты пронзаешь их, вода вытекает и они умирают. — Он шагнул назад, занося свой собственный деревянный клинок. — А теперь постарайся ударить меня.

Арья попыталась нанести ему удар. И пыталась сделать это четыре часа, пока каждая мышца в ее теле не заболела. А Сирио Форель пристукивал зубами и говорил ей, что делать.

На следующий день началась уже настоящая работа.

Дейенерис

— Дотракийское море, — сказал сир Джорах Мормонт, осаживая рядом с ней коня на верхушке гребня.

У их ног открывался необъятный простор, уходивший к далекому горизонту и исчезавший за ним.

Действительно море, подумала Дени. Здесь не было ни домов, ни гор, ни деревьев, ни городов, ни дорог… лишь бесконечные травы, высокие, в рост человека, колыхавшиеся волнами под ветром.

— Здесь столько зелени, — сказала она.

— Это сейчас, — согласился сир Джорах. — Но видели бы вы эти края, когда степь цветет и темно-красные цветы морем крови заливают ее от горизонта до горизонта. Но настает сухая пора, и мир этот обретает цвет старой бронзы. А это всего лишь хранна, дитя. Здесь существуют сотни разновидностей трав: со стеблями желтыми, как лимон, и темными, как индиго, синие травы, оранжевые травы, травы переливающиеся. Говорят, что в краю теней за Асшаем растут океаны

призрак-травы; стебли ее бледны, как молочное стекло, и поднимаются выше головы сидящего на коне всадника. Трава эта убивает все остальные и в темноте светится отблеском пламени, сжигающего погибшие души. Дотракийцы утверждают, что однажды призрак-трава покроет весь мир, и тогда вся жизнь закончится.

Мысль эта заставила Дени поежиться.

— Я не хочу говорить об этом сейчас, — сказала она. — Здесь так прекрасно, что я не желаю думать о смерти.

— Как вам угодно, кхалиси, — отвечал сир Джорах с почтением.

Она услыхала звук голосов и повернулась навстречу им. Они с Мормонтом обогнали отряд, который только сейчас поднялся следом за ними на гребень. Служанка Ирри и молодые лучники ее кхаса скакали с непринужденностью кентавров, но Визерис все еще боролся с короткими стременами и плоским седлом. В степи брат казался жалким. Ему и не нужно было находиться здесь. Магистр Иллирио предлагал ему подождать в Пентосе, предлагал свой гостеприимный дом, но Визерис не согласился. Он решил оставаться с Дрого, пока долг не будет уплачен, пока тот не поможет ему получить обещанную корону.

— Ну а если он попытается надуть меня, то пусть остережется — узнает тогда, что значит будить дракона, — бахвалился Визерис, положив руку на чужой меч. Иллирио, поморгав, пожелал ему удачи.

Дени поняла, что она не желает сейчас слушать жалобы своего брата. День был слишком великолепен для этого. В просторной голубизне высоко над ними кружил охотничий сокол. Море травы колыхалось под вздохами ветра, теплый воздух гладил ее лицо, и Дени чувствовала покой. Не хватало еще, чтобы Визерис испортил ей настроение.

— Подождите здесь, — сказала Дени сиру Джораху. — Пусть все они тоже остановятся. Скажите, что я приказываю.

Рыцарь улыбнулся. Сира Джораха нельзя было отнести к симпатичным людям. Бычьи плечи и шея его заросли жесткой шерстью, которая покрывала руки и грудь настолько густо, что для макушки ничего уже не осталось. Но улыбка его всегда подбадривала Дени.

— Вы быстро научились говорить так, как подобает королеве, Дейенерис.

— Я не королева, — заметила Дени, — а кхалиси. — Она послала кобылу вперед — галопом и в

одиночестве.

Склон оказался крутым и каменистым, но Дени скакала бесстрашно, и радость, сливаясь с опасностью, пела в ее сердце. Всю жизнь Визерис твердил ей, что она принцесса, но Дейенерис Таргариен никогда не ощущала себя таковой, пока не села на свою серебристую лошадь.

Поначалу ей было нелегко. Кхаласар свернул лагерь наутро после их брака и направился на восток к Вейес Дотраку, и уже на третий день Дени решила, что умирает. Седло натерло на ее заду жуткие кровавые мозоли. Бедра были стерты, руки пузырились от поводий, мышцы спины и ног ныли так, что она едва могла сидеть. Когда наступал вечер, служанкам приходилось помогать ей спуститься с седла.

Даже ночи не приносили облегчения. Кхал Дрого не обращал на нее внимания в пути, как не смотрел он на нее во время свадьбы; вечера он проводил за вином в обществе воинов и кровных всадников, скакал на отборных конях, смотрел, как пляшут женщины и умирают мужчины. Дени не было места в этой части его жизни. Ей приходилось ужинать в одиночестве или с сиром Джорахом и со своим братом; после, выплакавшись, она засыпала, и каждую ночь, уже перед

рассветом, Дрого приходил в ее шатер, будил во тьме и безжалостно, словно жеребец, поднимался на нее. Он всегда брал ее сзади; таков дотракийский обычай. Дени была благодарна ему: муж не видел слез, увлажнявших ее лицо и она могла уткнуться в подушку, чтобы не вскрикнуть от боли. Покончив с делом, Дрого закрывал глаза и тихо похрапывал засыпая. А Дени лежала рядом, и тело ее ныло, не позволяя уснуть.

День следовал за днем, ночь сменялась ночью, наконец Дени поняла, что больше не выдержит ни мгновения. Придется убить себя, но дальше она не поедет, решила Дени однажды ночью…

Но когда она уснула в ту ночь, то опять увидела дракона. На этот раз обошлось без Визериса. Во сне была только она одна и дракон в черной, как ночь, чешуе, мокрой и скользкой от крови. От ее собственной крови, ощутила Дени. Глаза дракона казались лужицами расплавленной магмы, а когда он открыл свою пасть, из нее горячей струей ударило жаркое пламя. Она слышала, как дракон поет ей. Дени развела руки, обнимая огонь, предалась ему, позволив охватить ее целиком, очистить и закалить, залечить раны. Она ощущала, как горит и обугливается, как осыпается угольками ее плоть, чувствовала, как кипит,

превращаясь в пар, кровь, но боли не было. Она ощутила незнакомую силу и ярость.

На следующий день, как ни странно, тело ее болело не так уж сильно. Словно бы боги услышали ее и пожалели. Служанки заметили перемену.

— Кхалиси, — спросила Чхику, — что случилось? Ты больна?

— Я была больна, — отвечала она, наклоняясь над драконьими яйцами, которые Иллирио подарил ей в день свадьбы. Дени прикоснулась к одному из них, самому большому, и ласково погладила скорлупу. «Черно-алое, — подумала она, — как дракон в моем сне». Камень показался ей странно теплым под пальцами… или она еще дремлет? Дени с опаской отдернула руку.

Начиная с того часа каждый день давался легче предыдущего.

Ноги сделались сильнее, пузыри прорвались, а на руках появились мозоли, мягкая кожа бедер окрепла.

Кхал велел, чтобы служанка Ирри научила Дени ездить верхом на дотракийский манер, но на деле учительницей ее была молодая кобыла. Лошадь, казалось, понимала ее настроение, словно бы сливаясь с Дени в единое существо. С каждым днем Дени чувствовала себя все увереннее в

седле. Дотракийцы — жесткий и не сентиментальный народ, и не в их обычаях давать имена животным. Поэтому Дени тайно называла свою лошадь Серебрянкой. И любила ее, как никого в своей жизни.

Когда верховая езда перестала быть для нее испытанием, Дени начала замечать красоту этого края. Она ехала во главе кхаласара вместе с Дрого и его кровными всадниками и потому всегда видела землю свежей и невытоптанной. Это позади нее огромная орда терзала копытами землю, мутила реки и поднимала облака удушающей пыли, но поля впереди них всегда были зелены и ярки.

Они миновали плавные холмы Норвоса, терасные поля и небольшие деревеньки, жители которых тревожно следили за ними с белых оштукатуренных стен. Потом они переправились через три широкие спокойные реки; четвертая же, узкая, оказалась коварной и быстрой, заночевали возле высокого синего водопада, обогнули руины огромного древнего города, где, как утверждали, между почерневших мраморных колонн до сих пор стонали призраки. Они ехали по тысячелетним валирийскйм дорогам, прямым, как дотракийская стрела. Половину месяца они проезжали через Квохорский лес, ветви которого

золотым пологом сходятся высоко над головой, а стволы деревьев никак не тоньше крепостных башен. В лесу обитали огромные лоси, пятнистые тигры и лемуры с серебристым мехом и огромными пурпурными глазами. Но все звери бежали от кхаласара, и Дени не могла их заметить. К этому времени память о перенесенных муках уже начинала блекнуть. После долгой езды тело ее до сих пор побаливало, но теперь в усталости появилось нечто приятное, и Дени с каждым днем все охотнее садилась в седло, ожидая увидеть новые чудеса далеких земель. Она начала даже чувствовать удовольствие и по ночам, а если и вскрикивала, когда Дрого брал ее, то не всегда от боли.

У подножия гребня высокая и гибкая трава окружила ее. Дени перешла на рысь и выехала на равнину, потерявшись в зеленом благословенном одиночестве. В кхаласаре она никогда не оставалась одна. Кхал Дрого приходил к ней лишь после заката, служанки купали ее, умывали и спали возле дверей ее шатра, кровные всадники Дрого и люди ее кхаса никогда не отходили далеко, брат бросал тоскливую тень на ночи и дни. Дени услышала его голос на вершине гребня; захлебываясь гневом, Визерис что-то кричал

сиру Джораху. Она поехала дальше, погружаясь в дотракийское море.

Зелень поглотила ее. Воздух был полон ароматов земли и травы, к нему подмешивался запах конской плоти, пота самой Дени и масла, умащавшего ее волосы. Дотракийские запахи. Здесь они казались уместными как нигде. Дени радостно вдыхала воздух. Ей вдруг захотелось ощутить под собой землю: погрузить пальцы ног в жирную черную почву. Соскочив с седла, она пустила Серебрянку пастись, а сама потянула с ног высокие сапоги.

Визерис налетел на нее внезапной летней грозой. Конь встал на дыбы — он осадил его слишком резко.

— Как ты смеешь! — завопил Визерис. — Ты смеешь командовать мной? Мной! — Он соскочил с коня и споткнулся приземляясь. Когда он поднялся на ноги, лицо его побагровело. Он схватил ее за плечи и потряс. — Или ты забыла, кто ты такая? Погляди на себя. Погляди на себя!

Дени не нуждалась в зеркале: босые ноги, волосы умащены маслом, дотракийский кожаный верховой костюм — подаренные на свадьбу штаны и цветной жилет. Весь вид ее свидетельствовал о принадлежности к этой земле. Визерис

же казался грязным и неряшливым в городских шелках и кольчуге.

Он продолжал орать:

— Не ты командуешь драконом. Ты понимаешь это? Я — владыка Семи Королевств и не подчинюсь приказам бабы какого-то лошадника. Ты слышала меня? — Он запустил руку под ее жилет, пальцы его болезненно впились ей в грудь. — Ты слышишь меня?

Напрягая все силы, Дени оттолкнула брата. Визерис поглядел на нее, не веря своим глазам. Она никогда не возражала ему, никогда не отвечала на удары. Ярость исказила черты Визериса. Сейчас он ударит ее, и очень сильно, она это знала.

Трах!

Кнут ударил как гром. Петля обхватила Визериса вокруг горла и дернула назад. Ошеломленный и задыхающийся, он полетел в траву. Дотракийские наездники, улюлюкая, окружили его. Тот, что с кнутом, молодой Чхого, выдохнул вопрос. Дени не поняла его слов, но Ирри уже была рядом, а с ней сир Джорах и остальные из ее кхаса.

— Чхого спрашивает, хочешь ли ты его смерти, кхалиси, — проговорила Ирри.

— Нет, — сказала Дени. — Нет.

Чхого понял это. Кто-то из дотракийцев рявк-

нул нечто похабное, и все расхохотались. Ирри перевела ей:

— Куаро считает, что у него следует отрезать ухо, чтобы научить уважению.

Брат ее стоял на коленях, пальцы пытались сорвать кожаную удавку, он что-то неразборчиво хрипел, пытаясь вздохнуть. Кнут туго перехватил его гортань.

— Скажи, что я не хочу, чтобы ему причиняли боль, — распорядилась Дени. Ирри повторила ее слова по-дотракийски, Чхого потянул кнут, дернув Визериса, как марионетку на ниточке. Тот снова упал, освобождаясь от кожаного удушающего объятия, под подбородком его выступила тонкая линия крови — там, где кнут глубоко прорезал кожу.

— Я предупреждал его, что такое может случиться, миледи, — сказал сир Джорах Мормонт. — Я просил его остаться на гребне, как вы приказали.

— Я знаю это, — ответила Дени, глядя на Визериса. Побагровевший и рыдающий, лежа на земле, он с шумом втягивал воздух. Жалкое зрелище. Но Визерис всегда был жалок. Почему она никогда не замечала этого раньше? Прежний страх исчез без следа. — Возьмите его лошадь, — приказала Дени

сиру Джораху. Визерис охнул. Он не верил своим ушам, не верила им и Дени. Но слова приходили сами. — Пусть брат мой пешком возвращается в кхаласар.

Дотракийцы считают того, кто пешком идет по степи, нижайшим из низких, не имеющим ни чести, ни гордости, — даже не мужчиной. Пусть все увидят, каков он на самом деле.

— Нет! — завизжал Визерис на общем языке. Он повернулся к сиру Джораху со словами, которых не понимали табунщики: — Ударь ее, Мормонт. Побей ее. Это приказывает твой король. Убей этих дотракийских псов и проучи ее.

Изгнанник-рыцарь перевел взгляд с Дени на ее брата: она была боса, между пальцами выступала влажная земля, волосы намаслены, а он в стали и шелках. Дени поняла решение по его лицу.

— Он пройдется пешком, кхалиси, — поклонился рыцарь. И придержал коня брата, пока Дени поднималась на свою Серебрянку.

Визерис смотрел на них раскрыв рот, а потом опустился на землю. Он молчал, не шевелился, только полные яда глаза его провожали их. Скоро он затерялся в высокой траве. Не видя его больше, Дени встревожилась.

— А он найдет путь назад? — спросила она у

сира Джораха по дороге.

— Даже такой слепец, как ваш брат, способен отыскать дорогу по нашему следу, — отвечал он.

— Такому гордецу будет слишком стыдно возвращаться.

Джорах расхохотался:

— А что еще ему остается? Если он не сумеет найти кхаласар, то кхаласар, безусловно, найдет его. В дотракийском море, дитя, утонуть трудно.

Дени понимала правоту рыцаря. Кхаласар, целый кочующий город, передвигался по земле не вслепую. Перед главной колонной всегда ехали разведчики, высматривая дичь, добычу или врагов: оба фланга охраняли специальные отряды. Они ничего не пропускали, ни здесь, в этой земле, ни в том месте, откуда пришли. Эти равнины были неотъемлемой частью всего народа… а теперь и ее самой.

— Я ударила его, — сказала она, удивляясь себе. Теперь, когда все закончилось, случившееся казалось странным сном. — Сир Джорах, как по-вашему… Визерис будет сердиться, когда вернется?… — Она поежилась. — Наверное, я разбудила дракона, правда?

Сир Джорах фыркнул.

— Мертвых не поднять, девочка, ваш брат Рей-

егар был последним из драконов, и он погиб у Трезубца. Визерис… это даже не змея — тень ее.

Откровенные слова испугали ее. Дени показалось, будто все то, во что она всегда верила, вдруг сделалось сомнительным.

— И вы… и вы присягнули ему мечом?

— Так я и поступил, девочка, — ответил сир Джорах. — Раз ваш брат тень змеи, каковы тогда его слуги? — сказал он с горечью в голосе.

— Но он все еще истинный король. Он…

Джорах осадил коня и поглядел на нее.

— Будем откровенны. Ты хочешь, чтобы Визерис сидел на троне?

Дени уже думала об этом.

— Из него ведь не получится хорошего короля, правда?

— Бывали и хуже… но редко. — Рыцарь пятками ударил в бока и взял с места.

Дени ехала рядом с ним.

— И все же, — сказала она, — простой народ ждет его. Магистр Иллирио утверждает, что люди шьют знамена с драконом и молятся, чтобы Визерис возвратился к ним из-за Узкого моря и освободил их.

— Простой народ вымаливает дождя, здоровых детей и лета, которое никогда бы не кончалось,

— усмехнулся сир Джорах. — Игры высоких лордов возле престолов их не волнуют, лишь бы знать оставила народ в покое. — Джорах пожал плечами. — Так было всегда.

Дени какое-то время ехала тихо, обдумывая его слова, словно головоломку. Они противоречили всему, что твердил ей Визерис… Оказывается, простому народу все равно — истинный ты король или узурпатор. Но чем больше она обдумывала слова Джораха, тем больше правды чувствовала в них.

— А о чем молитесь вы, сир Джорах? — спросила она.

— О доме, — ответил он скорбным голосом.

— И я молюсь о доме, — сказала она, поверив себе.

Сир Джорах усмехнулся.

— Тогда оглянись вокруг себя, кхалиси. — Но Дени видела вокруг себя не равнину. Ей представлялась Королевская Гавань, огромный Красный замок, построенный Эйегоном-завоевателем. И твердыня на Драконьем Камне. В памяти ее крепость горела тысячью огней, светилось каждое окно. В памяти ее все двери были красными.

— Нет, мой брат никогда не вернет Семь Королевств, — сказала Дени. И вдруг поняла, что

знала это давным-давно. А точнее — всю свою жизнь. Просто она никогда не позволяла себе произносить эти слова даже шепотом, а теперь сказала их вслух — перед Джорахом Мормонтом и всем миром.

Сир Джорах смерил ее взглядом:

— И вы сомневаетесь в этом?

— Визерис не способен возглавить войско, даже если мой благородный муж предоставит ему воинов, — сказала Дени. — У него нет ни гроша, а единственный рыцарь, который следует за ним, ценит его не дороже змеи. Дотракийцы смеются над его слабостью. Он никогда не приведет нас домой.

— Мудрая девочка. — Рыцарь улыбнулся.

— Я не девочка, — бросила она с яростью в голосе. Пятки Дени ударили в бока лошади, и Серебрянка понеслась галопом. Она мчалась быстрей и быстрей, оставляя позади Джораха, Ирри и всех остальных. Теплый ветер развевал волосы, а заходящее солнце слепило Дени глаза. Она достигла кхаласара, когда уже стемнело.

Рабы поставили ее палатку на берегу напоенного ручьем пруда. От сплетенного из травы дворца на холме доносились грубые голоса. Скоро начнется хохот, когда мужчины ее кхаса расска-

жут о том, что приключилось сегодня в траве. К тому времени Визерис уже прихромает обратно, и каждый мужчина, женщина и дитя в стане узнают, что он пешеход. В кхаласаре не может быть тайн.

Дени передала Серебрянку рабам, чтобы они приглядели за лошадью, и вошла в шатер. Под шелками было прохладно и сумрачно. Опуская за собой полог, Дени заметила, как далекий красный огонь ржавым пальцем прикоснулся к драконьим яйцам, лежащим в шатре. На мгновение алое пламя вспыхнуло перед ее глазами сотней языков. Дени заморгала, и они исчезли.

Это камень, сказала она себе. Это всего лишь камень. Даже Иллирис говорил так, ведь все драконы давно погибли. Она положила ладонь на черное яйцо, пальцы ласково обняли скорлупу. Камень был теплым. Почти горячим. «Солнце», — прошептала Дени. Это солнце согрело яйца в пути…

Она приказала служанкам приготовить ванну. Дореа развела огонь возле шатра, а Ирри и Чхику принесли большую медную ванну, тоже подарок к свадьбе. Они сняли ее с вьючных лошадей, а потом натаскали воды из пруда. Когда вода согрелась, Ирри помогла ей опуститься и присела

рядом.

— А вы видели когда-нибудь дракона? — начала расспрашивать Дени, пока Ирри терла ей спину, а Чхику вычесывала песок из волос. Она слышала, что первые драконы пришли с востока, из Края Теней за пределами Асшая и с островов Яшмового моря. Быть может, в этих странных и диких краях еще обитала их родня.

— Драконы исчезли, кхалиси, — сказала Ирри.

— Они мертвы, — согласилась Чхику. — Давным-давно.

Визерис рассказывал ей, что последний дракон Таргариенов умер не более полутора веков назад — во время правления Эйегона III, прозванного Погубителем Драконов. На взгляд Дени, это случилось не слишком давно.

— Неужели они исчезли повсюду? — спросила она разочарованным голосом. — Даже на востоке?

Магия умерла на западе, когда Рок поразил Валирию и земли Длинного лета. И укрепленная чарами сталь, и заклинатели бурь, и драконы не смогли вернуть ее, но Дени всегда слыхала, что на востоке дела обстоят иначе. Говорили, что мантикоры еще обитали на островах Яшмового моря, что джунгли Йи Ти кишели василисками, что

заклинатели бурь, колдуны и аэроманты открыто практиковали свое искусство в Асшае, ну а маги, обращавшиеся к мертвецам и крови, в черноте ночи творили свои жуткие чудеса. Неужели на всей земле не найдется места для драконов?

— Драконов нет, — заявила Ирри. — Отважные мужчины убивают их, потому что дракон ужасен и зол. Это известно.

— Известно, — согласилась Чхику.

— Торговец из Куарта говорил мне однажды, что драконы спустились с луны, — проговорила светловолосая Дореа, согревая полотенце у огня. Чхику и Ирри были почти ровесницами Дени, дотракийки эти попали в рабство, когда Дрого разбил кхаласар их отца. Дорса была старше, ей скоро должно было исполниться двадцать. Магистр Иллирио выискал ее в Лиссе, в одном из веселых домов. Мокрые серебристые волосы упали на глаза Дени, с любопытством повернувшей голову.

— С луны?

— Он сказал мне, что луна была яйцом, кхалиси, — проговорила лиссенийка.

— Некогда на небе было две луны, но одна подошла слишком близко к солнцу и лопнула от жары. Тысяча тысяч драконов вырвались из ее

недр наружу пить пламя солнца. Вот почему драконы выдыхают пламя. Однажды и вторая луна поцелуется с солнцем; она лопнет, и драконы вернутся.

Обе дотракийки засмеялись.

— Ты глупая светловолосая рабыня, — сказала Ирри, — Луна — это не яйцо. Она богиня и супруга солнца. Это известно.

— Известно, — согласилась Чхику.

Кожа Дени порозовела, когда она выбралась из ванны. Чхику уложила ее, чтобы размять и умастить тело. Потом Ирри побрызгала ее цветочными духами и киннамоном. Дореа расчесала волосы, и они заблестели, как витое серебро. А Дени все думала о луне, яйцах и драконах…

Ужин был прост и неприхотлив: фрукты, сыр, жареный хлеб и кувшинчик подслащенного медом вина, чтобы запить все это.

— Дореа, останься и поешь со мной, — проговорила Дени, отослав остальных служанок. Волосы лисенийки отливали медом, а глаза напоминали летнее небо.

Оказавшись с Дени вдвоем, Дореа потупила глаза.

— Ты милостива ко мне, кхалиси, — сказала она, хотя чести в этом не было — от нее требова-

лись только услуги…

Потом, когда поднялась луна, они сидели и разговаривали.

Той ночью, когда явился кхал Дрого, Дени уже ожидала его. Застыв в дверях шатра, Дрого поглядел на нее с удивлением. Неторопливо поднявшись, она распахнула свои ночные шелка и позволила им опуститься на землю.

— Сегодня ночью мы должны выйти наружу, господин. — сказала она, потому что дотракийцы полагают, что все самое важное в жизни человека должно совершаться под открытым небом.

Кхал Дрого вышел за ней под лунный свет, колокольчики в его волосах негромко позвякивали. В нескольких ярдах от шатра находилась мягкая трава, туда-то и повела его Дени. Он попытался перевернуть ее, но она остановила его.

— Нет, — сказала Дени. — Этой ночью я должна видеть твое лицо.

В сердце кхаласара нет уединения. Раздевая кхала, Дени чувствовала на себе чужие глаза, она слышала негромкие голоса, проделывая то, что посоветовала ей Дореа. Все это пустяк. Разве она не кхалиси? Важен лишь его взгляд, и, сев на него, она заметила в нем такое, чего не видела прежде. Дени скакала на кхале столь же яростно, как на

своей Серебрянке, и в миг высшего наслаждения кхал Дрого выкрикнул ее имя.

Когда они перебрались на противоположную сторону дотракийского моря, Чхику коснулась пальцами мягкого живота Дени и проговорила:

— Кхалиси, ты понесла ребенка.

— Я знаю, — ответила ей Дени.

Это были ее четырнадцатые именины.

Бран

Внизу во дворе Рикон бегал с волками.

Бран следил за ним от окна. Куда ни поворачивал младший брат, первым там оказывался Серый Ветер, забегавший вперед, преграждая ему дорогу. Тут Рикон замечал его, разражался восторженным визгом и несся в противоположную сторону. Лохматый Песик бегал за ним, кружился и огрызался, только когда другие волки подбегали слишком близко. Шерсть его потемнела, он сделался черным, а в глазах его загорелся зеленый огонь. Бранов Лето стал серебристо-дымчатым, и желто-золотые глаза его замечали все, что было нужно. Лето был ниже ростом, чем Серый Ветер, и вел себя осторожнее. Бран считал его самым смышленым среди всего помета. До него доносилось пыхтение и смех братца Рикона, носившегося по утоптанной земле на неокрепших еще детских ножках.

Глаза Брана защипало. Ему хотелось спуститься вниз, смеяться и бегать. Разгневавшись на себя, Бран стер слезы, прежде чем они успели пролиться. Пришел и ушел восьмой день его именин.

Теперь он стал большим, почти мужчиной, и плакать больше не собирался.

— Это была ложь, — через силу сказал он, вспоминая ворона из своего сна. — Я не могу летать. Я не смогу даже бегать.

— Вороны всегда лгут, — согласилась старая Нэн, сидевшая в кресле со своим вязаньем. — Я знаю сказку о вороне.

— Мне не нужны никакие сказки, — возмутился Бран. Прежде он любил старую Нэн и ее истории. Но не сейчас. Сейчас все стало иначе. Она сидела с ним целыми днями, приглядывала за ним и убирала, старалась, чтобы он не чувствовал одиночества, но так было только хуже.

— Я ненавижу твои глупые россказни!

Старуха улыбнулась ему беззубым ртом.

— Мои россказни? Нет, мой маленький лорд, они не мои. Сказки эти существовали до меня, останутся и после моей смерти…

Уродливая старуха, презрительно подумал Бран, высохшая, морщинистая, почти слепая, у нее едва хватает сил, чтобы подняться по лестнице. А что за вид: редкие пряди белых волос едва покрывают пятнистый розовый череп! Никто не знал, сколько ей на самом деле лет, но отец утверждал, что Нэн звали старой, когда еще он

был мальчишкой. Безусловно, в Винтерфелле не найти человека старше ее. А может быть, и во всех Семи Королевствах. Нэн взяли в замок к Брандону Старку в то время, когда его мать умерла при родах. Взяли к одному из малышей, скорее всего к дяде лорда Рикарда: старая Нэн по-разному рассказывала о себе. Но во всех вариантах ее истории маленький мальчик умер в три года от летней простуды, и старая Нэн осталась в Винтерфелле со своими собственными детьми. Оба ее сына погибли на войне, в которой король Роберт завоевал престол; внук был убит на стенах Пайка во время мятежа Беелона Грейджоя. Дочери давным-давно повыходили замуж, перебрались из замка и умерли от старости. Из потомков Нэн с ней оставался лишь Ходор, простодушный гигант, работавший в конюшне, а старая Нэн жила и жила, шила, вязала и рассказывала сказки.

— Мне безразлично, чьи это сказки, — ответил ей Бран. — Я ненавижу их. — Он не нуждался в сказках, как и в старухе Нэн. Он хотел, чтобы рядом с ним были мать и отец. Он хотел бегать вместе со всеми, и чтобы Лето скакал возле него. Ему хотелось залезть на разбитую башню и накормить зерном ворон. Он мечтал сесть на своего пони и проехаться рядом с братьями. Он хотел

снова стать таким, как прежде.

— Я знаю повесть о мальчике, который ненавидел сказки, — проговорила старуха Нэн с дурацкой улыбочкой. Спицы ее шевелились — цок и цок, цок и цок, — и Бран был готов уже закричать на нее.

Он знал, что прежнее не вернется. Ворон просто обманул его, он заманил его летать, но проснулся Бран искалеченным, и мир изменился. Все его бросили, мать и отец, сестры и даже незаконнорожденный брат Джон. Отец обещал, что он поедет на настоящем коне в Королевскую Гавань, но они уехали без него, Мейстер Лювин послал одну птицу с посланием к лорду Эддарду, другую к матери, третью к Джону, но ответов не было.

От Винтерфелла до Королевской Гавани много миль, много и ястребов, так что весть могла и не достичь их. И все же Брану казалось, что все они умерли, пока он спал… или же умер он сам, а они забыли его. Джори, сира Родрика и Вейона Пуля тоже не было в замке, как и Халлена, Харвина, Толстого Тома и с ними четверти гвардии.

Остались лишь Робб и малыш Рикон, но Робб стал другим.

Он превратился в лорда Робба или, во всяком случае, все время пытался сделать это. На боку

его висел настоящий меч; брат никогда более не улыбался. Дни его уходили на занятия с войском и тренировки во владении мечом; Робб звенел сталью во дворе, а Бран уныло следил за ним из окна. Вечерами Робб запирался с мейстером Лювином, разговаривал с ним или занимался книгами. Иногда он выезжал с Халлисом Молленом и отсутствовал целыми днями, находясь в поездке по далеким крепостям. Когда его не было больше дня, Рикон начинал плакать и спрашивать Брана, вернется ли наконец Робб. Но когда он возвращался домой в Винтерфелл, у лорда Робба находилось больше времени для Халлиса Молленa и Теона Грейджоя, чем для своих братьев.

— Я могу рассказать тебе о Брандоне-строителе, — сказала старая Нэн. — Ты всегда любил эту повесть.

Тысячи и тысячи лет назад Брандон-строитель соорудил Винтерфелл и — как говорили некоторые — Стену. Бран знал всю повесть, но она никогда не была его любимой. Наверное, ее любил кто-нибудь из других Брандонов. Иногда Нэн говорила с ним так, словно он был тем Брандоном, младенцем, которого она воспитывала столько дет назад, а иногда путала с дядей Брандоном, убитым Безумным королем еще до

рождения Брана. Нэн прожила столько лет, сказала ему однажды мать, что все Брандоны Старки смешались в ее голове в одно лицо.

— Я не люблю эту повесть, — сказал он. — Я люблю страшные. — Услыхав какое-то движение снаружи, Бран повернулся к окну. Рикон бежал по двору к сторожевой башне, волки следовали за ним. Но окно его смотрело не в ту сторону, и Бран не видел, что происходит внизу. С разочарованием он ударил кулаком по ноге и не ощутил ничего.

— О мое сладкое летнее дитя, — негромко проговорила старая Нэн. — Что ты знаешь о страхе? Страх бывает зимой, мой маленький лорд, когда снег заносит стены на сотню футов, а ледяной ветер с воем вырывается с севера. Страшно бывает долгими ночами, когда солнце прячет свой лик на годы и годы, и маленькие дети рождаются, живут и умирают во тьме, а лютоволки тощают и голодают, и Белые Ходоки расхаживают по лесам.

— Ты хочешь сказать, Иные? — спросил Бран.

— Иные, — согласилась старая Нэн. — Тысячи и тысячи лет назад пришла зима, холодная, жестокая, бесконечная, какой не помнили люди. А потом пришла ночь, затянувшаяся на целое поколение; короли тряслись от холода и умирали в

своих замках, как простые свинопасы в хижинах. Женщины душили детей, чтобы не видеть, как они умирают, плакали и ощущали, как слезы замерзают на их щеках. — Голос ее умолк, спицы тоже. Нэн поглядела на Брана выцветшими мутными глазами и спросила: — Итак, дитя, ты хочешь услышать именно такую повесть?

— Ну, — нерешительно отвечал Бран. — Да, только…

Старая Нэн кивнула, и спицы зацокали.

— В этой тьме впервые появились Иные. Холодные мертвые твари, они ненавидели железо, огонь и солнечные лучи… любое создание, в жилах которого течет живая кровь. Они опустошали крепости, города и королевства, убивали героев, за их бледными конями оставались разбитые армии. Мечи мужчин не могли остановить их, даже девы и младенцы не вызывали у них жалости.

Они гнали дев по замерзшим лесам и кормили своих мертвых слуг плотью детей человека.

Голос Нэн сделался очень тихим, она уже почти шептала, и Бран невольно пригнулся вперед, чтобы слышать.

— Это было во дни перед приходом андалов, задолго до бегства женщин через Узкое море из городов Рейна; сотней королевств тех времен

правили Первые Люди, отобравшие эти земли у Детей Леса. Но там и здесь в обширных лесах, в деревянных городах и полых холмах жили последние Дети Леса, и лики на деревьях несли стражу. Холод и смерть полнили землю, и последний герой решил отыскать Детей, в надежде на то, что их древняя магия поможет отвоевать то, что потеряли армии мужей. Он отправился в мертвую землю с мечом в руке, взяв с собой пса и дюжину спутников. Он искал много лет и уже начал терять надежду, не умея отыскать Детей в их тайных городах посреди леса. Один за другим умирали его друзья, пал его конь, наконец сдохла даже собака, а меч промерз настолько, что клинок его переломился, когда он попытался воспользоваться им. Тогда Иные почуяли запах его горячей крови и безмолвно отправились в погоню, выслав по его следу стаи бледных пауков ростом с пса.

Дверь отворилась, сердце Брана подпрыгнуло в груди от неожиданного испуга, но это был лишь мейстер Лювин, позади него на лестнице маячил Ходор.

— Ходор! — пробурчал конюх, как было в его обычае, и широко улыбнулся. Мейстер Лювин не улыбался.

— У нас гости, — объявил он. — Бран, твое присутствие необходимо.

— А я как раз слушаю повесть, — пожаловался Бран.

— Сказки подождут, мой маленький лорд; как только ты вернешься сюда, я продолжу, — сказала старая Нэн, — Гости не столь терпеливы, иногда они прибывают с собственными рассказами.

— А кто приехал? — спросил Бран у мейстера Лювииа.

— Тирион Ланнистер, с ним люди Ночного Дозора со словом от твоего брата Джона. Сейчас с ними Робб. Ходор, поможешь ли ты Брану спуститься в зал?

— Ходор! — с радостью согласился конюх. Он пригнул огромную лохматую голову, чтобы пройти в дверь. В Ходоре было почти семь футов роста; трудно было поверить, что в жилах его течет та же самая кровь, что у старухи Нэн. Бран подумал: неужели и этот человек съежится, как и его прапрабабушка, когда станет старым? Впрочем, едва ли… проживи этот великан хоть тысячу лет.

Ходор поднял Брана буквально как перышко и прижал мальчика к могучей груди. От него сладко пахло конем, и запах этот казался приятным Брану. Могучие, заросшие коричневым волосом

руки бугрились мышцами.

— Ходор, — проговорил он снова. Теон Грейджой когда-то сказал, что многого, конечно, Ходор не знает, но в том, что ему известно собственное имя, сомневаться не приходится. Когда Бран рассказал это старой Нэн, она раскудахталась, словно курица, и объяснила, что по-настоящему Ходора зовут Уолдер. Никто не знает, откуда взялся этот самый Ходор, сказала она, но когда Уолдер стал так говорить, все начали звать его этим именем.

Они оставили старую Нэн в башне вместе с ее спицами и воспоминаниями. Спускаясь с Браном вниз по ступеням, Ходор фальшиво напевал; мейстер Лювин следовал за ними торопливой походкой, стараясь приноровиться к длинным шагам конюха.

Робб сидел на высоком престоле отца в броне, кольчуге и вареной коже, с суровым выражением лица, подобающим Роббу-лорду. Теон Грейджой и Халлес Моллен стояли за ним. Дюжина стражников выстроилась вдоль серых каменных стен под узкими высокими окнами. В центре зала ожидал карлик со своими слугами и четырьмя одетыми в черное незнакомцами из Ночного Дозора. Бран ощутил напряженность, едва Ходор внес его в зал.

— Любой, кто служит в Ночном Дозоре, вправе рассчитывать на привет и долгое пребывание в Винтерфелле, — говорил Робб голосом Робба-лорда. Меч его лежал на коленях, нагую сталь мог видеть весь мир. Даже Бран понимал, что значит, когда гостя приветствуют нагой сталью.

— Любой, кто служит в Ночном Дозоре, — отвечал карлик, — но только не я, я правильно понял тебя, парень?

Робб встал и указал на карлика мечом.

— Пока здесь нет отца и матери, правлю я, ты понял, Ланнистер? Я тебе не мальчишка.

— Раз ты лорд, научись говорить вежливо, как подобает владыке, — отвечал коротышка, не обращая внимания на оказавшееся перед лицом острие. — Похоже, все манеры твоего отца достались твоему незаконнорожденному брату.

— Джон, — выдохнул Бран на руках Ходора.

Карлик обернулся к нему:

— Значит, мальчик действительно остался в живых, а я не мог в это поверить. Вас, Старков, трудно убить.

— Вам, Ланнистерам, следовало бы это запомнить, — проговорил Робб, опуская меч. — Ходор, принеси сюда моего брата.

— Ходор, — проговорил Ходор, с улыбкой на-

правляясь вперед. Он опустил Брана на высокий престол Старков, на котором владыки Винтерфелла восседали с тех дней, когда они еще звали себя королями Севера. Холодный камень сиденья был отполирован несчетными прикосновениями, резные головы лютоволков скалились с концов массивных подлокотников: Бран ухватился за них, беспомощные ноги болтались внизу. В огромном сиденье он казался себе ребенком.

Робб опустил руку на его плечо.

— Ты сказал, что у тебя есть дело к Брану. Вот он перед тобой, Ланнистер.

Бран ощутил на себе взгляд Тириона. Черный глаз и зеленый глядели на него, изучая и взвешивая.

— Мне сказали, что ты прекрасно лазал, Бран, — произнес наконец человечек. — Скажи, как вышло, что в тот день ты упал?

— Я не падал… никогда! — настаивал Бран. Он ведь никогда не падал, никогда, никогда, никогда.

— Дитя не помнит ничего, что случилось в день падения; ни как он падал, ни как лез по стене, — мягко проговорил мейстер Лювин.

— Интересно, — сказал Тирион Ланнистер.

— Мой брат здесь не для того, чтобы отвечать

на твои вопросы, Ланнистер, — резко возразил Робб. — Делай свое дело и отправляйся в путь.

— У меня для тебя подарок, — улыбнулся карлик Брану. — Хотелось бы тебе ездить на коне, мальчик?

Мейстер Лювин шагнул вперед.

— Милорд, ребенок не способен пользоваться ногами, он не сможет усидеть на лошади.

— Ерунда, — возразил Ланнистер. — На хорошем коне и в хорошем седле усидит даже калека.

Слово это ножом пронзило сердце Брана. Он ощутил, как прихлынули к глазам непрошеные слезы.

— Я не калека!

— Тогда я не карлик, — ответил Тирион, скривив рот. — Мой отец с радостью услышит это. — Грейджой расхохотался.

— Какую лошадь и седло ты предлагаешь? — спросил мейстер Лювин.

— Просто нужно подыскать умного конька, — отвечал Ланнистер. — Мальчик не может пользоваться ногами, чтобы управлять животным, поэтому следует приспособить лошадь к всаднику, приучить ее повиноваться поводьям и голосу. Я бы начал с необъезженной годовалой лошади, чтобы ее не переучивать. — Тирион достал из-за

пояса свиток. — Передайте это вашему седельнику. Он сделает все нужное.

Любопытный, как крохотная серая белка, мейстер Лювин взял бумагу из рук карлика. Развернув листок, он пригляделся.

— Понимаю. Великолепный рисунок, милорд. Да, это получится. Мне следовало бы самому придумать такое седло.

— Мне это было проще сделать, мейстер. Это седло не столь уж отличается от моего собственного.

— Значит, я действительно сумею ездить верхом? — спросил Бран. Он хотел поверить, но боялся. Быть может, это еще одна ложь. И ворон обещал, что он сумеет летать.

— Сумеешь, — сказал ему карлик. — Клянусь тебе, мальчик, на конской спине ты будешь таким же высоким, как и все они.

Робб Старк казался озадаченным.

— Это какая-то ловушка, Ланнистер? Зачем тебе Бран? С чего ты вдруг решил помочь ему?

— Об этом попросил твой брат, а сердце мое полно нежности к калекам, бастардам и сломанным вещам. — Тирион Ланнистер приложил руку к сердцу и ухмыльнулся.

Дверь во двор распахнулась, и солнце ударило

в зал. Следуя за запыхавшимся Риконом, вошли лютоволки. Широко раскрыв глаза, мальчик остановился у двери, но волки направились дальше. Они сразу увидели Ланнистера или, быть может, уловили его запах.

Первым заворчал Лето, Серый Ветер последовал его примеру и они подошли к человечку, остановившись по обе стороны от него.

— Волкам не нравится твой запах, Ланнистер, — прокомментировал Теон Грейджой.

— Значит, пора и откланяться, — сказал Тирион. Он отступил на шаг назад… и сзади объявился ощерившийся Лохматый Песик. Ланнистер отступил, и Лето бросился на него с другой стороны. Тот пошатнулся на кривых ногах, но Серый Ветер вцепился в рукав, оторвав от него полоску ткани.

— Нельзя! — выкрикнул Бран с высокого престола, когда люди Ланнистера потянулись к стали. — Лето, сюда. Лето, ко мне!

Услышав голос, лютоволк посмотрел сначала на Брана, потом на Ланнистера. Зверь отступил от человечка и опустился возле болтающихся ног Брана.

Роб затаил дыхание. А потом вздохнул и позвал:

— Серый Ветер! — и лютоволк без звука метнулся к хозяину. Теперь лишь Лохматый Песик ворчал на карлика, глаза его светились зеленым огнем.

— Рикон, отзови его! — крикнул Бран своему маленькому брату. Опомнившись, тот закричал:

— Домой, Лохматик, домой. — Волк последний раз рыкнул на Ланнистера и направился к Рикону, сразу обнявшему его за шею. Тирион Ланнистер развязал шарф, прикоснулся ко лбу и проговорил ровным голосом:

— Как интересно…

— Все ли в порядке с вами, милорд? — спросил один из его людей с мечом в руке, с опаской поглядев в сторону лютоволков.

— Рукав мой порван, и штаны вдруг подмокли, но, если не считать ущерба моему достоинству, все в порядке.

Даже Робб казался потрясенным.

— Волки… не знаю, почему они так поступили…

— Должно быть, приняли меня за обед. — Ланнистер скованно поклонился Брану. — Благодарю вас за то, что вы их отозвали, молодой сир. Уверяю вас, звери, безусловно, сочли бы меня непригодным для еды. Ну а теперь я действительно

отправляюсь.

— Одно только мгновение, милорд, — проговорил мейстер Лювин. Он подошел к Роббу, и они пригнули головы шепчась. Бран попытался услышать, что они говорят, но голоса были слишком тихи.

Робб Старк наконец опустил меч в ножны.

— Я… похоже, я… поторопился, — сказал он. — Вы были добры к Брану, и… — Робб с усилием овладел собой. — Словом, Винтерфелл гостеприимно примет вас, если вы хотите этого, Ланнистер.

— Избавь меня от этой лживой любезности, мальчик. Ты не любишь меня и не хочешь, чтобы я находился здесь. Я видел гостиницу за вашими стенами, в Зимнем городе. Я найду там постель, и каждый из нас будет спокойнее спать. За несколько медяков я даже сумею отыскать пригожую девку, которая согреет мне простыни. — Он обратился к одному из Черных Братьев, к старику с перепутанной бородой: — Йорен, с рассветом мы едем на юг. Ты найдешь меня на дороге.

И Тирион направился к выходу, переваливаясь по залу на коротких ногах, мимо Рикона и всех остальных. За ним последовали его люди.

Четверо из Ночного Дозора остались. Робб с

неуверенностью повернулся к ним.

— Я приготовил вам комнаты, и вы найдете достаточно горячей воды, чтобы смыть дорожную пыль. Надеюсь, вы почтите нас своим присутствием за столом. — Слова звучали неловко, даже Бран это заметил; речь свою брат заучил и говорил не от сердца, но тем не менее Черные Братья поблагодарили его.

Лето проводил по ступеням башни Ходора, отнесшего Брана в постель. Старая Нэн спала в своем кресле. Ходор, сказав «Ходор», подхватил свою прапрабабушку и унес ее, негромко похрапывающую, в соседнюю комнату, а Бран остался лежать размышляя. Робб обещал устроить пир вместе с гостями Ночного Дозора в Великом зале.

— Лето, — позвал он. Волк прыгнул в постель. Бран крепко обнял его и ощутил горячее дыхание на своей щеке. — Теперь я смогу ездить верхом, — шепнул он своему другу. — И мы с тобой снова поедем в лес на охоту, как раньше. — А потом Бран уснул.

Во сне своем он лез, карабкался к вершине древней, лишенной окон башни, пальцы его с трудом находили зацепку между почерневшими кирпичами, ноги пытались найти опору. Все выше и выше он забирался, уходя сквозь облака

в ночное небо, но башня все еще поднималась над ним. Он остановился, чтобы поглядеть вниз, но голова его закружилась, и Бран ощутил, как скользят пальцы. Бран закричал и всеми силами попытался уцепиться за камень. Земля была в тысяче миль внизу, а он не мог лететь. Не мог! Бран дождался, пока сердце перестало колотиться, и, отдышавшись, вновь полез вверх. Только назад пути не было. Высоко над ним на фоне огромной бледной луны уже вырисовывались очертания горгулий. Руки его болели и ныли, но Бран не смел передохнуть. Он заставил себя лезть быстрее. Горгульи следили за его подъемом. Глаза их горели красным жарким огнем, словно уголья в жаровне. Возможно, когда-то они были львами, но теперь лики их исказились. Бран слышал, как они перешептываются между собой негромкими, жуткими каменными голосами. Не слушай, сказал он себе. Слушать нельзя, и пока ты не слышишь их, можно не беспокоиться. Но тут горгульи отделились от камня, поползли вниз по стене башни к месту, где повис Бран, и он понял, что о безопасности нечего и думать.

— Я не слышал, — плакал он, а они все приближались. — Я не слышал, не слышал.

Он проснулся в слезах, затерявшись во тьме, и

сразу увидел над собой огромную тень.

— Я не слышал, — прошептал Бран, сотрясаясь от страха, но тень произнесла «Ходор» и зажгла свечу возле его постели. Бран вздохнул с облегчением. Ходор отер пот с его лица влажной теплой тканью, переодел ловкими мягкими руками. Потом, когда настало время, он отнес мальчика в Великий зал, где длинный стол был разложен на козлах возле очага. Место лорда во главе стола пустовало, по правую руку сидел Робб, а Бран напротив него. В тот вечер они ели молочного поросенка, пирог с голубями и репу, прожаренную в масле, на сладкое повар обещал соты с медом. Лето хватал объедки из руки, а Серый Ветер и Лохматый Песик ссорились из-за кости в углу. Псы Винтерфелла теперь не смели приближаться к дворцовому залу. Сперва Бран находил подобную застенчивость странной, но теперь уже начал привыкать к ней.

Йорен был старшим среди черной братии, поэтому управляющий посадил его между Роббом и мейстером Лювином. От старика пахло кислятиной, похоже, он давно не мылся. Он рвал мясо зубами, разгрызал кости, чтобы высосать мозг. Услыхав имя Джона Сноу, он пожал плечами и буркнул:

— Погибель сира Аллисера, — и двое из его спутников зашлись смехом, причин которого Бран не понимал, но когда Робб спросил о дяде Бенджене, черная братия зловеще примолкла.

— Что такое? — спросил Бран.

Йорен вытер свои пальцы о жилет.

— Новости скверные, милорды, и жестоко платить ими за вашу трапезу и кров, но если человек задает вопрос, он должен получить ответ. Старк исчез.

Другой из Черных сказал:

— Старый Медведь отправил его разыскивать Уэймара Ройса, но он так и не вернулся, милорд.

— Старк слишком долго отсутствует, — сказал Йорен. — Он наверняка погиб.

— Мой дядя жив, — громко сказал Робб Старк, в его голосе послышался гнев. Он поднялся со скамьи и положил руку на рукоять меча. — Вы слышите меня? Мой дядя жив! — Голос его прозвенел между каменных стен, и Бран неожиданно испугался.

Старый, пропахший кислятиной Йорен, не смущаясь, поглядел на Робба.

— Как вам угодно, милорд. — проговорил он, обсасывая кусок мяса.

Самый молодой из черной братии неуютно

поежился на своем месте.

— На Стене нет человека, который знал бы Зачарованный лес лучше Бенджена Старка. Он отыщет дорогу назад.

— Возможно, — отвечал Йорен. — Возможно, отыщет, а может быть, и нет. В этот лес, случалось, уходили весьма сведущие люди, но не возвращались обратно.

Бран вспомнил повесть старой Нэн об Иных и последнем герое, которого гнали сквозь ледяные леса мертвяки и пауки ростом с собаку. На миг он испугался, но наконец вспомнил, чем закончилась история.

— Дети помогут ему, — выпалил он. — Дети Леса!

Теон Грейджой расхохотался, а мейстер Лювин ответил:

— Бран, Дети Леса мертвы, они исчезли тысячелетие назад. От них остались только лики на деревьях.

— Здесь внизу[1] ваши слова, может, и верны, мейстер, — сказал Йорен. — Но наверху, за Стеной, кто может быть в чем-либо уверен? Наверху человек не всегда может сказать, что живет, а что

---

[1] notes: 1

В средневековье север нередко ассоциировался с верхом, вершиной мира.

уже умерло…

Той ночью, после того как тарелки были очищены, Робб сам унес Брана в постель. Серый Ветер шел первым, Лето последним. Робб был силен для своих лет, и хотя Бран весил не более чем узел с бельем, но на крутой и темной лестнице Робб успел запыхаться.

Он опустил Брана в постель, укрыл его одеялом и погасил свечу. Какое-то время Робб посидел возле него во тьме. Бран хотел заговорить с ним, но не знал, что сказать.

— Обещаю, мы подыщем для тебя лошадь, — шепнул наконец Робб.

— А они когда-нибудь вернутся? — спросил Бран.

— Да, — ответил Робб; с такой надеждой в голосе, что Бран понял: это голос его брата, а не лорда Робба. — Мать скоро вернется домой. Быть может, мы сумеем верхом встретить ее. Правда, она удивится, увидев тебя на лошади. — Даже в темной комнате Бран ощущал улыбку брата. — Ну а потом мы сможем съездить на север, поглядеть на Стену. Мы даже не предупредим Джона о нашем приезде, просто нагрянем к нему однажды вдвоем. Вот будет приключение!

— Приключение, — повторил Бран с завистью.

Он услышал короткое рыдание брата. В комнате было так темно, что он не мог видеть слез на лице Робба, и потому просто протянул руку. Пальцы их соединились.

Эддард

— Смерть лорда Аррена глубоко опечалила всех нас, милорд, — проговорил великий мейстер. — И я буду рад поведать всем то, что знаю об этом. Садитесь же. Хотите подкрепиться? Быть может, вам угодно фиников? У меня есть великолепная хурма. Увы, вино теперь возмущает мое пищеварение, но я могу предложить вам чашу подслащенного медом мороженого молока. На такой жаре оно освежает.

Жара действительно угнетала. Нед ощущал, что шелковая рубашка липнет к его груди. Густой влажный воздух покрывал город, словно мокрое шерстяное одеяло. Возле реки царил беспорядок: беднота оставила свои жаркие, лишенные воздуха обиталища и устроилась спать у воды, где только и можно было вздохнуть.

— Это будет весьма любезно с вашей стороны, — отвечал Нед усаживаясь. Большим и указательным пальцами Пицель приподнял крохотный серебряный колокольчик и негромко позвонил. Стройная молодая служанка торопливо вошла в солярий.

— Мороженого молока для королевской десницы и для меня самого; будь добра, деточка, сделай послаще.

Девушка отправилась за питьем, а великий мейстер сплел пальцы вместе и опустил ладони на чрево.

— Простонародье утверждает, что последний год лета всегда бывает самым жарким. Это далеко не так, однако порой народные поверья оказываются справедливыми. В подобные дни я завидую вам, северянам, привыкшим к летнему снегу. — Тяжелая, усыпанная драгоценными камнями цепь на шее старика мягко звякнула, когда он переменил позу. — Конечно, лето Мейекара было жарче этого и лишь немного короче. Даже в Цитадели находились дураки, предполагавшие, что пришло наконец великое лето, которое никогда не закончится, но на седьмой год вышел срок и ему, и после короткой осени на нас обрушилась жуткая долгая зима. Летняя жара была кошмарной. Старый город днями исходил потом и варился в тени; он оживал только ночью, мы гуляли в садах возле реки и спорили о бегах. Я помню запах этих ночей, милорд, — духи и пот; помню дыни, лопавшиеся от спелости, персики и гранаты, ночные тени и лунный свет. Тогда я был

молодым человеком, и цепь моя еще ковалась. Жара не утомляла меня так, как сейчас. — Тяжелые веки прикрывали глаза Пицеля, он казался почти уснувшим. — Извините меня, лорд Эддард. Вы явились сюда не для того, чтобы слушать дурацкие воспоминания о лете, закончившемся еще до рождения вашего отца. Простите старческую болтливость, если сумеете. Ум — словно меч; старый клинок рассыпается ржавчиной. А вот и молоко. — Служанка поставила между ними блюдо, и Пицель улыбнулся ей: — Милая девочка! — Он приподнял чашу, попробовал и кивнул. — Благодарю, можешь идти.

Когда девица ушла, Пицель обратил к Неду свои бледные, выцветшие, в прожилках глаза.

— Итак, о чем мы говорили? Ах да! Вы спрашивали о лорде Аррене…

— Да, — Нед вежливо пригубил ледяное молоко, оно приятно холодило горло, но на его вкус казалось чересчур сладким.

— Откровенно говоря, десница некоторое время казался непохожим на самого себя, — проговорил Пицель. — Мы много лет заседали вместе в совете, и знаки были вполне очевидны, но я относил их на счет великой тяжести, которую лорд Аррен так долго и верно нес. На его широкие плечи

легли все тяготы королевства. Более того, сын его вечно болел, а леди-жена так волновалась за мальчика, что не отпускала его от себя. Уже этого достаточно, чтобы утомить даже крепкого человека, а лорд Джон был не слишком молод. Поэтому я не удивлялся его усталости и грусти. Так мне казалось в то время, но сейчас я менее уверен в прошлом. — Он затряс головой.

— А что вы сможете сказать мне о его последней болезни?

Великий мейстер развел руки жестом беспомощной печали.

— Однажды он явился ко мне и попросил некую книгу, крепкий и здоровый как всегда, хотя мне и показалось, что какая-то мысль глубоко тревожит его. А на следующее утро он уже корчился от боли и не мог подняться с постели.

Мейстер Колемон решил, что он застудил желудок. Погода была жаркой, и десница часто употреблял вино со льдом, что могло расстроить пищеварение. Лорд Джон продолжал слабеть, и я отправился к нему сам, но боги не даровали мне сил, чтобы спасти его.

— Я слыхал, что вы отослали мейстера Колемона?

Утвердительный кивок великого мейстера

совершился медленно и непреклонно — как движение ледника.

— Да, так я поступил тогда и боюсь, что леди Лиза никогда не простит мне этого. Возможно, я ошибался, но в то время я не видел лучшего выхода. Мейстер Колемон для меня словно сын, и я никогда не позволил бы себе усомниться в его способностях, но он был еще так молод! А молодые нередко не понимают всей хрупкости старого тела. Он очищал организм лорда Аррена слабительными настоями и перечным соком, и я побоялся, что такое лечение может убить больного.

— Может быть, лорд Аррен что-нибудь говорил в последние часы своей жизни?

Пицель нахмурил чело.

— На последней стадии лихорадки десница несколько раз произнес имя «Роберт», но кого он звал — короля или сына, я сказать не могу. Леди Лиза не позволяла мальчику входить к больному, чтобы он не заразился. Король пришел и несколько часов просидел возле постели, занимая лорда Джона разговором и надеясь шутками подбодрить его. Король просто был полон сострадания!

— И это все? Какими были последние слова лорда Аррена?

— Увидев, что надежд больше нет, я дал десснице маковое молоко, чтобы избавить его от мук. Но перед тем, как закрыть глаза в последний раз, лорд Джон что-то шепнул королю и своей жене и благословил своего сына. «Крепкое семя», — проговорил он. А потом его речь сделалась слишком неразборчивой, чтобы ее можно было понять. Смерть пришла лишь следующим утром, но лорд Джон находился в глубоком забытьи. Он более не открыл уст.

Нед еще раз глотнул молока, пытаясь подавить отвращение к приторному питью.

— А вы не находили в смерти лорда Аррена чего-нибудь неестественного?

— Неестественного? — переспросил древний мейстер едва ли не шепотом. — Нет, я бы так не сказал. Смерть всегда приносит с собою скорбь, но на свой собственный лад она — самое естественное событие из всех, приключающихся с человеком, лорд Эддард. Джон Аррен теперь упокоился с миром, избавившись от своих тягот.

— А как насчет болезни, которая унесла его? — проговорил Нед. — Приключалось ли нечто подобное с другими людьми?

— Почти сорок лет я был великим мейстером Семи Королевств, — проговорил Пицель. — Под

нашим добрым королем Робертом, и под предшественником его Эйерисом Таргариеном, и отцом его Джейехерисом Вторым, помню даже несколько коротких месяцев правления отца Джейехериса — Эйегона Удачливого, милорд. Но скажу вам одно: каждый случай не похож на другие, и все они как один. Смерть лорда Джона была не страннее любой другой.

— Его жена полагает иначе.

Великий мейстер кивнул:

— Теперь я вспомнил, вдова Джона Аррена является сестрой вашей благородной жены, но простите старику прямолинейность; горе может повергнуть в смятение даже могучий и дисциплинированный ум, каковым леди Лиза, увы, не обладает. После последних неудачных родов она видела врагов в каждой тени, а смерть лорда-мужа вывела ее из равновесия.

— Итак, вы вполне уверены в том, что Джон Аррен умер от внезапной хвори?

— Да, — ответил Пицель серьезным голосом. — Что же еще могло явиться причиной этой смерти, как не болезнь, мой добрый лорд?

— Яд, — негромко предположил Нед.

Сонные глаза Пицеля разом открылись. Древний мейстер неуютно поежился на своем месте.

— Возмутительная мысль. У нас не Вольные Города, где подобные преступления нередки. Великий мейстер Эйтельмур писал, что все люди лелеют убийство в своем сердце, но и тогда отравитель не достоин даже пренебрежения. — Он помолчал мгновение, погрузившись в думу. — Ваше предположение вполне допустимо, милорд, однако я сомневаюсь. Распознать яды может каждый деревенский мейстер, а лорд Аррен не обнаруживал признаков отравления. Кроме того, десницу любили все. Только чудовище, воплотившееся в человеческую плоть, осмелилось бы отравить столь благородного лорда.

— Говорят, что яд — это оружие женщины.

Пицель задумчиво погладил бороду.

— Так говорят. Женщины, труса… и евнуха. — Он прокашлялся и сплюнул на тростник густой ком мокроты. Вверху громко каркнул ворон. — Лорд Варис был рожден рабом в Лисе, вы знаете это? Не доверяйте паукам, милорд.

Подобных слов можно было и не говорить. От присутствия Вариса по плоти всегда бежали мурашки.

— Я запомню ваши слова, мейстер. Благодарю вас за помощь. Похоже, я отнял у вас достаточно много времени. — Лорд Эддард встал.

Великий мейстер Пицель с трудом, медленно поднялся из кресла и проводил Неда до двери.

— Надеюсь, я некоторым образом помог вашему уму избавиться от тяжести. Если я смогу помочь вам чем-нибудь еще, стоит лишь попросить.

— Еще одна вещь, — проговорил Нед. — Мне хотелось бы посмотреть книгу, которую вы одолжили Джону перед его внезапной болезнью.

— Боюсь, что вы найдете ее неинтересной, — проговорил Пицель. — Этот увесистый том великий мейстер Маллеон посвятил родословиям великих домов.

— И все же мне хотелось бы посмотреть его.

Старик открыл дверь.

— Ну, как угодно. Книга у меня где-то здесь. Когда я найду ее, то прикажу немедленно доставить прямо в ваши палаты.

— Вы в высшей степени любезны, — ответил Нед и, словно бы вдруг припомнив, проговорил: — Кстати, не позволите ли вы мне задать самый последний вопрос? Вы упомянули, что король находился возле смертного одра лорда Аррена. Интересно, а сопутствовала ли ему королева?

— Вовсе нет, — покачал головой Пицель. — Она вместе с детьми как раз отъехала на Бобровый утес в обществе своего отца. Лорд Тайвин при-

был в город вместе со свитой на турнир в честь именин принца Джоффри и, вне сомнения, рассчитывал, что его сын Джейме завоюет венец чемпиона, но ему пришлось перенести жестокое разочарование. Мне выпало отослать королеве слово о внезапной кончине лорда Аррена. Никогда не отсылал я птицу с более тяжелым сердцем.

— Черные крылья, черные слова, — пробормотал Нед. Пословицу эту старая Нэн часто повторяла, когда он был мальчишкой.

— Так говорят рыбацкие женки, — согласился великий мейстер Пицель. — Но мы знаем, что так бывает отнюдь не всегда. Когда птица мейстера Лювина принесла весть о вашем Бране, каждое верное сердце в замке возрадовалось, разве не так?

— Благодарю вас, мейстер.

— Боги милостивы. — Пицель склонил голову, — Приходите ко мне почаще, лорд Эддард. Я здесь, чтобы служить.

— Да, — подумал Нед, закрывая за собой дверь, — но кому?

Возвращаясь в свои покои, он застал Арью на ступенях винтовой лестницы башни Десницы. Она крутила руками, как ветряная мельница,

пытаясь застыть на одной ноге. К грубому камню прикасались босые ноги. Нед остановился и поглядел на нее.

— Арья, что ты делаешь?

— Сирио говорит, что водяной плясун может стоять на одном пальце несколько часов. — Девочка замахала руками, потеряв равновесие.

Неду пришлось улыбнуться.

— На каком пальце? — поддразнил он.

— На любом, — отвечала взволнованная вопросом Арья. Она перепрыгнула с правой ноги на левую, опасно покачнувшись, прежде чем восстановить равновесие.

— Неужели это нужно делать именно здесь? — спросил он. — Падать по ступенькам далеко и больно.

— Сирио говорит, что водяной плясун никогда не падает. — Она опустила ногу и встала на обе. — Отец, а Бран приедет и будет жить вместе с нами?

— Не скоро, моя милая, — отвечал он. — Нужно, чтобы силы сперва вернулись к нему.

Арья прикусила губу.

— А что будет делать Бран, когда он вырастет?

Нед нагнулся к ней.

— Чтобы найти ответ на этот вопрос, у него

еще достаточно лет впереди. А нам пока достаточно знать, что он будет жить. — Той ночью из Винтерфелла прилетела птица, и Эддард Старк отвел девочек в здешнюю богорощу — выходящий на реку уголок, заросший вязом, ольхой и высоким тополем. Сердцем здесь был огромный дуб, древние его конечности оплела ползучая жимолость; все вместе они склонились перед ним; принося благодарность, как перед чардревом. Санса уснула, лишь взошла луна, Арья только через несколько часов свернулась на траве под плащом Неда. Все ночные часы он один стерег дочерей. Наконец над городом рассвело, и темно-красные цветки драконьего зева окружили лежащих девочек.

— Мне снился Бран, — шепнула Санса. — Он улыбался.

— Он собирался стать рыцарем, — сказала Арья. — Рыцарем Королевской гвардии. А Бран может стать рыцарем?

— Нет, — отвечал Нед, не считая необходимым обманывать дочь. — Со временем он, наверное, сделается владетелем большой крепости и будет заседать среди советников короля. А может быть, станет зодчим, будет возводить замки подобно Брандону-строителю, или уплывет на корабле

через Закатное море, или примет веру твоей матери и станет верховным септоном.

Но ему никогда не бежать возле своего волка, подумал он со скорбью слишком глубокой, чтобы ее можно было выразить словами. Не лечь рядом с женщиной и не обнять своего сына.

Арья наклонила голову набок.

— А я могу стать советником короля, возводить замки или стать верховным септоном?

— Ты, — отвечал Нед, поцеловав ее в лоб, — выйдешь замуж за короля и будешь править его замком, а твои сыновья станут рыцарями, принцами, лордами, может, среди них будет и верховный септон.

Арья скривилась.

— Нет, — сказала она. — Все это суждено Сансе. — Поджав правую ногу, она встала на левую. Нед вздохнул и оставил дочь.

Оказавшись в своей палате, Нед стянул взмокший от пота шелк и плеснул на голову холодной воды из чаши, стоявшей возле постели. Элин вошел, когда он вытирал лицо.

— Милорд, — проговорил он, — явился лорд Бейлиш и просит аудиенции.

— Проводи его в мой солярий, — кивнул Нед, протягивая руку за свежей рубахой, скроенной

из самого легчайшего полотна, которое он смог отыскать. — Я немедленно приму его.

Когда Нед вошел, Мизинец сидел у окна и следил за рыцарями Королевской гвардии, фехтовавшими внизу во дворе.

— Если бы ум старика Селми был столь же быстр, как его клинок, — заметил он задумчивым голосом, — заседания нашего совета проходили бы намного живее…

— Сир Барристан — человек доблестный и почтенный, как никто в Королевской Гавани. — Нед привык уважать состарившегося седоволосого лорда-командующего Королевской гвардией.

— И скучен как никто, — добавил Мизинец, — хотя, на мой взгляд, его ждет удача в турнире. В прошлом году он выбил из седла Пса, а победителем был всего лишь четыре года назад.

Вопрос о том, кто может победить в турнире, ни в какой мере не интересовал Эддарда Старка.

— Я полагаю, ваш визит имеет причину, лорд Петир, или же вы просто хотите насладиться видом из моего окна?

Мизинец улыбнулся:

— Я обещал Кет помочь вам в вашем расследовании и сделал это.

Нед растерялся. Обещал или не обещал, но он

не мог найти в себе сил довериться лорду Петиру Бейлишу, чересчур уж скорому мыслью.

— У вас есть для меня что-нибудь?

— Кто-нибудь, — поправил Мизинец. — Точнее говоря, четыре души. Вам не пришло в голову опросить слуг покойного десницы?

Нед нахмурился.

— Если бы я смог это сделать! Леди Аррен увезла всю свою челядь назад в Орлиное Гнездо. — Да, Лиза ничем не помогла ему. Все приближенные ее мужа бежали вместе с ней.

— Большая часть, — поправил Мизинец. — Но не все. Несколько человек осталось. Беременная кухарка спешно вышла замуж за одного из конюхов лорда Ренли, помощник конюшего перешел в городской дозор, горшечник был прогнан за кражу, остался и сквайр лорда Аррена.

— Его сквайр? — Нед был приятно удивлен, сквайры нередко бывали хорошо осведомлены о делах и обстоятельствах своих господ.

— Это сир Хью из Долины, — назвал имя Мизинец. — Король возвел мальчика в рыцари после смерти лорда Аррена.

— Надо послать за ним и всеми остальными, — сказал Нед.

Мизинец вздрогнул.

— Милорд, прошу вас, подойдите к окну.

— Зачем?

— Подойдите, я кое-что покажу вам, милорд.

Хмурясь, Нед подошел к окну. Петир Бейлиш сделал небрежный жест.

— Видите на той стороне двора в дверях арсенала мальчишку, сидящего на ступенях и полирующего меч оселком?

— Ну и что?

— Это доносчик Вариса. Паук весьма интересуется и вашей особой, и всеми вашими делами. — Мизинец шевельнулся. — А теперь поглядите на стену над конюшней. Видите гвардейца, спрятавшегося за зубец?

Нед заметил его.

— Еще один из шептунов евнуха?

— Нет. Этот служит королеве. Отметим, что он наслаждается прекрасным видом на дверь этой башни, чтобы лучше видеть, кто к вам приходит. Есть и другие, многих из которых не знаю даже я; Красный замок полон соглядатаев. Почему, по-вашему, мне пришлось прятать Кет в борделе?

Эддард Старк не имел склонности к подобным интригам.

— Седьмое пекло! — выругался он. Казалось, что человек на стене следит именно за ним. С

внезапной неуверенностью Нед отошел от окна. — Неужели в этом проклятом городе все кому-то доносят?

— Едва ли, — отвечал Мизинец. Он принялся откладывать пальцы на руке. — Молчим мы с вами… король… Хотя, если подумать, король слишком много рассказывает королеве, и я не столь уж уверен в вас. — Он поднялся. — Есть ли среди ваших людей человек, которому вы полностью доверяете?

— Да, — отвечал Нед.

— В таком случае у меня есть в Валирии великолепный дворец, который я готов уступить, вам недорого, — промолвил Мизинец с насмешливой улыбкой. — Лучше бы вы ответили отрицательно, милорд, но пусть будет так. Пошлите эту вашу доверенную персону к сиру Хью и ко всем остальным. За вами следят, но даже Варис-паук не сможет проследить за всеми, кто служит вам. — Он направился к двери.

— Лорд Петир, — окликнул его Нед. — Я… благодарен вам за помощь. Быть может, я ошибся в своей недоверчивости.

Мизинец провел пальцем по остроконечной бородке.

— Вы плохой ученик, лорд Эддард. Проявив ко

мне недоверие, вы сделали самый мудрый поступок из всех, совершенных вами в Королевской Гавани.

Джон

Когда новый рекрут вошел во двор для занятий, Джон как раз показывал Дариону боковой удар.

— Держи ноги порознь, — учил он, — если не хочешь поскользнуться. Хорошо. А теперь размахнись, как будто нанесешь удар, и вложи весь вес в клинок.

Дарион опустил меч и поднял забрало.

— Семеро богов, — пробормотал он. — Погляди на это создание, Джон.

Сноу повернулся и сквозь прорезь забрала увидел в дверях арсенала самого жирного мальчишку из всех, кого ему когда-либо приходилось встречать. Судя по всему, он должен был весить стоунов двадцать.[2] Меховой воротник вышитой куртки прятался под многочисленными подбородками. Бледные глаза нервно шевелились на округлом лице, пухлые потные пальцы мяли бархат дублета.

— Мне сказали, что я должен прийти сюда на… занятия, — сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь.

---

[2] notes: 2
Приблизительно 127 кг.

— Лорденыш, — заметил Пип, повернувшись к Джону. — Южанин, похоже, откуда-то из-под Вышесада.

Пип объездил Семь Королевств с труппой марионеток и хвастал, что может по говору определить, откуда кто родом. На груди отороченного мехом кафтана мальчика алой ниткой был вышит шагающий охотник. Джон не знал такого герба. Сир Аллисер Торне посмотрел на новичка и сказал:

— Похоже, на юге кончились и браконьеры, и воры и на Стену теперь посылают даже свиней. Неужели эти меха и бархат соответствуют вашему представлению о панцире, милорд Ветчинский?

Оказалось, что новый рекрут привез с собой собственную броню, простроченный дублет, вареную кожу, панцирь, кольчугу и шлем, даже огромный щит из кожи и дерева, украшенный тем же самым шагающим охотником, который был на его кафтане. Черного на нем ничего не было, и сир Аллисер настоял, чтобы новичок переоделся. На это ушло почти все утро. Объем новоприбывшего заставил Донала Нойе разобрать кольчугу и наставить на боках кожаные пластины. Чтобы нахлобучить шлем на голову

парня, оружейнику пришлось снять забрало. Кожа настолько туго обтянула его ноги и руки, что он едва мог шевельнуться. В боевом наряде новичок казался готовой лопнуть переваренной сардельку.

— Остается надеяться, что ты окажешься не настолько безнадежным, как это представляется, — сказал сир Аллисер. — Халдер, проверь, что умеет сир Поросенок.

Джон Сноу вздрогнул. Халдер и рожден был в каменоломне, и учился на мастера каменных дел. Ему было шестнадцать; высокий и мускулистый, он умел наносить самые жестокие удары. Джон знал это по себе.

— Зрелище будет отвратительнее, чем задница шлюхи, — пробормотал Пип и оказался прав.

Схватка продолжалась не более минуты. Толстяк скоро оказался на снегу; он сотрясался всем телом, из-под разбитого шлема и между пухлыми пальцами текла кровь.

— Сдаюсь! — завопил он. — Не надо, сдаюсь, не бей меня! — Раст и кое-кто из мальчишек уже смеялись, но сир Аллисер и не думал заканчивать поединок.

— На ноги, сир Поросенок, — приказал он. — Берите ваш меч. — Мальчишка жался к земле, и

Торне махнул Халдеру. — Бей его плоской стороной клинка, пока он не найдет свои ноги.

Халдер смачно шлепнул по щеке своего противника.

— Можешь ударить покрепче, — поддразнил Торне.

Халдер взялся за длинный меч обеими руками и отвесил новый удар, раскроивший кожу даже плоской стороной. Новичок взвыл от боли.

Джон Сноу шагнул вперед. Пип положил руку в кольчужной рукавице ему на плечо.

— Не надо, Джон, — проговорил он, тревожно глянув на сира Аллисера Торне.

— На ноги, — повторил Торне. Жирный парень попытался подняться, поскользнулся и вновь упал. — Сир Поросенок начинает понимать идею, — отметил сир Аллисер. — Еще раз.

Халдер занес меч для другого удара.

— Нарежь нам ветчинки! — со смехом попросил Раст.

Джон стряхнул с плеча руку Пипа.

— Халдер, довольно.

Халдер поглядел на сира Аллисера.

— Бастард говорит, а крестьяне трепещут, — сказал оружейных дел мастер резким холодным голосом. — Напоминаю вам, лорд Сноу, что здесь

распоряжаюсь я.

— Погляди на него, Халдер, — сказал Джон, стараясь не замечать Торне. — Нет чести в побоях, наносимых лежащему врагу; к тому же он сдался. — Сноу нагнулся над толстяком.

Халдер опустил меч и подтвердил:

— Он сдался.

Ониксовые глаза сира Аллисера были обращены к Джону Сноу.

— Наш бастард, похоже, влюбился, — сказал он, увидев, что Джон помогает жирному мальчишке подняться на ноги. — Покажите-ка мне вашу сталь, лорд Сноу.

Джон извлек свой длинный меч. Он осмеливался искушать сира Аллисера только до известного предела и сейчас уже опасался, что перешел его.

Торне улыбнулся.

— Бастард решил защитить свою возлюбленную! Что ж! Это будет для него хорошим упражнением. Крыса, Прыщ, помогите нашему Камнеголовому. — Раст и Албетт подошли к Халдеру. — Вас троих достаточно, чтобы наша хрюшка завизжала. Надо только пройти мимо бастарда.

— Держись позади меня, — сказал Джон толстяку. Сир Аллисер изредка выставлял против него

двух противников, но трех еще никогда. Джон знал, что сегодня уснет в синяках, с порезами, и приготовился к натиску.

Внезапно Пип оказался возле него.

— Трое на двое, так будет интереснее! — весело сказал невысокий парень, опуская забрало и обнажая меч. Прежде чем Джон успел возразить, Гренн шагнул вперед и стал третьим.

Двор охватила смертельная тишина. Джон ощущал на себе взгляд сира Аллисера.

— Чего ты ждешь? — спросил он у Раста обманчиво мягким голосом.

Первым шевельнулся Джон. Халдер едва успел вовремя вытащить меч.

Джон погнал его назад, атакуя каждым ударом, заставляя старшего юношу отступать. Знай своего врага, учил его сир Родрик; и Джон знал Халдера: жесткого, сильного, но нетерпеливого, не умеющего обороняться. Ошеломи его, и он откроется, это столь же неотвратимо, как заход солнца.

Во дворе раздался звон стали, в битву вступили остальные. Джон отбил нацеленный в голову жестокий удар, столкновение мечей еще отдавалось в руке. Он ударил Халдера сбоку по ребрам и был награжден глухим болезненным бормотанием. Контрудар пришелся Джону в плечо. Кольчуга

хрустнула, а в шее вспыхнула боль, но на мгновение Халдер утратил равновесие, и Джон подсек его ногу; тот шумно упал, разразившись ругательствами.

Гренн отбивался, стоя на месте, как учил его Джон, он отпускал Албетту больше, чем тот рассчитывал получить, но Пипу приходилось тяжело. Раст был на два года старше его и тяжелее фунтов на сорок. Шагнув из-за спины Пипа, Джон ударил по шлему насильника, как в колокол. Раст пошатнулся, и Пип скользнул под его защиту, сбил с ног и приставил клинок к горлу. Джон шагнул вперед. Оказавшись перед двумя мечами, Албетт отступил.

— Сдаюсь! — закричал он.

Сир Аллисер Торне с презрением наблюдал за схваткой.

— Сегодня этот марионеточный фарс чересчур затянулся, — проворчал он и направился прочь. Занятие было закончено.

Дарион помог Халдеру встать. Сын каменщика сорвал шлем и бросил его через двор.

— А мне на мгновение уже показалось, что я наконец достал тебя, Сноу.

— Одно мгновение и мне так казалось, — отвечал Джон. Плечо его пульсировало под броней

и кожей от боли. Опустив меч в ножны, Джон попытался снять шлем, но едва он поднял руку, боль заставила его скрипнуть зубами.

— Позволь мне, — сказал чей-то голос. Толстые пальцы отвязали шлем от воротника и заботливо сняли его. — Он ранил тебя?

— Мне не впервой получать синяки. — Тронув плечо, Джон дернулся. Двор вокруг них опустел. Он заметил, что кровь пропитала волосы жирного мальчика под его шлемом, расколотым Халдером.

— Мое имя Сэмвел Тарли, я с Рогова… — Он смолк и облизнул губы. — То есть был с Рогова Холма, пока не приехал сюда. Я решил уйти в черные. Мой отец — лорд Рендилл, знаменосец Тиреллов из Хайгардена. Я был его наследником, только… — Голос его умолк.

— А я Джон Сноу, бастард Неда Старка из Винтерфелла.

Сэмвел Тарли кивнул.

— Я… если хочешь, можешь звать меня Сэмом. Моя мать звала меня так.

— А ты можешь звать его лордом Сноу, — произнес подошедший к ним Пип. — Тебе незачем знать, как мать звала его.

— Эти двое — Гренн и Пипар, — сказал Джон.

— Гренн, — это уродливый, — сказад Пип.

Тот нахмурился.

— Твоя рожа уродливее моей! У меня хотя бы уши не как у летучей мыши…

— Благодарю вас всех, — серьезным голосом сказал Сэм.

— Почему ты не встал и не бился? — спросил Гренн.

— Я хотел, но… просто не мог… Я не хотел; чтобы он бил меня. — Сэм поглядел на землю. — Я… боюсь, что я трус. Мой лорд-отец всегда говорил так.

Гренна словно ударило громом. Даже Пипу нечего было сказать на это, а бывший актер находил нужное слово буквально для всего. Какой человек добровольно назовет себя трусом?

Сэмвел Тарли, должно быть, прочитал мысли по их лицам, глаза его встретили взгляд Джона и метнулись испуганными зверьками.

— Простите… я… — сказал он. — Простите, я не хотел… быть таким. — И тяжелым шагом направился к оружейной.

Джон окликнул его.

— Тебя ранили, — сказал он. — Завтра будет лучше.

Сэм печально оглянулся.

— Нет, лучше не будет, — сказал он, смахнув слезы. — Ничего из меня не получится.

Когда он ушел, Гренн нахмурился.

— Трусов никто не любит, — сказал он неуверенным голосом. — Жаль, что мы ему помогли. Что, если нас примут за трусов?

— Ты слишком глуп, чтобы быть трусом, — сказал ему Пип.

— Неправда! — возмутился Гренн.

— Да что ты? Если на тебя в лесу навалится медведь, у тебя не хватит ума убежать!

— Это я не побегу? — настаивал Гренн. — Да я бегаю быстрее, чем ты. — Он внезапно умолк и нахмурился, заметив ухмылку Пипа, и только тут понял свои слова. Толстая шея его побагровела. Джон предоставил им возможность ссориться, а сам вернулся в арсенал, повесил меч и стащил потрепанную броню.

Жизнь в Черном замке следовала определенному распорядку: утро уделялось игре с мячом, дни предназначались для работы. Черные Братья использовали новобранцев на многих делах, чтобы узнать, на что способны новички. Иногда Джон получал возможность вздохнуть свободно, когда их с Призраком посылали на охоту за дичью для стола лорда-командующего, но на каждый день,

проведенный в лесу, приходилась дюжина в арсенале, где Джон крутил точило, пока однорукий кузнец затачивал топоры, затупившиеся после употребления, или качал мехи, пока Нойе ковал новый меч. Иногда он бегал с вестями, стоял на карауле, чистил конюшни, оперял стрелы, помогал мейстеру Эйемону ухаживать за птицами или Боуэну Маршу разбираться в счетах и бухгалтерских книгах.

В тот день командир стражи отправил его к подъемной клети с четырьмя бочонками битого камня. Приходилось разбрасывать гравий по ледяным тропам наверху Стены. Работа одинокая и скучная, даже если тебе сопутствует Призрак, но Джон обнаружил, что ему это безразлично. В ясный день с вершины Стены можно было увидеть полмира, а воздух всегда казался холодным и колким. Там он мог думать, и неожиданно для себя Джон обнаружил, что думает о Сэмвеле Тарли и — как ни странно — о Тирионе Ланнистере. Интересно, как обошелся бы Тирион с толстяком? Люди в основном склонны отрицать жестокую правду, они не хотят обращаться к ней лицом, говорил ему карлик ухмыляясь. Мир полон трусов, которые хотели бы выглядеть героями. Довольно странная разновидность отваги — признаваться

в своей трусости, как это сделал Сэмвел Тарли.

Ушибленное плечо мешало делать работу. Джон закончил посыпать дорожки, когда уже завечерело. Он остался наверху, чтобы посмотреть, как солнце, садясь, окрашивает кровью западный небосклон. Наконец, когда сумерки уже сгустились на севере, Джон закатил пустые бочонки в клетку и махнул рукой, чтобы люди у ворота помогли ему спуститься вниз.

Когда они с Призраком появились в общем зале, вечерняя трапеза была уже почти закончена. Возле огня несколько черных братьев играли в кости за подогретым вином. Его друзья сидели на ближайшей к задней стене скамье и смеялись. История, которую рассказывал Пип, была в самом разгаре. Мальчишка-кукольник был прирожденным лжецом и умел говорить на сотню различных голосов: он не рассказывал свои истории, а переживал их; изображая всех героев, он был то королем, то становился свинопасом. Изображая девицу из пивной или принцессу, он говорил писклявым фальцетом, который повергал всех в безудержный смех, доводивший до слез и полного расслабления; евнухи в его исполнении всегда довольно явно напоминали сира Аллисера… Джон получал такое же удовольствие

от россказней Пипа, как и все остальные… но все же в тот вечер он отвернулся от них и направился к концу стола, где сидел Сэмвел Тарли, стараясь держаться подальше от всех остальных.

Толстяк как раз доедал кусок пирога со свининой, которым сегодня ужинали все, когда Джон примостился напротив. Завидев Призрака, Сэм еще шире раскрыл глаза.

— Неужели это волк?

— Лютоволк, — ответил Джон. — Его зовут Призрак. Лютоволк начертан на гербе моего отца.

— А у нас шагающий охотник, — отвечал Сэмвел Тарли.

— Ты любишь охоту?

Толстяк пожал плечами.

— Ненавижу. — Казалось, что он вот-вот разрыдается.

— Ну, что еще произошло? — спросил его Джон. — Неужели ты всегда так испуган?

Сэмвел поглядел на остатки пирога на своей тарелке и тряхнул головой, боясь даже заговорить. Взрыв хохота наполнил зал — Пип запищал тоненьким голосом. Джон встал.

— Выйдем наружу.

Жирное лицо с подозрением уставилось на

него.

— Зачем? Что мы будем там делать?

— Поговорим, — отвечал Джон. — Ты видел Стену?

— Я толстый, но не слепой, — отвечал Сэмвел Тарли. — Конечно, я видел ее, все семь сотен футов.

Но тем не менее он встал, накинул на плечи подбитый мехом кафтан и следом за Джоном вышел из общего зала — с опаской, словно бы ожидал столкнуться с какой-то жестокой шуткой. Призрак топал возле них.

— Никогда не думал, что все будет так, — говорил Сэм на ходу. Слова парком вились в холодном воздухе. Толстяк сопел и пыхтел, пытаясь держаться вровень с Джоном. — Вокруг руины… и этот…

— Холод? — На замок опускался мороз, и Джон слышал, как негромко хрустят посеревшие травы под его сапогами.

Сэм кивнул.

— Ненавижу холод, — сказал он. — Прошлой ночью я проснулся во тьме, очаг погас, и я был уверен, что к утру замерзну до смерти.

— Должно быть, там, откуда ты явился, много теплее.

— Впервые в жизни я увидел снег в этом месяце. Мы ехали через поля и курганы: я и люди, которых мой отец послал на север проводить меня, — и вдруг эта белая пыль посыпалась сверху, как тихий дождь. Вначале мне показалось, что это красиво, такие пушинки плывут по небу… Но снег шел и шел, и наконец я промерз до костей. Бороды моих людей покрылись снежной коркой, на плечах выросли целые сугробы, но снег все шел. Я боялся, что он никогда не кончится.

Джон улыбнулся.

Стена поднималась над ними, поблескивая в свете почти полной луны. В небе горели ясные звезды.

— И они собираются послать меня туда? — спросил Сэм. Тут он увидел огромную деревянную лестницу, и лицо его скривилось, как от кислого молока, — Я умру, если мне придется проделать этот путь.

— Там есть ворот, — сказал Джон. — Тебя могут поднять в клети.

Сэм Тарли хмыкнул носом.

— Я не люблю высоты.

Это было уж слишком. Джон нахмурился, не веря себе.

— Неужели ты боишься всего на свете? — спро-

сил он, — Не понимаю. Если ты действительно такой трус, что тебе делать здесь? Зачем тебе вступать в Ночной Дозор?

Сэм Тарли поглядел на него, и круглое лицо его побледнело. Он опустился на покрытую снегом землю и зарыдал, сотрясаясь всем телом. Джону снова оставалось только стоять и ждать. Подобно снегопаду над курганами, слезы не хотели прекращаться.

Что нужно было делать, понял Призрак; безмолвный как тень, белый лютоволк подошел к мальчику и принялся слизывать теплые слезы с лица Сэмвела Тарли. Мальчишка вскрикнул, вздрогнул… и буквально за одно сердцебиение его рыдания превратились в смех.

Джон тоже расхохотался. А потом они сидели на мерзлой земле, укрывшись плащами; Призрак сидел между ними, а Джон рассказывал, как они с Роббом нашли щенков. Все это казалось происшедшим тысячу лет назад. Давно ему не случалось вспоминать о Винтерфелле.

— Иногда он мне снится, — признался Джон. — Я прохожу по длинным и пустым залам. Голос мой отдается вокруг, но никто не отвечает мне, и я иду все быстрее — открываю двери и выкрикиваю имена. Я не знаю даже, кого ищу. Чаще всего

отца, но иногда Робба, или младшую сестру Арью, или своего дядю.

Воспоминание о Бенджене Старке вдруг опечалило его: дядя все не вернулся. Старый Медведь выслал разведчиков на поиски. Сир Джареми Риккер увел два отряда, а Куорен Полурукий вышел навстречу из Сумеречной башни, но они ничего не нашли, если не считать меток на деревьях, которыми дядя обычно помечал путь. На каменистых высотах северо-запада метки внезапно пропали, а с ними и следы Бена Старка.

— А ты кого-нибудь находишь в замке в этом своем сне? — спросил Сэм.

Джон покачал головой:

— Никого. Замок пуст. — Он никому не рассказывал об этом сне и не понимал, зачем теперь говорит о нем Сэму, но почему-то откровенность казалась уместной. — Даже вороны оставили свои гнезда, а в башне полно костей. Это всегда пугает меня. Тогда я бегу, распахиваю двери настежь, через три ступеньки взлетаю на башню, кричу, ищу хоть кого-нибудь, а потом оказываюсь перед дверью в крипту. Внутри темно, я вижу лишь спускающиеся вниз ступеньки. Иногда я знаю, что мне надо спуститься туда, но я не хочу этого делать. Я боюсь того, что может ожидать меня.

Там, внизу, лежат старые Короли Зимы, они сидят на своих тронах, у ног их застыли каменные волки, а на коленях лежат железные мечи. Но не их я боюсь, я кричу им, что я не Старк и это не мое место, но ничего не помогает. Мне надо идти, и я спускаюсь, держась рукой за стену, и нет факела, чтобы осветить мне путь. Становится все темнее и темнее, наконец я начинаю кричать… — Он умолк и нахмурился в смущении. — И вот тут я всегда пробуждаюсь в холодном поту. Ты ведь знаешь, какой холод в этой темной келье! Призрак прыгает ко мне на постель, утешая теплом своего тела. И я вновь засыпаю, уткнувшись лицом в косматую шкуру лютоволка… А тебе снится Рогов Холм? — спросил Джон после недолгого молчания.

— Нет. — Губы Сэма сжались и напряглись. — Я ненавидел замок. — Он почесал за ухом и задумался.

Сэмвел Тарли заговорил не скоро. Джон Сноу внимательно слушал его и узнал, как случилось, что мальчик этот, признавшийся в собственной трусости, оказался на Стене.

Тарли принадлежали к древнему и честному роду знаменосцев Мейса Тирелла, лорда Вышесада, Хранителя Юга. Тарли Сэмвел, старший

сын лорда Рендилла, был рожден наследником этих земель, сильной крепости и знаменитого двуручного великого меча, Губителя сердец, выкованного из валирийской стали и передававшегося от отца к сыну почти пять сотен лет.

Вся гордость, которую ощутил лорд-отец при рождении Сэмвела, улетучилась, когда оказалось, что мальчик растет неловким и тихим, полным. Сэм любил слушать музыку и сочинять песни, любил носить мягкий бархат, играть в кухне замка возле поваров, вдыхая аромат лимонного пирога или черничного торта. Он отдавал свое сердце книгам, котятам и даже танцам — при всей своей неловкости. Но от вида крови Сэма мутило, он плакал даже над убитым цыпленком. Дюжина оружейных дел мастеров посетила Рогов Холм и оставила его после безуспешных попыток превратить Сэмвела в рыцаря, каким хотел видеть его отец. Мальчишку ругали, шлепали, били, морили голодом. Один из учителей, чтобы укрепить в Сэме боевой дух, заставлял его спать в кольчуге.

Другой одел его в платье матери и в таком виде провел через двор замка, чтобы позором направить к доблести. Но Сэм только толстел и становился еще более запуганным. Наконец

разочарование лорда Рендилла обратилось в гнев и презрение.

— Однажды, — признался Сэм голосом, стихшим до шепота, — в замок пришли двое колдунов из Кварта, белокожие и синегубые. Они убили зубра и заставили меня выкупаться в горячей крови, но и после этого я не стал отважным, как они обещали. Мне стало дурно, а потом меня вырвало. Отец приказал их выгнать.

Наконец после трех дочерей леди Тарли родила своему лорду-мужу второго сына. Начиная с этого дня лорд Рендилл просто забыл про старшего сына, уделяя все свое внимание младшему, грубому и неприхотливому, больше отвечающему его нраву. Тут Сэмвел получил несколько лет сладкой жизни, которые он посвятил музыке и книгам.

И вот настал день его пятнадцатых именин. Проснувшись, Сэм обнаружил, что лошадь его оседлана. Трое латников отца отвезли его в лес возле Рогова Холма к месту, где отец свежевал оленя.

— Теперь ты почти взрослый человек и мой наследник, — сказал лорд Рендилл Тарли своему старшему сыну, пластая тушу длинным ножом. — Ты не предоставил мне повода отказаться от тебя, но я не позволю тебе унаследовать землю

и титул, которые должны отойти к Дикону. Губитель сердец должен принадлежать человеку достаточно сильному, чтобы поднять его, а ты недостоин даже прикоснуться к рукояти этого меча. Поэтому я решил, что сегодня ты объявишь о своем желании облачиться в черную одежду. Ты откажешься от всего в пользу своего брата и отправишься на север прежде, чем завечереет. Если ты не сделаешь этого, утром мы отправимся на охоту, и где-нибудь в этих лесах твоя лошадь споткнется, а ты вылетишь из седла и умрешь… так я скажу твоей матери. У нее женское сердце; в нем хватает доброты и для тебя, я не хочу причинять ей боль. Пожалуйста, не думай, что тебе удастся не покориться мне. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем заколоть такую свинью, каковой ты являешься. — Руки отца уже обагрились до локтя, и он отложил нож в сторону. — Итак, выбирай. Ночной Дозор… — Он запустил руку внутрь туши, вырвал сердце и сжал его в кулаке, выдавливая кровь. — Или это.

Сэм рассказал свою повесть спокойным и мертвым голосом, словно бы все это случилось не с ним, а с кем-то другим. Странно, отметил Джон, он даже ни разу не пустил слезу. Потом, когда Сэм договорил, они сидели рядом и какое-то время

слушали ветер. И не было другого звука во всем мире.

Наконец Джон рассудил:

— Надо возвратиться в общий зал.

— Зачем? — спросил Сэм.

Джон, пожал плечами:

— Там сейчас разливают горячий сидр или вино с пряностями, если ты предпочитаешь его. Иногда вечерами Дарион поет нам, если у него есть настроение. Раньше он был певцом… ну, не совсем, конечно, учеником певца.

— А как он попал сюда? — спросил Сэм.

— Лорд Рован из Золотой Рощи обнаружил его в постели собственной дочери. Девушка была на два года старше, и Дарион клянется, что она сама открыла ему окно, но перед отцом она назвала его поступок насилием… Так он и попал сюда. Когда мейстер Эйемон услышал его пение, он сказал, что голос Дариона напоминает ему гром, облитый медом, — улыбнулся Джон. — Жаба иногда тоже поет, если кваканье можно назвать таким словом. Застольным песням мейстер Эйемон научился в винном погребке своего отца. Пип утверждает, что голос его можно уподобить моче, пролитой на говенную кучу. — Они вместе захохотали.

— Мне бы хотелось услышать их обоих, — признался Сэм. — Но они выгоняют меня… — Сэм смутился. — Утром он вновь потребует, чтобы я сражался, так ведь?

— Так, — вынужден был ответить Джон.

Сэм неловко поднялся на ноги.

— Лучше попытаюсь уснуть. — Он сгорбился и направился в спальню.

Когда Джон возвратился в обществе одного только Призрака, все собрались в общей комнате.

— Где ты был? — спросил Пип.

— Я говорил с Сэмом, — ответил он.

— Вот уж истинно трус, — проговорил Гренн. — Когда он брал свой пирог, на скамье были места, но он побоялся даже сесть с нами.

— Лорд Беконский считает себя слишком важным и с такими, как мы, не знается, — предположил Джерен.

— Я видел, как он ест свиной пирог, — проговорил, блаженствуя, Жаба. — Как вы думаете, не из своего ли братца? — И он захрюкал.

— Прекрати! — отрезал Джон.

Все умолкли, поразившись его внезапной ярости.

— Послушайте, — произнес Джон в тишине

и рассказал им о своем плане. Пип поддержал его, как и рассчитывал Джон. Потом заговорил Халдер, и слова его оказались приятной неожиданностью. Гренн сперва заторопился, встревожился, но Джон знал, чем тронуть его. По одному сдавались и все остальные. Одних Джон переубедил, других улестил, третьих устыдил, пригрозил тем, кому необходимо. Наконец все согласились… все, кроме Раста.

— Вы, девки, можете поступать как угодно, — заявил Раст. — Но если Торне выставит меня против леди Хрюшки, я намереваюсь отрезать себе добрый кусок свининки. — Он расхохотался прямо в лицо Джону и оставил их.

Несколько часов спустя, когда замок уснул, трое из них нанесли визит в его келью. Гренн держал руки, Пип сидел на ногах, и Джон услышал прерывистое дыхание Раста, когда Призрак вскочил ему на грудь. Глаза лютоволка светились красными угольками, и зубы его самую чуточку прикоснулись к мягкой коже на шее парня, выпустив только капельку крови.

— Помни, что мы знаем, где ты спишь, — негромко сказал Джон.

На следующее утро Джон слышал, как Раст уверял Албетта и Жабу в том, что случайно порезался

за бритьем.

Начиная с этого дня ни Раст, ни другие не причиняли боли Сэмвелу Тарли. Когда сир Аллисер выставлял их против него, парни просто стояли на месте и отбивали неуклюжие удары толстяка. Если оружейных дел мастер требовал активных действий, они, приплясывая, легко ударяли Сэма по панцирю, шлему и ногам. Сир Аллисер ярился и угрожал, называл всех трусами, бабами и еще худшими словами, но Сэм оставался цел. Через несколько вечеров по настоянию Джона он присоединился к общей вечерней трапезе и занял место на скамье возле Халдера. Прошло еще две недели, и он нашел в себе силы включиться в общий разговор, смеялся рожицам Пипа и поддразнивал Гренна.

Жирный, неловкий и запуганный, Сэмвел Тарли не был дураком. Однажды вечером он зашел к Джону в его келью.

— Я не знаю, почему ты это сделал, — сказал Сэм. — Но я понимаю, что это сделал ты… — Он застенчиво отвернулся. — У меня никогда еще не было друга.

— Мы не друзья, — улыбнулся Джон, опуская ладонь на широкое плечо Сэма. — Мы братья!

Так и есть на самом деле, подумал он, когда

Сэм отправился к себе. Робб, Бран и Рикон были сыновьями его отца, он по-прежнему любил их, но все же Джон знал, что никогда не был одним из них. Об этом позаботилась Кейтилин Старк. Серые стены Винтерфелла до сих пор тревожили его сны, но Черный замок теперь сделался его жизнью, и братьями его стали Сэм, и Гренн, и Халдер, и Пип, и все остальные отверженные, облачившиеся в черные одежды Ночного Дозора.

— Дядя мой сказал правильно, — шепнул он Призраку. Удастся ли только ему еще раз повстречать Бенджена Старка и рассказать дяде о его правоте?

Эддард

— Причиной всех наших неприятностей, милорд, является турнир десницы, — пожаловался командир городской стражи королевскому совету.

— Королевский турнир, — поправил Нед вздрогнув. — И уверяю вас, деснице он не нужен.

— Называйте его как хотите, милорд. Но рыцари съезжаются со всего королевства, и на каждого рыцаря приходятся два вольных всадника, трое ремесленников, шестеро воинов, дюжина купцов, две дюжины шлюх, а воров столько, что и не сосчитать. От жары половина города лежит в лихорадке, ну а при всех этих гостях… Прошлой ночью у нас был утопленник, драка в таверне, три случая поножовщины, изнасилование, два пожара, несчетное число грабежей и пьяные скачки по улице Сестер. Предыдущей ночью у Великой септы, в Радужном пруду обнаружили отрезанную голову женщины. Никто не знает, как она попала туда и где тело этой неизвестной…

— Как ужасно, — съежился Варис.

Лорд Ренли Баратеон проявил меньше сочув-

ствия:

— Если ты не умеешь охранять покой короля, Янос, то городской страже, возможно, придется обойтись без твоих услуг.

Крепкий и мордастый Янос Слинт надулся, как рассерженная лягушка, лысина его покраснела.

— Сам Эйегон Дракон не сумел бы сейчас поддержать покой, лорд Ренли. Мне нужно больше людей.

— Сколько? — спросил Нед, наклоняясь вперед. Роберт, как всегда, не затруднил себя посещением совета, поэтому, как десница, он говорил от лица короля…

— Столько, сколько можно выделить, лорд десница.

— Наймите пятьдесят человек, — разрешил ему Нед. — Лорд Вейлиш оплатит ваши расходы.

— Из каких это средств? — спросил Мизинец.

— Найдете. Вы нашли сорок тысяч золотых драконов для кошелька чемпиона и, конечно же, сумеете отыскать горсть медяков, чтобы сохранить покой короля. — Нед повернулся к Яносу Слинту: — Еще я предоставляю вам двадцать добрых мечей из моей собственной охраны, чтобы они помогли страже, пока толпы не рассеются.

— Благодарствую, лорд десница, — ответил

Слинт кланяясь. — Обещаю, что ваши люди попадут в хорошие руки.

Когда начальник стражи вышел, Эддард Старк повернулся к остальным членам совета.

— Чем скорее закончится это безрассудство, тем лучше.

Мало ему расходов и хлопот, все они просто старались посыпать солью рану Неда, называя турнир его именем, словно бы он был причиной его. А Роберт явно считал, что он должен ощущать себя польщенным.

— Когда происходят такие события, страна процветает, — проговорил великий мейстер Пицель. — Они предоставляют великим возможность прославиться, а низким забыть о невзгодах.

— И наполняют золотом многие карманы, — добавил Мизинец. — Все гостиницы в городе уже полны, городские шлюхи ходят враскоряку и звенят на каждом шагу.

Лорд Ренли расхохотался.

— Как жаль, что брата моего Станниса нет среди нас; помните, как он предложил запретить бордели? Король спросил его, не стоит ли заодно запретить есть, испражняться и дышать. Откровенно говоря, я нередко удивляюсь, каким образом Станнис сделал свою уродливую дочь.

Он идет на брачное ложе, как воин на битву, с мрачной решимостью в глазах и стремлением выполнить свой долг.

Нед не присоединился к общему смеху.

— Меня тоже интересует ваш брат Станнис. Хотелось бы знать, когда он намеревается завершить свой визит на Драконий Камень и занять свое место в нашем совете?

— Только когда мы утопим всех шлюх в море, — сострил Мизинец, вызывая еще больший смех.

— На сегодня с меня довольно разговоров о шлюхах, — сказал Нед поднимаясь. — До завтрашнего утра!

Когда Нед подошел к башне Десницы, у двери караулил Харвин.

— Позови ко мне Джори и скажи, чтобы твой отец заседлал моего коня, — приказал Нед своему дружиннику, пожалуй, излишне резко.

— Как прикажете, милорд.

Красный замок и турнир уже довели меня до ручки, думал Нед поднимаясь. Он тосковал по утешению, которое приносили ему руки Кейтилин, по стуку мечей Робба и Джона на тренировочном дворе, по прохладным ночам севера. В своей палате он снял взмокшие на совете шелка и, ожидая появления Джори, уселся за книгу «Происхожде-

ние и история великих домов Семи Королевств с жизнеописаниями многих высоких лордов, благородных дам и их детей, написанными мейстером Маллеоном». Пицель не обманул, и томик оказался весьма увесистым. Но Джон Аррен когда-то читал эту книгу, и Нед не сомневался в том, что у него были на то причины. Какая-то тайна крылась среди хрупких желтых страниц, и ее следовало разгадать. Но что же искать? Книге было больше века. Едва ли сейчас живет хотя бы один человек, родившийся, когда Маллеон писал эти страницы.

Нед вновь открыл раздел, посвященный дому Ланнистеров, и принялся медленно листать страницы в надежде увидеть что-нибудь интересное. Ланнистеры, семейство древнее, возводили свое происхождение к Ланну Умному, шуту века героев, персоне, вне сомнения, столь же легендарной, как и Бран-строитель. Ланн был кумиром певцов и сказителей. В легендах говорилось, что Ланн изгнал семейство Кастерли, властвовавшее над Кастерли Рок, иначе Бобровым утесом, не прибегая к другому оружию, кроме своего ума, и украл у солнца золото, чтобы окрасить им свои кудри. Только умница Ланн, наверное, сумел бы разгадать тайну этого пухлого тома…

Резкий стук в дверь возвестил о приходе Джори Касселя. Нед закрыл том Маллеона и разрешил войти.

— Я обещал передать в городскую стражу двадцать наших людей до конца турнира, — сказал Нед. — Полагаюсь в выборе на тебя. Передай Элину команду и постарайся объяснить людям, что им надлежит останавливать драки, а не начинать их. — Поднявшись, он открыл кедровый сундук и снял нижнюю льняную рубаху. — Ты нашел конюха?

— Стражника, милорд, — отвечал Джори. — Он клянется, что больше даже не прикоснется к коню.

— И что он сказал?

— Он утверждает, что хорошо знал лорда Аррена. Они были друзьями. — Джори фыркнул. — Десница всегда давал мальчишкам по медяку в дни именин, сказал он. Умел обращаться и с лошадьми. Никогда не загонял коней и приносил им морковку и яблоки, так что животные всегда были ему рады.

— Морковку и яблоки, — повторил Нед. Похоже, что этот парень окажется еще менее полезным, чем все остальные. А он был последним из четверки, которую назвал Мизинец. Джори по очереди

переговорил с каждым из них. Сир Хью проявил сдержанность и молчаливость вкупе с надменностью свежеиспеченного рыцаря. Если десница желает поговорить с ним, он охотно примет его, но не потерпит допроса от простого капитана гвардии, даже если указанный капитан на десять лет старше и умеет обращаться с мечом в сотню раз искуснее. Служанка по крайней мере проявила вежливость. Она сказала, что лорд Джон читал больше, чем полезно человеку, что хрупкое здоровье сына печалило десницу, ссорившегося из-за него со своей благородной супругой. Горшечник, ныне кожевенник, ни разу не обменялся даже словом с лордом Джоном, но он знал достаточно кухонных сплетен: лорд ссорился с королем, лорд едва прикасался к пище, лорд решил отослать мальчишку, чтобы его воспитывали на Драконьем Камне, лорд весьма увлекался разведением охотничьих собак, лорд посетил оружейника, чтобы заказать новую наборную броню из синего серебра с голубым яшмовым соколом и перламутровой луной на груди… Заказывать панцирь с ним ездил сам брат короля, но не лорд Ренли, а Станнис.

— А заметил ли наш стражник что-нибудь интересное?

— Парень клянется, что лорд Джон был сильнее любого рыцаря, даже вдвое младше его. Он часто ездил кататься верхом с лордом Станнисом.

Снова Станнис, подумал Нед. Любопытное совпадение. Джон Аррен и лорд Станнис придерживались отношений дружественных, но не совсем сердечных, и пока Роберт ездил на север в Винтерфелл, Станнис удалился на Драконий Камень, главную крепость Таргариенов, которую некогда захватил для своего брата. И не было известно, когда он собирается возвратиться.

— Так куда же они ездили вместе? — спросил Нед.

— Мальчишка утверждает, что они посещали бордель.

— Бордель? — удивился Нед. — Лорд Орлиного Гнезда и десница короля посещает бордель в обществе Станниса Баратеона? — Он покачал головой, не веря себе и гадая, как воспринял бы лорд Ренли этот анекдот. О распутстве Роберта пели похабные песни в застольях по всем королевствам, но Станнис являлся человеком совсем другого сорта. Лишь на год моложе короля, он был суров, неулыбчив и не забывал ни о чем — в том числе и о чувстве долга.

— Мальчишка настаивает, что это так. Он

утверждает, что десница брал с собой двоих стражей и они каждый раз посмеивались над хозяином, когда возвращали ему лошадей.

— И куда они ездили? — спросил Нед.

— Мальчишка не знает. Это известно страже.

— Жаль, что Лиза увезла свою дружину в Долину, — сухо заметил Нед. — Боги стараются досадить нам. Леди Лиза, мейстер Колемон, лорд Станнис… все, кто действительно может знать, что именно случилось с Джоном Арреном, находятся сейчас в тысяче лиг отсюда.

— А не вызвать ли вам лорда Станниса с Драконьего Камня?

— Пока еще рано, — покачал головой Нед. — Только когда я разберусь в том, что происходит и на чьей он стороне.

Случившееся интриговало его. Почему Станнис уехал? Быть может, он играл какую-то роль в убийстве Джона Аррена? Или же он чего-то боится? Нед просто не мог представить себе событие, способное напугать Станниса Баратеона, некогда выдержавшего в Штормовом Пределе целый год осады, питавшегося крысами и кожей сапог, пока лорды Тирелл и Редвин сидели напротив его стен и пировали среди своих дружин.

— Принеси, пожалуйста, мой дублет. Серый, с

вышитым лютоволком… я хочу, чтобы оружейник знал, кто я такой. Будет более разговорчивым.

Джори направился к гардеробу.

— Лорд Ренли брат не только королю, но и лорду Станнису…

— И все-таки его, похоже, не приглашали в эти поездки. — Нед был уверен в том, что Ренли не так прост, при всей его приветливости и легкой улыбке.

Несколько дней назад Ренли отвел Неда в сторону, чтобы показать роскошный медальон из розового золота. Внутри находилась миниатюра, изображавшая прекрасную молодую девушку с глазами голубки под водопадом мягких каштановых волос. Ренли хотел узнать, не напоминает ли Неду кого-нибудь эта девица, и когда Нед лишь пожал плечами, проявил явное разочарование. Девушку эту, как признался он потом, звали Маргери, она была сестрой Лораса Тирелла, но находились люди, утверждавшие, что она напоминала Лианну.

— Не может быть! — возразил Нед, заинтересовавшись. Неужели лорд Ренли, так похожий на молодого Роберта, влюбился в девушку, которую считал похожей на молодую Лианну? Более чем

странно…

Джори подал дублет, и Нед вдел руки в рукава.

— Быть может, лорд Станнис вернется на турнир Роберта, — проговорил он, пока Джори поправлял одежду на спине.

— Это было бы весьма удачно, милорд, — отвечал Джори.

Нед пристегнул к поясу длинный меч.

— Иными словами, весьма и весьма маловероятно. — Он мрачно улыбнулся. Джори набросил на плечи Неда плащ, застегнув его на горле знаком десницы, и проговорил:

— Оружейник живет над своей мастерской, в большом доме наверху Стальной улицы. Элин знает дорогу, милорд.

Нед кивнул:

— Пусть боги помогут этому горшечнику, если он заставит меня гоняться за тенями!

Но ведь тот Джон Аррен, которого знал Нед Старк, был не из тех, кто ценит украшенную драгоценностями и посеребренную брошь. Сталь есть сталь, она нужна для защиты, а не для украшения.

Конечно, он мог переменить свою точку зрения после многих лет пребывания при дворе… Однако подобное событие удивило бы Неда.

— Что еще я могу сделать?

— Полагаю, тебе пора начать посещать веселые дома.

— Тяжелое дело, милорд, — ухмыльнулся Джори. — Но люди будут рады помочь. Портер уже положил начало.

Оседлали любимого коня Неда, он ждал во дворе. Под сталью шлемов и кольчуг гвардейцы наверняка истекали потом, но не произнесли даже слова жалобы.

Лорд Эддард выехал из-под Королевских ворот на вонючую улицу, и серо-белый плащ заполоскал за его плечами: Нед видел повсюду внимательные глаза и потому послал лошадь рысью. Оба гвардейца последовали за ним. Проезжая по людным городским улицам, он часто оглядывался назад. Томард и Десмонд рано утром оставили замок, чтобы расположиться на намеченном им маршруте и проследить, не последует ли за ним кто-нибудь, но, невзирая на это, Нед не был уверен в себе. Тень королевского паука и его пташек смущала его, как деву брачная ночь.

Стальная улица начиналась от рыночной площади, возле Речных ворот. Над толпой на ходулях шествовал акробат, подобный огромному насекомому, целая орда босых ребятишек

с восторженными воплями тянулась за ним. В стороне двое оборвышей, возрастом не старше Брана, сошлись в поединке на мечах под громкие поощрения, мешавшиеся с яростными проклятиями. Поединок закончила старуха: перегнувшись из окна, она выплеснула ведро помоев на головы противников. В тени стены расположились фермеры, громко вопившие:

— Яблоки, лучшие яблоки, в два раза дешевле! Кровавая дыня, сладкая словно мед! Репка-турнепка, лук и коренья, все сюда, все сюда, репка-турнепка, лук и коренья, все сюда!

Грязные ворота были открыты, под их портиком уместился эскадрон городской стражи, золотые плащи опирались на копья. С запада как раз поднимался отряд всадников, и стражники оживились, послышались приказы, они принялись разгонять телеги и пешеходов, чтобы пропустить рыцаря со свитой. Въехавший в ворота всадник держал в руках длинное черное знамя. Шелк трепетал на ветру, словно живой; на ткани было вышито ночное небо, прорезанное молниями.

— Дорогу лорду Берису!

Позади знамени ехал сам молодой лорд, стремительный всадник с непокрытой рыжей головой,

в черном атласном плаще, усыпанном звездами.

— Сражаться на турнире в честь десницы, милорд? — окликнул его караульный.

— Побеждать на турнире в честь десницы! — выкрикнул лорд Берис под восторженные вопли толпы.

Нед свернул с площади в самом начале Стальной улицы и отправился по извилистому длинному подъему мимо кузнецов, работавших в открытых кузнях, свободных всадников, торгующихся над кольчугами, и седых торговцев, продающих старые лезвия и бритвы прямо с фургонов. Чем выше они поднимались, тем больше становились строения. Нужный им человек жил почти на самой вершине холма, в огромном доме из оштукатуренного дерева, верхние этажи которого нависали над узкой улицей. На черном дереве двойных дверей была вырезана сцена охоты, вход стерегли двое каменных рыцарей, облаченных в причудливые доспехи из полированной красной стали, с выгравированными на них гербами в виде грифона и единорога. Нед оставил своего коня Джексу и прошел внутрь.

Мастер быстро заметил знак на плаще Неда и герб на его дублете и заторопился вперед, улыбаясь и кланяясь.

— Вина для королевской десницы, — приказал он молодой худощавой служанке, указывая Неду на диван. — Меня зовут Тобхо Мотт, милорд, прошу вас чувствовать себя как дома. — На мастере был белый бархатный плащ с молотами, вышитыми на рукавах серебряной ниткой, на шее висела тяжелая золотая цепь с сапфиром величиной с голубиное яйцо. — Если вы нуждаетесь в новом оружии для турнира, то нашли нужное место.

Нед не стал останавливать его.

— Моя работа дорога, и я не буду извиняться за это, милорд, — сказал мастер, наполняя два одинаковых серебряных кубка. — Клянусь, нигде в Семи Королевствах вы не найдете работы, равной моей. Если хотите, обойдите каждую кузницу в Королевской Гавани и сравните сами. Выковать кольчугу может любой деревенский кузнец, но я изготовляю произведения искусства.

Потягивая вино, Нед позволил хозяину продолжить.

— Рыцарь Цветов купил у меня всю броню, — хвастался оружейник: — Среди моих клиентов много высоких лордов, понимающих толк в отличной стали, даже сам лорд Ренли, брат короля… Быть может, лорд-десница уже видел новую

броню лорда Ренли: зеленый панцирь и шлем с золотыми рогами? Ни один другой оружейник в городе не сумеет добиться такого оттенка. Один лишь Тобхо знает секрет нанесения цвета на сталь, для этого необходима эмаль и особая краска. Быть может, деснице нужен клинок? Тобхо научился изготовлять валирийскую сталь в кузницах Квохора еще мальчишкой. Лишь знающий заклинания человек способен взять в руки старое оружие и обновить его. Кстати, знак дома Старков лютоволк? Я могу изготовить шлем в виде головы этого зверя, прямо как настоящий, дети будут разбегаться от вас на улицах, — посулил он. Нед улыбнулся:

— Это ты делал шлем в виде соколиной головы для лорда Аррена?

Тобхо Мотт помедлил и отставил в сторону вино.

— Десница собственной персоной приехал тогда ко мне вместе с лордом Станнисом, братом короля. Увы, они не почтили меня своим покровительством.

Выжидая, Нед поглядел на мастера. Он давно обнаружил, что иногда молчание позволяет добиться большего, чем поток вопросов. Так произошло и на этот раз.

— Они хотели увидеть мальчика, — сказал оружейник. — Поэтому я отвел их в кузницу.

— Мальчика? — отозвался Нед. Он не имел ни малейшего представления, о ком шла речь. — Быть может, и я тоже захочу посмотреть мальчика.

Тобхо Мотт с прохладной взвешенностью поглядел на него.

— Как вам угодно, милорд, — сказал он без малейшего следа былой любезности. И повел Неда к задней двери, потом через узкий двор в каменную пещеру, где и совершалась работа. Когда оружейник открыл дверь, порыв жаркого воздуха заставил Неда ощутить себя ступающим в пасть дракона. В каждом углу кузницы пылал очаг, пахло дымом и серой. Бродячие оружейники отрывались от молотов и клещей только для того, чтобы стереть пот со лба, тем временем нагие до пояса ученики вздымали мехи. Мастер подозвал высокого парня. Он был не старше Робба, руки и грудь молодого кузнеца змеились мышцами. — Это лорд Старк, новая десница короля, — объяснил он.

Мальчик поглядел на Неда впалыми глазами и откинул со лба пропитанные потом волосы, густые, непричесанные и черные, словно чернила.

Тень первой бороды уже легла на его лицо.

— Это Джендри. Он силен для своих лет, к тому же любит работать. Покажи деснице шлем, который ты сделал.

Почти застенчиво мальчик отвел их к скамье, на которой лежал стальной шлем, сделанный в виде бычьей головы с двумя огромными изогнутыми рогами.

Нед повертел шлем в ладонях, лучшая сталь, еще не полированная, но работа великолепна.

— Отличная вещь. Я был бы рад, если бы ты продал мне ее.

Парень выхватил шлем из рук Неда.

— Он не для продажи!

Тобхо Мотта словно поразил ужас.

— Парень, перед тобой десница короля, и если шлем нужен его светлости, лучше подари его. Он почтил тебя уже одной только просьбой.

— Я сделал его для себя, — сказал парень упрямым голосом.

— Тысяча извинений, милорд, — заторопился мастер. — Такой шлем может сделать любой странствующий кузнец. Простите его, а я обещаю изготовить вам шлем, подобного которому вы еще не видели.

— Он не сделал ничего такого, что нуждалось

бы в моем прошении. Джендри, а когда лорд Аррен приходил к тебе, о чем он спрашивал?

— Он задавал мне вопросы… и все, милорд.

— А какие вопросы?

— Как я поживаю, хорошо ли со мной обращаются, люблю ли я свою работу, и еще раз спрашивал о моей матери. Кто она и на кого похожа…

— И что ты сказал ему? — спросил Нед.

Мальчишка откинул назад волосы, только что упавшие обратно на лоб.

— Она умерла, когда я был еще мал. Такая светловолосая, пела мне иногда, а работала она в пивной.

— И лорд Станнис тоже расспрашивал тебя?

— Лысый? Нет, он не сказал ни слова, только глядел на меня так, как будто бы я изнасиловал его дочь.

— Прибери свой грязный язык, — сказал мастер. — Это же десница самого короля. — Юноша потупил глаза. — Смышленый парнишка, но упрямый. Этот шлем… все тут зовут парня Бычьей Башкой, вот он и сделал такой.

Нед прикоснулся к голове мальчика и погладил густые черные волосы.

— Погляди на меня, Джендри! — Ученик кузнеца поднял лицо. Нед посмотрел на его щеки, глаза,

жгущие синим огнем. Да, подумал он, теперь и я вижу это. — Возвращайся к работе, парень. Зря я оторвал тебя от дел. — Вместе с мастером они направились назад. — А кто заплатил за его обучение? — спросил Нед непринужденным тоном.

Мотт встревожился.

— Вы видели парня. Какой сильный! Руки его созданы для молота. Он много обещает, и я взял его бесплатно.

— А теперь говори правду, — предложил Нед. — Улицы полны крепких ребят, но в тот день, когда ты начнешь брать учеников бесплатно, сразу рухнет Стена. Кто платил за него?

— Лорд, — начал мастер нерешительно, — он не назвался, и у него не было герба на плате. Он заплатил золотом — дал в два раза больше, чем обычно, и сказал, что платит, во-первых, за обучение, а во-вторых, за молчание.

— Опиши его.

— Крепкий, круглый в плечах и не такой высокий, как вы. Каштановая борода, но в ней была рыжина, клянусь. Богатый плащ, это я помню, тяжелый пурпурный бархат, шитый серебряными нитями, но капюшон прятал голову, и я не разглядел лица. — Он помедлил мгновение. — Милорд, я не хочу неприятностей.

— Никто из нас не хочет неприятностей, но, увы, настали тревожные времена, мастер Мотт, — строго произнес Нед. — Ты знаешь, кто этот мальчик?

— Я всего лишь оружейник, милорд, и знаю лишь то, что мне говорят.

— Ты знаешь, кто этот мальчик, — терпеливо повторил Нед. — И это не вопрос!

— Парень этот — мой ученик, — ответил мастер и поглядел в глаза Неда взглядом упрямым и твердым, как старое железо. — А кем был до того, как попал ко мне, не мое дело.

Нед кивнул, он решил, что оружейник Тобхо Мотт нравится ему.

— Если настанет день, когда Джендри захочет взяться за меч, а не за молот, пришли его ко мне. Он похож на воина. А пока я благодарю тебя, мастер Мотт, и обещаю, что если мне потребуется шлем, чтобы пугать детей, я немедленно отправлюсь к тебе.

Охрана ждала снаружи возле коней.

— Ну как, что-нибудь отыскали, милорд? — спросил Джекс, когда Нед сел в седло.

— Нашел, — ответил Нед в раздумье. Что потребовалось Джону Аррену от королевского бастарда и почему любопытство стоило ему жизни?

Кейтилин

— Миледи, вам следовало бы покрыть голову, — сказал сир Родрик. Кони их шли на север. — Простудитесь.

— Это всего лишь вода, сир Родрик. — ответила Кейтилин.

Влажные волосы облепили ее лицо, прилипли ко лбу, она вполне понимала, насколько неопрятной кажется ныне, но это ее не смущало. Южный дождь — ласковый, теплый. Кейтилин нравилось прикосновение капель к лицу, мягкое, как поцелуй матери. Она словно бы вернулась в свое детство, в долгие серые дни Риверрана. Кейтилин вспомнила богорощу, поникшие ветви, тяжелые от воды, смех брата, гонявшегося за ней между грудами сырой листвы. Она вспомнила, как делала вместе с Лизой пирожки из грязи, почувствовала их приятную тяжесть, коричневую скользкую глину, выступавшую между пальцев. Хихикая, они подавали их Мизинцу, тот однажды даже наелся глины и прохворал целую неделю. Какими маленькими они тогда были!

Кейтилин почти забыла об этом. На севере

дождь всегда был холодным и жестоким, иногда ночами он превращался в лед. Дождь этот мог напитать урожай, а мог и убить, и даже взрослые люди прятались от него. Под северным дождем маленькие девочки не играли.

— А я весь промок, — пожаловался сир Родрик. — До костей. — Лес плотно обступил их, ровный стук дождя по листве сопровождал негромкое чавканье, когда лошади высвобождали копыта из грязи. — Сегодня нам потребуется костер и горячая еда.

— У перекрестка есть постоялый двор, — сказала ему Кейтилин. В юности она нередко ночевала там, когда путешествовала с отцом. Лорд Хостер Талли в расцвете сил не знал отдыха, он всегда куда-нибудь да ездил. Кейтилин еще помнила содержательницу постоялого двора, толстуху по имени Маша Хедль, днем и ночью жевавшую кислолист и всегда находившую для девочки улыбку и сладкий пирог. Пироги ее сочились медом и были приятны на вкус, но тогда Кейтилин боялась этой улыбки, потому что жвачка навсегда окрасила зубы Маши в багровый цвет, превращая ее улыбку в кровавый ужас.

— Гостиница, — сказал сир Родрик печально. — Если бы. Но мы не сумеем остановиться там и

остаться неизвестными, лучше отыскать небольшую крепость. — Он умолк, заслышав впереди на дороге звуки: плеск воды, звяканье металла, ржание коней. — Всадники, — предупредил сир Родрик, опуская руку на рукоять меча. Даже на Королевском тракте осторожность никому не вредила.

Звуки приближались из-за неторопливого изгиба дороги, и они наконец заметили встречных: колонну вооруженных мужчин, с шумом переправлявшуюся через раздувшийся ручей. Кейтилин остановилась, пропуская их. Знамя в руке первого из всадников намокло и висело тряпкой, но воины были облачены в индиговые плащи, и на их плечах летел серебряный орел Сигарда.

— Маллистеры, — шепнул сир Родрик, как будто она не знала. — Миледи, лучше опустите капюшон на голову. — Кейтилин не шевельнулась.

Лорд Ясон Маллистер ехал во главе своих рыцарей, сын Патрек около, а сквайры следовали за ними. Путь их лежал к Королевской Гавани, на турнир десницы, это было понятно. В течение последней недели путников на Королевском тракте было что мух. Рыцари и свободные всадники, певцы с арфами и барабанами, тяжелые

фургоны, груженные хмелем, зерном, бочонками с медом; торговцы, ремесленники, шлюхи — все они направлялись на юг.

Кейтилин отважно поглядела на лорда Ясона. Последний раз она видела его на собственном брачном пиру, он обменивался шутками с ее дядей. Маллистеры были знаменосцами Талли, и он поднес новобрачной пышные дары. Каштановые волосы с тех пор успела сбрызнуть морская соль, и время убрало лишнее с его лица, и все же годы не умерили гордости лорда Ясона. Он ехал как человек, который ничего не страшится. Кейтилин позавидовала ему: ей пришлось научиться страху. Когда всадники подъехали, лорд Ясон коротко кивнул, но это был только жест — любезность знатного лорда к встреченным путникам. Узнавание ни на мгновение не промелькнуло в его свирепых глазах, а сын лорда даже не соизволил поглядеть на нее.

— Он не узнал вас, — удивился сир Родрик.

— Он увидел на обочине дороги пару забрызганных грязью путников, мокрых и усталых. Ему даже в голову не пришло, что здесь может оказаться дочь его сюзерена. По-моему, мы можем спокойно остановиться в гостинице, сир Родрик.

Уже почти стемнело, когда они добрались до

постоялого двора, расположенного на перекрестке дорог к северу от великого слияния у Трезубца. Маша Хедль еще более растолстела и поседела: она до сих пор жевала свой кислолист и удостоила их лишь самым поверхностным взглядом, забыв сопроводить его кровавой улыбкой.

— Две комнаты наверху — это все, что у меня есть, — сказала она, не прекращая жевать. — Они под часовой башней, так что еду вы не пропустите, однако некоторые считают, что там слишком шумно, но я ничего не могу сделать. Гостиница набита битком, точнее, почти битком! Словом, вы ночуете или в этих комнатах, или на дороге…

Комнатушки, низкие и пыльные, узкие, словно пеналы, располагались наверху узкой лестницы.

— Оставьте сапоги здесь, — сказала Маша, получив от них деньги, — мальчишка почистит их. Я не хочу, чтобы вы таскали грязь по лестнице наверх. Кстати, про колокол: опоздавшие не едят. — Ни улыбки, ни слова о сладких пирожках.

Когда зазвонил колокол, звук его действительно оказался оглушающим. Переодевшись в сухое, Кейтилин сидела у окна и смотрела, как дождь струится по стеклу, мутному и полному пузырей; снаружи уже сгущался влажный сумрак. Кейтилин едва различала грязный перекресток двух

великих дорог.

Перекресток дал им время подумать. На запад до Риверрана доехать легко. Отец всегда давал ей мудрый совет, когда он был более всего нужен ей, и она хотела поговорить с ним о собирающейся буре. Если кому и нужно готовиться к войне, то в первую очередь Риверрану, близкому соседу Королевской Гавани, на владения которого с запада бросал тень своего могущества Бобровый утес. Если бы отец чувствовал себя лучше, она бы рискнула, но Хостер Талли последние два года провел в постели, и Кейтилин не хотелось утруждать его.

Восточная дорога шла по диким местам и считалась еще более опасной; она поднималась через скалистые предгорья и густые леса к Лунным горам. Минуя перевалы и глубокие пропасти, она приводила к Долине Арренов и каменистым Перстам за ней. Высоко над Долиной неприступное Орлиное Гнездо тянулось своими башнями к небу. Там она найдет свою сестру… и, быть может, некоторые из ответов, необходимых Неду. Конечно, Лиза знает больше, чем осмелилась написать в письме. Возможно, у нее есть те самые доказательства, которые нужны Неду, чтобы погубить дом Ланнистеров, а если дело дойдет

до войны, им потребуются Аррены и восточные лорды, служащие им.

Однако горная дорога опасна. На перевалах водятся сумеречные коты, нередки обвалы, а кланы горцев, не соблюдая законов, спускались с высот, грабили и убивали, исчезая, как растаявший снег, когда Долина высылала рыцарей. Даже Джон Аррен — а Орлиное Гнездо еще не знало более великого господина — всегда путешествовал через горы с сильным отрядом. Кейтилин же могла положиться только на одного пожилого рыцаря, вооруженного в основном своей верностью.

Нет, решила она, Риверрану и Орлиному Гнезду придется подождать. Ее дорога лежит на север, в Винтерфелл, где ждут сыновья и обязанности. Как только они благополучно минуют Перешеек, она может открыться любому из знаменосцев Неда и послать вперед гонцов с приказом выставить конный дозор на Королевский тракт.

Дождь скрывал от ее глаз поля за перекрестком. Но Кейтилин отчетливо видела эти места в своей памяти. Рыночная площадь находилась как раз напротив, в миле за ней располагалась деревня: с полсотни белых домиков вокруг невысокой каменной септы. Домиков должно было прибавиться, лето выдалось долгим и мирным… Далее,

на север от Трезубца, Королевский тракт шел вдоль Зеленого Зубца. Через плодородные земли и пышные леса, мимо богатых городков, крепких твердынь и замков речных владетелей.

Кейтилин знала их всех. Блэквудов и Бреккенов, вечных врагов, чьи ссоры постоянно приходилось улаживать ее отцу: леди Уэнт, последнюю представительницу рода, обитавшую вместе со своими призраками под сводами огромных залов Харренхолла; раздражительного лорда Фрея, пережившего семь жен и наполнившего свои два замка детьми, внуками, правнуками, бастардами и прабастардами. Все они были знаменосцами Талли и мечом принесли присягу Риверрану. Кейтилин гадала, хватит ли этого, если дело дойдет до войны. Отец ее был самым надежным человеком из всех, когда-либо живших на свете, и она не сомневалась в том, что он созовет знамена… но придут ли они? Дарри, Риджерсы, Мутоны тоже присягнули Риверрану, однако они сражались с Рейегаром Таргариеном возле Трезубца, а лорд Фрей вместе со своим войском явился туда, когда битва уже закончилась, предоставляя повод для некоторых сомнений в том, к кому из соперников намеревался он присоединиться. После битвы он торжественно клялся победителям в том, что

намеревался стать на их сторону, но с тех пор отец именовал его покойным лордом Фреем. До войны дойти не должно, лихорадочно подумала Кейтилин. Ее нельзя допустить.

Сир Родрик зашел за ней как раз когда колокол перестал звонить.

— Надо поспешить, если вы хотите поужинать сегодня, миледи.

— Будет безопаснее, если мы не будем звать друг друга рыцарем и дамой до тех пор, пока не пересечем перешеек, — сказала она. — Обычные путешественники привлекают меньше внимания. Назовемся, скажем, отцом и дочерью, отправившимися в путь по какому-то семейному делу.

— Как вам угодно, миледи, — согласился сир Родрик, осознав ошибку, только когда она расхохоталась. — Привычку одолеть трудно… дочь моя. — Он попытался потянуть за отсутствующие бакенбарды и вздохнул.

Кейтилин взяла его за руку.

— Пойдемте, отец, — сказала она. — Вот увидите, Маша Хедль кормит хорошо, только постарайтесь не хвалить ее, чтобы она так страшно не улыбалась.

Гостиная оказалась длинной, и в ней сквозило,

в одном углу ее выстроились рядком огромные деревянные бочки, в другом располагался очаг. Слуга носился с ломтями мяса. Маша тем временем цедила пиво из кегов, привычно жуя кислолист.

Скамьи были полны. Горожане и фермеры мешались с самыми разнообразными путниками: перекресток дорог сводит вместе странных соседей — красильщиков с руками, окрашенными черной и пурпурной краской, рыбаков, пропахнувших рыбой… Бугрящийся мышцами молотобоец сидел возле старого септона, привыкшие к суровой жизни наемники обменивались новостями с мягкотелыми, расплывшимися купцами.

На постоялом дворе собралось больше вооруженных людей, чем хотелось бы Кейтилин. На одежде троих, что устроились возле очага, скакал жеребец Бреккенов, с ними соседствовал большой отряд в синих стальных кольчугах и серебристых шлемах, знак на плече этих людей тоже был известен Кейтилин: двойные башни дома Фрея. Она попыталась приглядеться к лицам; все они были слишком молоды, чтобы знать ее. Когда она уехала на север, самый старший из них был, наверное, моложе, чем Бран. Сир Родрик

выбрал для ней укромное место на скамье возле кухни. Напротив них сидел молодой симпатичный юноша и держал на коленях деревянную арфу.

— Семь благословений вам, добрые люди, — сказал он, когда они сели. Перед ним на столе стояла пустая чаша для вина.

— И тебе того же, певец, — отвечала Кейтилин. Сир Родрик потребовал хлеба, мяса и пива тоном, не терпящим возражения. Певец, молодой человек лет восемнадцати, непринужденно посмотрел на них, спросил, куда они направляются, откуда приехали и с какими новостями. Забрасывая быстрыми как стрелы вопросами, он не дожидался ответа.

— Мы оставили Королевскую Гавань две недели назад, — ответила Кейтилин на самый безопасный из его вопросов.

— Туда-то я и направляюсь, — поведал юноша. Как она подозревала, он больше стремился рассказать собственную историю, чем выслушивать их. Певцы ничего не любят больше, чем звуки собственных голосов. — На турнир в честь десницы съедутся богатые лорды с толстыми кошельками. В последний раз я едва сумел увезти свое серебро… точнее, увез бы, если бы в тот день

не поставил все на Цареубийцу.

— Бога неблагосклонны к игрокам, — сурово проговорил сир Родрик. Как северянин, он разделял взгляды Старков на турниры.

— Ко мне они действительно были неблагосклонны, — ответил певец. — Жестокие боги и рыцарь Цветов разорили меня.

— Вне сомнения, неудача послужила тебе уроком, — сказал сир Родрик.

— Безусловно. В этот раз я поставлю на сира Лораса.

Сир Родрик попытался потянуть себя за бакенбарды, которых, естественно, не оказалось на месте, но прежде, чем он успел сделать замечание, явился слуга. Он поставил перед ними поднос с хлебом, наполнил их тарелки ломтями жареного мяса, источавшими горячий сок. На другой тарелке высилась горка крошечных луковок, огненного перца и грибов. Сир Родрик с жадностью приступил к еде, мальчишка бросился за пивом.

— Меня зовут Мариллон, — проговорил певец, прикоснувшись пальцем к струне. — Вне сомнения, вы слышали мою игру?

Подобное утверждение заставило Кейтилин улыбнуться. На такой дальний север, каковым

является Винтерфелл, странствующие певцы забредали нечасто, но она помнила эту породу по девичьим годам в Ривердане.

— Боюсь, что нет, — улыбнулась она.

Певец извлек из арфы укоризненный аккорд.

— Вы много потеряли. А кто из певцов вам нравился больше?

— Алая из Браавоса, — немедленно ответил сир Родрик.

— О, я пою куда лучше, чем этот старый скрипун, — сказал Мариллон. — Если у вас найдется серебряная монетка за песню, я охотно докажу вам свою правоту.

— Медяк или два у меня найдутся, но я скорее брошу их в колодец, чем буду слушать твой вой, — буркнул сир Родрик. Мнение его о певцах было общеизвестно, музыка вообще создана для девиц, и он не мог понять, почему здоровому парню приходит в голову возиться с арфой, когда ему лучше взяться за меч.

— Ваш дед — человек едкий, — обратился Мариллон к Кейтилин. — Я хотел почтить вас, воздать должное вашей красоте. Я и создан для того, чтобы петь перед королями и высокими лордами.

— Ну, это заметно, — сказала Кейтилин. — Лорд

Талли любит песни, как я слыхала. Ты, вне сомнения, бывал в Ривеpране?

— Сотню раз, — непринужденно отвечал певец. — Там для меня держат наготове комнату, а молодой лорд относится ко мне, как к брату.

Кейтилин улыбнулась, представив, что сказал бы об этом Эдмар. Однажды какой-то певец утащил в степь девицу, которая нравилась брату, и с той поры Эдмар вообще возненавидел их породу.

— А как насчет Винтерфелла? — спросила она. — Ездил ли ты когда-нибудь на север?

— Зачем? — спросил Мариллон. — Там только метели и медвежьи шкуры, а Старки не разбираются в музыке, им бы только слушать вой волков.

Внезапно Кейтилин увидела, что в противоположном конце комнаты распахнулась дверь.

— Хозяйка, — послышался голос слуги. — Нам нужно разместить коней, милорд Ланнистер требует комнату и горячей воды.

— О боги, — проговорил сир Родрик, и Кейтилин стиснула его руку.

Маша Хедль уже кланялась и улыбалась, обнажая жуткие красные зубы.

— Простите, милорд, но гостиница полна до отказа, заняты все комнаты, простите.

Их четверо, заметила Кейтилин. Старик в черном одеянии Ночного Дозора, двое слуг и он сам, маленький, но отважный.

— Мои люди переночуют у вас на конюшне, а что касается меня самого, то много места не займу, как можно видеть. — Карлик насмешливо ухмыльнулся. — Мне хватит жаркого огня в очаге и отсутствия блох в соломе.

Маша Хедль стояла возле него.

— Милорд, у нас все занято, турнир, ничего нельзя поделать.

Тирион Ланнистер извлек монету из кошелька, подбросил над головой, поймал, подбросил снова. Даже на том конце комнаты, где сидела Кейтилин, трудно было не заметить, что она золотая. Вольный всадник в полинялом голубом плаще вскочил на ноги.

— Я приглашаю вас в свою комнату, милорд!

— Вот умный человек, — объявил Ланнистер, бросив монету через всю комнату. Вольный всадник подхватил ее в воздухе. — И какой сообразительный! — Карлик повернулся к Маше Хедль. — Надеюсь, вы дадите мне поесть?

— Все что угодно, милорд, все что угодно, — запела хозяйка. Чтоб ты подавился, подумала Кейтилин, представив себе Брана задыхающего-

ся, захлебывающегося собственной кровью.

Ланнистер поглядел на ближайший стол.

— Моим людям достаточно того, что вы подаете всем остальным. Двойную порцию каждому, как же иначе, мы — после тяжелой дороги. А мне подайте жареную птицу — цыпленка, утку, голубя, безразлично. И еще бутылку лучшего вина, Йорен, вы отужинаете со мной?

— Да, милорд, — поклонился черный брат.

Карлик пока еще не поглядел в дальний конец комнаты, и Кейтилин уже благодарила людные скамьи между ними, когда Мариллон внезапно вскочил на ноги.

— Милорд Ланнистер? — возопил он. — Я буду рад развлечь вас за едой. Позвольте мне спеть о великой победе вашего отца у Королевской Гавани.

— Ничто не может с такой надежностью погубить мой ужин, — сухо проговорил карлик. Разные глаза его коротко остановились на певце, отвернулись и взгляд упал на Кейтилин. Он поглядел на нее, озадаченный. Она отвернулась, но слишком поздно. Карлик уже улыбался.

— Леди Старк, какое неожиданное удовольствие, — проговорил он. — К сожалению, я разминулся с вами в Винтерфелле.

Мариллон, открыв рот, уставился на него, смятение уступало место досаде, тем временем Кейтилин поднялась на ноги. Она услышала, как сир Родрик ругнулся. И чего этому уроду не сиделось на Стене, подумала она, зачем…

— Леди Старк? — глупо проговорила Маша Хедль.

— В последний раз ночуя здесь, я звалась Кейтилин Талли, — сказала она хозяйке. Кейтилин услышала общий ропот, все взгляды устремились на нее. Она оглядела комнату, лица рыцарей и наемников и глубоко вздохнула, чтобы замедлить отчаянное биение сердца. Рискнуть ли? Но времени на раздумья не было, только мгновение, и она услышала, как звенит в ушах ее собственный голос. — Сир, действительно ли на вашем плаще вышита черная летучая мышь Харренхолла? — обратилась она к пожилому человеку, которого заметила только что.

Мужчина поднялся на ноги.

— Да, миледи.

— И леди Уэнт по-прежнему старинный и истинный друг моего отца, лорда Хостера Талли из Риверрана?

— Так, — ответил он.

Сир Родрик спокойно поднялся и извлек меч из

ножен. Карлик, моргая, глядел на них, и в разноцветных глазах его отражалось непонимание.

— Красному скакуну всегда рады в Ривердане, — сказала она троим сидящим у очага. — Отец мой числит Джонаса Бреккена среди своих самых старых и верных защитников.

Трое воинов обменялись неуверенными взглядами.

— Наш лорд почтен вашим доверием, — не без колебаний ответил один из них.

— Завидую вашему отцу, у него такие прекрасные друзья, — вмешался Ланнистер, — но я не понимаю, чего вы хотите, леди Старк.

Не обращая внимания на него, она обратилась к отряду, облаченному в синее и серое. Люди эти находились в центре событий, их было более двадцати.

— Я вижу и ваш герб — двойные башни Фреев. Как поживает ваш добрый лорд, сиры?

Поднялся капитан:

— Лорд Уолдер прекрасно себя чувствует, миледи. В день своих девяностых именин он намеревается заключить новый брак и просит вашего лорда-отца почтить его свадьбу своим присутствием.

Тирион Ланнистер фыркнул. И тут Кейтилин

поняла, что он в ее руках.

— Этот человек явился гостем в мой дом и замыслил там убийство моего сына, семилетнего мальчика! — объявила она всей комнате, указывая на Ланнистера. Сир Родрик стоял возле нее с мечом в руках. — Именем короля Роберта и волей добрых лордов, которым вы служите, я приказываю вам схватить его и помочь доставить преступника в Винтерфелл, где он будет ожидать королевского правосудия.

Кейтилин не сразу поняла, что более обрадовало ее, звук дюжины извлеченных мечей или выражение лица Тириона Ланнистера.

Санса

Санса отправилась на турнир десницы в обществе септы Мордейн и Джейни Пуль. Занавески из желтого шелка, столь тонкого, что она могла видеть сквозь него, превращали в золото весь мир вокруг. За городскими стенами устроили целые сотни павильонов, и простой люд собирался тысячами, чтобы посмотреть на турнир. От великолепия у Сансы захватило дух: сверкающие панцири, огромные кони, убранные в золото и серебро, крики толпы, знамена, трепещущие на ветру и сами рыцари — мужественные и недоступные.

— Тут даже красивее, чем в песнях, — прошептала она, когда они отыскали выделенные им места среди прочих высокородных лордов и леди. В тот день Санса была одета великолепно, зеленое платье подчеркивало осеннее золото волос; она знала, что на нее глядят, и улыбалась.

Все смотрели, как выезжают на поле герои песен, одна сказочная личность сменяла другую. Вот показались семеро рыцарей Королевской гвардии, не считая Джейме Ланнистера. Все они

были в чешуйчатой броне молочного цвета, прикрытой плащами, белыми, как свежевыпавший снег. Такой же белый плащ на плечах Джейме покрывали золотые доспехи, дополнявшиеся золотым шлемом в виде головы льва и золотым мечом. Прогромыхал лавиной сир Григор Клиган, иначе Скачущая Гора. Санса вспомнила лорда Джона Ройса, гостившего в Винтерфелле два года назад.

— Его бронзовой броне тысячи и тысячи лет, на ней выгравированы магические руны, ограждающие его от всякого зла, — шепнула она Джейни.

Септа Мордейн показала на лорда Ясона Маллистера, облаченного в индиго, украшенного чеканным серебром, с орлиными крыльями на шлеме. У Трезубца он скосил троих знаменосцев Рейегара. Потом девушки посмеялись над воинствующим жрецом Торосом из Мира, бритоголовым, в широком красном облачении, но септа рассказала им, что некогда он первым поднялся на стены Пайка с пылающим мечом в руке.

Других всадников Санса не знала. Засечные рыцари из Перстов, Вышесада, гор Дорна, невоспетые свободные всадники, новоиспеченные сквайры, сыновья знатных лордов, наследники

малых домов. Эти молодые люди еще не совершили великих деяний, но Санса и Джейки сошлись на том, что наступит время и Семь Королевств отзовутся на звук их имен. Сир Белон Свонн, лорд Брайс Карон из Марки. Наследник Бронзового Джона сир Эндар Ройс вместе с младшим братом сиром Робаром, на их посеребренной стальной броне искрилась бронзовая филигрань с теми же древними рунами, которые охраняли отца. Близнецы сир Хорас и сир Хоббер, щиты которых украшала виноградная гроздь Редвинов — алый виноград на синеве. Патрек Маллистер, сын лорда Ясона. Шестеро Фреев с Переправы, сир Яред, сир Хостин, сир Дэнуэл, сир Эммон и сир Тео, сир Первин, сыновья и внуки старого лорда Уолдера Фрея, а с ними его незаконнорожденный сын Мартин Риверс.

Джейни Пуль открыто призналась, что вид Джалабхара Ксо, принца, изгнанного с Летних островов, пугает ее: алые перья зеленого шлема рассыпались над темным как ночь лицом. Но потом она увидела молодого Бериса Дондарриона, волосы которого были подобны красному золоту, а черный щит пересекала молния, и объявила, что готова выйти за него замуж прямо сейчас.

Пес тоже значился в списках, как и брат коро-

ля, красавец лорд Ренли, владыка Штормового Предела Джори, Элик и Харви выехали на поле от Винтерфелла и севера.

— Джори среди здешних рыцарей похож на нищего, — фыркнула септа Мордейн. Сансе оставалось только согласиться. Иссиня-черный пластинчатый доспех Джори не был украшен даже гербом, тонкий серый плащ, свисавший с его плеч, напоминал грязную тряпку. Тем не менее он хорошо показал себя, выбив из седла Хораса Редвина в первом поединке, а во втором — одного из Фреев. В третьем он трижды съезжался с вольным всадником по имени Лотор Брун, облаченным в столь же простую броню, как и его собственная. Никто из них не упал, но Брун крепче держал пику и точнее наносил удары, поэтому король присудил победу ему. Элин и Харвин добились меньшего. Харвина выбил из седла в первом же поединке сир Меррин из Королевской гвардии, Элин уступил сиру Белону Свонну.

Поединки продолжались весь день до сумерек, копыта огромных боевых коней терзали траву, и поле скоро сделалось похожим на выбитую пустошь. Дюжину раз Джейни и Санса дружно вскрикивали, когда всадники съезжались, в щепу разбивая пики, а простонародье криками подбад-

ривало своего фаворита. Когда падали рыцари, Джейни закрывала глаза, как испуганная девчонка, но Санса была сработана из более крепкого материала. Знатной даме подобает уметь вести себя на турнирах. Даже септа Мордейн, одобрительно кивая, отметила ее сдержанность.

Цареубийца выступал блестяще. Он непринужденно, как на учениях, выбил из седла сира Эндара Ройса и лорда Брайса Карона из Марки. А потом с трудом вырвал победу у седоволосого Барристана Селми из Королевской гвардии, выигравшего первые две схватки у рыцарей, которые были на тридцать и сорок лет моложе его.

Сандор Клиган и его огромный брат сир Григор Гора тоже казались неудержимыми, они побеждали одного врага за другим самым жестоким образом. Самое ужасное случилось во время второго поединка сира Григора, когда его пика дрогнула и ударила молодого рыцаря Долины под горло с такой силой, что наконечник пробил ворот доспеха и убитый на месте юноша упал в каких-то десяти футах от Сансы. Острие пики сира Григора обломилось и осталось в его шее, и кровь медленными толчками оставляла тело. На новом и блестящем панцире играл свет, солнце сверкнуло зайчиком на его руке и ушло в облака.

Плащ его, нежно-голубой, как небо в ясный летний день, и расшитый по краю полумесяцами, побурел, впитывая кровь, и луны превратились в алые.

Джейни Пуль отчаянно разрыдалась, и септа Мордейн увела ее в сторону, чтобы та пришла в себя, но Санса сидела, сложив на коленях руки, и наблюдала за происходящим со странным интересом. Она еще не видела смерти. Санса подумала, что ей следовало бы заплакать, но слезы не шли. Наверное, она израсходовала весь свой запас на Леди и Брана. Конечно, будь это Джори, сир Родрик или отец, она отреагировала бы иначе, сказала она себе. Молодой рыцарь в синем плаще ничего не значил для нее, так, какой-то незнакомец из Долины Аррен, чье имя она забыла сразу, как только услыхала его. Мир тоже забудет его, поняла Санса. Песен о нем не споют. Как жаль.

Наконец тело унесли, на поле выбежал мальчишка с лопатой, забросавший грязью кровавое пятно. И поединки возобновились.

Сир Белон Свонн тоже уступил Григору, а лорд Ренли проиграл Псу. Ренли вылетел в воздух из седла буквально вверх ногами. Голова брата короля ударилась о землю с громким треском, и толпа охнула, однако это всего лишь отломился

золотой рог с его шлема. Поднявшегося на ноги Ренли, простонародье встретило радостными криками, народ любил симпатичного брата короля Роберта. С изящным поклоном он вручил отломанный отросток победителю. Пес фыркнул и забросил обломок в толпу, где люди принялись толкаться над куском золота. К тому времени септа Мордейн возвратилась одна.

— Джейни почувствовала себя нехорошо, и ей пришлось помочь вернуться в замок, — объявила она. Санса почти забыла о Джейни.

Потом засечный рыцарь в клетчатом плаще опозорил себя, убив лошадь под Берисом Дондарионом, и был объявлен выбывшим из борьбы. Лорд Берис перенес седло на другого скакуна, но только для того, чтобы быть выбитым из него Торосом из Мира. Сир Арон Сантагар и Лотор Брун съезжались трижды, но безрезультатно. Потом сир Арон уступил лорду Ясону Маллистеру, а Брун — Робару, младшему сыну лорда Ройса. В конце концов на поле остались четверо. Пес и его чудовищный брат Григор, Джейме Ланнистер Цареубийца и юный сир Лорас Тирелл, которого звали рыцарем Цветов.

Сир Лорас был младшим сыном Мейса Тирелла, лорда Вышесада, Хранителя Юга. В свои

шестнадцать лет он оказался на поле самым молодым среди рыцарей, но в то утро в первых же поединках выбил из седла поочередно троих королевских гвардейцев. Санса еще не видела такого красавца. Панцирь его был украшен причудливым узором, изображавшим букет из тысячи различных цветов, а снежно-белого жеребца покрывала попона, сплетенная из красных и белых роз. После каждой победы сир Лорас снимал шлем и медленно объезжал поле, увидев в толпе прекрасную деву, он вынимал из покрывала белую розу и бросал ей. В своем последнем поединке в тот день он съехался с молодым Ройсом. Древние руны сира Робара не смогли защитить его, сир Лорас с жутким грохотом расколол щит своего противника и выбил его из седла в грязь. Робар остался стонать на земле, а молодой победитель отправился объезжать поле. Наконец кликнули носилки, и недвижимого Робара унесли в шатер. Но Санса этого не видела она смотрела лишь на сира Лораса, и когда белый конь остановился перед ней, подумала, что сердце ее разорвется.

Остальным девушкам он дарил белые розы, но для нее выбрал красную.

— Милая леди, — проговорил юноша, — ни одна

победа не может быть прекраснее вас! — Санса застенчиво приняла цветок, онемев от подобной галантности. Голову сира Лораса украшала копна каштановых с рыжинкой кудрей, глаза светились, как расплавленное золото. Санса вдохнула слабый аромат цветка, и пока юноша отъезжал, не спускала с него взгляда.

Когда Санса наконец подняла глаза, возле нее оказался невысокий мужчина с остроконечной бородкой и проседью в волосах, он показался ей ровесником отца.

— Наверное, вы одна из ее дочерей, — сказал он, улыбаясь одним только ртом, но не серо-зелеными глазами. — Вы похожи на Талли.

— Я Санса Старк, — ответила она со смущением. Мужчина был облачен в тяжелый плащ с меховым воротником, застегнутым брошью в виде серебряного пересмешника, и держался с непринужденностью знатного лорда.

— Я не имею чести знать вас, милорд.

Септа Мордейн торопливо взяла ее за руку.

— Милое дитя, это лорд Бейлиш, член Малого королевского совета.

— Некогда ваша мать была моей королевой красоты, — дохнув на Сансу мятой, негромко проговорил мужчина. — У вас ее волосы. — Пальцы

его вдруг прикоснулись к ее щеке, к золотому локону. А потом он резко повернулся и ушел.

К этому времени луна уже поднялась и толпа устала, поэтому король объявил, что последние три поединка состоятся на следующее утро перед общим турниром. Простолюдины разошлись по домам, обсуждая схватки минувшего дня, придворные отправились на берег реки, где их ждал пир. Шесть громадных зубров жарились на кострах уже несколько часов, туши медленно поворачивались на деревянных вертелах, поварята старательно обмазывали их маслом и травами до тех пор, пока мясо не запеклось и не начало истекать соком. Возле павильонов поставили скамьи и разложили столы, уставили их сладкими травами, клубникой и свежевыпеченным хлебом.

Сансе и септе Мордейн отвели весьма почетные места слева от приподнятого помоста, на котором рядом с королевой восседал король. По правую руку от матери уселся принц Джоффри, и Санса ощутила, как напряглось его горло. Принц не сказал ей ни слова после того жуткого события, а она не осмеливалась заговорить с ним. Вначале она решила, что ненавидит его за то, что случилось с Леди, но, выплакав все слезы, убедила себя в том, что не Джоффри виноват, причиной всему

королева, ее-то и следует ненавидеть, ее и Арью. Если бы не Арья, ничего бы с ними вообще не случилось. Сегодня она просто не могла ненавидеть Джоффри, принц был слишком прекрасен. На темно-синем дублете блестел двойной ряд вышитых золотых львиных голов, чело его украшала тонкая корона из золота и сапфиров. Волосы отливали золотом. Она боялась, что принц не обратит на нее внимания или, хуже того, в припадке ненависти выгонит ее, плачущую, из-за стола.

Но Джоффри только улыбнулся ей, поцеловал ее руку — красивый и любезный, как подобает принцу из песен, и сказал:

— Сир Лорас умеет понимать красоту, милая леди.

— Он был слишком добр ко мне, — пробормотала она, пытаясь оставаться скромной и спокойной, хотя душа ее пела. — Сир Лорас — истинный рыцарь. Как вы думаете, он победит завтра, милорд?

— Нет, — отвечал Джоффри. — С ним расправится или мой Пес, или может быть, дядя Джейме. А через несколько лет, когда я вырасту и меня включат в списки, я превзойду их всех. — Джоффри поднял руку, подзывая слугу с бутылкой ледяного летнего вина и налил в ее чашу. Санса поглядела

на септу Мордейн, но Джоффри приподнялся и наполнил чашу септы; она кивнула и вежливо поблагодарила его, но не сказала ни слова.

Слуги наполняли чаши всю ночь, но потом Санса не сумела даже вспомнить вкуса вина, ее и так пьянили чары этой ночи, голова кружилась от великолепия, красоты, о которой Санса втайне мечтала всю жизнь. Перед павильоном короля сидели певцы, заполнявшие сумерки музыкой. Жонглер подкидывал в воздух горящие дубинки. Собственный шут короля, Лунатик, — простак, лицо пирожком, — выплясывал на ходулях и без умолку вышучивал всех и каждого с такой откровенной жестокостью, что Санса усомнилась в его простоте. Даже септа Мордейн была беспомощна перед ним: шут завел песенку о верховном септоне, и она хохотала так, что выплеснула вино на платье.

Джоффри казался воплощенной любезностью. Он весь вечер разговаривал с Сансой, осыпал ее комплиментами, развлекал, делился дворцовыми сплетнями, объяснял выходки Лунатика. Санса была настолько поражена, что, забыв о своем воспитании, более не обращала внимания на септу Мордейн, сидевшую слева от нее.

Тем временем блюда приносили и уносили.

Густой суп из ячменя и оленины, салаты из сладкотравья, шпината и слив, посыпанные толчеными орехами. Улитки под медом и чесноком, Санса еще никогда не ела улиток, но Джоффри показал ей, как надо извлекать моллюска из раковины, и сам подал ей первый сладкий кусочек. За этим последовала запеченная в глине форель, только что выловленная в реке, и принц помог Сансе разбить хрупкую корочку, под которой таилась волокнистая белая мякоть. Затем начались мясные блюда, и он опять позаботился о ней, отрезав от ноги зубра прекрасный кусок и с улыбкой положив на ее тарелку. Впрочем, судя по скованным движениям, правая рука еще беспокоила Джоффри, однако он не жаловался.

Потом пошли сласти: пирог с голубями, запеченные яблоки, благоухающие корицей, и лимонный пирог под сахарной глазурью. Но к этому времени Санса уже настолько наелась, что сумела управиться только с двумя маленькими пирожками с лимоном, невзирая на то что очень любила их. Она как раз подумывала, не взяться ли за третий, когда король начал кричать. Король Роберт становился все говорливее с каждым блюдом. Время от времени Санса слышала, как он смеется или выкрикивает распоряжения,

заглушая музыку, стук тарелок и утвари, но они сидели слишком далеко от него, чтобы она могла разобрать слова. Теперь Роберта слышала все.

— Нет! — прогрохотал он, заглушая все разговоры. Потрясенная Санса видела, что король поднялся на ноги, шатаясь и побагровев. В руке Роберт держал кубок с вином, хотя уже был пьян. — Не приказывай мне, женщина! — рявкнул он, обращаясь к королеве Серсее. — Король здесь я, понимаешь? Я правлю в этой стране, и если я сказал, что выеду завтра на турнир, то выеду! — Все только глядели разинув рты.

Санса заметила сира Барристана, Ренли, брата короля, и еще того невысокого человечка, который так странно говорил с ней и прикоснулся к ее волосам. Но никто не сделал попытки вмешаться. Лицо королевы скрывала бескровная маска, настолько белая, что ее, пожалуй, можно было бы вылепить из снега. Серсея поднялась из-за стола и, собрав свои юбки, молча бросилась к выходу. Челядь направилась следом.

Джейме Ланнистер положил ладонь на плечо короля, но король оттолкнул его в сторону. Ланнистер споткнулся и упал. Король расхохотался.

— Тоже мне великий рыцарь! Я легко сумею втоптать тебя в грязь… Помни это, Цареубийца!

— Он ударил в грудь украшенным драгоценными камнями кубком, расплескивая вино по атласной рубахе. — Давайте мне мой молот, и ни один рыцарь в королевство не выстоит против меня!

Джейме Ланнистер поднялся и отряхнулся.

— Как вам угодно, светлейший государь, — ответил он напряженным голосом. Лорд Ренли с улыбкой шагнул вперед:

— Ты пролил вино, Роберт. Позволь мне подать тебе новый кубок.

Санса вздрогнула, когда Джоффри вдруг положил свою руку на ее ладонь.

— Становится поздновато, — сказал принц. На лице его застыло странное выражение, словно он больше не видел ее. — Нужно ли проводить нас до замка?

— Нет, — ответила Санса и, поглядев на септу Мордейн, вдруг заметила, что та спит, положив голову на стол, и мягко и весьма благовоспитанно прихрапывает.

— Я хотела сказать… да, спасибо, я буду очень признательна. Я устала, а дорога такая темная. Я буду рада какой-то защите.

Джоффри выкрикнул:

— Пес!

Сандор Клиган словно бы мгновенно соткался

из тьмы, так быстро он появился. Он уже успел заменить панцирь красной шерстяной туникой, на груди которой была нашита кожаная собачья голова. Факелы заливали его обгорелое лицо тусклым светом.

— Да? — проговорил он.

— Отведи мою невесту в замок. Пригляди, чтобы с ней ничего не случилось, — отрывисто проговорил принц. И, не сказав ей даже слова на прощание, направился прочь. Санса буквально всем телом ощутила на себе взгляд Пса.

— А ты уже решила, что Джеффри сам отправится провожать тебя? — Он расхохотался, смех его напоминал грызню собак на псарне. — На это рассчитывать нечего!

Он тянул ее, не сопротивляющуюся, за собой.

— Пошли, не только тебе надо поспать… Я уже крепко выпил, а завтра мне, возможно, придется убить собственного брата! — Он вновь расхохотался.

С внезапным ужасом Санса толкнула септу Мордейн в плечо, надеясь разбудить ее, но та лишь громче всхрапнула. Король Роберт направился прочь, и половина скамей разом опустела. Пир закончился, а с ним и прекрасный сон.

Пес прихватил факел, чтобы освещать их путь.

Санса следовала за ним. Почва была каменистой и неровной, в мерцающем свете тени двигались и перемещались под ее ногами. Санса шла, опустив глаза, старательно выбирая место, куда можно было ступить. Они проходили между павильонов, перед каждым из которых высилось знамя и висела броня; молчание становилось тяжелее с каждым шагом: Санса не могла выносить общество этого человека, настолько он пугал ее. Однако она была воспитанной девушкой. Истинная леди не позволит себе обратить внимание на внешность человека, сколь безобразным он бы ни был, сказала она себе.

— Вы выступили сегодня самым доблестным образом, сир Сандор, — заставила она себя пробормотать.

Сандор Клиган огрызнулся:

— Избавь меня от своих пустых комплиментов, девчонка, и от твоего сира. Я не рыцарь. Я плюю на них и на их обеты. Вот мой брат — рыцарь. Ты видела, как он сегодня ездил?

— Да, — проговорила Санса затрепетав. — Он был…

— Таким доблестным? — договорил Пес.

Он смеется над ней, поняла Санса.

— Никто не смог противостоять ему, — гордясь

собой, наконец проговорила она. Это не было ложью.

Сандор Клиган внезапно остановился посреди темной пустоши. Ей пришлось встать рядом.

— Твоя септа хорошо научила тебя. Ты похожа на одну из пташек, прилетевших с Летних островов, вот что. На хорошенькую говорливую пичужку, повторяющую все хорошие слова, которым ее научили.

— Это нехорошо, — Санса ощутила, как сердце затрепетало в груди. — Вы пугаете меня. Я хочу уйти.

— Никто не может противостоять ему, — скрежетнул Пес. — Вот это правда. Никто не способен противостоять Григору. А хорошо он сделал этого мальчишку, своего второго противника! Ты видела, правда? Дурак. Незачем ему было выезжать в такой компании. Ни денег, ни сквайра, некому помочь надеть доспехи. Он плохо завязал воротник. Ты думаешь, что Григор не заметил этого? Или ты полагаешь, что пика сира Григора дернулась вверх случайно? Хорошая разговорчивая девчушка, если ты в это веришь, то уж точно пустоголова, как птица. Пика Григора смотрит туда, куда ее направляет Григор. Погляди на меня. Погляди на меня! — Сандор Клиган протянул

огромную руку, повернул ее лицо, взяв за подбородок. Опустившись на корточки перед ней, он поднес факел к своему лицу. — Смотри, вот тебе хорошенькое личико, смотри на здоровье. Я знаю, что ты этого не хочешь, я следил за тобой все время на Королевском тракте, да насрать мне на это! Гляди внимательно!

Пальцы держали ее челюсть, словно железный капкан. Он не отрывал глаз, пьяных, гневных. Приходилось смотреть.

Правая сторона лица его казалась изможденной: острые скулы, серый глаз под тяжелым лбом, нос большой и изогнутый, жидкие темные волосы. Клиган отращивал их и зачесывал набок, потому что на другой стороне его лица они не росли.

Левой половины лица не было. Ухо оторело, осталась лишь дырка. Глаз еще видел, но его окружал змеиный клубок шрамов, обожженную жесткую черную плоть покрывали рытвины и глубокие трещины, в которых, когда Сандор шевелился, поблескивало что-то красное и влажное… снизу на челюсти съежившаяся плоть открывала кусочек кости.

Санса заплакала. Выпустив ее, Клиган загасил факел в грязи.

— Значит, нет у тебя хорошеньких слов для моей рожи, девица? Для этого твоя септа не знает никаких комплиментов? — Ответа не последовало, он продолжил: — Многие думают, что это случилось в какой-то битве во время осады, в горящей башне, говорят, что у моего врага был в руках факел. Один дурак даже спросил, не дохнул ли на меня дракон.

На этот раз смех его был мягок, но в нем слышалась горечь.

— Но я скажу тебе, девушка, как это было, — прохрипел он — голос в ночи, тень, подвинувшаяся так близко, что она ощутила запах выпитого вина. — Я был моложе тебя, мне было тогда семь, а может, даже и шесть. В деревне возле стен крепости моего отца один резчик по дереву устроил свою лавку и, чтобы добиться поддержки, послал нам подарки. Старик делал восхитительные игрушки. Я не помню, что получил тогда, но мне больше понравился подарок Григора — разрисованный деревянный рыцарь, каждый сустав его двигался и был закреплен веревочкой, поэтому он мог сражаться. Григор был на пять лет старше меня и перерос эту игрушку. Он уже стал сквайром, мускулистый как бык и почти шести футов ростом. Поэтому я взял его рыцаря, но кража не

принесла мне счастья — я держался настороже, и все-таки он поймал меня. В его комнате была жаровня. Григор не сказал даже слова, просто взял меня под мышки, уткнул лицом в горящие угли и держал так, невзирая на все мои вопли. Ты видела, какой он сильный. И уже тогда вырвать меня у него сумели только трое взрослых мужчин. Септоны говорят о семи пеклах. Что они знают? Только те, кто был обожжен, как я, знают, что такое истинный ад. Отец сказал всем, что постель моя загорелась, а наш мейстер лечил меня мазями. Мазями! Григор тоже получил свою мазь. Четыре года спустя его помазали семью елеями, он принес свои рыцарские обеты, и Рейегар Таргариен, ударив его по плечу, сказал «Восстань, сир Григор!».

Скрежещущий голос умолк. Сандор безмолвно сидел перед ней на корточках, громадный черный силуэт растворился в ночи, прячась от ее глаз. Санса слышала неровное дыхание Сандора, ей было жаль его, и она поняла, что страх почему-то исчез. Молчание затянулось, оно продолжалось так долго, что она вновь начала бояться, но теперь уже за него, а не за себя. Она нащупала массивное плечо рукой.

— Он не настоящий рыцарь, — шепнула она.

Пес откинул голову назад и взревел. Санса отступила назад, но он поймал ее за руку.

— Ты права! — прорычал он — Да, пичуга, он не настоящий рыцарь.

Весь остаток пути до города Сандор Клиган промолчал. Он довел ее до места, где ждали повозки, приказал вознице отвезти их в Красный замок и уселся с ней рядом. Они в молчании въехали через Королевские ворота, миновали не освещенные факелами городские улицы. Через заднюю калитку он провел Сансу в замок, обожженное лицо дергалось, в глазах пряталась задумчивость. Он держался на шаг позади нее, пока она поднималась по лестнице в башню. Сандор проводил Сансу до коридора, ведущего в ее опочивальню.

— Благодарю вас, милорд, — кротко проговорила Санса.

Пес поймал ее руку и наклонился поближе.

— То, о чем я рассказал тебе сегодня, — проговорил он еще более грубо, чем обычно. — Если ты когда-нибудь скажешь Джоффри, своей сестре или отцу, — любому из них…

— Не скажу, — прошептала Санса. — Обещаю.

Этого было мало.

— Если скажешь кому-нибудь, — закончил он, — я убью тебя.

Эддард

— Я сам отстоял по нему панихиду, — проговорил сир Барристон Селми, и они поглядели на тело, лежавшее в задней части повозки. — У него никого здесь не было. Говорят, в Долине осталась мать.

В бледных лучах рассвета молодой рыцарь казался уснувшим. Он не был красив, но смерть сгладила грубые черты, а Молчаливые Сестры облачили его в лучшую бархатную рубаху с высоким воротником, закрывшим рану, оставленную пикой на его горле. Эддард Старк поглядел на лицо и подумал, что этот мальчик, наверное, умер из-за него. Знаменосец Ланнистеров убил его прежде, чем Нед успел поговорить с юношей. Неужели это простое совпадение? Он понял, что никогда не узнает этого.

— Хью пробыл сквайром Джона Аррена четыре года, — проговорил Селми. — Король произвел его в рыцари в память Джона до того, как мальчишка уехал на север. Он отчаянно добивался этого звания, но, увы, не был готов к нему.

Нед в ту ночь спал скверно и ощущал, что нава-

лившаяся не по годам усталость одолевает его.

— Никто из нас не бывает готов, — проговорил он.

— К посвящению в рыцари?

— К смерти. — Нед аккуратно укрыл мальчика плащом, между полумесяцев на синем атласе проступало кровавое пятно. Когда мать спросит, как погиб ее сын, с горечью подумал он, ей ответят, что он сражался на турнире в честь десницы короля, Эддарда Старка.

Бессмысленная смерть. Войну нельзя превращать в игру. Нед повернулся к женщине, стоявшей возле повозки. Серые одежды прятали и тело ее, и лицо, все, кроме глаз. Молчаливые Сестры готовили людей к могиле, но увидеть лицо смерти значило навлечь на себя неудачу.

— Отошлите его доспехи в Долину. Они понадобятся матери.

— Панцирь его стоит достаточно сребреников, — проговорил сир Барристан. — Мальчик заказал броню специально для турнира. Работа простая, но добротная. Даже не знаю, заплатил ли он кузнецу.

— Он заплатил вчера, милорд, и заплатил дорого, — заметил Нед. А Молчаливой Сестре указал, — отошлите панцирь матери, я улажу отношения

с оружейником. — Она склонила голову.

Потом сир Барристан направился с Недом в Королевский павильон. Лагерь начинал шевелиться. Жирные сосиски шипели и плевались над очагами, в воздухе пахло перцем и чесноком. Молодые сквайры забегали по поручениям, отданным проснувшимися хозяевами, они зевали и потягивались, встречая день. Слуга, державший под мышкой гуся, преклонил колено, завидев их.

— Милорды, — пробормотал он, гусь тем временем гоготал и щипал его за пальцы.

Щиты, выставленные у шатров, говорили о своих владельцах: серебряный орел Сигарда, соловьи Брайса Карона, гроздья винограда Редвинов, щетинистый вепрь, красный бык, горящее дерево, белый баран, тройная спираль, пурпурный единорог, пляшущая дева, черная гадюка, двойные башни, филин и, наконец, чисто-белые щиты Королевской гвардии, отражавшие лучи рассвета.

— Король намеревается принять участие в общей схватке, — проговорил сир Барристан, проезжая мимо щита сира Меррина, на котором осталась глубокая царапина, нанесенная копьем сира Лораса, выбросившим рыцаря из седла.

— Да, — ответил Нед мрачно. Джори разбудил

его ночью, чтобы известить о новости.

Нечего удивляться, что он спал так скверно.

Сир Барристан выглядел обеспокоенным.

— Говорят, что ночные красотки с рассветом теряют свою красоту, а вино отрекается от своих детей в свете утра.

— Так говорят, — согласился Нед, — но о Роберте этого не скажешь. — Другие могли бы отречься от слов, выкрикнутых в пьяном угаре, но Роберт Баратеон запомнит их и не отступит.

Павильон короля стоял возле воды, и наползавший с реки утренний туман окутывал его серыми клочьями. Сооруженный из золотистого шелка, он представлял собой самое большое и величественное сооружение в лагере. Возле входа стоял боевой молот — рядом с колоссальным щитом, украшенным коронованным оленем дома Баратеонов.

Нед надеялся найти короля спящим после выпитого вина. Но удача оставила его: Роберт уже встал и пил пиво из полированного рога, высказывая при этом неудовольствие двоим молодым сквайрам, пытавшимся упаковать его тело в броню.

— Светлейший государь, — проговорил один из них, едва ли не сквозь слезы, — панцирь вам

мал. Он не подходит вам. — Рука его дрогнула, и воротник, который он пытался пристроить, вокруг толстой шеи Роберта, упал на землю.

— Седьмое пекло! — выругался Роберт. — Неужели мне придется делать это самому! Подберите, засранцы… Не стой, Лапсель! Не стой с открытым ртом, подбирай! — Парнишка торопливо оглянулся, и король заметил Неда. — Погляди-ка на этих олухов, Нед. Моя жена настояла, чтобы я взял эту парочку сквайрами, а от них нет никакого толка. Не умеют даже одеть человека в его собственный панцирь и еще называют себя сквайрами! А я говорю, что они свинопасы, одетые в шелка!

Неду хватило одного взгляда, чтобы понять причину всех сложностей.

— Мальчишки не виноваты, — сказал он королю. — Ты слишком растолстел для этих доспехов, Роберт.

Роберт Баратеон хорошенько глотнул пива, бросил опустевший рог на меховое покрывало, вытер рот тыльной стороной руки и мрачно буркнул:

— Растолстел? Это я-то? Разве так положено разговаривать с королем? — Внезапный хохот налетел бурей, — Ах, проклятие, Нед, объясни мне, ну почему ты всегда бываешь прав?

Сквайры нервно заулыбались, когда король повернулся к ним.

— Эй вы. Да, оба! Вы слыхали слова десницы. Король слишком толст для его панциря. Ступайте за сиром Ароном. Скажите ему, что мне необходимо срочно расставить нагрудную пластину. Живо! Чего вы ждете?

Наталкиваясь друг на друга, мальчишки поспешили выбраться из шатра. Роберт сохраняя на лице своем деланный гнев, пока они не ушли. А потом опустился кресло и зашелся в хохоте.

Сир Барристан Селми похихикал вместе с ним, даже Эддард Старк умудрился улыбнуться. На него, как всегда, словно тучи наползали серьезные думы. Он успел разглядеть сквайров: симпатичные мальчишки, светловолосые и хорошо сложенные. Один, кудрявый и золотоволосый, был ровесником Сансы, другой, наверное, пятнадцатилетний, с песчаными волосами и тонкими усиками, глядел на мир изумрудно-зелеными глазами королевы.

— Хотелось бы мне увидеть сейчас лицо Сантагара, — проговорил Роберт. — Надеюсь, что у него хватит ума отослать их к кому-нибудь еще. Надо бы заставить их побегать весь день.

— А кто эти ребята? — спросил его Нед. — Родня

Ланнистерам?

Роберт кивнул, вытирая слезы с глаз.

— Кузены, сыновья брата лорда Тайвина. Одного из покойных братьев. А может быть, и здравствующего, не помню. У моей жены слишком уж большое семейство, Нед.

И весьма честолюбивое, подумал Нед. Он не стал ничего говорить, но его встревожило то, что Роберт и ночью и днем окружен родней королевы. Жадность Ланнистеров, их любовь к должностям и почестям как будто бы не имели границ.

— Поговаривают, что вы с королевой вчера поссорились?

Физиономия Роберта мгновенно скисла.

— Эта баба попыталась запретить мне драться. Сейчас она сидит в замке. Твоя сестра никогда не опозорила бы меня таким образом!

— Ты не знал Лианну так, как я, Роберт, — ответил Нед. — Ты видел только ее красоту, но под ней таилось железо. Она сказала бы тебе, что в общей схватке тебе нечего делать.

— И ты тоже? — нахмурился король. — Старк, ты прокис. Ты слишком много лет просидел на севере, и все жизненные соки в тебе замерзли. Но в моем теле они еще бегут. — Он хлопнул себя по груди, чтобы доказать это.

— Ты король, — напомнил ему Нед.

— Я сажусь на проклятый престол, когда обязан это делать. Неужели поэтому я должен отказывать себе в том, что любит всякий мужчина? В лишнем глотке вина, в девице, что верещит в постели, в конских боках между моими ногами! Седьмое пекло, Нед, как мне хочется отлупить кого-нибудь!

Ответил ему сир Барристан Селми.

— Светлейший государь, — проговорил он. — Королю не подобает участвовать в схватке. Это не честно. Кто осмелится ударить вас?

Роберт вполне искренне удивился.

— Любой, черт побери. Пусть только сумеют! И последний оставшийся на ногах человек…

— …окажется тобой, — проговорил Нед. Он немедленно понял, что Селми попал в точку. Опасности, которые сулила общая схватка, лишь раззадоривали Роберта, но подобное соображение ранило гордость. — Сир Барристан прав. В Семи Королевствах не найдется такого человека, который рискнул бы поднять на тебя руку.

Король поднялся на ноги, побагровев.

— Ты хочешь сказать, что эти брыкучие трусы позволят мне победить?

— Безусловно, — отвечал Нед. Сир Барристан

Селми склонил свою голову в безмолвном согласии.

На мгновение Роберт разгневался настолько, что даже не смог заговорить. Король метнулся в угол шатра, резко повернулся и зашагал обратно с мрачным и гневным лицом. Подхватив с земли нагрудную пластину панциря, он запустил ею в Барристана Селми, по-прежнему не находя слов от ярости. Селми уклонился.

— Убирайтесь, — сказал король холодным голосом. — Убирайтесь, пока я не убил вас.

Сир Барристан заторопился к выходу. Нед уже собрался последовать за ним, когда король вновь позвал его:

— А ты останься, Нед.

Нед повернул назад. Роберт вновь взял рог, наполнил его пивом из бочонка в углу и протянул Неду.

— Пей, — сказал он отрывисто.

— Я не хочу…

— Пей. Король приказывает.

Нед приложился к рогу. Черное густое пиво оказалось настолько крепким, что у него защипало глаза. Роберт сел.

— Проклятие на твою голову, Нед Старк. На твою и Джона Аррена, я любил вас обоих, и что

же вы со мной сделали? Это тебе нужно было становиться королем, тебе или Джону.

— У тебя было больше прав, светлейший.

— Я велел тебе пить, а не спорить. Раз ты сделал меня королем, так по крайней мере потрудись любезно слушать, пока я говорю, черт побери. Погляди на меня, Нед. Видишь, что сделала из меня эта королевская власть? Боги, я слишком разжирел для своего панциря. Как могло дойти до такого позора?

— Роберт…

— Пей и молчи, пока король говорит. Клянусь тебе, я никогда не чувствовал себя таким живым, когда добивался этого престола, и таким мертвым после того, как занял его. А Серсея… За нее я должен отблагодарить Джона Аррена. Я не хотел жениться после того, как у меня отняли Лианну. Но Джон заявил, что государство нуждается в наследнике и Серсея Ланнистер составит для меня хорошую пару. Он уверял меня, что она привяжет ко мне лорда Тайвина, на случай, если Визерис Таргариен когда-нибудь попытается вернуть престол своего отца. — Король покачал головой. — Я любил этого старика, клянусь, но теперь думаю, что он был большим дураком, чем мой Лунатик. Серсея красива, это так, но она холодна… а как

стережет свою щель! Можно подумать, что у нее между ног спрятано все золото Бобрового утеса. Эй, дай-ка сюда это пиво, если ты не хочешь пить его. — Король опустошил рог, перевернул его, рыгнул, вытер рот. — Поверь, Нед, мне действительно жаль твою девочку. Это я о волке. Мой сын лгал, клянусь в этом душой. Мой сын… ты своих детей любишь, так?

— Всем сердцем, — отвечал Нед.

— Тогда я открою тебе секрет. Много раз я мечтал отказаться от короны. Уехал бы на корабле в Вольные Города, взял бы с собой молот и проводил время в стычках или со шлюхами, для этого я создан. Король-наемник, как полюбили бы меня певцы! И знаешь, что меня останавливает? Мысль о том, что Джоффри окажется на моем троне, а Серсея будет из-за спины нашептывать ему на ухо. Мой сын… Как я мог сделать такого, а, Нед?

— Он всего лишь мальчишка, — неловко ответил Нед. Принца Джоффри он недолюбливал, но в голосе Роберта слышалась истинная боль. — Неужели ты забыл, каким дикарем был в его возрасте?

— Я бы не беспокоился, если бы мальчишка был дикарем. Ты же не знаешь его так, как я.

— Король вздохнул и покачал головой. — К тому же, возможно, ты прав. Джон часто бывал недоволен мной, однако же я вырос и сделался добрым королем, — Роберт поглядел на Неда, хмурясь его молчанию. — Мог бы уже сказать слово и согласиться со мной, мог бы!

— Светлейший… — начал Нед, выбирая слова. Роберт хлопнул Неда по спине.

— Ладно, скажи просто, что я лучший король, чем Эйерис, и закончим на этом. Ты никогда не умел лгать ни ради любви, ни ради чести, Нед Старк. Я еще молод, и теперь, когда ты вновь рядом со мной, все переменится. Мы сделаем мое правление таким, что о нем будут петь, и пусть Ланнистеры убираются в седьмое пекло. Ветчиной пахнет. А как ты думаешь, кто победит сегодня? Ты видел парня Мейса Тирелла? Его зовут рыцарь Цветов. Вот это сын, истинная гордость своего отца! На последнем турнире он сбросил Цареубийцу на землю — прямо на золоченую задницу! Видел бы ты выражение на лице Серсеи… Я хохотал, пока не заломило в боках. Ренли утверждает, что у него есть сестра, четырнадцатилетняя девочка, прекрасная, как рассвет…

Они позавтракали возле реки на раскладном

столе черным хлебом, вареными гусиными яйцами и рыбой, поджаренной на луке с беконом. Меланхолия короля улетучилась вместе с утренним туманом, и, приступив к апельсину, Роберт уже размяк и принялся вспоминать об утре в Орлином Гнезде, когда они были мальчишками…

— …и подарил Джону бочонок апельсинов? Только они сгнили и я бросил один через стол, угодив прямо в физиономию Даккса. Помнишь сквайра Редфорда с изрытым оспой лицом? Он бросил в меня другим, и пока Джон решал, что делать, апельсины залетали по всему чертогу во все стороны! — Он громогласно расхохотался, и даже Нед улыбнулся воспоминанию.

Это был тот мальчишка, с которым он рос, это был тот самый Роберт Баратеон, которого он знал и любил. И если он сумеет доказать, что Ланнистеры подстроили нападение на Брана, что именно они убили Джона Аррена, этот человек поверит ему. Тогда Серсея падет, а вместе с ней и Цареубийца, ну а если лорд Тайвин осмелится поднять Запад, Роберт раздавит его, как раздавил он Рейегара Таргариена у Трезубца. Все было ясно.

Завтрак этот показался Неду вкуснее всех трапез за последнее время, и вскоре лорд Старк

заулыбался. А потом настало время турнира.

Нед отправился вместе с королем на поле сражения. Он обещал посмотреть финальные схватки вместе с Сансой. Септа Мордейн, как выяснилось, прихворнула, а дочь не хотела пропустить конца состязаний. Увидев Роберта на своем месте, он отметил, что Серсея Ланнистер решила не появляться; место возле короля оказалось свободным. Этот факт также вселил в Неда некоторые надежды.

Он протолкался к месту, где сидела дочь, как раз когда затрубили трубы, объявляя о первой схватке. Санса была настолько увлечена, что не сразу заметила появление отца.

Первым выехал Сандор Клиган в оливково-зеленом плаще, прикрывающем серо-пепельный панцирь. Лишь шлем в виде собачьей головы украшал доспех.

— Сотня золотых драконов на Цареубийцу, — объявил громко Мизинец, когда появился Джейме Ланнистер на элегантном чистокровном гнедом. Конь был покрыт позолоченной кольчужной попоной. Джейме сверкал с головы до ног. Даже пика его была изготовлена из золотого дерева, доставленного с Летних островов.

— По рукам, — отвечал лорд Ренли. — Нынеш-

ним утром Пес кажется мне голодным.

— Всякий голодный пес знает, что лучше не кусать руку, которая кормит его, — сухо отозвался Мизинец.

Сандор Клиган с громким лязгом уронил забрало и занял свое место. Сир Джейме послал воздушный поцелуй какой-то женщине среди простонародья, мягко опустил забрало и выехал на конец дорожки. Оба рыцаря опустили копья.

Неду Старку хотелось бы, чтобы проиграли оба, но Санса смотрела на них, блестя от волнения глазами. Сооруженная на скорую руку галерея затряслась, когда лошади перешли в галоп. Пес наклонился вперед, копье его ровно покачивалось, но Джейме чуть изменил положение в мгновение, предшествующее удару. Острие копья Клигана лишь скользнуло по золотому щиту с изображением льва, а сам Ланнистер точно попал в щит Пса. Дерево треснуло, Клиган пошатнулся, пытаясь удержаться в седле. Санса охнула. Неровный ропот пробежал по толпе.

— На что мне лучше потратить ваши деньги, милорд? — обратился Мизинец к Ренли.

Пес ухитрился усидеть в седле. Он развернул своего коня и направился к загородке для второй схватки. Ланнистер бросил сломанное копье и

подхватил новое, успев обменяться шутками со сквайром. Пес бросился вперед жестким галопом, Ланнистер спокойно скакал навстречу. На этот раз, когда Джейме изменил позу, Сандор Клиган повторил его движение. Пики разлетелись в щепки, и когда обломки опустились на землю, лишившийся ездока кровный гнедой отправился пощипать травку, а сир Джейме Ланнистер повалился в грязь в своей золотой, но уже помятой броне.

Санса проговорила:

— Я знала, что Пес победит.

Мизинец услыхал ее.

— Если вы знаете, кто победит во втором поединке, скажите об этой сейчас, прежде чем Ренли успеет раздеть меня догола, — обратился он к Сансе, и Нед улыбнулся.

— Жаль, что с нами нет Беса, — заметил лорд Ренли, — тогда я выиграл бы в два раза больше.

Джейме Ланнистер был уже на ногах, но при падении пышный львиный шлем его повернулся, смялся и не желал сниматься с головы. Простолюдины улюлюкали и тыкали пальцами, но Нед слышал громовой хохот короля Роберта, заглушавший все прочие голоса. В конце концов слепому и спотыкавшемуся Ланнистеру при-

шлось отправиться к кузнецу.

К этому времени сир Григор Клиган уже оказался в своем углу ограждения. Эддард Старк еще не видел столь высокого рыцаря. Роберт Баратеон и его братья — люд рослый, как, впрочем, и Пес, да и у него самого в Винтерфелле остался конюх по имени Ходор, рядом с которым все выглядели малышами. Но рыцарь, которого звали Скачущей Горой, возвышался бы и над Ходором. В нем было футов восемь, руки казались стволами небольших деревьев. Рослый верховой конь превратился в пони между его облаченных в железо ног, пика в его руках напоминала ручку метлы. В отличие от своего брата сир Григор жил не при дворе. Он вел уединенную жизнь и оставлял собственные земли разве что ради войн и турниров. Он находился возле лорда Тайвина во время падения Королевской Гавани, тогда юному рыцарю было всего лишь семнадцать лет, но он уже прославился — ростом и невозмутимой свирепостью. Утверждали что именно Григор разбил о стену голову младенца Эйегона Таргариена, поговаривали, что потом он изнасиловал его мать дорнийскую принцессу Элию прежде чем зарубить ее. Обо всем этом при Григоре не вспоминали.

Нед Старк не помнил, чтобы когда-либо разговаривал с ним, хотя Григор сопутствовал им среди других рыцарей во время мятежа Беелона Грейджоя. Нед глядел на него с беспокойством. Он редко верил слухам, но о сире Григоре рассказывали весьма жуткие вещи. Говорили, что он намеревается жениться в третий раз, а в отношении причин смерти первых двух жен ходили разные слухи. Все считали замок его местом зловещим, где даже слуги исчезают без счета, а псы боятся войти в зал. Сестра его скончалась при сомнительных обстоятельствах, известно было и про пожар, который изуродовал его брата и про несчастный случай на охоте, когда погиб отец. Григор унаследовал замок, золото и фамильное достояние. Его младший брат Сандор в тот же самый день покинул замок, чтобы поступить наемником к Ланнистерам, утверждали, что он ни разу не заехал в родной дом даже с коротким визитом.

Когда рыцарь Цветов появился у входа, по толпе пробежал шум, и лорд Старк услышал лихорадочный шепот Сансы.

— О, как он прекрасен. — Стройное, как тростник, тело сира Лораса Тирелла прикрывала сказочная серебряная броня, отполированная

до зеркального блеска и украшенная переплетенными виноградными лозами и крохотными голубыми незабудками. Чернь успела заметить, что лепестки цветов выложены сапфирами и вздох вырвался из тысячи глоток. На плечах юноши висел тяжелый плащ, сотканный тоже из незабудок — на этот раз настоящих сотни свежих цветов были нашиты на плотную шерстяную материю.

Лошадь его была стройна, как и сам наездник; это была прекрасная серая кобыла, словно созданная для быстрой езды. Почуяв ее запах, огромный жеребец сира Григора заржал. Мальчишка из Хайгардена шевельнул ногами, и его лошадь метнулась вперед легкая, как плясунья. Санса вцепилась в руку Неда.

— Отец, пусть сир Григор не ранит его, — проговорила она. Нед заметил на платье дочери розу, которую вчера подарил ей сир Лорас. Джори рассказал ему об этом.

— Это турнирные пики, — объяснил он дочери. — При столкновения они ломаются, ран не бывает. — Однако Нед помнил мальчика в телеге, прикрытого плащом с полумесяцами…

Сир Григор с трудом управлялся с конем. Жеребец ржал, бил копытом и тряс головой. Гора

лягнул животное кованым сапогом — лошадь взвилась и едва не сбросила его.

Рыцарь Цветов отдал салют королю, направился в дальний конец арены и взял копье на изготовку. Сир Григор вывел жеребца на линию, пытаясь сдержать его уздой. Тут все началось. Конь Горы сорвался в тяжелый галоп, навстречу ему потоком шелка текла кобыла. Сир Григор выставил вперед щит и копье, одновременно стараясь удержать непокорного коня, и вдруг Лорас Тирелл оказался рядом, острие его копья ударило именно в нужное место, и в мгновение ока Гора рухнул на землю, повалив и коня, грудой стали и плоти.

Нед услышал аплодисменты, восторженные крики, свист, восклицания, взволнованный шепот, но громче всего скрежетал хриплый хохот Пса. Рыцарь Цветов отправился на конец арены. Пика его даже не расщепилась. Сапфиры мерцали на солнце, и он, улыбаясь, поднял свое забрало. Простонародье обезумело.

Сир Григор Клиган выбрался посреди поля из-под коня и, кипя яростью, вскочил на ноги. Сорвав шлем, он хлопнул им о землю. Лицо его потемнело от гнева, а волосы посыпались на глаза.

— Меч! — крикнул он сквайру, и мальчишка

подбежал к нему с оружием. К этому времени конь Григора тоже поднялся на ноги.

Григор Клиган убил коня одним ударом — настолько мощным, что наполовину перерубил шею животного. Крики восторга в одно сердцебиение превратились в панические вопли. Жеребец упал на колени и, заржав, умер. К этому времени Григор уже шагал по дорожке в сторону сира Лораса Тирелла, зажав в руке окровавленный меч.

— Остановите его! — закричал Нед, но голос его потерялся в реве толпы. Все вокруг вопили, Санса плакала.

Все случилось так быстро… Рыцарь Цветов еще только крикнул, чтобы ему подали меч, когда сир Григор отбросил в сторону его сквайра и схватил за поводья. Кобыла почуяли кровь и взвилась на дыбы… Сир Лорас удержался в седле, но с трудом. Размахнувшись двуручным мечом, сир Григор нанес жестокий удар, угодивший юноше в грудь и выбросивший его из седла. Лошадь в панике бросилась в сторону, а оглушенный сир Лорас повалился в грязь. Но когда Григор занес свой меч для убийственного удара, скрежещущий голос остановил его:

— Пусть живет! — И облаченная в сталь рука отвела меч от мальчика.

Гора повернулся в безмолвной ярости и замахнулся уже со всей своей силой, но Пес перехватил удар и отвел его. Тут два брата схватились и, казалось, целую вечность молотили друг друга, пока ошеломленному Лорасу Тиреллу помогали уйти в безопасное место. Трижды Нед видел, как сир Григор направлял свирепые удары в шлем с песьей головой, а Сандор оставил не один порез на незащищенном лице брата.

Прекратил драку голос короля. Голос короля и двадцать мечей. Джон Аррен всегда говорил, что голос предводителя войска должен быть слышен на всем поле боя, и Роберт доказал справедливость этих слов еще на Трезубце. Прибегнув к этому способу, он прогремел:

— Прекратите это безумие. Именем короля!

И Пес преклонил колено. Удар сира Григора вспорол воздух, и он наконец пришел в себя. Григор выронил меч, яростно поглядел на Роберта, окруженного Королевской гвардией и дюжиной рыцарей и стражников. Не говоря более ни слова, он направился прочь оттолкнув с пути Барристана Селми.

— Пусть уходит, — проговорил Роберт, и все сразу закончилось.

— Так, значит, Пес теперь чемпион? — спросила

Санса у Неда.

— Нет, — отвечал он. — Будет еще один финальный поединок между Псом и рыцарем Цветов.

Тем не менее Санса оказалась права. Несколько мгновений спустя сир Лорас Тирелл вышел на поле в простом льняном дублете и сказал Сандору Клигану.

— Я обязан вам жизнью, день принадлежит вам, сир!

— Я не сир, — ответил Пес, но тем не менее принял победу и чемпионскую награду и, быть может, впервые за свою жизнь, признание народа. Его приветствовали, когда он оставил арену, чтобы возвратиться в свой павильон.

Тогда Нед вместе с Сансой в компании Мизинца, лорда Ренли и кое-кого еще направились на поле для стрелков.

— Тирелл, конечно, знал, что кобыла его была в поре, — говорил Мизинец, — клянусь, мальчишка все продумал заранее. А Григор всегда выбирает огромных злых жеребцов, у которых больше свирепости, чем разума.

Мысль эта как будто развлекла его. В отличие от сира Барристана Селми.

— Хитрость не приносит чести, — чопорно провозгласил старик.

— Меньше чести, да больше золота — на целых двадцать тысяч, — улыбнулся лорд Ренли.

В тот день юноша по имени Анже, простолюдин с Дорнских болот, выиграл соревнования стрелков, одолев сира Белона Свонна и Джалабхара Ксо на сотне шагов, после того как все остальные лучники отсеялись на более коротких расстояниях. Нед послал к нему Элина, чтобы предложить место в гвардии десницы, но парень, еще не остывший от вина, победы и не снившихся прежде богатств, отказался. Общая схватка затянулась на три часа. В ней приняли участие почти сорок человек. Свободные всадники, засечные рыцари и свежеиспеченные сквайры, стремившиеся добиться репутации, дрались тупым оружием посреди грязи и крови, маленькие отряды съезжались, рубились, сражались между собой и друг против друга, чего требовали создающиеся и тут же разрушающиеся скоротечные альянсы, наконец на коне остался лишь один из сражавшихся. Победителем оказался красный жрец Торос из Мира, бритоголовый безумец, бившийся сверкающим мечом.

Ему уже приходилось выигрывать общую схватку, огненный меч пугал коней, самого же Тороса ничто испугать не могло. К итогам сражения

можно было отнести три сломанные конечности, перебитую ключицу, дюжину раздавленных пальцев, двух коней пришлось прирезать, а порезам, ушибам и синякам не было числа. Нед был отчаянно рад тому, что Роберт не принял участия.

Вечером на пиру Эддард Старк испытал новый прилив надежды. Роберт находился в хорошем настроении, Ланнистеров нигде не было видно, и даже дочери вели себя хорошо. Джори привел Арью, и Санса говорила с сестрой вполне вежливо.

— Турнир был великолепен, — вздохнула она. — Тебе надо было посмотреть. А как ты поплясала?

— Все тело болит, — отозвалась Арья, с удовлетворением предъявляя огромный пурпурный синяк на ноге.

— Должно быть, ты ужасно танцуешь, — с сомнением проговорила Санса.

Потом, пока Санса слушала труппу певцов, исполнявших сложное рондо из переплетенных баллад, именуемое Пляской драконов, Нед сам осмотрел синяк.

— Надеюсь, Форель не слишком сурово обходится с тобой, — сказал он.

Арья встала на одну ногу. Это удалось ей куда

легче, чем прежде.

— Сирио утверждает, что всякая ссадина — это урок, а каждый урок идет на пользу.

Нед нахмурился. Этот Сирио Форель предъявил великолепные характеристики, ну а его пышный браавосианский стиль прекрасно подходил к тонкому клинку Арьи, и все же… Несколько дней назад она ходила повсюду с полоской темного шелка, завязанной на глазах. Сирио учит ее видеть ушами, носом и кожей, объяснила она. А перед этим он учил ее кружиться и делать сальто назад.

— Арья, а ты уверена, что хочешь именно этого?

Она кивнула.

— А завтра мы идем ловить кошек.

— Кошек? — вздохнул Нед. — Наверное, я ошибся, наняв этого браавосийца. Если хочешь, я попрошу Джори заняться с тобой. Можно даже переговорить с сиром Барристаном, в молодости он был лучшим мечом во всех Семи Королевствах.

— Они не нужны мне, — отвечала Арья. — Я хочу Сирио.

Нед провел пальцами по волосам. Любой пристойный фехтовальщик мог научить Арью началам боя без этой чуши; без повязок, сальто,

стояния на одной ноге, но он знал свою младшую дочь и успел убедиться, что спорить с ней бесполезно.

— Ну, как ты хочешь, — сказал он. Безусловно, когда-нибудь это ей надоест. — Старайся быть осторожной.

— Обязательно, — обещала она, перепрыгивая с правой ноги на левую.

Поздно ночью Нед проводил девочек через город и уложил их в постель. Оставив Сансу наедине с ее мечтами, а Арью с синяками, Нед поднялся в собственные палаты на вершине башни Десницы. День выдался теплым, и в комнате было душно и жарко. Нед подошел к окну и приоткрыл тяжелые ставни, чтобы впустить прохладный ночной воздух. На противоположной стороне Великого двора в окне Мизинца горели свечи. Время уже перевалило за полночь. Веселье у реки едва начинало затихать.

Нед извлек кинжал и принялся изучать его. Клинок Мизинца, выигранный на пари Тирионом Ланнистером, посланный, чтобы убить Брана во сне. Почему? Зачем карлику понадобилась смерть Брана? Зачем вообще кто-то захотел покуситься на его жизнь?

Кинжал и падение Брана каким-то образом

связывались с убийством лорда Аррена. Нед чувствовал это нутром, но правда о смерти Джона по-прежнему оставалась столь же скрытой от него, как и прежде. Лорд Станнис не вернулся на турнир в Королевскую Гавань, Лиза Аррен хранила молчание за высокими стенами Орлиного Гнезда. Сквайр погиб, а Джори все еще обследовал публичные дома. Он располагал только бастардом Роберта.

В том, что угрюмый ученик оружейника является сыном короля, Нед не сомневался. Черты Баратеонов несомненно отпечатались на его лице, скулах, глазах, черных волосах. Ренли был еще слишком молод, чтобы сын его мог достичь такого возраста, холодный Станнис замкнулся в своей гордости, поэтому Джендри, безусловно, сын Роберта.

Но что же он узнал, обнаружив мальчика? По Семи Королевствам король оставил немало детей. Он открыто признал одного из своих бастардов — мальчика в возрасте Брана, рожденного от знатной матери. Парнишку воспитывал кастелян лорда Ренли в Штормовом Пределе.

Нед вспомнил первое дитя Роберта, дочь, родившуюся в Долине, когда Роберт был, по сути дела, мальчишкой. Такая милая крохотная девчонка.

Молодому лорду Штормового Предела ребенок понравился, Роберт ежедневно заходил поиграть с младенцем, даже после того, как потерял интерес к его матери. И при этом нередко прихватывал с собой для компании Неда, вне зависимости от его желания. Девочке должно исполниться семнадцать иди восемнадцать, она теперь старше, чем был Роберт, когда она родилась. Странная мысль. Подобные связи мужа, естественно, не радовали Серсею, но в конце концов какая разница — один бастард у короля или сотня? Закон и обычай не предоставляли незаконнорожденным особых прав. Ни Джендри, ни девушка из Долины, ни мальчик из Штормового Предела не представляли опасности для законных детей Роберта.

Размышления Неда прервал негромкий стук в дверь.

— К вам человек, милорд, — доложил Харвин. — Он не хочет называть свое имя.

— Впустите, — произнес Нед удивленно. Посетитель, коренастый, в потрескавшихся, покрытых грязью сапогах и тяжелом коричневом балахоне из самой грубой домотканой ткани, прятал свое лицо под капюшоном, а руки в объемистых рукавах.

— Кто вы? — спросил Нед.

— Друг, — ответил из-под капюшона низкий голос — Нам надо поговорить наедине, лорд Старк.

Любопытство оказалось сильнее осторожности.

— Харвин, оставь нас, — сказал он. Гость откинул капюшон, лишь когда они остались вдвоем за закрытыми дверями.

— Лорд Варис? — удивленно проговорил Нед.

— Лорд Старк, — вежливо попросил Варис усаживаясь, — не нальете ли вы мне вина?

Нед наполнил две чаши летним напитком и вручил одну из них Варису.

— Я мог бы пройти в футе от вас, но так и не узнать, — сказал он, не веря своим глазам. Он еще не видел, чтобы евнух одевался во что-нибудь, кроме шелков и бархата, самого богатого дамаскина, теперь же от этого человека разило потом, а не пахло сиренью.

— Именно на это я и надеялся, — отвечал Варис. — Нехорошо получится, если некоторые люди узнают, что мы разговаривали наедине, королева не сводит с вас глаз. Великолепное вино, благодарю вас.

— А как вы прошли мимо остальных стражей? — спросил Нед. — Кейн дежурил у башни, а Элин на лестнице.

— В Красном замке есть пути, доступные лишь призракам и паукам. — Варис улыбнулся, извиняясь. — Я не задержу вас надолго, милорд. Есть вещи, которые вы должны знать. Теперь вы — десница короля, а король глуп. — Сладкие интонации в голосе евнуха исчезли, тонкий голос резал как нож. — Он ваш друг, я знаю это, и тем не менее он глуп и обречен, если только вы не спасете его. Беда грозила ему сегодня. Они собирались убить короля во время схватки.

Потрясение лишило Неда дара речи.

Потрясен:

— Кто?

Варис отпил вина.

— Если мне и в самом деле необходимо объяснять это вам, тогда вы еще больший дурак, чем Роберт, и я попал не туда.

— Ланнистеры, — проговорил Нед. — И королева. Нет, не верю. Это не Серсея. Она же просила его не участвовать в схватке!

— Она запретила ему драться перед лицом своего брата, его рыцарей и половины двора. Скажите мне откровенно, знаете ли вы более надежный способ заставить короля Роберта выехать на поле битвы? Я спрашиваю вас!

Сердце Неда заныло. Евнух попал в точку, ска-

жите Роберту Баратеону, что он не может, не должен или не имеет права что-либо делать, и можно считать дело сделанным.

— Но если бы он выехал на поле боя, кто осмелился бы ударить короля?

Варис пожал плечами.

— На поле выехали сорок всадников. У Ланнистеров много друзей. Кто сумел бы назвать убийцу посреди всей сумятицы, лошадиного ржания и хруста костей, рядом с Торосом из Мира и его дурацким огненным мечом, если бы какой-нибудь случайный удар повалил государя? — Подойдя к бутыли, он сам наполнил свою чашу.

— А потом убийца горестно припал бы к ногам покойного. Я просто слышу его рыдания и вижу скорбь. Вне сомнения, благородная и скорбная вдова пощадила бы его, подняла бы несчастного на ноги и благословила добрым поцелуем. У юного короля Джоффри тоже не осталось бы другого выхода, кроме как простить его. — Евнух провел рукой по щеке — А может, Серсея приказала бы сиру Илину снести ему голову. Меньше риска для Ланнистеров, так почему бы не удивить своего маленького друга?

Нед ощутил, как а душе его окреп гнев.

— Вы знали о заговоре и ничего не сделали!

— Я командую шептунами, а не воинами.

— Вы должны были обратиться ко мне раньше.

— О да, конечно. И вы бросились бы прямо к королю. И как поступил бы Роберт, узнав об опасности? Как вы думаете?

Нед прикинул.

— Он проклял бы всех и выехал бы на поле, чтобы показать, что он никого не боится.

Варис развел руки.

— А теперь я сделаю еще одно признание, лорд Эддард. Мне хотелось узнать, как в этой ситуации поступите лично вы. Вы спросили, почему я не обратился к вам. Я должен ответить. Ну что ж, потому, что я не доверял вам, милорд.

— Вы не доверяли мне? — Нед был самым явным образом удивлен.

— В Красном замке обитает две разновидности людей, лорд Эддард, — проговорил Варке. — Те, что верны государству, и те, что верны лишь самим себе. До нынешнего утра я не знал, кто вы, и ждал… но теперь я знаю это. — Он напряженно улыбнулся, на мгновение лицо евнуха и носимая им прилюдно маска соединились. — Я начинаю понимать, почему королева настолько опасается вас. Да-да, в самом деле.

— Скорее ей следовало бы бояться вас, — сказал Нед.

— Нет. Я — это я. Король пользуется моими услугами, но они позорят его. Наш Роберт могучий и доблестный воин, а подобные воплощения рыцарства не любят соглядатаев, шпионов и евнухов. Если настанет день, когда Серсея шепнет ему: «Убей этого человека», — Илин Пейн снесет мне голову мановением руки… Кто тогда будет оплакивать Вариса? И на юге, и на севере песен о пауках не поют. — Он протянул к Неду влажную руку. — Но что касается меня, лорд Старк… я думаю… нет, знаю… король не убьет вас, даже ради своей королевы, в этом может быть наше спасение.

Какое-то мгновение Эддард Старк чувствовал одно желание: возвратиться в свой Винтерфелл, к чистой простоте севера, где врагами были зима и одичалые, обитающие за Стеной.

— Но у Роберта, безусловно, есть еще верные друзья, — возразил он. — Его братья, его…

— …жена? — договорил за него Варис, обрезав улыбкой. — Братья ненавидят Ланнистеров, это верно, но между ненавистью к королеве и любовью к королю есть большая разница, так? Сир Барристан любит свою честь, великий мейстер

Пицель любит свое дело… а Мизинец любит Мизинца.

— А Королевская гвардия?

— Бумажный щит, — ответил евнух. — Попытайтесь не обнаруживать свое потрясение, лорд Старк. Джейме Ланнистер присягнул на верность братству Белых Мечей, но все мы знаем, какова цена его клятве. Времена, когда мужи, подобные Райему Редвину и принцу Эйемону, Рыцарю Дракона, носили белый плащ, рассыпались в прах и ушли в песни. Из всех семерых лишь сир Барристан ковался из истинной стали, но Селми стар. Сир Борос и сир Меррин до мозга костей верны королеве, и я испытываю глубокие сомнения а отношении остальных. Нет, милорд, когда дело воистину дойдет до мечей, вы окажетесь единственным истинным другом, на которого сможет рассчитывать Роберт Баратеон.

— Надо предупредить Роберта, — сказал Нед. — Если вы говорите правду, даже часть ее, то король должен узнать все.

— И какие же доказательства мы предъявим ему? Мои слова против их слов? Песни моих пташек против речей королевы и Цареубийцы, против его братьев и совета, против Хранителей Востока и Запада, против всей мощи Бобрового

утеса? Можно сразу просто послать за сиром Илином, чтобы избавить нас от хлопот. Я знаю, где закончится эта дорога.

— Итак, если вы правы, они выдержат какое-то время и предпримут новую попытку?

— Так и будет, — ответил Варис, — и скорее рано, чем поздно. Вы заставляете их нервничать, лорд Эддард. Но мои пташки слушают, и вместе мы сможем отвести удар. — Он поднялся, опустил капюшон на лицо. — Благодарю вас за вино. Мы будем встречаться с вами. Но на следующем заседании совета постарайтесь обращаться ко мне с вашим привычным пренебрежением. Вы не найдете эту задачу сложной.

Он был уже возле двери, когда Нед окликнул его:

— Варис! — Евнух повернулся. — Как умер Джон Аррен?

— Я ждал этого вопроса.

— Расскажите.

— Эту штуковину зовут слезами Лисс. Вещь редкая и дорогая, чистая, как вода, и не оставляет следов. Я просил лорда Аррена завести дегустатора, молил его в этой самой комнате, но он ничего не пожелал слушать. Он сказал, что такая мысль не может прийти в голову мужчине.

Неду следовало выяснить все остальное.

— А кто дал ему яд?

— Один из близких друзей, деливших с ним мясо и мед. Кто именно? Не знаю, таких много. Лорд Аррен был добрым, доверчивым человеком. — Евнух вздохнул. — Крутился там такой юноша, всем в своей судьбе он был обязан Джону Аррену, но когда вдова его бежала в Орлиное Гнездо со своей свитой, он остался в Королевской Гавани, проявляя признаки благосостояния. Сердце мое всегда радуется, когда молодые становятся заметными. — Голос его хлестал кнутом, отмеривая каждое слово. — Он показался мне таким галантным на турнире: в яркой новой броне, с этими полумесяцами на плаще. Как жаль, что он умер столь не ко времени, прежде чем вы успели с ним поговорить…

Нед и так уже ощущал себя наполовину отравленным.

— Сквайр, — проговорил он. — Сир Хью. — Голова Неда раскалывалась. — Но почему? Почему именно сейчас? Джон Аррен был десницей четырнадцать лет! Почему они решили убить его?

— Потому что он начал задавать вопросы, — шепнул Варис, прежде чем скользнуть в дверь.

Тирион

Стоя на предутреннем холодке перед Чиггеном, свежевавшим его коня, Тирион Ланнистер записал на счет Старков еще один долг. Из внутренностей коня повалил пар, когда приземистый наемник вспорол живот лошади своим охотничьим ножом. Руки его двигались уверенно, не совершая лишних движений; работу следовало сделать быстро, прежде чем запах крови заставит сумеречных котов спуститься с высот.

— Сегодня никто из нас не останется голодным, — проговорил Бронн. Он уже напоминал тень: тонкие и жестокие брови, черные глаза, черные волосы и щетинистая борода.

— Не говори обо всех, — сказал Тирион. — Я не люблю конину. А в особенности не люблю есть собственных лошадей.

— Мясо есть мясо. — Бронн пожал плечами. — Дотракийцы любят конину больше, чем говядину или свинину.

— Разве я похож на дотракийца? — кислым голосом спросил Тирион. Дотракийцы и в самом деле ели коней; еще они бросали больных детей

свирепым псам, тянувшимся позади кхаласара. Дотракийские обычаи мало привлекали его.

Чигген отрезал тонкую полосу окровавленного мяса от туши и поднял перед ним.

— Хочешь попробовать, карлик?

— Мой брат Джейме подарил мне эту кобылу на двадцать третий день рождения, — проговорил Тирион ровным голосом.

— Тогда передай ему благодарность и от нас… если увидишь когда-нибудь. — Чигген ухмыльнулся и, показав желтые зубы, проглотил сырое мясо в два глотка. — Хорошая лошадка.

— Все равно лучше поджарить с луком, — вставил Бронн.

Не говоря более ни слова, Тирион похромал прочь. Холод глубоко угнездился в его костях, ноги болели так, что он едва мог ходить. Быть может, повезло как раз мертвой кобыле. Его же ожидали долгие часы езды, потом несколько глотков пищи и короткий холодный сон на голой земле. Завтра будет то же самое, и послезавтра, и потом… только боги знают, когда это закончится.

— Проклятие, — пробормотал Тирион, с трудом продвигаясь по дороге, чтобы присоединиться к своим похитителям, и прибавил про себя: «Черт бы побрал и ее, и всех Старков!»

Воспоминание обжигало горечью. Только что он заказывал ужин, и в мгновение ока оказался перед полным залом вооруженных людей. Джик потянулся за мечом, а жирная хозяйка гостиницы завопила:

— Только без мечей, только не здесь, прошу вас, милорды!

Тирион поспешно опустил руку Джика, прежде чем соперники получили повод изрубить их в куски.

— Ты забыл про учтивость, Джик? Наша добрая хозяйка просит обойтись без мечей. Сделаем, как она хочет.

Он изобразил улыбку, понимая, что она окажется неуклюжей.

— Вы совершаете прискорбную ошибку, леди Старк. Я не участвовал ни в каких нападениях на вашего сына. Честью своей…

— Честью Ланнистера, — только и сказала она, поднимая вверх руки. — Шрамы эти оставил кинжал убийцы, которого ты послал, чтобы перерезать горло моему сыну.

Тирион ощутил вокруг себя гнев, густой и дымный, порезы на руках этой женщины прибавили ему силы.

— Убей-ка его, — прошипел из угла какой-то

грязный оборванец. Новые голоса присоединились к этому предложению много скорее, чем он ожидал. Еще недавно дружелюбные незнакомцы, теперь они требовали его крови, словно несытые псы.

Тирион громко проговорил, пытаясь изгнать дрожь из голоса:

— Если леди Старк считает, что я должен ответить за какое-то преступление, я поеду с ней и отвечу за него.

Иначе поступить было нельзя, попробовать пробиться к выходу силой означало найти себе раннюю могилу. На помощь жене Старка пришла добрая дюжина мечей: человек из Харренхолла, трое Бреккенов, пара неприглядного вида наемников, для которых, на взгляд, убить все равно что плюнуть. К ним присоединилось еще несколько дурней-работников, просто не понимавших, что происходит. Чем же мог располагать против них Тирион? Кинжалом у пояса и двоими людьми. Джик великолепно справлялся с мечом, но на Моррека едва ли можно было рассчитывать: отчасти конюх, отчасти повар, отчасти слуга, он не был ни в коей мере воином. Что же касается Йорена, что бы там он ни чувствовал про себя, Черные Братья присягали не принимать участие

в раздорах внутри государства. Йорен помогать не станет.

И в самом деле, черный брат молчаливо отступил в сторону, когда старый рыцарь, стоявший возле Кейтилин Старк, проговорил:

— Возьмите у них оружие, — и наемник Бронн шагнул вперед, чтобы выхватить меч из пальцев Джика и избавить всех троих от кинжалов. — Хорошо, — сказал старик, когда напряженность в гостиной заметно пошла на убыль. — Даже великолепно.

Тирион узнал этот ворчливый голос: мастер над оружием из Винтерфелла, обривший себе бакенбарды.

Брызгая алой слюной, жирная хозяйка принялась молить Кейтилин Старк:

— Только не убивайте его здесь!

— Его вообще не надо убивать, — грустно пошутил Тирион.

— Отведите его куда-нибудь, но у меня никакой крови, миледи. Я не хочу участвовать в ссорах знатных господ.

— Мы вернемся с ним назад в Винтерфелл, — сказала она. Тирион подумал: тогда, быть может… К этому мгновению он уже успел оглядеть комнату и уточнил ситуацию. Увиденное не полностью

удовлетворило его. Да, жена Старка действовала с умом, в этом нечего сомневаться. Заставить их сперва публично подтвердить присягу, которую они принесли ее отцу-лорду, а потом попросить оказать помощь слабой женщине… Да, это было мило! Но все же ее успех оказался не столь полон, как она могла бы предположить. В комнате, по грубому счету, было около пятидесяти человек. На просьбу Кейтилин Старк откликнулась едва ли не дюжина; остальные казались смятенными, испуганными или мрачными. Лишь двое из Фреев поднялись, как отметил Тирион. Но и они сразу опустились на свои места, когда капитан остался на месте. Он бы улыбнулся, если бы осмелился.

— Мой отец будет гадать, что случилось со мной. — Тирион поглядел на меченосца, предложившего ему свою комнату. — Он заплатит хорошие деньги человеку, который известит его обо всем, что произошло сегодня в этом зале.

Лорд Тайвин, конечно, не станет развязывать мошну, но Тирион сам исправит положение, когда добьется свободы.

Сир Родрик посмотрел на госпожу вполне понятным в таком положении встревоженным взглядом.

— Его люди поедут с нами, — объявил старый

рыцарь. — А остальных мы отблагодарим, если они сохранят молчание о том, что видели здесь.

Тирион сделал все, чтобы не расхохотаться. Молчание? Старый дурак! Если только не увезти с собой всех собравшихся, весть разлетится во все стороны сразу же после их отъезда. Свободный всадник с золотой монетой в кармане как стрела полетит на Бобровый утес. Если не он, тогда эту весть донесет кто-то другой. Йорен увезет эту весть на юг. Дурак-певец сделает из этого песню. Фреи доложат своему лорду, и только боги знают, что он тогда предпримет. Да, лорд Уолдер Фрей присягнул Риверрану, но этот осторожный человек прожил долгую жизнь, стараясь всякий раз принять сторону победителя. В худшем случае он всего лишь отошлет своих птиц на юг, в Королевскую Гавань, но вполне может осмелиться и на большее.

Кейтилин Старк времени не теряла:

— Мы выезжаем немедленно. Нам нужны свежие кони и припасы на дорогу. Все вы можете рассчитывать на вечную благодарность дома Старков. Тем из вас, кто захочет помочь нам охранять пленников, чтобы доставить их живыми в Винтерфелл, я обещаю хорошую награду.

Больше ничего не потребовалось, дураки рва-

нулись вперед. Тирион поглядел на их лица: они, конечно, получат отличную награду, сказал он себе, но не ту, на которую рассчитывают. И все же, когда пленников выводили наружу, седлали коней под дождем, связывали руки длинной и грубой веревкой, Тирион Ланнистер не испытывал истинного испуга. В Винтерфелле ему не бывать, он мог в этом поклясться. Через день за ним вышлют погоню, птицы поднимутся в воздух, и кто-нибудь из речных лордов захочет заслужить благосклонность его отца и вмешается в дело. Тирион как раз поздравлял себя с тонкостью своих замыслов, когда кто-то надвинул капюшон на его глаза и поднял в седло.

Они выехали под дождем и сразу взяли в галоп, и уже вскоре бедра Тириона заныли, а задницу просто дергало от боли. Даже когда они оказались на безопасном расстоянии от гостиницы и Кейтилин Старк замедлила ход до рыси, отягощенное вынужденной слепотой положение его не изменилось. Лошадь везла его по неровной земле, каждый поворот был чреват падением. Капюшон глушил звуки, и Тирион не слышал, что говорят вокруг него; дождь успел пропитать ткань, липнувшую к его лицу, даже дышать было тяжело. Веревка ранила запястья и словно бы за-

тягивалась все туже по мере приближения ночи. «А я намеревался устроиться возле теплого очага с жареной дичью! Зачем только этот проклятый свистун открыл свой поганый рот», — подумал с горечью Тирион. Проклятый певец отправился с ними.

— О случившемся могут сочинить великую песню, и это сделаю я, — сказал он Кейтилин Старк, объявляя о своем намерении ехать вместе с ними, чтобы увидеть, чем закончится «великолепное приключение». Тирион весьма сомневался в том, что мальчишка будет считать путешествие великолепным, когда всадники Ланнистеров догонят их.

Дождь наконец прекратился, и рассветные лучи сочились сквозь мокрую ткань, закрывавшую его глаза, когда Кейтилин Старк подала команду спешиваться. Грубые руки стянули Тириона с коня, развязали его кисти и стащили капюшон с головы. Увидев узкую каменную дорогу, дикие предгорья и зубчатые снеговые пики на далеком горизонте, он ощутил, что вся надежда разом оставила его.

— Это горная дорога, — выдохнул Тирион, глядя на леди Старк обвиняющими глазами. — Восточная дорога, а вы говорили, что мы едем в

Винтерфелл.

Кейтилин Старк удостоила его легчайшей из улыбок.

— Говорила — часто и громко, — согласилась она. — И не сомневаюсь, что ваши друзья направятся на север. От души желаю им поторопиться.

Даже теперь, несколько дней спустя, воспоминание наполнило его горькой яростью. Всю свою жизнь Тирион гордился своей хитростью, единственным даром, которым наделили его боги, и все же семижды проклятая волчица Кейтилин Старк перехитрила его на всех поворотах. Факт этот более удручал его, чем само похищение.

Они остановились только для того, чтобы поесть и самим покормить коней, а потом вновь тронулись с места. На этот раз Тириона избавили от капюшона. После второй ночи руки его более не связывали, а когда они поднялись выше, то перестали и охранять. Никто, похоже, не опасался, что он убежит. Да и с чего бы вдруг? Здесь, наверху, земля была суровой и дикой, а высокогорная дорога, в сущности, представляла собой всего лишь каменистую тропку. Пусть он и убежит, но как далеко можно добраться в одиночестве и без провизии? Сумеречные коты легко загрызут его, а кланы, гнездящиеся в горных твердынях, раз-

бойники нубийцы склоняются не перед законом, а только перед мечом.

И жена Старка безжалостно гнала их вперед. Тирион знал, куда они направляются, знал с того самого мгновения, когда с глаз его сняли капюшон. В этих горах правил дом Арренов. Вдова покойного десницы, урожденная Талли, сестра Кейтилин Старк, не дружила с Ланнистерами. Тирион успел немного познакомиться с леди Лизой за время, проведенное ею в Королевской Гавани, и не стремился возобновить знакомство.

Похитители теснились вокруг ручья, невдалеке от горной дороги. Лошади уже напились ледяной воды и теперь общипывали кочки бурой травы, пробивавшейся между камнями. Джик и Моррек держались рядом, угрюмые и несчастные. Над ними, опершись на копье, стоял Мохор, округлая железная шапка на его голове казалась похожей на котелок. Поблизости Мариллон-певец натирал маслом свою деревянную арфу и сетовал на ущерб, который сырость причиняет ее струнам.

— Нам надо передохнуть, миледи, — говорил засечный рыцарь сир Уиллис Воде, обращаясь к Кейтилин Старк. Он служил леди Уэнт, человек прямой и крепкий, он первым поднялся в гостинице, чтобы помочь Кейтилин.

— Сир Уиллис говорит правду, миледи, — вступил в разговор сир Родрик. — Мы потеряли уже третьего коня.

— Если нас догонят Ланнистеры, мы потеряем не только коней, — напомнила им Кейтилин. Обветренное лицо ее исхудало, но не утеряло решимости.

— На это шансы невелики, — заметил Тирион.

— Леди не спрашивает твоего мнения, карлик, — отрезал Курлекет, рослый и жирный олух с короткими стриженными волосами и поросячьим лицом. Он был из Бреккенов и служил оружием лорду Джонасу. Тирион постарался запомнить все имена, чтобы отблагодарить потом каждого по отдельности за любезное обращение. Ланнистеры всегда расплачивались по своим долгам. Курлекет еще узнает об этом, как и его друзья, Лхарис и Мохор, и добрый сир Уиллис, и наемники Бронн и Чигген. Особенно жестокий урок намечался для Мариллона, обладателя сладкого тенора, старательно рифмовавшего «бес — он», «Тирион» и «в позументы облачен» в своей песне об этом бесчинстве.

— Пусть говорит, — приказала леди Старк. Тирион Ланнистер уселся на скалу.

— Сейчас преследователи, если погоню выста-

ли, что далеко не обязательно, скорее всего мчатся по Перешейку, рассчитывая, что вы заляжете где-нибудь на Королевском тракте. Безусловно, весть о моем похищении достигла ушей моего отца. Но лорд Тайвин не слишком любит меня, и я совсем не уверен, что он решит побеспокоить себя.

Слова эти были ложью только отчасти, лорд Тайвин Ланнистер ценил своего уродливого сына не более чем зеленую фигу, однако он не терпел никаких оскорблений чести дома.

— Здесь жестокий край, леди Старк, и вы не найдете помощи, пока не достигнете Долины. Каждый потерянный конь еще более отяготит остальных. Хуже того, вы рискуете потерять меня. Я невелик ростом и не силен, и если я умру, зачем все это? — В этом не было лжи, Тирион не знал, сколько еще сумеет выдержать подобную скорость.

— Возможно, в вашей смерти и есть смысл, Ланнистер, — ответила Кейтилин Старк.

— А я думаю, нет, — заметил Тирион. — Если бы вы хотели меня убить, нужно было только приказать, и один из ваших надежных друзей охотно наградил бы меня кровавой улыбкой. — Он поглядел на Курлекета, однако тупость мешала тому оценить насмешку.

— Старки не убивают людей в постели.

— И я тоже, — сказал он. — Еще раз говорю вам, я не принимал участия в покушении на жизнь вашего сына.

— Убийца был вооружен вашим кинжалом.

Тирион почувствовал прилив внутреннего жара.

— Это не мой кинжал, — с нажимом проговорил он. — Сколько же раз я должен клясться в этом? Леди Старк, что бы там ни говорили обо мне, я далеко не глуп, а лишь глупец снабдит наемного убийцу своим собственным клинком.

На мгновение ему показалось, что в глазах ее промелькнуло сомнение; но она возразила:

— Зачем было Петиру лгать мне?

— А зачем медведь гадит в лесу? — вопросил он. — Потому что такова его природа. Для людей, подобных Мизинцу, лгать все равно что дышать. Уж вам-то по крайней мере следовало знать это.

Кейтилин шагнула к нему с напряженным лицом.

— Как вас понимать, Ланнистер?

Тирион склонил голову набок.

— Ну что ж, наверное, все при дворе слышали, как он лишал вас невинности.

— Это ложь! — воскликнула Кейтилин Старк.

— Что за злой бес, — проговорил шокированный Мариллон. Курлекет извлек кинжал, зловещую штуковину из черного железа.

— Одно только слово, миледи, и я брошу его лживый язык к вашим ногам. — Поросячьи глазки подернулись влагой от такой перспективы.

Кейтилин Старк поглядела на Тириона с таким холодом, какого он еще не видел на ее лице.

— Петир Бейлиш некогда любил меня, но он тогда был мальчишкой. Страсть его явилась трагедией для всех нас. Но она была неподдельной и чистой, так что незачем насмехаться над ней. Петир просил моей руки, и это его полностью оправдывает. А вы действительно злой человек, Ланнистер!

— Ну а вы действительно дура, леди Старк. Мизинец никогда не любил никого, кроме Мизинца, и клянусь вам, что он хвастал не вашей рукой, но спелыми грудями, страстным ртом, жаром между ваших ног.

Курлекет схватил его за волосы и резким движением откинул назад голову, открывая горло. Тирион ощутил шеей холодный поцелуй стали.

— Пустить ему кровь, миледи?

— Убейте меня, и правда умрет вместе со мной, — выдохнул Тирион.

— Пусть говорит, — приказала Кейтилин Старк. Курлекет неуверенно выпустил волосы Тириона. Ланнистер глубоко вздохнул.

— А как, по словам Мизинца, попал ко мне этот кинжал? Скажите мне!

— Вы проиграли его из пари во время турнира в честь именин принца Джоффри.

— Когда рыцарь Цветов сбросил с коня моего брата Джейме, так он сказал, да?

— Да, — признала Кейтилин, морщина легла на ее лоб.

— Всадники!

С источенного ветром карниза над ними донесся крик. Сир Родрик отослал Лхариса наверх следить за дорогой, пока они отдыхают.

Мгновение затянулось, никто не шевелился. Кейтилин Старк отреагировала первой.

— Сир Родрик, сир Уиллис, по коням! — крикнула она. — Остальные конные позади. Мохор, охраняй пленников…

— Дайте нам оружие! — Тирион вскочил на ноги и схватил ее за руку. — Вам потребуется каждый меч.

Она понимала, что он прав, Тирион видел это. Кланы горцев не интересовались причинами вражды великих домов. Они с равной готовно-

стью прирежут и Старка, и Ланнистера — точно так, как убивают друг друга. Разве что пощадят Кейтилин: она еще достаточно молода, чтобы рожать сыновей. И все же она медлила.

— Я слышу их! — выкрикнул сир Родрик. Прислушиваясь, Тирион повернул голову на топот копыт дюжины лошадей, приближающийся все ближе. И вдруг все разом задвигались, потянулись к оружию, бросились к лошадям. Сверху посыпались камешки, Лхарис, скользя и оступаясь, спустился с гребня. Он приземлился прямо перед Кейтилин Старк, неопрятный мужчина с лохматыми длинными волосами, торчащими из-под конического стального шлема.

— Человек двадцать, а может, и двадцать пять, — выдохнул он. — Молочные Змеи или Лунные Братья, точнее не знаю. Должно быть, у них повсюду соглядатаи, они знают, что мы здесь.

Сир Родрик Кассель был уже на коне, с длинным мечом в руке. Моррек притаился за скалой, обеими руками сжимая заканчивающееся острым железом копье, зубы стискивали кинжал.

— Эй, певец, — окликнул сир Уиллис Воде, — помоги мне с нагрудником. — Мариллон застыл, вцепившись в арфу, лицо его побелело как молоко, и слуга Тириона Моррек торопливо вскочил

на ноги, чтобы помочь рыцарю вооружиться.

Тирион не отпускал Кейтилин Старк.

— У вас нет выбора, — сказал он. — Нас трое, и четвертый будет охранять нас… Четверо человек — они могут отделить нас от смерти.

— Дайте мне слово, что вы сложите мечи после того, как закончится схватка.

— Мое слово? — Копыта грохотали совсем близко. Тирион криво усмехнулся. — Даю вам его, леди, но моя честь — честь Ланнистера.

Одно мгновение казалось, что Кейтилин плюнет на него, но вместо этого она отрезала:

— Вооружайтесь! — и отправилась прочь.

Сир Родрик перебросил Джику его меч и ножны и развернулся навстречу врагу. Моррек взял лук и колчан и припал на колено возле дороги. Он был гораздо лучшим стрелком, чем фехтовальщиком. Бронн подъехал, предлагая Тириону двухсторонний топор.

— Никогда не сражался топором. — Оружие казалось Тириону незнакомым и неудобным: короткая рукоятка, тяжелое головище с отвратительным острием на конце.

— Думай, что колешь дрова, — проговорил Бронн, извлекая длинный меч из заброшенных на спину ножен. Сплюнув, он направился впе-

ред, чтобы стать возле Чигена и сира Родрика. Сир Уиллис уже поднялся на ноги, чтобы присоединиться к ним, но все еще возился со своим шлемом — металлическим горшком с тонкой прорезью для глаз и длинным плюмажем из черного шелка.

— Бревна не кровоточат, — проговорил Тирион, ни к кому, собственно, не обращаясь. Без панциря он ощущал себя нагим. Он огляделся, отыскивая укрытие, и бросился к Мариллону. — Подвинься.

— Убирайся! — закричал ему мальчишка. — Я певец и не хочу участвовать в этой свалке.

— Что, уже потерял любовь к приключениям? — Тирион пнул молодца, тот подвинулся, и как раз вовремя. Мгновение спустя враги наехали на них.

Не было ни герольдов, ни знамен, ни рогов, ни барабанов, только звякнули тетивы Моррека и Лхариса, и из рассветной мглы выехали горцы: худые и смуглые, в вареной коже и резной броне, скрывавшие лица за решетками полушлемов. Руки в перчатках сжимали всякого рода оружие: длинные мечи, пики, заостренные косы, шипастые дубинки, кинжалы и тяжелые железные молоты. Возглавлял отряд рослый человек в плаще из полосатой шкуры сумеречного кота,

вооруженный большим двуручным мечом. Сир Родрик закричал:

— За Винтерфелл! — и тронул коня.

Бронн и Чигген ехали возле него, выкрикивая какой-то бессловесный боевой призыв. Сир Уиллис следовал за ними, размахивая шипастым кистенем вокруг головы.

— Харренхолл! Харренхолл! — пел он.

Тирион ощутил внезапное желание вскочить, замахнуться топором и выкрикнуть:

— Бобровый утес! — Но приступ безумия быстро прошел, и он нагнулся пониже. Раздалось ржание испуганных лошадей, звон металла о металл. Меч Чиггена рассек обнаженное лицо наездника в панцире, а Бронн вихрем рванулся вперед, разя горцев направо и налево. Сир Родрик молотил рослого всадника в плаще из шкуры сумеречного кота, кони их плясали, противники обменивались ударами. Джик вскочил на коня и без седла бросился в схватку. Тирион заметил, как стрела выросла из горла человека в плаще из кошачьей шкуры, тот открыл рот, чтобы закричать, но из него хлынула только кровь. Противник упал, и сир Родрик вступил в схватку с кем-то еще.

Вдруг Мариллон завизжал, прикрывая голову арфой, — через их скалу перепрыгнул конь.

Всадник обернулся к ним, размахивая шипастой булавой, и Тирион вскочил на ноги. Ухватив топор обеими руками, он коротко взмахнул, и лезвие, чавкая, влилось в горло прыгающей лошади. Топор дернул руку, и Тирион едва не выронил оружие. Когда животное с хрипом упало, он умудрился вырвать топор и неловко уклонился в сторону. Мариллону повезло меньше. Конь и наездник упали как раз на певца. Тирион отпрыгнул назад, и пока нога бандита оставалась под павшим конем, погрузил топор ему в спину, как раз над лопаткой.

Стараясь вырвать оружие, он услыхал за собой стон Мариллона.

— Кто-нибудь, помогите же мне, — выдохнул певец. — Боги милосердные, у меня кровь идет.

— По-моему, это лошадиная кровь, — заметил Тирион. Ладонь певца высунулась из-под мертвого животного, скребясь в грязи, словно пятиногий паук.

Тирион наступил каблуком на протянувшиеся пальцы и услышал удовлетворивший его хруст.

— Закрой глаза и изобрази, что ты умер, — посоветовал он певцу, а потом поднял топор и повернулся.

После этого все сложилось как надо. Тяжелая от

запаха крови заря наполнилась криками и воплями, мир преобразился в хаос. Стрелы свистели мимо его уха, звякали по камням. Он видел, что Бронн лишился коня и сражался, держа по мечу в каждой руке. Тирион держался края схватки, он перескакивал со скалы на скалу и выпрыгивал из теней, чтобы подрубить ноги проезжавших коней. Наткнувшись на раненого горца, он избавил его от жизни, а заодно и от полушлема, оказавшегося, пожалуй, тесноватым, но Тирион рад был любой защите. Джика срубили сзади, пока он резал горца впереди себя, а потом Тирион переступил через тело Курлекета; поросячья физиономия была разбита булавой, но Тирион узнал свой кинжал, разжимая руку убитого. Засовывая его за пояс, он услыхал женский крик.

Кейтилин Старк жалась к каменной поверхности скалы, ее окружали трое: один на коне и двое пеших. Она неловко держала оружие ранеными руками, но спина ее уже припала к скале, и они обступили ее с трех сторон.

Пусть получит, сука, подумал Тирион, однако почему-то шагнул вперед. Он ударил первого под колено, прежде чем они успели заметить его; тяжелая головка топора перерубила плоть и кость, словно гнилое бревно. А бревна все-таки

кровоточат, пришла в голову Тириона безумная мысль, когда к нему направился второй горец, он отшатнулся назад, и Кейтилин Старк сзади вспорола ему горло. Всадник вдруг вспомнил, что у него где-то неподалеку срочное дело, и взял с места в галоп.

Тирион огляделся: враги, были убиты, ранены или бежали. Пока он был занят боем, схватка каким-то образом закончилась. Вокруг лежали умирающие кони и раненые люди, они стонали или кричали. К невероятному изумлению, он оказался не среди них. Тирион разжал пальцы и выронил топор на землю. Ладони его сделались липкими от крови. Тирион мог бы присягнуть, что они дрались полдня, но солнце даже не успело сойти с места.

— Значит, первая битва? — спросил его Бронн; склонившись над телом Джика, наемник стягивал с убитого сапоги. Хорошие сапоги, какие и подобает носить людям лорда Тайвина: толстая и гибкая, натертая маслом кожа, — куда лучше тех, которые истоптал Бронн.

Тирион кивнул.

— Отец мой будет ужасно горд, — сказал он. Ноги карлика так болели, что он едва мог стоять. Как ни странно, во время схватки он не замечал

этой боли.

— А теперь тебе нужно бабу, — проговорил Бронн. Черные глаза его блеснули. Наемник затолкал сапоги в переметную суму. — После первой крови нет ничего лучше, поверь мне на слово.

Чигген оторвался от грабежа, довольно фыркнул и облизнулся. Тирион посмотрел на леди Старк, занимавшуюся ранами сира Родрика.

— Я-то что — она не согласится, — проговорил он. Вольные всадники разразились хохотом, Тирион ухмыльнулся и подумал: это начало. Потом он склонился возле ручья и смыл кровь с лица ледяной водой. Хромая, направился к остальным и вновь поглядел на убитых. Мертвые горцы были худы и оборванны, из-под лохматых шкур невысоких коньков торчали все ребра. Оружие, которое оставили убитым Брони и Чигген, делало это войско не слишком впечатляющим. Молоты, дубинки, коса… Тирион вспомнил рослого противника сира Родрика, одетого в шкуру сумеречного кота и сражающегося двуручным мечом, но когда он обнаружил его тело на каменистой земле, убитый не показался ему высоким. Тирион отметил, что клинок его был щербатым, дешевую сталь покрывала ржавчина. Нечего удивляться

тому, что горцы оставили на земле девять тел.

Они потеряли только троих: двоих из людей лорда Бреккена, Курлекета и Мохора; погиб его собственный слуга Джик, отважно бросившийся в битву на незаседланном коне. Дураком жил, дураком и погиб, подумал Тирион.

— Леди Старк, я настаиваю, чтобы вы всячески поторопились, — проговорил сир Уиллис Воде, внимательно оглядывая гребни холмов сквозь прорезь шлема. — Мы отогнали их, но далеко они не отъедут.

— Сначала мы должны похоронить наших мертвецов, сир Уиллис, — ответила она, — они были храбрыми людьми, и я не оставлю их воронам и сумеречным котам.

— Почва слишком каменистая, чтобы рыть могилу, — проговорил сир Уиллис.

— Тогда мы можем набрать камней для кэрна «надмогильный холм из камней».

— Собирайте все камни, которые вам нужны, — сказал ей Бронн, — но без меня или Чигена. У нас есть более важное дело, чем закидывать мертвецов камнями. Например, я хочу дышать. — Он оглядел выживших. — Те из вас, кто надеется пережить сегодняшний вечер, поедут с нами.

— Миледи, увы, он говорит правду, — усталым

голосом заметил сир Родрик. Старый рыцарь был ранен, на руке его остался глубокий порез, кроме того, копье задело его шею, и голос его теперь звучал по-стариковски. — Если мы задержимся здесь, они снова нападут, и уж второй схватки мы можем не пережить.

Тирион видел гнев на лице Кейтилин, но у нее выхода не оставалось.

— Тогда пусть боги простят нас. Хорошо, едем немедленно.

Теперь недостатка в конях не было Тирион перенес свое седло на пятнистого мерина Джика, казавшегося достаточно крепким, чтобы протянуть еще три или четыре дня. Он уже собирался подняться в седло, когда Лхарис шагнул вперед и сказал.

— А сейчас отдай мне этот кинжал, карлик.

— Пусть оружие останется у него, — сказала Кейтилин Старк, поглядев вниз со своего коня. — И кинжал, и топор. Возможно, они понадобятся, если на нас нападут снова.

— Благодарю вас, леди, — ответил Тирион, садясь в седло.

— Приберегите свои благодарности, сир, — сказала она. — Я доверяю вам не более, чем раньше. — Кейтилин отъехала, прежде чем он успел при-

думать ответ.

Тирион поправил краденый шлем и забрал топор у Бронна. Он в капюшоне, надвинутом на голову, и счел перемену вполне положительной. Пусть леди Старк не доверяет ему, но теперь у него есть топор, а значит, он может рассчитывать на жизнь в этой игре.

Сир Уиллис Воде повел их дальше. Бронн ехал последним, леди Старк в середине, сир Родрик тенью маячил возле нее. Мариллон бросал на Тириона гневные взгляды. У певца оказались сломанными несколько ребер, арфа и все четыре пальца на играющей руке, но все же удача не совсем оставила его, Мариллон каким-то образом разжился плащом из шкуры сумеречного кота и теперь — наконец-то! — молча горбился под густой черной шкурой, прорезанной белыми полосами.

Едва отъехав на полмили, они услышали позади басовитое рычание сумеречных котов, а потом яростную грызню зверей над оставленными ими трупами. Мариллон заметно побледнел. Тирион подъехал к нему.

— Трусливый юнец, — сказал он, — превосходная рифма к слову «певец»! — Пришпорив коня, он присоединился к сиру Родрику и Кейтилин

Старк.

Она поглядела на него, плотно сжав губы.

— Как я говорил, прежде чем нас столь грубо прервали, — начал Тирион, — в басни Мизинца есть один серьезный порок. Что бы вы ни думали обо мне, леди Старк, клянусь вам в одном: я никогда не держу пари против своих родственников.

Арья

Одноухий кот изогнул спину и зашипел на нее. Арья кралась по переулку, легко ступая на пятки босых ног, прислушиваясь к трепету сердца, глубоко и медленно вздыхая.

Тихая, как тень, сказала она себе, легкая, словно перышко. Кот настороженно поглядел на девочку, ожидая ее приближения.

Ловить кошек — дело нелегкое, руки Арьи покрылись полузажившими царапинами, оба колена успели ободраться о грубую землю. Сначала даже жирному кухаркиному коту удавалось спастись от нее, но Сирио не освобождал ее от этого дела ни днем, ни ночью. Когда она прибежала к нему с кровоточащими руками, он сказал:

— Выходит, ты такая медлительная? Будь побыстрее, девочка. Враги не станут царапать тебя. — Он присыпал ее раны мирийским огнем, ожегшим кожу, ей даже пришлось прикусить губы, чтобы не вскрикнуть. А потом снова послал за кошками.

В Красном замке их было полно: дремлющих на солнце ленивых старых котов, настороженных

мышеловов, быстрых маленьких котят с когтями острыми, словно иголочки, причесанных и доверчивых кошечек знатных дам, облезлых разбойников, промышлявших в грудах отбросов. Арья по одному ловила их и с гордостью приносила показать Сирио Форелю. Она всех переловила, кроме этого одноухого черного дьявола.

— Это и есть настоящий король замка, — объяснил ей один из золотых плащей.

— Он — воплощенный грех и сама подлость. Однажды, когда король давал пир в честь отца королевы, этот черный негодяй выскочил из-под стола и выхватил жареную перепелку прямо из пальцев лорда Тайвина. Роберт хохотал так, что едва не лопнул. Держись-ка подальше от него, дитя.

Кот поводил ее по замку: он дважды обогнул башню Десницы, потом направился через внутренний двор, потом через конюшню, потом вниз по витой лестнице, мимо маленькой кухни и свиного двора, потом мимо казарм золотых плащей, потом вдоль речной стены, потом вновь по ступеням, снова взад и вперед, над Гульбищем Предателя, потом снова вниз, через ворота, вокруг колодца, внутрь странных сооружений и наружу. Наконец Арья перестала понимать, где

находится.

И все-таки он попался. Стены поднимались высоко с каждой стороны, путь преграждала лишенная окон каменная глыба «Тихая, словно тень, — повторяла она, скользя вперед, — легкая, словно перышко».

Когда Арья оказалась в трех шагах, кот сорвался с места. Он метнулся влево, потом вправо, и вправо и налево поворачивалась Арья, преграждая ему путь. Кот вновь зашипел и попытался проскользнуть между ее ног. «Быстрая, как змея», — подумала Арья, смыкая на нем руки. Она со смехом прижала к себе кота, тот когтями драл ее кожаную куртку. Невзирая на это, Арья поцеловала его в лоб и откинула голову раньше, чем когти успели впиться в ее лицо. Кот взвыл и начал плеваться.

— А что он делает с этой кошкой?

От удивления Арья выронив кота и повернулась на голос. Кот исчез в мгновение ока. В конце переулка стояла девочка с головой в золотых кудряшках, хорошенькая, словно кукла, в синем атласном платье. Возле нее находился пухлый светловолосый мальчишка с миниатюрным мечом у пояса, на кармане дублета которого жемчугами был вышит скачущий олень. Прин-

цесса Мирцелла и принц Томмен, подумала Арья. Над детьми возвышалась септа, огромная, как тяжеловоз, а за ней вырастали два громадных стражника в пурпурных плащах домашней гвардии.

— Что ты делаешь с этим котом, мальчик? — спросила Мирцелла суровым голосом, а брату сказала: — Какой оборвыш, правда? Только погляди! — Она хихикнула.

— Грязный оборванец, вонючий мальчишка, — согласился Томмен.

«Они не узнали меня, — поняла Арья. — Они даже не поняли, что я девочка». Нечего удивляться: она была босая и грязная, волосы ее взлохматились после долгой беготни по замку, куртку порвали кошачьи когти, грубые домотканые штаны были закатаны выше ободранных коленок. Когда занимаешься ловлей кошек, приходится забыть про шелка и юбки. Она торопливо склонила голову и опустилась на одно колено. Быть может, они не узнают ее. В противном случае до конца этой истории ей не дожить, Септа Мордейн падет замертво, а Санса со стыда никогда больше не заговорит с ней.

Старая толстая септа шагнула вперед.

— Мальчик, откуда ты взялся? Тебе нечего де-

лать в этой части замка.

— Этих отсюда не выставишь, — сказал один из красных плащей. — Бороться с ними все равно что гонять крыс.

— Чей ты, мальчик? — спросила септа. — Отвечай! Что с тобой случилось, или ты разговаривать не умеешь?

Голос Арьи застрял в глотке; если она ответит, Томмен и Мирцелла, конечное узнают ее.

— Годвин, приведи-ка его сюда, — сказала септа. Самый рослый из стражников направился к ней по переулку.

Паника стиснула ее горло рукой гиганта. Арья не заговорила бы, даже если от этого зависела бы ее жизнь. «Спокойная, как тихая вода», — про себя проговорила она.

Арья шевельнулась, лишь когда Годвин потянулся к ней. Быстро, как змея, девочка нырнула налево, пальцы скользнули по руке, она крутнулась вокруг него. Гладкая, словно летний шелк, она уже бежала по переулку, пока он поворачивался. Быстрая, как олень! Септа закричала. Арья проскользнула, между ее ног, толстых и белых, как мраморные колонны, вскочила, врезалась в принца Томмена, перепрыгнула через него, а когда он уселся — увернулась от второго страж-

ника, а потом побежала, оставив всех.

Она слышала крики, затем, приближаясь, загромыхали сапоги, Арья упала и покатилась. Красный плащ пролетел мимо нее, споткнулся, и Арья вскочила на ноги. Она заметила над собой окно, высокое, узкое, почти бойницу. Арья подпрыгнула, ухватилась за подоконник и втянула свое тело внутрь. Словно угорь просачиваясь в щель, она затаила дыхание свалившись на пол перед испуганной посудомойкой, она подскочила, смахнула грязь с одежды и вновь побежала — в дверь, по длинному коридору, по лестнице, через укромный дворик. Завернув за угол, она перелезла через стену и нырнула в узкое окошко, попав в подвал, темный, как угольная яма. Звуки отступали все дальше.

Арья запыхалась и поняла, что потерялась. Если ее узнали, она пропала, в этом нельзя было сомневаться. Но ведь она была такой быстрой. Быстрой, словно олень.

Она припала во тьме к влажной каменной стене чтобы услышать звуки погони, — ничего, кроме биения ее же собственного сердца и далекого стука капель воды. Тихая, словно тень, сказала она себе. И принялась размышлять о том, где находится. Когда они только приехали в

Королевскую Гавань, ей даже снились кошмарные сны о том, как она теряется в замке. Отец сказал, что Красный замок меньше Винтерфелла, но во снах замок виделся ей невероятно огромным каменным лабиринтом, стены которого передвигались позади нее. Арье казалось, что она скитается по мрачным залам, мимо блеклых гобеленов, спускается по бесконечным винтовым лестницам, бежит через дворики или по мостам, кричит, но не слышит ответа. В некоторых комнатах красные каменные стены словно источали кровь, но окон она не могла сыскать нигде. Иногда Арье слышался далекий голос отца, и, как бы она ни спешила, зов становился все слабее и тише, наконец он растворялся во мраке, и она оставалась одна.

Вокруг было очень темно. Арья обхватила голые колени, прижалась к ним грудью и поежилась. Она тихо переждет здесь и досчитает до десяти тысяч. А потом можно будет выбраться наружу и попытаться отыскать дорогу домой. Но когда она досчитав до восьмидесяти семи, в помещении явно посветлело — глаза ее приспособились к темноте. Окружающие Арью силуэты медленно обретали форму. Из тьмы на нее смотрели ряды острых зубов, Арья сразу сбилась со счета. Она

зажмурила глаза и закусила, губу, постаравшись забыть все свои страхи. Вот она откроет их, и чудовища исчезнут, словно бы их не было никогда. Она постаралась представить, что Сирио находится сейчас рядом и из темноты нашептывает ей на ухо. Тихая, как вода, напомнила она себе. Сильная, как медведь, свирепая, как росомаха. И вновь открыла глаза. Чудовища остались на месте, но страх исчез. Арья поднялась на ноги и с опаской приблизилась к ним. Ее окружали черепа. Девочка прикоснулась к одному из них, чтобы узнать, не привиделся ли он ей. Но пальцы Арьи легли на массивную челюсть. Кость казалась на ощупь гладкой, холодной и жесткой. Арья провела пальцем по черному зубу, острому, словно кинжал, заточенный самой тьмой. Прикосновение заставило ее поежиться.

— Эта мертвая голова, — сказала она вслух, — лишенный сил череп, и он не может причинить мне вреда. — И все же Арье казалось, что чудовище непонятным образом знает, где находится. Девочка ощущала на себе взгляд его пустых глазниц, прозревающих сквозь мрак; в этом темном, похожем на пещеру подземелье обитало нечто, не испытывающее к ней ни малейшей симпатии. Арья бочком отодвинулась от черепа, но наткну-

лась на второй — еще больший, чем первый. На мгновение зубы его прикоснулись к плечу девочки, череп словно бы попытался впиться в ее плоть. Арья резко повернулась, ранив палец об острый клык, и побежала. Впереди вдруг вырос еще один череп, самый большой из всех, но Арья даже не замедлила движения. Она перепрыгнула через ряд острых зубов, высоких, словно мечи, и, миновав костяную, вечно голодную пасть, припала к двери. Руки Арьи нащупали тяжелое железное кольцо, прикрепленное к дереву, и она потянула. Дверь мгновение посопротивлялась, а потом начала медленно поворачиваться внутрь со скрипом столь громким, что его, вне сомнений, было слышно всему городу. Приоткрыв дверь, Арья проскользнула в щель и оказалась в коридоре. В подземелье чудовищ было темно, но коридор показался ей самой черной из всех семи преисподних. Тихая, как вода, напомнила себе Арья, но, позволив своим глазам привыкнуть, она ничего не увидела, если не считать смутных очертаний двери, через которую она вошла сюда. Арья взмахнула рукой перед своим лицом, но ощутила только движение воздуха. Она словно бы ослепла. Водяной плясун видит всеми своими чувствами, напомнила себе девочка. Она закрыла

глаза, на счет три выровняла дыхание, успокоилась и вытянула вперед руки. Слева пальцы ее прикоснулись к грубому неотесанному камню. Не отрывая ладони от поверхности, Арья направилась вдоль стены — небольшими скользящими шажками. Все коридоры куда-нибудь да ведут. Если куда-то можно войти, значит, можно и выйти. Страх режет глубже меча. Арья не собиралась пугаться. Ей казалось, что она шла уже долго, когда стена вдруг окончилась и порыв холодного ветра прикоснулся к ее щеке. Растрепавшиеся волосы легко прикасались к коже.

Где-то далеко внизу послышались голоса… шорох сапог, далекий говор. Неровный свет чуть прикасался к стене, она поняла, что стоит наверху огромного черного колодца, футов на двадцать уходившего в землю. В стены его были врезаны огромные камни; поворачиваясь, они спускались вниз ступенями лестницы, нисходящей в ад, о котором рассказывала старая Нэн. И что-то выходило из этой тьмы, прямо из недр земли…

Арья перегнулась через край, ощутила лицом холодное дыхание воздуха. Далеко внизу светился факел, казавшийся ей сверху огоньком свечи. А рядом с ним она заметила двоих мужчин. Гигантские тени их плясали по стенам колодца. Она

слышала голоса, гулко раздающиеся в шахте.

— …нашел одного бастарда, — сказал один. — Скоро обнаружит и остальных. Через день-другой, пару недель…

— Что он предпримет, когда узнает правду? — спросил другой голос с текучим акцентом Вольных Городов.

— Это знают одни только боги, — отвечал первый голос. Арья видела серый дымок, клубами поднимавшийся от факела, превращаясь в змеистую струю. — Эти дураки попытались убить его сына, хуже того, они все превратили в фарс. А этого человека просто так в сторону не отодвинешь. Хочу предостеречь: волк и лев скоро вцепятся друг другу в глотку, хотим мы этого или нет.

— Слишком скоро, слишком уж скоро, — пожаловался голос с прежним акцентом.

— Что хорошего принесет нам война сейчас? Мы не готовы к ней. Ее надо задержать.

— С таким же успехом можно попытаться остановить время… или ты принимаешь меня за волшебника?

Второй хихикнул:

— Никак не менее!

Пламя буквально трепетало на холодном ветру. Высокие тени почти добрались до Арьи. Мгнове-

ние спустя перед ней внизу появился человек с факелом, за ним следовал второй. Арья отодвинулась от колодца, легла на живот и вжалась в стену. Она задержала дыхание — мужчины уже были вровень с ней.

— Что ты хочешь чтобы я сделал? — спросил тот, что нес факел, — крепкий мужчина в коротком плаще с откинутым капюшоном. Обутые в тяжелые сапоги, ноги его ступали бесшумно. На нем были рубаха из вареной кожи, кольчуга, у пояса короткий меч и кинжал. Стальной шлем прикрывал голову. Арья усмотрела в нем нечто знакомое.

— Если может умереть один десница, то почему не может погибнуть другой? — ответил мужчина с акцентом и с раздвоенной желтой бородой. — Тебе уже знаком этот танец, мой друг.

Этого Арья еще не видела, она не сомневалась. Толстяк этот двигался с непринужденностью водяной плясуньи. На пальцах его поблескивали кольца — красное золото и бледное серебро, рубины, сапфиры, желтая щель тигрового глаза. Кольца были на каждом пальце, на некоторых даже по два.

— Раньше — это не теперь, и новая десница — другой человек, — возразил человек со шрамом,

когда они вышли в коридор. Неподвижная, словно камень, напомнила себе Арья, тихая, словно тень. Ослепленные светом своего факела, они не видели ее, прижавшуюся к стене буквально в нескольких футах от них.

— Быть может, — отвечал человек с раздвоенной бородой, останавливаясь, чтобы перевести дыхание после долгого подъема. — Тем не менее мы должны получить передышку. Принцесса брюхата. Кхал не станет утруждать себя до рождения сына. Ты знаешь, каковы эти дикари.

Мужчина с факелом что-то толкнул, и Арья услышала густой грохот: огромный, багровый в свете факела камень опустился с потолка. Она едва не вскрикнула. Там, где только что был спуск в колодец, лежала плита, прочная и ровная.

— Но если он не поторопится, то опоздает, — сказал крепкий человек в стальном шлеме. — В игре теперь участвуют не два игрока, как прежде, если так когда-то и было. Станнис Баратеон и Лиза Аррен бежали за пределы моей власти; поговаривают, что они собирают возле себя мечи. Рыцарь Цветов переписывается с Вышесадом, требует, чтобы лорд-отец прислал ко двору его сестру. Четырнадцатилетняя девушка мила, прекрасна и послушна, лорд Ренли и сир Лорас намереваются

уложить ее в постель к Роберту, а потом женить его на ней и сделать новую королеву. Мизинец… одни только боги знают, в какую игру играет Мизинец. И все же лишь лорд Старк тревожит мои сны. Он знает бастарда, знает книгу, скоро узнает и всю правду. А теперь жена его благодаря вмешательству Мизинца похитила Тириона Ланнистера. Лорд Тайвин сочтет это за нападение, а Джейме, непонятно почему, привязан к чертенку. Если Ланнистеры выступят против Севера, не смогут остаться в стороне и Талли. Ты говоришь — подожди… Поспеши, вот что я тебе отвечу! Даже самый легкий из жонглеров не может вечно держать в воздухе сотню шаров.

— Ты более чем жонглер, мой старый друг, ты — истинный волшебник. И я только прошу тебя продлить свои чары. — Они отправились по коридору туда, откуда явилась Арья… мимо комнаты с чудовищами.

— Сделаю все, что смогу, — ответил человек, несущий факел. — Мне нужно золото и еще пятьдесят птиц.

Позволив обоим удалиться подальше, Арья крадучись последовала за ними. Тихая, словно тень…

— Так много? — Голоса удалялись, свет ста-

новился слабее. — Тех, кто тебе нужен, трудно найти, они слишком молоды, чтобы знать их грамоту… быть может, постарше… не умрут так легко…

— Нет. С молодыми спокойнее… будь с ними ласковее…

— …если они попридержат языки…

— …риск…

Уже после того, как голоса растаяли вдали, Арья долго еще видела впереди свет факела, дымящуюся звезду, которая так и просила последовать за собой. Дважды она пропадала, но Арья шла прямо и оба раза оказывалась наверху узких крутых лестниц, но внизу светил факел, и она спешила, спешила за ним… Однажды Арья споткнулась о камень и упала на стену; рука ее нащупала сырую землю между досками, а ведь прежде стены тоннеля были одеты камнем.

Наверное, она пробиралась куда-то за город и преодолела не одну милю. Наконец и факел, и люди исчезли, но идти приходилось только вперед. Арья вновь нащупала стену и последовала дальше, слепая и потерявшаяся, стараясь представить, что Нимерия топает рядом с ней во тьме. Наконец она очутилась по колено в гнусной вонючей жиже, почти не надеясь увидеть снова

дневной свет; она жалела, что не в силах пробежать по этой мерзости, как сделал бы Сирио.

Арья выбралась из подземелья, когда уже стемнело. И обнаружила, что стоит в жерле сточной канавы, извергающейся в реку. От тела ее пахло так скверно, что Арья разделась и, бросив грязную одежду на берегу, нырнула в глубокие черные воды. Она поплавала, пока не ощутила себя чистой, и, ежась, вылезла на берег. Пока Арья стирала свою одежду, по прибрежной дороге несколько раз проезжали какие-то всадники, но если они и сумели заметить нескладную голую девчонку, стиравшую свои тряпки в лунном свете, то не стали обращать на нее внимание.

Арья оказалась в нескольких милях от замка, но в Королевской Гавани потеряться было нельзя: стоило только поглядеть вверх, чтобы увидеть Красный замок высоко на горе Эйегона. Когда Арья достигла ворот, одежда ее почти высохла. Решетку опустили, и ворота уже заложили, поэтому Арья направилась прямо к боковой двери. Караулившие у ворот золотые плащи ответили хохотом на просьбу Арьи впустить ее.

— Ступай прочь, — сказал один из них. — Кухонные отбросы уже унесли, а после восьми попрошайничать запрещено.

— Я не попрошайка, — сказала она. — Я здесь живу.

— А я сказал — ступай прочь. Или хочешь получить по уху, чтобы лучше слышать!

— Я хочу видеть моего отца.

Стражники обменялись взглядами.

— Я бы и сам хотел трахнуть королеву с большим удовольствием, — сказал тот, что помоложе. Старший нахмурился:

— А кто твой папаша, парень, городской крысолов?

— Десница короля, — отвечала Арья.

Оба расхохотались, но потом старший замахнулся кулаком, небрежно, как отгоняют собаку. Арья заметила удар быстрее, чем рука дошла до нее. Она отскочила в сторону невредимая.

— Я не мальчик. — Она плюнула к их ногам. — Я Арья Старк из Винтерфелла, и если кто-нибудь из вас притронется ко мне рукой, мой лорд-отец прикажет насадить ваши головы на пики. Если не верите, позовите Джори Касселя или Вейона Пуля из башни Десницы. — Она уперла руки в бедра. — А теперь открывайте ворота, или кому-нибудь нужно дать по уху, чтобы лучше слышал?

Когда Харвин и Толстый Том привели ее домой, отец в одиночестве сидел в солярии, масляная

лампа неярко горела возле его локтя. Он склонился над самой большой книгой из всех, которые видела Арья, потрескавшиеся желтые страницы пухлого фолианта в кожаной обложке были исписаны неразборчивым почерком. Отец закрыл книгу, чтобы выслушать сообщение Харвина. Поблагодарив своих людей, он отослал их и с суровым лицом повернулся к Арье.

— Понимаешь ли ты, что я разослал половину своей стражи искать тебя? — сказал Эддард Старк, когда они остались вдвоем. — Септа Мордейн от испуга наполовину потеряла рассудок. А сейчас она отправилась в свою септу молиться о твоем благополучном возвращении Арья, тебе ведь известно, что я запретил вам выходить за ворота замка без моего разрешения.

— А я и не выходила из ворот, — выпалила она. — Я не хотела этого. Я была в подземелье, а потом они повернули в этот тоннель, там было темно, у меня не было ни факела, ни свечи, поэтому мне пришлось последовать за ними. А вернуться назад тем путем, которым пришла, я не могла из-за чудовищ. Отец, они говорили, что хотят убить тебя! Не чудовища, а двое мужчин. Они не видели меня. Я стояла тихая, словно камень, и спокойная, словно тень, но я слышала их разговор. Они ска-

зали, что у тебя есть книга и бастард и что если один десница мог умереть, то может погибнуть и другой. Это и есть та книга? А Джон — бастард?

— Джон? Арья, о чем ты? Кто это говорил?

— Это они, — объяснила она — Жирный такой человек с кольцами, с раздвоенной желтой бородой, и другой — в кольчуге и стальном шлеме. Жирный говорил, что им нужно медлить, а другой торопил его, он сказал, что не может вечно жонглировать, и волк со львом пожрут друг друга, и это будет фарс. — Арья попыталась вспомнить разговор, но она не все поняла тогда, а теперь мысли совсем смешались в ее голове. — Жирный сказал, что у принцессы будет ребенок. А тот, в стальном шлеме, с факелом, сказал, что надо поторопиться. По-моему, он колдун.

— Колдун? — повторил Нед без улыбки. — Значит, у него была длинная белая борода и высокая остроконечная шапка, усеянная звездами?

— Нет, он ничуть не напоминал рассказы старой Нэн. Он был совсем не похож на волшебника, это жирный сказал, что он колдун!

— Предупреждаю тебя, Арья, если ты сплетаешь эту ниточку из воздуха…

— Нет, нет, я сказала тебе, что все случилось в подземелье, возле тайного хода. Я ловила кошек

и, — Арья скривилась. Если она признается в том, что толкнула принца Томмена, отец действительно рассердится на нее, — залезла в это окно, а там обнаружила чудовищ.

— Чудовища и волшебники, — сказал отец. — Похоже, ты испытала истинное приключение. Значит, те люди, разговор которых ты подслушала, разговаривали о жонглерах и марионетках?

— Да, — сказала Арья, — только…

— Арья, это были кукольники, — сказал ей отец. — В Королевской Гавани сейчас находится дюжина трупп, они хотят заработать, ведь на турнир собралось много людей. Не знаю, что эти двое делали в замке. Возможно, король попросил их дать представление.

— Нет. — Она упрямо вздернула голову. — Они не были…

— Тебе не следует увязываться за людьми и шпионить за ними. И я совершенно не хочу, чтобы моя дочь лазала в чужие окна за кошками. Погляди-ка на себя, моя милая. Все руки исцарапаны. С меня довольно. Скажи Сирио Форелю, что я хочу переговорить с ним.

Его прервал короткий резкий стук.

— Лорд Эддард, прошу прощения, — проговорил Десмонд, приоткрыв чуточку дверь. — Прибыл

один из Черных Братьев, он просит аудиенции. Утверждает, что дело срочное. Я решил, что вы захотели бы узнать об этом.

— Дверь моя всегда открыта для Ночного Дозора, — ответил отец.

Десмонд впустил человека в грязной одежде, с нестриженой бородой, показавшегося Арье согбенным и уродливым, но отец любезно приветствовал гостя и спросил его имя.

— Йорен, если угодно милорду. Прошу прошения за вторжение в столь поздний час, — Он поклонился Арье. — Это, должно быть, ваш сын, он похож на вас.

— Я девочка, — взволнованно поправила Арья. Раз старик прибыл сюда со Стены, наверное, он проехал через Винтерфелл. — А вы знаете моих братьев? — спросила она взволнованно. — Робб и Бран сейчас в Винтерфелле, а Джон на Стене. Джон Сноу, он в Ночном Дозоре. Вы должны знать его, у него лютоволк, белый с красными глазами. А Джон уже стал разведчиком? Я — Арья Старк.

Старик в провонявшей черной одежде странными глазами смотрел на нее, но Арья не могла остановиться.

— А когда вы отправитесь обратно на Стену, то можете прихватить письмо Джону, если я

напишу? — Она жалела о том, что сводного брата не было здесь. Он бы поверил ее рассказам и о подземелье, и о толстом человеке с раздвоенной бородой, и о чародее в стальном шлеме.

— Дочь моя нередко забывает о любезности, — проговорил Эддард Старк со слабой улыбкой, смягчавшей жесткость его слов. — Прошу вашего прощения, Йорен. Вас послал мой брат Бенджен?

— Никто не посылал меня, милорд, за исключением старого Мормонта. Я прибыл сюда, чтобы найти людей для Стены, и когда соберется двор Роберта, я преклоню колено и возопию о помощи! Надеюсь, что у короля и его десницы найдется какое-нибудь отребье в темницах, от которого здесь будут рады отделаться. Впрочем, мы говорим и за Бенджена Старка. Кровь его почернела, а потому он стал моим братом в такой же мере, как и вашим. Я прибыл сюда ради него. Я скакал сюда, едва не загнал коня, но оставил остальные позади.

— Остальных?

Йорен сплюнул:

— Наемников, вольных всадников и прочую сволочь. Эта гостиница была полна сброда, я заметил, как они взяли след. Запах крови или золота — для них все едино. Не все из них напра-

вились в Королевскую Гавань. Кое-кто поскакал на Бобровый утес — путь до него короче. Так что лорд Тайвин уже получил весть, можете не сомневаться в этом.

Отец нахмурился:

— О чем идет речь?

Йорен поглядел на Арью и молвил:

— Лучше говорить с глазу на глаз, милорд, прошу вашего прошения.

— Как хотите. Десмонд, проводи мою дочь в ее комнату. — Он поцеловал Арью в лоб. — Завтра договорим.

Арья стояла как вкопанная.

— А ничего плохого не случалось с Джоном? — спросила она у Йорена. — Или с дядей Бендженом?

— Что касается Старка, сказать не могу. Мальчишка Сноу благоденствовал, когда я оставил Стену, но речь пойдет не о них.

Десмонд взял ее за руку.

— Пойдем, миледи. Ты слыхала своего отца лорда.

Арье ничего не оставалось, как последовать за ним, жалея, что это не Толстый Том. Уж его-то она сумела бы задержать у двери по какой-либо причине, чтобы подслушать, сообщение Йорена.

Но Десмонд был слишком простодушен для подобных фокусов.

— А сколько гвардейцев здесь у моего отца? — спросила она, спускаясь в свою палату.

— В Королевской Гавани? Пятьдесят.

— Вы никому не позволите убить его, а? — спросила она.

Десмонд расхохотался.

— Не бойся, маленькая леди, лорда Эддарда охраняют день и ночь. С ним ничего не будет.

— У Ланнистеров больше пятидесяти людей.

— Это так, но каждый северянин стоит десятка южан, поэтому спи спокойно.

— А что, если убивать его пошлют волшебника?

— А вот на это отвечу, — ухмыльнулся Десмонд, извлекая свой длинный меч, — что волшебники умирают, как и все остальные люди, если у них отрубить голову.

Эддард

— Роберт умоляю тебя, — попросил Нед, — пойми, что ты говоришь; ты хочешь убить ребенка.

— Эта шлюха беременна! — Королевский кулак с грохотом обрушился на стол. — Я предупреждал тебя об этом, Нед. Еще там, среди курганов, но ты не захотел слушать меня. Значит, слушай сейчас. Я хочу, чтобы все они погибли — и мать, и ребенок, и этот дурак Визерис. Понятно я выражаюсь? Я хочу, чтобы они умерли!

Прочие члены совета изо всех сил старались изобразить, что находятся совсем не здесь. Вне сомнения, они вели себя весьма мудро, Эддард Старк редко чувствовал себя в подобном одиночестве.

— Ты навсегда опозоришь себя, если такое случится.

— Беру грех на душу, только пусть будет сделано. Я не настолько слеп, чтобы не видеть тени топора, подвешенного над моей собственной шеей.

— Над тобой нет топора, — возразил Нед королю. — Ты видишь тени; опасность исчезла

двадцать лет назад и теперь не существует.

— Так ли? — негромко спросил Варис, вытирая напудренные руки. — Милорд, вы обижаете меня. Неужели я вынесу ложь на суд короля и совета?

Нед холодно поглядел на евнуха.

— Вы принесли нам шепоток предателя, находившегося за полмира отсюда, милорд. Что если Мормонт ошибается?… Что, если он лжет?

— Сир Джорах не посмеет обмануть меня, — проговорил Варис с лукавой улыбкой. — Не рассчитывайте на это, милорд. Принцесса беременна.

— Пусть будет так. Но если вы ошибаетесь, нам нечего опасаться. Если у нее будет выкидыш, нам тоже ничего не грозит, как и если она родит дочь, а не сына. Потом ребенок может умереть в младенчестве…

— Ну а если это окажется мальчик? — настоятельно проговорил Роберт. — Если он выживет?

— Узкое море все еще разделяет нас. Я начну опасаться дотракийцев а тот самый день, когда узнаю, что они научили своих коней скакать по воде.

Глотнув вина, король яростно посмотрел на Неда.

— Итак, ты советуешь мне ничего не делать,

пока драконий ублюдок не высадит свою армию на моих берегах?

— Этот драконий ублюдок еще в чреве матери, — возразил Нед. — Даже Эйегон-завоеватель приступил к завоеваниям не сразу после того, как его отняли от груди.

— Боги! Старк, ты упрям, как зубр! — Король оглядел стол совета. — Неужели у остальных отнялись языки? Может ли кто-нибудь вразумить этого недоумка, отморозившего свою унылую физиономию?

С елейной улыбкой Варис положил мягкую ладонь на рукав Неда.

— Я вполне понимаю терзания вашей совести, лорд Эддард, поверьте, это действительно так. И сам я без какой-либо радости объявил совету эту прискорбную новость. Мы обдумываем ужасное преступление. Но ведь всем, кто берет на себя бремя власти, приходится совершать зло ради государственного блага, сколь бы противны ни были эти поступки нам самим.

Лорд Ренли пожал плечами:

— Вопрос кажется мне достаточно ясным. Нам следовало убить Визериса и его сестру еще годы назад, но светлейший брат мой допустил ошибку, прислушавшись к Джону Аррену.

— Милосердие никогда не бывает ошибкой, лорд Ренли, — ответил Нед. — У Трезубца присутствующий здесь сир Барристан зарубил добрую дюжину моих друзей… моих и Роберта. Когда его доставили к нам, тяжелораненого, на пороге смерти, Русе Болтон предложил перерезать ему глотку, но ваш брат сказал: «Я не убью прекрасного бойца, проявившего верность своему властелину», — и послал своего собственного мейстера перевязать раны сира Барристана. — Он одарил короля долгим холодным взглядом. — Хорошо бы этот человек присутствовал здесь сегодня.

У Роберта хватило стыда покраснеть.

— Тогда дело обстояло иначе, — попытался он оправдаться. — Сир Барристан был рыцарем Королевской гвардии.

— А Дейенерис — всего лишь четырнадцатилетняя девочка. — Нед понимал, что выходит за пределы разумного, однако не мог сохраните молчание. — Роберт, прошу тебя, объясни мне, разве мы поднялись против Эйериса Таргариена не для того, чтобы положить конец детоубийствам?

— Чтобы положить конец Таргариенам! — буркнул король.

— Светлейший государь, я никогда не предпо-

лагал, что вы боитесь Рейегара, — Нед попытался изгнать презрение из голоса, но не сумел этого сделать. — Неужели возраст лишил вас мужества настолько, что вы трепещете перед тенью нерожденного ребенка?

Роберт побагровел.

— Ни слова больше! — отрезал он. — Ни слова больше, или ты забыл, кто здесь король?

— Нет, светлейший государь, — проговорил Нед. — А вы?

— Довольно! — взревел король, — Я устал от этого разговора. Давайте наконец кончать с этим, проклятие! Ну, каково ваше мнение?

— Ее надо убить, — объявил лорд Ренли.

— У нас нет выхода, — пробормотал Варис. — Как ни прискорбно, как ни прискорбно…

Сир Барристан Селми оторвал от стола взгляд бледно-голубых глаз и проговорил:

— Светлейший государь, честь велит нам встречать врага на поле боя, а не убивать его в чреве матери. Простите меня, но я вынужден поддержать мнение лорда Эддарда.

Великий мейстер Пицель прочистил глотку; на процесс этот, казалось, ушли минуты.

— Мой орден служит государству, а ни правителю. Прежде я давал советы королю Эйерису столь

же преданно; как и королю Роберту, а поэтому не испытываю вражды к его дочери. И все же я спрошу вас: неужели снова начнется война… сколько воинов погибнет и сколько городов сгорит? Скольких детей отнимут от матерей, чтобы насадить на копье? — Он погладил свою роскошную белую бороду… бесконечно скорбный, бесконечно усталый. — Разве мудрость и доброта не велят нам, чтобы Дейенерис Таргариен умерла, но тысячи и десятки тысяч остались жить?

— Именно доброта, — отозвался Варис. — Хорошо и справедливо сказано, великий мейстер. Как вы правы! Если боги по своей прихоти даруют Дейенерис Таргариен сына, королевство изойдет кровью.

Мизинец говорил последним. Когда Нед посмотрел на него, лорд Петир прикрыл ладонью зевок.

— Когда судьба приводит тебя в постель к уродливой женщине, лучше всего закрыть глаза и приступить к делу, — объявил он. — От ожидания она не станет красавицей. Делай ее, и все тут.

— Как это — делай? — спросил озадаченный сир Барристан.

— Сталью, — отвечал Мизинец.

Роберт повернул лицо к деснице.

— Вот и все, Нед. Вы с Селми остались в одиночестве по этому вопросу. Остается только решить, кто возьмется убить ее?

— Мормонт добивается королевского прощения, — напомнил ему лорд Ренли.

— Со всем рвением, — отвечал Варис, — но жизнь он любит еще больше. Сейчас принцесса находится возле Венес Дотрак, где всякий, взявший в руки клинок, погибнет. Если я расскажу вам, как дотракийцы обойдутся с беднягой, который направит свое оружие против кхалиси, никто из присутствующих не сможет уснуть сегодня. — Он погладив напудренную щеку. — Тогда остается яд… слезы Лисс, скажем так. Кхал Дрого даже не догадается, что смерть ее не была естественной.

Сонные глаза мейстера Пицеля открылись. Он подозрительно покосился на евнуха.

— Но яд — оружие труса, — усомнился король. С Неда было довольно.

— Вы посылаете наемников убить четырнадцатилетнюю девчонку и еще разговариваете о чести? — Он отодвинул назад кресло и встал. — Сделай это сам, Роберт. Человек, который выносит приговор, должен сам занести меч. Погляди в ее глаза, прежде чем убьешь. Посмотри на ее

слезы, выслушай последние слова. По крайней мере хоть это ты должен сделать.

— Боги! — ругнулся король, не имея более сил сдержать свою ярость. — Ты до сих пор настаиваешь! — Потянувшись к бутылке вина, стоявшей возле его локтя, король обнаружил, что она пуста, и отбросил ее к стенке. — У меня кончилось и вино, и терпение. Довольно. Пусть будет сделано!

— Я не буду участвовать в убийстве, Роберт. Поступай как хочешь, но не проси, чтобы я приложил к этому собственную печать.

Какое-то мгновение Роберт словно не понимал, что говорит Нед. Подобное упорство не относилось к числу блюд, часто подающихся при дворе. Но понимание приходило, и лицо его преображалось. Глаза короля сузились, багрянец выполз на шею из-под бархатного воротника. В гневе он ткнул пальцем в сторону Неда.

— Вы — королевская десница, лорд Старк. И вы поступите так, как я прикажу вам, или я найду другого помощника, который исполнит это дело.

— Желаю вам успеха. — Нед отстегнул тяжелую застежку, скреплявшую складки его плаща, искусно сделанную серебряную руку, служившую знаком его сана, и положил на стол перед королем, скорбя о том человеке, который возложил на

него эту тяжесть… о том, которого он любил. — Я считал тебя лучшим человеком, Роберт. Я думал, что мы выбрали благородного короля.

Лицо Роберта побагровело.

— Вон! — рявкнул он, задыхаясь от ярости. — Вон, проклятый, или я разделаюсь с тобой. Чего ты ждешь? Ступай, беги в свой Винтерфелл, только потрудись, чтобы я более не видел твоей физиономии, иначе, клянусь, я пристрою твою голову на пику!

Нед поклонился и, не ответив ни слова, повернулся, ощущая взгляд Роберта всем своим телом. Выходя из палаты совета, он услышал, как сразу возобновилось обсуждение за его спиной.

— На Браавосе существует общество так называемых Безликих Людей, — предложил великий мейстер Пицель.

— А вы представляете, во что обойдутся их услуги? — пожаловался Мизинец. — За половину той цены, которую они заломят, можно нанять целое войско обычных наемников, даже если речь будет идти об убийстве того купца. Не знаю уж, сколько они запросят за принцессу.

Дверь за спиной закрылась, голоса стихли. Возле палаты в длинном белом плаще и броне Королевской гвардии замер сир Борос Блаунт.

Уголком глаза он быстро глянул на Неда, но вопросов задавать не стал.

День выдался тяжелый и мрачный, направившись через двор к башне Десницы, Нед ощутил собирающийся в воздухе дождь. Он был бы рад грозе. Дождь позволил бы ему почувствовать себя хоть чуточку более чистым. Добравшись до своего солярия, он призвал Вейона Пуля. Управляющий явился немедленно.

— Вы посылали за мной, милорд-десница?

— Больше не десница, — ответил Нед. — Мы с королем поссорились. Возвращаемся в Винтерфелл.

— Немедленно начинаю приготовления, милорд. Нам потребуется две недели, чтобы подготовиться к путешествию.

— У нас нет двух недель, возможно, даже дня. Король посулил надеть мою голову на пику. — Нед нахмурился. Он не верил, что король способен повредить ему… нет, только не Роберт. Сейчас он зол, но Нед исчез с его глаз, и ярость его остынет, как бывало всегда.

Всегда ли? И вдруг Нед с тревогой вспомнил о Рейегаре Таргариене, погибшем уже пятнадцать лет назад. А ведь Роберт по-прежнему ненавидит его! Неприятная мысль… потом нельзя забывать

о том, что Кейтилин задержала карлика, Йорен известил его об этом прошлой ночью. Все скоро откроется, и это в тот момент, когда король в гневе на него… Конечно, Роберт ценит Тириона Ланнистера не дороже незрелой фиги. Но похищение заденет его гордость, а что предпримет королева — вообще невозможно сказать.

— Наверное, будет лучше, если я отправлюсь вперед, — сказал Нед Пулю. — Возьму дочерей и небольшую охрану. Остальные последуют за мной, когда соберутся. Извести Джори, но более никого, и ничего не предпринимай, пока мы с девчонками не уедем. Замок полон глаз и ушей, и я предпочту, чтобы о планах моих не знали.

— Как вам угодно, милорд.

Когда Пуль вышел, Эддард Старк направился к окну и задумался, сев возле него. Роберт явно не оставил ему никакого выбора. А вообще-то следовало бы поблагодарить короля. Здорово будет возвратиться в Винтерфелл. Жаль, что он приезжал сюда. Сыновья ждут его, быть может, у них с Кейтилин теперь родится еще один сын, ведь они еще достаточно молоды. Кроме того, он успел заметить, что уже тоскует о снеге, о глубокой ночной тишине Волчьего леса.

И все же мысль об отъезде сердила его. Сколько

он не успел сделать! Теперь Роберт и его совет, полный льстецов и трусов, окончательно разорят королевство… хуже того, продадут его Ланнистерам в уплату за долги. Потом, он до сих пор не узнал правды о смерти Джона Аррена. Конечно, ему удалось отыскать несколько кусков головоломки, которые убедили его в том, что Джон действительно был убит, но все это пока только помет, оставленный хищником на лесной тропе. Нед еще не видел самого зверя, хотя ощущал его присутствие — затаившегося и опасного.

Он вдруг внезапно понял, что лучше вернуться в Винтерфелл морем. Нед не был моряком и предпочел бы Королевский тракт, но корабль мог сделать остановку на Драконьем Камне, там он сумеет переговорить со Станнисом Баратеоном. Пицель отослал за воды ворона с вежливым письмом за подписью Неда, предлагавшего лорду Станнису занять свое место в Малом совете. Ответа не было, и молчание лишь усугубило его подозрения. Лорд Станнис явно знает, почему погиб Джон Аррен. Нед в этом не сомневался. Истина, которую он разыскивал, вполне могла ожидать его в древней островной твердыне дома Таргариенов.

Ну а когда он узнает этот секрет, что тогда? От

некоторых тайн лучше держаться подальше, иные опасно делить даже с теми, кого ты любишь и кому доверяешь. Нед извлек привезенный Кейтилин кинжал из ножен на поясе. Нож Беса? Зачем карлику понадобилась смерть Брана? Конечно, чтобы он молчал. Новый секрет или еще одна нить из той же паутины?

Замешан ли Роберт в этой истории? Не хочется верить, но ведь прежде он не думал, что Роберт способен подослать убийцу к беременной женщине. Кейтилин пыталась предостеречь его. Ты знал человека, сказала она, а король тебе не знаком. Чем скорее ему удастся оставить Королевскую Гавань, тем лучше. Если завтра утром какой-нибудь из кораблей отправится на север, следует оказаться на нем.

Вызвав Вейона Пуля, Нед послал его к причалам, чтобы все разузнать без шума, но быстро.

— Найди мне надежный корабль с искусным капитаном, — велел он управителю. — Меня не интересует ни размер кают, ни качество, ни убранство. Судно должно быть лишь быстроходным и надежным. Я хочу отплыть немедленно.

Пуль только что получил распоряжение, но Томард уже объявлял гостя:

— Лорд Бейлиш желает видеть вас, милорд.

Нед хотел уже отказаться от этой встречи, но передумал. Он еще не освободился и обязан участвовать в их играх.

— Проводите его ко мне.

Лорд Петир вступил в солярий так, словно бы утром ничего не стряслось — разрезной бархатный дублет серебристо-молочного цвета, серый шелковый плащ подбит мехом черной лисы, на лице обычная насмешливая улыбка.

Нед холодно приветствовал его.

— Могу ли я узнать причину вашего визита, лорд Бейлиш?

— Я не задержу вас: к обеду меня ждет леди Танда. Будет пирог с ягнятиной и жареный молочный поросенок. Достопочтенная леди мечтает женить меня на своей младшей дочери, поэтому стол ее всегда восхитителен. По правде говоря, я скорее женюсь на свинье, но не говорите ей этого. Я обожаю пирог с ягнятиной.

— Не смею задерживать вас, милорд. — отвечал Нед с ледяным пренебрежением. — В настоящий момент мне трудно представить себе человека, в чьем обществе я нуждался бы меньше, чем в вашем.

— Вы не правы. Хорошенько подумав, вы, бесспорно, найдете еще несколько имен. Ска-

жем, Вариса, или Серсеи, или самого Роберта. Светлейший буквально зашелся в гневе! Он не сразу успокоился и после того, как вы оставили нас сегодня утром. Насколько я помню, слова «наглость» и «неблагодарность» довольно часто встречались в его речи.

Нед не почтил его ответом. Он не стал предлагать своему гостю сесть, но Мизинец уселся без приглашения.

— После того как вы бурей вылетели из зала, я был вынужден уговорить их не обращаться к услугам Безликих Людей, — промолвил он непринужденно. — Просто Варис распространит слух, что мы сделаем лордом всякого, кто покончит с девчонкой.

Нед скривился.

— Итак, теперь мы даруем титулы даже убийцам.

Мизинец пожал плечами:

— Титул — вещь дешевая. Безликие Люди обойдутся дороже. И этим я, по правде говоря, более услужил Дейенерис, чем вы своими речами о чести. Пусть какой-то наемник попытается убить ее, возмечтав о титуле. Скорее всего ему ничего не удастся, и дотракийцы долго еще будут внимательно охранять ее. Если же мы подошлем к

ней одного из Безликих Людей, можно заранее заказывать похороны.

Нед нахмурился:

— Заседая в совете, вы говорили об уродливых женщинах и стальных поцелуях, а теперь пытаетесь убедить меня в том, что попытались защитить девушку? За какого же дурака вы меня принимаете?

— Просто за колоссального, — со смехом отвечал Мизинец.

— Вас всегда настолько развлекает мысль об убийстве, лорд Бейлиш?

— Лорд Старк, меня развлекает не убийство, а вы. Вы правите, как человек, танцующий на подтаявшем льду. Смею сказать, всплеск будет весьма впечатляющим. И первые трещины, побежали сегодня утром.

— Первые и последние, — резко ответил Нед. — С меня довольно.

— Когда вы собираетесь возвратиться в Винтерфелл, милорд?

— Как только смогу. А какое вам дело до этого?

— Никакого… но если вы не оставите нас до завтрашнего вечера, я охотно отведу вас в тот бордель, который ваш Джори так безуспешно искал, — Мизинец улыбнулся, — и ничего не скажу

леди Кейтилин.

Кейтилин

— Миледи, вам следовало заранее известить нас о вашем приезде, — сказал ей сир Доннел Уэйнвуд, пока их кони одолевали перевал, — мы бы послали отряд навстречу. Высокогорная дорога теперь не настолько безопасна для столь маленького отряда, как в прошлые времена.

— К своему прискорбию, мы успели убедиться в этом, сир Доннел, — ответила Кейтилин. Иногда ей казалось, что сердце ее обратилось в камень. Шестеро отважных мужчин погибли, чтобы она могла приехать сюда, а она не находила в себе слез для них и даже начала забывать их имена. — Горцы досаждали нам день и ночь. Мы потеряли троих в первом нападении и еще двоих во втором, слуга Ланнистера умер от лихорадки, после того как раны его воспалились. Когда мы увидели ваших людей, я уже решила, что приближается наш конец. — Она вспомнила, как их маленький отряд выстроился для последней отчаянной схватки — с клинками в руках, спинами к скале. Карлик еще точил край топора, отпуская какую-то едкую шутку, когда Бронн заметил на

знамени приближавшихся всадников луну и сокола посреди небесной синевы и белизны стяга дома Аррена. Кейтилин еще не приводилось видеть более приятного зрелища.

— Кланы набрались храбрости после смерти лорда Джона, — проговорил сир Доннел, крепкий юноша лет двадцати, с честным и открытым лицом, широкие носом и взлохмаченной густой каштановой шевелюрой. — Если бы это зависело от меня, то я бы повел в горы сотню человек и выкурил горцев из их крепостей. После нескольких суровых уроков все было бы в порядке, но ваша сестра мне это запретила. Она даже не разрешила своим рыцарям отправиться на турнир в честь десницы. Она хочет, чтобы все наши мечи оставались дома и могли защитить Долину. Но от кого — этого не знает никто. Кое-кто уже говорит — от теней. — Он тревожно поглядел на Кейтилин. — Надеюсь, я не наговорил лишнего, миледи? Я не хотел вас обидеть.

— Откровенные речи не задевают меня, сир Доннел. — Кейтилин знала, кого боялась ее сестра. Не теней, а Ланнистеров, додумала она про себя, оглянувшись на карлика, ехавшего возле Бронна. После смерти Чиггена они сдружились — словно два вора. Карлик оказался много хит-

рее, чем этого бы хотелось. Когда они въехали в горы, он был ее пленником, связанным и беспомощным. Кем же он сделался теперь? Тирион оставался пленником, но тем не менее ехал с кинжалом у пояса и с топором, привязанным к седлу, в плаще из кошачьей шкуры, выигранном в кости у певца, и в короткой кольчуге, которую Ланнистер снял с убитого Чиггена. Две дюжины вооруженных людей окружили карлика и остаток ее потрепанного отряда — рыцари и воины, служащие ее сестре Лизе и юному сыну Джона Аррена, но Тирион не обнаруживал никаких признаков страха. «Неужели я ошиблась?» Уже не впервые Кейтилин подумала, что он, может быть, не виновен в покушении на жизнь Брана, в смерти лорда Аррена и всех остальных. Ну а если так, какой же вид тогда она будет иметь? Чтобы привезти Беса сюда, свои жизни отдали шестеро мужчин. Она решительно отогнала сомнения.

— Когда мы доберемся до вашей крепости, я буду рада, если вы немедленно пошлете за мейстером Колемоном. Сира Родрика лихорадит, он ранен. — Она уже не однажды опасалась, что галантный старый рыцарь не выдержит путешествия. В последние дни он едва находил силы сидеть в седле, и Бронн уже предлагал ей

предоставить старика собственной судьбе, но Кейтилин не желала даже слушать об этом. Кончилось тем, что сира Родрика привязали к седлу. Она велела Мариллону приглядывать за ним.

Сир Доннел помедлил, прежде чем ответить.

— Леди Лиза приказала мейстеру безотлучно находиться в Орлином Гнезде, возле лорда Роберта, — ответил он. — Здесь у ворот есть септон, приглядывающий за ранеными. Он может перевязать раны вашего человека.

Кейтилин скорее положилась бы на знания мейстера, чем на молитву септона. Она уже собиралась сказать это, когда заметила впереди длинные парапеты, врезанные в скалу с обеих сторон ущелья. Там, где проход сужался так, что лишь четверо всадников могли проехать рядом, к скалистым, склонам прижимались две сторожевые башни, соединенные крытым мостиком из посеревшего от непогоды камня, изгибавшимся над дорогой. Молчаливые лица замерли у бойниц в башне, на мостике и стенах. Когда они уже заканчивали подъем, навстречу им выехал рыцарь на сером коне и в сером же панцире, а на плаще его играла красно-голубая метка Риверрана, и блестящая черная рыба из оправленного золотом обсидиана скалывала плащ на груди.

— Кто тут держит путь через Кровавые ворота? — спросил он.

— Сир Доннел Уэйнвуд вместе с миледи Кейтилин Старк и ее спутниками, — ответил молодой рыцарь. Хранитель ворот поднял забрало.

— То-то леди показалась мне знакомой. Далеко же ты заехала от дома, маленькая Кет.

— И ты тоже, дядюшка. — ответила она улыбаясь. Этот хриплый грубоватый голос разом, возвратил ее на двадцать лет назад, ко дням ее детства.

— Теперь мой дом за моей спиной, — сказал он ворчливо.

— А мой дом в твоем сердце, — ответила ему Кейтилин. — Сними шлем, я хотела бы вновь увидеть твое лицо.

— Увы, годы не пощадили его, — покачал головой Бринден Талли, но, когда он снял шлем, Кейтилин решила, что дядя солгал. Конечно, лицо его покрылось морщинами, время украло последнее осеннее золото из волос, густо припорошив их сединой, но улыбка осталась прежней, кустистые брови напоминали раскормленных гусениц, в глубине синих глаз прятался смех. — А леди знает о твоем приезде?

— У меня не было времени посылать гонца,

— сказала Кейтилин. Ее спутники догоняли ее. — Боюсь, что мы приехали перед бурей, дядя.

— Можно ли нам въехать в Долину? — спросил сир Доннел. Здешние воеводы всегда соблюдали обычаи.

— Именем Джона Аррена, лорда Орлиного Гнезда, защитника Долины, истинного Хранителя Востока, разрешаю вам свободный проход и обязываю соблюдать мир. — ответил сир Бринден. — Езжайте.

Так она въехала под сень Кровавых ворот, у которых во Времена Героев погибла дюжина армий. За укреплениями горы расступались, открывая зеленые поля, синее небо и снежные вершины, от вида которых дыхание перехватывало в груди. Долина Аррен купалась в утреннем свете. Она уходила на восток: спокойный край богатого чернозема, широких медленных рек и сотен небольших озер, зеркалами отражавших лучи солнца, со всех сторон огражденный грозными пиками. На этих высотах росли пшеница, кукуруза, ячмень, и даже в Вышесаде плоды были не слаще, а тыквы не больше здешних. Они находились в западном конце Долины, где высокогорная дорога, одолев последний перевал, начинала извилистый спуск к низинам в двух милях внизу.

Долина здесь сужалась, — конному ехать полдня, — и Северные горы казались настолько близкими, что Кейтилин просто хотелось потрогать их рукой. Над горами возвышался зубчатый пик, называвшийся Копьем Гиганта. Все прочие горы глядели на него снизу вверх, вершина его терялась среди ледяных туманов. С массивного западного отрога горы стекал призрачный поток Слез Алисы. Даже отсюда Кейтилин видела сверкающую полоску водопада — блестящую нитку на темном камне.

Заметив, что Кейтилин остановилась, дядя подъехал поближе и указал:

— Нам туда, — к Слезам Алисы. Отсюда видно только белое пятнышко, но если приглядеться, можно заметить стены, когда их освещает солнце.

Семь башен, говорил Нед, семь белых кинжалов, вонзающихся в чрево небес, они такие высокие, что с парапетов можно увидеть облака, проплывающие под ногами.

— А долго ли туда ехать?

— Возле горы мы окажемся к вечеру, — объяснил дядя Бринден, — на подъем уйдет еще один день.

За спиной ее заговорил сир Родрик Кассель:

— Миледи, боюсь, что сегодня я не смогу ехать дальше. — Лицо его под неровными, лишь недавно отросшими бакенбардами осунулось, сир Родрик показался Кейтилин просто изможденным, она даже испугалась, что он упадет с коня.

— Вам этого не следует делать, — сказала она. — Вы уже выполнили все, о чем я могла попросить вас, все — и в сотню раз больше. Мой дядя проводит меня до Орлиного Гнезда. Ланнистер должен ехать со мной, но нет причин, которые могли бы воспретить вам и всем остальным отдохнуть здесь и набраться сил.

— Принимать таких гостей для нас честь, — проговорил сир Доннел с серьезной любезностью молодости. Если не считать сира Родрика, из отряда, что выехал с ней из гостиницы на перекрестке дорог, уцелели лишь Бронн, сир Уиллис Воде и Мариллон певец.

— Миледи, — проговорил Мариллон, выезжая вперед. — Умоляю, разрешите мне проводить вас в Гнездо, чтобы я мог увидеть окончание повести, начало которой совершилось на моих глазах. — Мальчишка казался осунувшимся, однако странно решительным, глаза его лихорадочно блестели.

Кейтилин не просила певца сопровождать

их, решение принял он сам. Как Мариллон сумел уцелеть во время путешествия, когда много отважных воинов остались непогребенными позади, она понять не могла. Однако Мариллон находился сейчас перед ней, и тонкая бородка придавала ему почти взрослый вид. Быть может, она кое-что должна ему, раз он доехал так далеко.

— Очень хорошо, — сказала она.

— Я тоже поеду, — объявил Бронн.

Это предложение ей понравилось меньше. Без Бронна они не сумели бы пробиться в Долину, Кейтилин понимала это. Такого ярого бойца, как наемник, ей еще не приходилось видеть, а меч его помог им достичь безопасности. Но Кейтилин все-таки не нравился этот человек. Отваги ему было не занимать и силы хватало, однако она не видела в нем ни доброты, ни верности. Кроме того, он слишком часто оказывался возле Ланнистера, они постоянно переговаривались и смеялись над какими-то шутками. Она предпочла бы разлучить его с карликом именно здесь и сейчас, но согласившись на то, чтобы Мариллон продолжил дорогу в Орлиное Гнездо, она не могла вежливо отказать в этом праве и Бронну.

— Как угодно, — отвечала она, отметив при

этом, что он не попросил у нее разрешения.

Сир Уиллис Воде остался вместе с сиром Родриком. Негромко нашептывая, септон уже возился над их ранами. Оставили здесь и коней, измученных долгой дорогой. Но сир Доннел обещал послать птиц с известием об их приезде в Орлиное Гнездо и к Воротам Луны. Из конюшни вывели свежих мохнатых лошадей горной породы, привычных к здешним краям, и через час они продолжили путь. Вместе с дядей Кейтилин возглавила спуск в Долину. За ними следовали Брони, Тирион Ланнистер, Мариллон и шестеро людей Бриндена.

Когда они уже проделали треть пути по горной тропе и немного удалились вперед от своего отряда, Бринден Талли повернулся к ней и проговорил:

— А теперь, девочка, рассказывай мне об этой своей боли.

— Я уже давно выросла, дядя, — ответила Кейтилин, тем не менее приступая к рассказу. На всю повесть ушло больше времени, чем она ожидала, — нужно было рассказать и о письме Лизы, и о падении Брана, и о кинжале убийцы, и о Мизинце, и о ее случайной встрече с Тирионом Ланнистером на перекрестке дорог.

Дядя слушал безмолвно, тяжелые брови прикрывали глаза и с каждым ее словом он все больше мрачнел. Бринден Талли всегда умел слушать всех, кроме ее отца. Брат лорда Хостера, он был моложе его на пять лет, и они постоянно ссорились, насколько помнила Кейтилин. Во время самой громкой из ссор, когда Кейтилин уже исполнилось восемь, лорд Хостер назвал Бриндена черным козлом среди стада Талли. Расхохотавшись, Бринден указал на герб их дома — прыгающую форель — и заметил, что тогда уж его следует называть черной рыбой, а не козлом, и начиная с того дня принял ее изображение в качестве личного герба.

Раздоры братьев не закончились ко дню Лизиной свадьбы. На брачном пиру Бринден объявил брату, что оставляет Ривердан, чтобы служить Лизе и ее новому мужу, лорду Орлиного Гнезда. С тех пор, судя по редким письмам Эдмара, лорд Хостер ни разу не произнес имени своего брата.

Тем не менее все свое детство, именно к Бриндену Черной Рыбе, бегали дети лорда Хостера со своими слезами и рассказам, когда отец бывал слишком занят, а мать слишком больна. Кейтилин, Лиза, Эдмар… даже Петир Бейлиш, воспитанник их отца… Бринден терпеливо вы-

слушивал всех, как делал сейчас, радовался их победам и утешал в детских несчастьях.

Когда она договорила, дядя долго молчал и, отпустив поводья, позволил коню самостоятельно спускаться по крутой скалистой тропе.

— Надо известить твоего отца, — сказал он наконец. — Если Ланнистеры выступят, Винтерфелл далеко. Долина спряталась за своими горами, но Ривeрран лежит прямо на их пути.

— Я опасаюсь именно этого, — признала Кейтилин. — Я попрошу мейстера Колемона отослать птицу сразу, как только мы достигнем Орлиного Гнезда. — Следовало передать и распоряжения, отданные через нее Недом своим знаменосцам, чтобы они приступили к укреплению Севера. — А какое настроение в Долине? — спросила она.

— Здесь все в гневе, — сообщил Бринден Талли. — Лорда Джона очень любили, и все были оскорблены, когда король возложил на Джейме Ланнистера обязанность, которую Аррены исполняли почти три сотни лет. Лиза распорядилась, чтобы ее сына называли истинным Хранителем Востока. Кроме того, не только твоя сестра сомневается в причинах смерти десницы. — Он без улыбки поглядел на Кейтилин. — А тут еще и мальчик.

— Мальчик? Что с ним? — Кейтилин пригнулась, объезжая нависающую скалу. В голосе ее звучала тревога.

— Лорду Роберту Аррену, — вздохнул он, — всего только шесть лет, он постоянно хворает и начинает рыдать, когда у него отбирают игрушки. Он истинный наследник Джона Аррена, клянусь всеми богами, однако, находятся и такие, кто утверждает, что он слишком слаб, чтобы сесть на место отца. Нестор Ройс управлял Долиной последние четырнадцать лет, пока лорд Джон служил королю, и многие шепчут, что ему следует сохранить власть, пока мальчишка не повзрослеет. Другие считают, что Лизе нужно выйти замуж и поскорее. Женихи слетаются прямо как вороны на побоище. В Орлином Гнезде их полно.

— Этого следовало ожидать, — проговорила Кейтилин. Чему удивляться: Лиза еще молода, а Королевство Горы и Долины можно считать превосходным приданым. — Но возьмет ли Лиза другого мужа?

— Она говорит, что возьмет, если найдется человек, который устроит ее. Но она уже отвергла лорда Нестора и дюжину других вполне подходящих женихов. Лиза клянется, что на этот раз сама выберет себе лорда-мужа.

— В таком случае тебе не следует винить ее в разборчивости.

Сир Бринден фыркнул:

— А я и не виню, но… мне кажется, что Лиза только играет с женихами. Ей приятно это занятие, но я думаю, что сестра твоя намеревается править самостоятельно, пока возраст не позволит мальчику сделаться лордом Орлиного Гнезда не только по имени.

— Женщина способна править столь же мудро, как и мужчина, — заметила Кейтилин.

— Не всякая женщина, — проговорил ее дядя, оглянувшись по сторонам. — Вот что, Кет, Лиза — это не ты. — Он помедлил мгновение. — Откровенно говоря, я опасаюсь, что ты не найдешь у своей сестры той помощи, на которую рассчитываешь.

Кейтилин была озадачена.

— Что ты имеешь в виду?

— Из Королевской Гавани вернулась не та девочка, которая отправилась на юг со своим мужем, когда он был назначен десницей. Прошедшие годы тяжело дались ей. Ты должна это понимать. Лорд Аррен был заботливым мужем, но брак был заключен из политических соображений, а не по любви.

— Как и мой собственный.

— Начинались они одинаково, но тебе выпала лучшая судьба, чем сестре. Вспомни, ведь у нее двое мертворожденных, в два раза больше выкидышей, смерть лорда Аррена… Кейтилин, боги дали Лизе единственное дитя, и твоя сестра живет ради бедного мальчика. Нечего удивляться тому, что она скрылась, лишь бы не выдать его Ланнистерам. Сестра твоя боится, девочка, и более всего она боится Ланнистеров. Она тайком бежала в долину из Красного замка, подобно ночному татю, лишь для того, чтобы выхватить своего сына из львиной пасти… а теперь ты привозишь льва прямо к ее порогу.

— В цепях, — проговорила Кейтилин. Справа разверзалось ущелье, исчезавшее во мраке. Кейтилин подобрала поводья и придержала коня.

— О! — Дядя ее оглянулся назад, где Тирион Ланнистер неторопливо спускался, следуя за ними. — Я вижу топор на седле, кинжал за поясом и наемника, который жмется к нему, как голодная тень. Где же ты увидела цепь, моя милая?

Кейтилин неловко пошевелилась в седле.

— Карлик оказался здесь далеко не случайно. В цепях или нет, но он мой пленник, и Лизе не меньше, чем мне, нужно, чтобы он ответил за

свои преступления. Ланнистеры убили ее лорда-мужа, и ее собственное письмо предупредило нас об этом.

Бринден Черная Рыба оделил ее усталой улыбкой.

— Надеюсь, что ты права, дитя, — вздохнул дядя.

Но в голосе его звучало сомнение.

Солнце повернуло к западу, когда склон под копытами их коней начал переходить в равнину. Дорога сделалась шире и выпрямилась, Кейтилин впервые заметила по бокам ее дикие цветы и травы. Как только они спустились в Долину, кони пошли быстрее, и теперь они ехали через пышные зеленые рощи, сонные деревеньки, мимо садов и полей золотой пшеницы, вброд перешли дюжину озаренных солнцем ручьев. Дядя послал вперед воина со штандартом. К древку были прикреплены два знамени: луна и сокол дома Аррена, а под ним его собственная черная рыба. Фургоны селян, тележки торговцев и всадники из меньших домов жались к обочине, чтобы пропустить их.

Тем не менее, когда они добрались до укрепленного замка у подножия Копья Гиганта, наступила полная тьма. На стенах горели факелы, рогатый

полумесяц выплясывал в темных водах, наполнявших ров. Подъемный мост уже подняли и опустили решетку, но Кейтилин видела огоньки в окнах квадратной башни.

— Ворота Луны, — проговорил дядя, когда отряд остановился. Латник со штандартом отправился ко рву, чтобы позвать караульных. — Владения лорда Нестора. Он должен ожидать нас. Погляди!

Кейтилин подняла взор к небу — вверх, вверх и вверх. Сначала перед ее глазами проплывали лишь деревья и скалы, колоссальная туша огромной горы, прячущейся в черной, как беззвездное небо, ночи. А потом она заметила и те далекие огоньки наверху — башню, вырастающую из крутого склона; окна ее оранжевыми глазами глядели сверху. Над ней виднелась вторая, более высокая и далекая, еще выше маячила третья — мерцающей искоркой в небе. Ну а вверху, где кружили орлы, лунный свет озарял белые стены. У нее невольно закружилась голова, так высоко были эти бледные башни.

— Воистину Орлиное Гнездо, — услышала она потрясенный шепот Мариллона.

Раздался резкий голос Тириона Ланнистера:

— Должно быть, Аррены очень любят гостей… Если вы намереваетесь заставить нас поднимать-

ся на эту гору во тьме, я предпочту быть убитым на месте.

— Нет, мы проведем ночь в замке и отправимся наверх утром, — сказал ему Бринден.

— Жду не дождусь, — хихикнул карлик. — А как мы туда попадем? Я не умею ездить на… козах.

— Нам помогут мулы, — ответил ему Бринден с улыбкой.

— В склон горы врезаны ступени, — сказала Кейтилин. Нед рассказывал ей о них, когда вспоминал о своей юности проведенной здесь в обществе Роберта Баратеона и Джона Аррена.

Дядя кивнул:

— Сейчас слишком темно, чтобы заметить их, но ступени никуда не денутся… Лестница чересчур крута и узка для лошадей, но мулы осилят подъем. Тропу охраняют три замка — Каменный, Снежный и Небесный. Мулы доставят нас до Небесного.

Тирион Ланнистер с сомнением посмотрел вверх:

— Ну а дальше?

Бринден улыбнулся:

— А дальше дорога становится слишком крутой даже для мулов. Оставшийся путь мы проделаем пешком, но желающий может подняться туда в

корзине. Орлиное Гнездо находится на горе под открытым небом, но в погребах его устроены шесть воротов с длинными железными цепями, которые поднимают припасы наверх. Если милорд Ланнистер не возражает, я могу распорядиться, чтобы его подняли вместе с хлебом, пивом и яблоками.

Карлик коротко хохотнул.

— Только в том случае, если бы я был тыквой, — отвечал он. — Но мой лорд-родитель, увы, будет самым горестным образом уязвлен, если его сын, истинный Ланнистер, отправится навстречу судьбе вместе с турнепсом. Если вы продолжите подъем на ногах, мне придется составить вам компанию. Мы, Ланнистеры, люди гордые.

— Гордые? — переспросила Кейтилин. Насмешливая непринужденность пленника разгневала ее. — Наглые, по мнению многих. Наглые, жадные и рвущиеся к власти.

— Брат мой, вне сомнения, человек наглый, — заметил Тирион Ланнистер. — Отец мой — воплощенная жадность, а моя милая сестра Серсея рвется к власти всем своим существом. Я же неповинен во всех этих грехах, словно маленький ягненок, могу даже проблеять ради вашего развлечения.

Подъемный мост заскрипел, опускаясь, и Кейтилин не успела ответить. Потом загремели смазанные цепи, потянувшие вверх решетку. Из ворот вышли вооруженные люди, чтобы факелами осветить им дорогу, и дядя повел их через ров. Нестор Ройс — Верховный стюард Долины и Хранитель Ворот Луны, ожидал гостей во главе своих рыцарей во дворе, чтобы поприветствовать.

— Леди Старк, — проговорил он, кланяясь неловко, поскольку был слишком толст.

Кейтилин слезла с коня, чтобы стать перед ним. Она знала этого человека лишь понаслышке; двоюродный брат Бронзового Джона из младшей ветви дома Ройсов был достаточно заметным владыкой в этой стране.

— Лорд Нестор, — сказала она, — мы проделали долгое, утомительное путешествие. Умоляю вас предоставить нам на сегодняшнюю ночь ваш гостеприимный кров, если мы вправе воспользоваться им!

— Мой кров принадлежит вам, миледи, — ответил лорд Нестор ворчливым тоном. — Но ваша сестра леди Лиза прислала из Орлиного Гнезда слово. Она хочет немедленно увидеть вас. Все остальные разместятся здесь, их пошлют наверх с первым светом.

Дядя Кейтилин соскочил с коня.

— Что еще за безумная прихоть? — спросил он, не скрывая раздражения. Бринден Талли никогда не умел придерживать свой язык. — Ночной подъем, и до полнолуния далеко, даже Лиза должна понимать, что так можно и шею сломать.

— Мулы знают дорогу, сир Бринден. — Возле лорда Нестора появилась сухощавая девица лет семнадцати или восемнадцати. Темноволосая и коротко стриженная, она была одета в кожаный костюм для верховой езды и легкую посеребренную кольчугу. Девчонка поклонилась Кейтилин с большим изяществом, чем ее господин. — Даю слово, миледи, по пути наверх с вами ничего не случится. Сопровождать вас — для меня дело чести. Я поднималась ночью не одну сотню раз. Микель даже говорит, что отец мой, наверное, был горным козлом.

Самоуверенный голосок заставил Кейтилин улыбнуться.

— Как тебя зовут, дитя?

— Мия Стоун, если это угодно миледи.

Кейтилин особой радости не испытывала и с трудом сохранила улыбку на своем лице. Стоунами — камнями — звали бастардов в Долине, на севере их именовали Сноу — снегом, в Вышесаде

они носили фамилию Флауэрс — цветы; в каждом из Семи Королевств обычаи предусматривал особое имя для детей, рожденных без такового. Сама Кейтилин не имела ничего против этой девушки, но Мия вдруг напомнила ей о бастарде Неда, отосланном на Стену, и мысль эта заставила ее почувствовать одновременно гнев и собственную вину. Она попыталась найти слова для ответа.

Молчание заполнил лорд Нестор.

— Мия — девушка умная, и раз она клянется в том, что доставит вас к леди Лизе целой и невредимой, значит, так и будет. Она ни разу не подводила меня.

— Ну что ж, отдаюсь в твои руки, Мия Стоун, — улыбнулась наконец Кейтилин. — Лорд Нестор, прошу вас приглядеть за моим пленником.

— А я прошу наделить пленника чашей вина и жареным с корочкой каплуном, чтобы он не умер от голода, — проговорил Ланнистер. — Неплохо бы еще и девицу, но наверняка я прошу слишком многого…

Наемник Бронн громко расхохотался. Лорд Нестор не обратил внимания на выходку.

— Как вам угодно, миледи, все будет сделано, — ответил он и только потом поглядел на карлика. — Проводите милорда Ланнистера в камеру в

башне и принесите ему мяса и меда.

Пока Кейтилин прощалась с дядей и всеми прочими, Тириона Ланнистера увели. Наконец и она последовала за девушкой через замок. Оседланные мулы ожидали их во дворе, Мия помогла Кейтилин подняться в седло, а стражник в небесно-голубом плаще отворил узкие Западные ворота. За ними начинался густой лес, где сосны мешались с елями, черной стеной высилась гора, но ступеньки оказались вполне приемлемы: врезанные в камень, они поднимались к небу.

— Некоторым людям легче подниматься, если они закрывают глаза, — проговорила Мия, выводя мулов в темный лес. — Если человек напугался или у него закружилась голова, он может слишком крепко вцепиться в животное. Мулы этого не любят.

— Я родилась в семье Талли и вышла замуж за Старка, — ответила Кейтилин. — Меня нелегко испугать. Ты зажжешь факел? — Ступеньки укрывал смоляной мрак.

Мия скривилась:

— Факелы слепят глаза. В такую ясную ночь довольно луны и звезд. Микель говорит, что у меня глаза совы. — Она поднялась в седло и послала мула на первую ступеньку. Животное Кейтилин

последовало за ним самостоятельно.

— Ты уже упоминала Микеля, — сказала Кейтилин. Мулы ступали ровно и неторопливо, что, безусловно, успокаивало.

— Микель — это мой любимый, — объяснила Мая. — Микель Редфойд. Он сквайр сира Лина Корбрея. Мы поженимся, как только он станет рыцарем, — в следующем, году или через год.

Она говорила, как Санса, такая радостная и невинная в своих, мечтаниях. Кейтилин улыбнулась, но к улыбке ее подмешивалась печаль. Редфорды из Долины — род старинный; Кейтилин помнила, что в их жилах текла кровь Первых Людей. Вполне возможно, что этот Микель любит ее. Однако никто из Редфордов никогда не вступал в брак с бастардами. Семья подыщет для него более подходящую пару — среди Корбреев, Уэйнвудов или Ройсов; быть может, найдется даже дочь еще более знатного рода за пределами Долины. И если Микель Редфорд когда-нибудь и ляжет в постель с этой девицей, то никак не с благословения его родителей.

Подъем оказался легче, чем предполагала Кейтилин. Деревья подступали близко, они наклонялись над тропой, образуя шелестящую зеленую кровлю, не пропускавшую сквозь себя

даже лунный свет. Казалось, что они поднимаются по длинному черному коридору. Но мулы ступали верно и не знали усталости, а Мия Стоун и впрямь была наделена глазами зверя. Они поднимались, тропа вилась по склону горы, туда и сюда поворачивали ступени. Густой ковер из опавших иголок укрывал землю, и подковы мулов глухо постукивали по скале. Тишина убаюкивала ее, и вскоре Кейтилин обнаружила, что едва справляется с мягкой дремой.

Должно быть, она все-таки уснула, потому что перед ними вдруг возникли массивные, окованные железом ворота.

— Каменный замок, — радостно объявила Мия, спускаясь с коня.

Поверху каменные стены были усажены железными остриями, над ними возвышались две округлые приземистые башни. Ворота распахнулись на голос Мии. Встретивший их рыцарь, распоряжавшийся в придворном замке, приветствовал Мию по имени и предложил им по ломтю жареного мяса с луком — горячему, прямо со сковородки. Кейтилин вдруг поняла, насколько она голодна. Она поела во дворе, пока конюхи переносили седла на свежих мулов. Горячий сок стекал по подбородку, капал на плащ, но голод

заставил ее забыть обо всем.

А потом она села на нового мула и вновь выехала под звездный свет. Вторая часть подъема показалась Кейтилин более опасной. Здесь тропа пошла круче, ступени оказались более изношенными и то тут, то там были засыпаны щебенкой и битым камнем. С полдюжины раз Мии пришлось спешиваться, чтобы отодвинуть с тропы упавшие камни.

— Незачем, чтобы мулы ломали здесь себе ноги, — пояснила она. Кейтилин была вынуждена согласиться. Теперь она острее ощущала высоту. Деревья пригнулись к скалам, и ветер дул много сильнее, резкие порывы дергали за одежду и бросали волосы на глаза. Время от времени ступени поворачивали в обратную сторону, и она могла видеть внизу Каменный замок. А под ним, еще ниже, Ворота Луны. Факелы на стенах этого замка казались уже затерявшимися в ночи свечками.

Снежный замок оказался меньше Каменного, одна укрепленная башня, деревянный дом и конюшня, укрывшаяся под низкой стеной из грубого камня. Но замок прижался к поверхности Копья Гиганта так, чтобы господствовать над всем подъемом. Врагу, вознамерившемуся захватить Орлиное Гнездо, пришлось бы преодо-

левать этот подъем под градом камней и стрел, сыплющихся на него из Снежного замка. Начальствовавший над замком суетливый молодой рыцарь с помеченным оспой лицом предложил им хлеб, сыр и возможность согреться перед огнем, но Мия отказалась.

— Нужно ехать, миледи, — проговорила она. — Если вы не против… — Кейтилин кивнула.

Им снова предоставили свежих мулов. Кейтилин дали белого. Мия улыбнулась, заметив его.

— Белячок у нас умница, миледи. Он крепко держится на ногах, даже на льду, но будьте с ним вежливы. А то начнет брыкаться, если не понравитесь ему.

Белый мул как будто бы ничего не имел против Кейтилин и лягаться не стал. Льда тоже не оказалось, и она была благодарна за это.

— Мать говорила, что сотни лет назад отсюда начинался снег, — сказала ей Мия. — А там, наверху, всегда было бело и лед никогда не таял. — Она пожала плечами. — Я даже не помню, чтобы снег настолько опускался с вершин, но, наверное, так было в прежние времена.

Как она молода, подумала Кейтилин, пытаясь вспомнить, была ли она когда-нибудь такой. Эта девушка прожила половину своей жизни летом

и не знала ничего.

«Зима близко, дитя», — хотелось сказать ей. Слова просились с губ, и Кейтилин едва не проговорила их. Наверное, и она наконец превращается в Старка.

Над Снежным замком ветер сделался живым существом. Он то выл рядом, как волк в пустыне, то срывался неизвестно куда, словно пытаясь обмануть их тишиной. Звезды здесь сияли яснее, они были настолько близки, что Кейтилин, казалось, могла бы потрогать их, а огромный рогатый месяц плыл по чистой черноте неба.

Тут Кейтилин обнаружила, что предпочитает смотреть вверх, а не вниз. Ступени потрескались за века, пока зимы и весны сменяли друг друга, осыпались под копытами несчастных мулов, и даже во тьме высота стискивала ее сердце. Когда они подъехали к высокой седловине между двумя каменными глыбами, Мия спешилась.

— Тут мулов лучше перевести, — сказала она. — Они могут испугаться ветра, миледи.

Кейтилин неловко выбралась из тени и поглядела на тропу впереди. Участок длиной в двадцать футов и в три шириной с обеих сторон шел над отвесным обрывом. Она слышала, как воет ветер. Мия непринужденно шагнула впе-

ред, мул шел за ней, словно бы через двор замка. Настала ее очередь. Но едва она сделала первый шаг, страх стиснул Кейтилин своими челюстями. Она всем телом ощущала эту пустоту — огромный воздушный простор, открывшийся вокруг нее. Кейтилин остановилась, дрожа, боясь пошевелиться. Ветер выл и дергал за плащ, пытаясь сбросить ее вниз.

Кейтилин чуточку отодвинулась назад, сделав самый крохотный шаг, но позади нее стоял мул, и отступать было некуда. Я умру здесь, подумала она, ощущая холодный пот, выступивший на спине.

— Леди Старк! — крикнула Мия с другой стороны пропасти. Девушка, казалось, стояла в тысяче лиг от нее. — С вами все в порядке?

Кейтилин Талли Старк проглотила остатки гордости.

— Я… я не способна сделать это, дитя! — выкрикнула она.

— Ну что вы, — успокоила ее незаконнорожденная девица. — Вам это по силам. Поглядите, какая широкая здесь тропа.

— Я не хочу глядеть на нее! — Мир словно бы закружился вокруг, горы, небо и мулы сливались, как рисунки на детском волчке. Кейтилин закры-

ла глаза, чтобы успокоить дыхание.

— Я вернусь за вами, — сказала Мия. — Не шевелитесь, миледи.

Шевелиться Кейтилин намеревалась в последнюю очередь. Она прислушивалась к вою ветра и шелесту кожи о камень. А потом Мия оказалась рядом и взяла ее за руку.

— Закройте глаза, если хотите, и отпустите поводья. Беляк сам пойдет за нами. Все хорошо, миледи, я доведу вас, путь здесь легкий, вы сами увидите. Ступайте сюда. Вот, вот так, шевельните ногой, просто скользните ею вперед. Видите! А теперь еще раз. Легко. Здесь можно даже бежать. Еще шаг. И еще один.

Так, шаг за шагом, незаконнорожденная девица перевела через пропасть слепую и дрожащую Кейтилин, а белый мул кротко следовал за ними.

Путевой замок, именуемый Небесным, представлял собой всего лишь высокую, полумесяцем сложенную из диких камней без раствора стену, прилипшую к боку горы, но, наверное, только лишенные крыши башни Валирии могли бы показаться Кейтилин Старк более прекрасными. Отсюда наконец начиналась снеговая корона. Поседевшие от непогоды камни Небесного замка были покрыты изморозью, длинные ледяные

копья свисали со склонов.

На востоке уже забрезжил рассвет, когда Мия Стоун кликнула стражей, и перед ними открылись ворота. Внутри стены оказалось лишь несколько рамп и беспорядочное нагромождение валунов и камней. Вне сомнения, брошенный отсюда камень породил бы настоящую лавину. В скале перед ними разверзлось отверстие.

— Тут находятся конюшня и казарма, — сказала Мия. — Остаток пути придется проделать внутри горы. Быть может, вам будет слишком темно, но там по крайней мере не дует. Мулы дальше не пойдут. Там устроено нечто вроде трубы со ступеньками, не лестница, но идти можно. Еще один час, и мы окажемся на месте.

Кейтилин поглядела вверх. Прямо над ее головой в лучах рассвета уже белели основания стен Орлиного Гнезда. Замок располагался не более чем в шести сотнях футов над ней. Снизу белые стены казались маленькими. Она вспомнила слова Бриндена Талли о корзине и вороте.

— У Ланнистеров, быть может, есть гордость, — сказала она Мие. — Но у Талли больше рассудка. Я ехала верхом весь день и почти целую ночь. Прикажи опустить корзинку, лучше я отправлюсь наверх вместе с репкой.

Солнце уже поднялось над горами к тому времени, когда Кейтилин Старк наконец достигла Орлиного Гнезда. Крепкий седовласый человек в небесно-синем плаще и нагруднике с чеканными луной и соколом помог ей выбраться из корзины. Это был сир Вардис Иген, капитан домашней гвардии Джона Аррена. Возле него стоял мейстер Колемон, тонкий, нервный. Слишком мало волос и чересчур много шеи.

— Леди Старк, — приветствовал ее сир Вардис. — Рад вашему прибытию, какая приятная неожиданность!

Мейстер Колемон закачал головой в знак согласия.

— В самом деле, миледи, в самом деле! Я отослал слово к вашей сестре. Она велела, чтобы ее разбудили, как только вы прибудете в замок.

— Надеюсь, она хорошо отдохнула… — Кейтилин рассчитывала, что некоторая едкость в ее тоне пройдет незамеченной.

Мужчины проводили ее от ворот вверх по спиральной лестнице. По стандартам великих домов Орлиное Гнездо было небольшим замком: семь тонких башен жались друг к другу, словно стрелы в колчане на плече огромной горы. Здесь не нужны были конюшни, кузни и псарни, но

Нед утверждал, что житницы замка столь же вместительны, как и в Винтерфелле, а в башнях может расположиться пять сотен латников. И все же замок казался Кейтилин странно пустым, по его каменным залам гуляло гулкое эхо.

Лиза ожидала ее в своем солярии, еще не переодевшись со сна. Длинные, осеннего цвета волосы спускались на нагие белые плечи и вниз по спине. Стоявшая сзади служанка причесывала свою госпожу, но едва Кейтилин вошла, сестра вскочила на ноги и улыбнулась.

— Кет, — проговорила она. — О, Кет, как я рада снова видеть тебя, моя милая сестрица! — Она побежала навстречу с раскрытыми объятиями. — Как же давно мы встречались в последний раз, — прижалась Лиза к сестре. — О, как это было давно!

С последней встречи миновало пять лет, слишком жестоких для Лизы. Сестра была на два года моложе Кейтилин, однако теперь выглядела намного старше. Низкая ростом, она располнела, а побледневшее лицо ее сделалось одутловатым. Голубые глаза Талли стали блеклыми и водянистыми, теперь они, казалось, не знали покоя. Небольшой рот сделался воинственным. Поглядев на Лизу, Кейтилин вспомнила тонкую

высокогрудую девушку, стоявшую возле нее в тот далекий день в септе Риверрана. Какой очаровательной и полной надежд казалась она! От красоты сестры остался лишь водопад золотистых густых волос, спускавшихся на ее грудь.

— Ты выглядишь хорошо, — соврала Кейтилин, — но кажешься… усталой.

Сестра опустила руки.

— Усталой? Конечно же…

Тут она заметила всех остальных: и свою служанку, и мейстера Колемона, и сира Вардиса.

— Оставьте нас, — проговорила Лиза. — Я хочу побеседовать с сестрой с глазу на глаз.

Пока они выходили, Лиза держала Кейтилин за руку… и отпустила ее в тот же самый момент, когда за приближенными закрылась дверь. Кейтилин сразу увидела, как переменилось лицо сестры. Словно бы облако затмило солнце.

— Неужели у тебя не осталось ума?! — рявкнула Лиза. — Ты привезла его сюда — без моего разрешения, даже без предупреждения, и теперь вовлечешь нас в свои ссоры с Ланнистерами…

— Мои ссоры? — Кейтилин едва могла поверить собственным ушам. В очаге горел жаркий огонь, но в голосе Лизы не слышалось теплоты. — Сначала это была твоя ссора; ты прислала мне

это проклятое письмо, в котором написала, что Ланнистеры убили твоего мужа.

— Я просто хотела предупредить тебя, советовала держаться от них подальше! Я никогда не собиралась драться с Ланнистерами! Боги, неужели ты не понимаешь, Кет, что ты наделала?

— Мама? — послышался тоненький голос, Лиза обернулась, тяжелое одеяние распахнулось. В дверях стоял Роберт Аррен, лорд Орлиного Гнезда. Не выпуская из рук потрепанную тряпичную куклу, он глядел на них круглыми глазами. Худенький, невысокий для своего возраста и болезненный; он то и дело начинал дрожать. Мейстеры звали это заболевание трясучкой. — Я услышал голос…

Нечего удивляться, подумала Кейтилин, Лиза едва не кричала. Сестра поглядела на нее, словно уколола кинжалом.

— Это твой тетя Кейтилин, малыш. Моя сестра — леди Старк. Ты помнишь ее?

Мальчик, не узнавая, поглядел на Кейтилин.

— Кажется, — ответил он, моргнув, хотя ему было меньше года, когда леди Старк в последний раз видела племянника. Лиза уселась возле очага и сказала:

— Иди к маме, мой милый. — Она расправила его ночную рубашку и погладила тонкие кашта-

новые волосы. — Правда, красавец? И он такой сильный, не верь тому, что о нем говорят. Джон знал это. Семя крепкое, сказал он мне. Это были его последние слова. Он все говорил: «Роберт, Роберт», — и стискивал мою руку так, что остались отметины. «Скажи им, что семя крепкое». Его семя. Он хотел, чтобы все знали, каким сильным вырастет мой малыш.

— Лиза, — сказала Кейтилин, — если ты не ошибаешься насчет Ланнистеров, тем больше у нас причин действовать быстро. Мы…

— Не при младенце, — сказала Лиза. — У него такой нежный характер, так, мой милый?

— Мальчик этот — лорд Орлиного Гнезда и хранитель Долины, — напомнила ей Кейтилин. — Пора нежностей прошла. Нед думает, что дело дойдет до войны.

— Тихо! — рявкнула Лиза. — Ты испугаешь мальчика. — Маленький Роберт глянул через плечо на Кейтилин и задрожал. Кукла упала, он прижался к матери. — Не бойся, мой ласковый, — шепнула Лиза. — Мама здесь, и ничего не случится. — Распахнув одежду, она извлекла бледную тяжелую грудь, оканчивающуюся красным соском. Мальчишка потянулся, прижался к груди и принялся сосать, Лиза погладила его

голову.

Кейтилин не могла найти слов.

И это сын Джона Аррена, не веря себе, думала она. Она вспомнила своего собственного мальчишку, трехлетнего Рикона, который был в два раза моложе Роберта и в пять рад сильнее. Нечего удивляться, что лорды Долины противятся. Она впервые поняла почему король попытался забрать это дитя от матери, чтобы воспитать у Ланнистеров…

— Мы здесь в безопасности. — сказала Лиза. Но Кейтилин не поняла, к кому она обращается — к ней или к мальчику.

— Не будь дурой, — возразила Кейтилин, покоряясь пробудившемуся гневу. — Никто здесь не в безопасности. И ты прискорбно ошибаешься, если считаешь, что, спрятавшись здесь, заставишь Ланнистеров забыть о себе.

Лиза прикрыла уши мальчика ладонью.

— Даже если они сумеют провести войско через горы и возьмут Кровавые ворота, Орлиное Гнездо неприступно. Ты сама видела это. Ни один враг не доберется до нас!

Кейтилин хотелось ударить сестру. «Дядя Бринден пытался предупредить меня», — вспомнила она и сказала:

— Неприступных замков не бывает.

— Кроме нашего, — настойчиво повторила Лиза. — Все так утверждают. Но я не знаю теперь, что делать с Бесом, которого ты привезла сюда…

— Он плохой? — спросил лорд Орлиного Гнезда, не выпуская соска, сделавшегося влажным и красным.

— Он очень плохой человек, — ответила ему Лиза, прикрываясь. — Но мама не позволит сделать больно своему маленькому мальчику.

— Пусть тогда уезжает. Прогоните его! — сказал Роберт.

Лиза погладила голову сына.

— Быть может, мы так и сделаем, — пробормотала она. — Быть может, именно так мы к поступим.

Эддард

Он обнаружил Мизинца в гостиной комнате борделя, лорд Бейлиш дружелюбно беседовал с высокой элегантной женщиной в расшитом перьями одеянии, покрывавшем черную, словно чернила, кожу. У очага Хьюард играл в фанты с пышной девкой. Судя по всему, он уже проиграл пояс, кольчугу и правый сапог, девица же еще едва расстегнула свой наряд. Возле окна, по которому текли струи дождя, стоял Джори Кассель, с сухой улыбкой на лице он следил за Хьюардом и наслаждался зрелищем. Нед остановился у подножия лестницы и натянул перчатки.

— Пора уходить. Мои дела здесь закончены.

Хьюард вскочил на ноги, поспешно собирая свои вещи.

— Как вам угодно, милорд, — сказал Джори. — Я помогу Уилу привести коней. — Он направился к двери.

Мизинец прощался долго. Он поцеловал руку чернокожей женщине, шепнул ей на ухо какую-то шутку, от которой она расхохоталась, и только потом повернулся к Неду.

— Ваши дела, — спросил он непринужденным тоном, — или Роберта? Говорят, что десница видит сны короля, отдает приказы голосом короля и правит мечом короля. Значит ли это, что ваш член также можно приравнять к королевскому?…

— Лорд Бейлиш, — проговорил Нед. — Вы слишком далеко заходите. Конечно, я благодарен вам за помощь. Нам пришлось бы потратить не один год, чтобы самостоятельно обнаружить этот бордель. Но это не значит, что я намереваюсь терпеть ваши насмешки. Я более не десница короля.

— Лютоволк — зверь лютый, — заметил Мизинец, резко скривив рот.

Под теплым дождем, хлеставшим с черного неба, они направились к конюшне. Нед набросил на голову капюшон плаща. Джори вывел его коня. Молодой Уил следовал за ним, одной рукой выводя кобылу Мизинца; другой он застегивал пояс и завязывал брюки. Из дверей конюшни выглянула, хихикая, босоногая шлюха.

— Возвращаемся в замок, милорд? — спросил Джори. Нед кивнул и вскочил в седло. Мизинец последовал его примеру. Джори и другие поскакали за ними.

— А у Катайи отличное заведение, — прого-

ворил Мизинец. — Я почти решил купить его. Бордель — куда более надежное вложение денег, чем корабли, я давно понял это. Шлюхи тонут редко, а когда их берут на абордаж пираты, то, как и все прочие, они платят за это доброй монетой. — Лорд Петир усмехнулся собственному остроумию.

Нед позволил ему трещать. Спустя какое-то время спутник его успокоился, и они ехали дальше в молчании. Улицы Королевской Гавани казались пустыми и темными. Дождь прогнал всех горожан под крыши. Капли стучали по голове Неда — теплые, как кровь, и безжалостные, как старинный грех. Струйки воды бежали по его лицу.

— Роберт не ограничится только моей постелью, — говорила ему Лианна в ту далекую ночь, когда их отец обещал руку дочери молодому лорду Штормового Предела. — Я слыхала, что в Долине у него есть ребенок от какой-то девушки. — Нед держал младенца на своих руках и посему не мог отрицать этого, как не мог он солгать сестре, однако смог заверить ее в том, что поведение Роберта до брака ничего не значит; сказал, что человек он хороший и будет любить ее всем своим сердцем. Лианна лишь улыбнулась. — Любовь — милая штука, драгоценный мой Нед, но она не

изменяет природу человека…

Девушка была так молода, что Нед не посмел спросить ее о возрасте. Наверняка она была девственницей — в лучших борделях всегда отыщут девственницу для толстосума. Легкие рыжие волосы и веснушки, припорошившие нос. Когда она извлекла грудь, чтобы дать сосок младенцу, Нед заметил веснушки на ее груди.

— Я назвала ее Баррой, — сказала она, пока ребенок сосал. — Она так похожа на него, милорд, правда. Его нос, его волосы…

Это было действительно так, Эддард Старк прикоснулся к тонким темным волосикам младенца. Черным шелком они казались его пальцам. Как он помнил, у первой дочери Роберта были столь же тонкие волосы.

— Когда увидите его, милорд, скажите… если это будет вам угодно, скажите ему, какая она прекрасная девочка!

— Я сделаю это, — пообещал Нед. Проклятие! Роберт поклянется в вечной любви и забудет про обеих еще до вечера, но Старк выполнит свои обещания. Он вспомнил обет, данный им Лианне на смертном одре, и цену, которую заплатил, чтобы выполнить его.

— И скажите ему, что я больше ни с кем не была,

клянусь, милорд, и старыми богами, и новыми. Катая говорит, что у меня из-за ребенка есть еще полгода, и я надеюсь, что он вернется. Скажите ему, что я жду, правда! Я не хочу ни денег, ни камней, его одного. Он всегда был так добр ко мне…

Добр к тебе, подумав Нед.

— Я скажу ему, дитя, и обещаю тебе — Барра не будет знать нужды.

Она улыбнулась, столь трепетно и нежно, что сердце его раскололось. И сейчас ночью, под дождем, Нед видел перед собой лицо Джона Сноу — помолодевшее собственное лицо. Если боги настолько немилосердны к бастардам, подумал он, зачем же они наполняют мужчин похотью?

— Лорд Бейлиш, что вам известно о бастардах Роберта?

— Ну, для начала, у него их больше, чем у вас.

Мизинец пожал плечами. Ручейки влаги затекали под его плащ.

— Какая разница? Если не стеснять себя в количестве женщин, какая-нибудь да одарит тебя подарком, а светлейший никогда не страдал от застенчивости. Я знаю, что он признал парня, которого зачал в ночь свадьбы лорда Станниса в Штормовом Пределе. Едва ли он мог поступить иначе. Мать его, Флорент, племянница леди Се-

лисы, одна из ее прислужниц. Ренли утверждает, что Роберт схватил девицу прямо в пиршественном зале и уволок ее наверх, где и взял в брачной постели, пока Станнис и его невеста танцевали. Лорд Станнис решил, что король запятнал честь дома его жены, и потому, когда мальчик родился, отправил его к Ренли. — Он искоса глянул на Неда. — Еще я слыхал, что у Роберта была пара близнецов от служанки на Бобровом утесе, этих он сделал три года назад, когда посетил Запад, чтобы принять участие в турнире в честь лорда Тайвина. Серсея приказала убить детей и продала мать мимоезжему торговцу. Слишком уж жестокий укол чести Ланнистеров, и к тому же возле их дома!

Нед скривился, подобные уродливые повести рассказывали о каждом великом лорде королевства. Он вполне мог поверить, что Серсея Ланнистер способна решиться на такой поступок… но неужели король позволил ему совершиться? Тот Роберт, которого знал Нед, не смирился бы с этим, прежний Роберт не умел еще закрывать глаза на то, чего не хотел видеть.

— Почему же Джон Аррен воспылал таким интересом к незаконным детям короля?

Невысокий спутник отвечал пожатием влаж-

ных плеч.

— Он был десницей короля. Наверняка Роберт попросил его приглядеть, чтобы дети его не испытывали нужды.

Нед уже промок до костей, застыла даже его душа.

— Наверное, все не столь просто, иначе зачем же его убили?

Мизинец стряхнул капли с волос и расхохотался.

— Ага! Должно быть, лорд Аррен узнал, что светлейший наполняет чревеса каких-то шлюх и рыбацких женок, и поэтому ему пришлось навеки замолчать… Нечего удивляться! Позвольте такому человеку жить, и он установит, что солнце поднимается на востоке.

Ответить было нечего, и лорд Старк нахмурился. Впервые за многие годы он подумал о Рейегаре Таргариене. Интересно, как часто он посещал бордели, должно быть, не слишком.

Дождь хлынул сильнее, вода щипала глаза и барабанила по земле. Ручейки черной воды бежали с холма.

— Милорд! — крикнул Джори, и в голосе его была тревога: буквально в мгновение ока улица наполнилась вооруженными людьми. Нед видел

кольчуги на коже, поручни и поножи, стальные шлемы с золотыми львами на гребнях. Плащи прилипали к спинам. Он не считал, но их было по меньшей мере десяток, целая цепочка пеших перекрывала улицу длинными мечами и железными копьями.

— Сзади! — вскрикнул Уил, но когда Нед развернул коня, латников, перекрывавших путь к отступлению, оказалось еще больше. Меч Джори со звоном вылетел из ножен.

— Дорогу, или вы умрете!

— Волки завыли, — осклабился их предводитель. Нед видел струйки дождя, стекавшие по его лицу. — А стая-то невелика!

Мизинец направил коня вперед шаг за шагом.

— Что это значит? Этот человек — десница короля!

— Он был десницей короля. — Грязь хлюпнула под копытами кровного гнедого скакуна. Линия расступилась. На золотом нагруднике панциря гневно рычал лев Ланнистеров. — Теперь, откровенно говоря, я не знаю, что он собой представляет.

— Ланнистер, это безумие, — проговорил Мизинец. — Пропусти. Нас ждут в замке. Что ты делаешь?

— Он знает, что делает, — отвечал Нед невозмутимо. Джейме Ланнистер улыбнулся.

— Совершенно верно. Я ищу моего брата. Вы помните моего брата, лорд Старк? Он был с нами в Винтерфелле, такой светловолосый, с разными глазами и острый на язык. Невысокий такой…

— Я прекрасно помню его, — отвечал Нед.

— Мне кажется, он нарвался на какие-то неприятности по дороге. Мой лорд-отец раздражен. Вы не представляете, кто мог пожелать зла моему брату?

— Ваш брат взят по моему приказу, он должен ответить за свои преступления, — ответил Нед Старк.

Мизинец застонал в отчаянии:

— Милорды…

Сир Джейме выхватил длинный меч из ножен и послал коня.

— Обнажите сталь, лорд Эддард. Я зарублю вас, как Эйериса, но лучше, чтобы вы умерли с клинком руках… — Джейме послал Мизинцу холодный презрительный взгляд. — Лорд Бейлиш, если бы я боялся запятнать кровью дорогую одежду, то поторопился бы отсюда!

Мизинца можно было и не понуждать.

— Я приведу городскую стражу, — пообещал он

Неду. Строй Ланнистеров расступился, пропуская его, и сомкнулся позади. Мизинец ударил пятками в бока кобылы и исчез за углом.

Люди Неда обнажили мечи, но их было трое против двадцати. Из окон и дверей за ними следили глаза, но никто не собирался вмешиваться. Однако люди Старка были на конях, а все Ланнистеры — пешие, за исключением самого Джейме. Быстрый бросок мог принести им свободу, но лорду Неду Старку показалось, что у него есть более надежная тактика.

— Только убей меня, Цареубийца, — предупредил он, — и Кейтилин прикажет прирезать твоего Тириона.

Джейме Ланнистер ткнул в грудь Неда позолоченным мечом, отведавшим крови последнего из королей-драконов.

— Разве? Неужели благородная Кейтилин Талли из Риверрана способна убить заложника? Едва ли… — Он вздохнул. — Но я не хочу ставить жизнь моего брата в зависимость от женской прихоти. — Джейме убрал золоченый меч в ножны. — Поэтому я отпускаю вас к Роберту; рассказывайте, как я напугал вас; но сомневаюсь, чтобы король обратил на это внимание. — Джейме откинул мокрые волосы назад и развернул коня. Ока-

завшись за линией мечников, он оглянулся на капитана, — Трегар, приглядите, чтобы с лордом Старком ничего не случилось.

— Как вам угодно, милорд.

— И все же… мы не можем оставить его полностью безнаказанным. Поэтому, — сквозь ночь и дождь Нед увидел белозубую улыбку Джейме, — убейте его людей!

— Нет! — выкрикнул Нед Старк, выхватывая меч. Джейме уже отъехал по улице, когда услышал крик Уила. Люди Ланнистеров сходились навстречу. Нед затоптал одного, призраки в красных плащах расступились перед его мечом. Джори Кассель ударил коня пятками и бросился вперед. Подкованное сталью копыто с мерзким хрустом раздробило лицо гвардейцу Ланнистеров. Другой отступил, и на мгновение Джори очутился на свободе. Уил ругнулся, когда его стащили с умирающего коня, под дождем замелькали мечи. Нед подскакал к ним и обрушил свой меч на шлем Трегара. Сотрясение от удара заставило стиснуть зубы, Трегар упал на колени, львиный гребень был перерублен пополам, кровь хлынула на лицо. Хьюард рубил по рукам, хватавшим коня за уздечку, но копье поразило его в живот. Внезапно Джори оказался среди них,

красный дождь тек с его меча.

— Нет! — закричал Старк. — Джори, назад! — И тут лошадь поскользнулась под ним и рухнула в грязь. Вспыхнула ослепляющая боль, рот его наполнился кровью.

Нед видел, как они подрубили ноги коня Джори, стащили его на землю, как заметались мечи. Когда лошадь Неда поднялась на ноги, он попытался последовать ее примеру, но снова упал, задохнувшись криком, успев заметить перед этим разорвавшую кожу кость. Более он не видел ничего, а дождь шел, шел и шел.

Открыв снова глаза, лорд Эддард понял, что оказался со своими убитыми. Лошадь пододвинулась ближе, но, почуяв едкий запах крови, метнулась прочь. Нед пополз через грязь, стиснув зубы от мучительной боли. Он полз, наверное, годы. Из освещенных окон смотрели лица, люди начали выходить из дверей, но никто не шевельнулся, чтобы помочь. Мизинец и городская стража обнаружили его на улице, обнимающим тело Джори Касселя. Золотые плащи отыскали где-то носилки, но путешествие назад в замок слилось в сплошную муку и Нед не один раз терял сознание. Он помнил только, как вырос перед ним Красный замок в первом свете зари.

Дождь превратил бледно-розовые камни стен в кровавые.

А потом над ним с чашей в руках возник великий мейстер, он шептал:

— Пейте, милорд. Пейте, это маковое молочко, оно облегчит боль. — Нед помнил, как глотнул, а Пицель велел кому-то вскипятить вина и потребовал чистого шелка. Потом все исчезло.

Дейенерис

Конные ворота, ведущие в Вейес Дотрак, были сделаны в виде двух гигантских коней, которые, стоя на задних ногах, соединялись передними копытами в сотне футов от мостовой, образуя остроконечную арку.

Дени не знала, зачем городу понадобились ворота, раз у него не было стен, да и строений тоже, насколько она могла видеть. И все же ворота стояли, колоссальные и прекрасные, а между огромных коней маячили далекие пурпурные горы. Величественные скакуны бросали долгие тени на волнующуюся траву, когда кхал Дрого провел свой кхаласар по пути богов. Кровные всадники кхала ехали возле него.

Дени следовала за ним на своей Серебрянке, ее сопровождали сир Джорах Мормонт и вновь севший на коня брат Визерис. После того дня, когда она заставила его пешком возвратиться в кхаласар, дотракийцы насмешливо назвали его кхал рхей мхаром — королем, сбившим ноги. На следующий день кхал Дрого предложил ему место в повозке, и Визерис согласился. В своем

упрямом невежестве он даже не понял, что над ним посмеялись: телеги предназначались для евнухов, калек, рожающих женщин, младенцев и дряхлых стариков. Этим он заслужил новое прозвище: кхал рхагат — тележный король. Брат, не зная этого, посчитал, что таким образом кхал извиняется перед ним за те неудобства, которые причинила ему Дени. Она упросила сира Джораха не рассказывать брату правду, чтобы он не испытывал стыда. Рыцарь ответил, что пережить чуточку позора королю не вредно, но поступил, как она просила. Дени потребовались долгие просьбы и постельные фокусы, чтобы наконец уговорить Дрого смягчиться и позволить Визерису присоединиться к ним во главе колонны.

— А где город? — спросила она, проезжая под бронзовой аркой. Нигде не было видно ни зданий, ни людей — лишь трава и дорога, возле которой выстроились древние монументы, вывезенные из стран, ограбленных дотракийцами за многие века.

— Впереди, — отвечал сир Джорах. — Под горой.

Позади Конных ворот выстроились краденые боги и герои. Забытые божества мертвых городов грозили небу обломившимися молниями. Дени

ехала возле их ног. Каменные короли глядели на нее со своих престолов, лица их выщербились и покрылись пятнами, даже имена потерялись в туманах времен. Гибкие молодые девы плясали на мраморных плитах, одетые в одни только цветы, или же выливали воздух из разбитых кувшинов. Возле дороги в траве стояли чудовища: черные железные драконы с драгоценными камнями вместо глаз, ревущие грифоны, мантикоры, занесшие колючие хвосты для удара, и другие звери, имени которых она не знала. Некоторые статуи были настолько очаровательны, что от их красоты захватывало дыхание, другие вселяли такой ужас, что Дени даже не хотела разглядывать их. Эти, как пояснил ей сир Джорах, скорее всего были вывезены из Края Теней за Асшаем.

— Их так много, — проговорила она, пока ее Серебрянка неторопливо шествовала вперед, — и из стольких земель!

Визерис не обнаружил подобной впечатлительности.

— Мусор мертвых городов, — усмехнулся он. Он старался говорить на общем языке, который знали лишь немногие дотракийцы, но Дени все равно оглянулась на мужчин своего кхаса, чтобы удостовериться в том, что его не слышали.

Ничего не замечая, он продолжал: — Эти дикари умеют только красть произведения рук более благородных народов… Красть и убивать. — Он расхохотался. — Да, они умеют убивать! Иначе были бы для меня бесполезны…

— Теперь это мой народ, — проговорила Дени. — Тебе не следовало бы называть их дикарями, брат.

— Дракон говорит что хочет, — ответил Визерис на общем языке. Он глянул через плечо на Агго и Ракхаро, ехавших позади, и почтил их насмешливой улыбкой.

— Вот видишь, у этих дикарей не хватает ума понять речь цивилизованных людей. — Заросший мхом каменный монолит поднимался возле дороги футов на пятьдесят. Визерис поглядел на него со скукой в глазах. — Сколько же еще мы должны проторчать возле этих руин, прежде чем Дрого сможет выделить мне войско? Я устал от ожидания.

— Принцессу следует представить дош кхалину.

— Старухам, — прервал сира Джораха брат, — а потом, как мне говорили, устроят какой-то марионеточный фарс, будет произнесено пророчество относительно щенка, которого она собирается

родить. Но зачем это мне? Я устал от конины, меня тошнит от вонючих дикарей. — Он понюхал широкий рукав своей туники, по обычаю намоченный духами. Помощи было немного: рубаха пропиталась грязью. Шелк и плотная шерсть, в которых Визерис выехал из Пентоса, испачкались и истрепались за время долгого путешествия.

Сир Джорах Мормонт ответил:

— На западном рынке найдется пища, соответствующая вашему вкусу, светлейший. Торговцы из Вольных Городов приезжают сюда со своими товарами. А кхал выполнит свои обещания в должное время.

— Скорей бы, — мрачно заметил Визерис. — Мне обещали корону, и я хочу добиться ее. Над драконом нельзя смеяться. — Заметив непристойное женское изваяние с шестью грудями и головой хорька, он направился в его сторону, чтобы рассмотреть повнимательнее.

Дени почувствовала облегчение, но тревога ее не уменьшилась.

— Я молюсь, чтобы мое солнце и звезды не заставили его ожидать слишком долго, — сказала она сиру Джораху, когда брат отъехал достаточно далеко и не мог слышать ее.

Рыцарь с сомнением поглядел на Визериса.

— Вашему брату следовало остаться коротать время в Пентосе. Для него нет места в кхаласаре. Иллирио пытался предупредить его об этом.

— Он уедет, как только получит свои десять тысяч воинов, мой благородный муж обещал ему золотую корону.

Сир Джорах буркнул:

— Да, кхалиси, но… дотракийцы смотрят на эти вещи иначе, чем мы на западе. Я говорил об этом Визерису, Иллирио тоже. Но ваш брат не слушает. Владыки табунов не торгуются. Визерис считает, что продал вас, и хочет получить свою цену. Но кхал Дрого считает, что получил вас в качестве подарка, и он наделит Визериса ответным даром… но в свое время. Нельзя же требовать подарок, тем более у кхала. У кхала вообще ничего нельзя требовать!

— Но нельзя заставлять его ждать. — Дени не понимала, почему защищает своего брата. — Визерис утверждает, что смог бы завоевать Семь Королевств с десятью тысячами дотракийских крикунов…

Сир Джорах фыркнул:

— Визерис не сумел бы даже вычистить конюшню, дай ему десять тысяч метел.

Дени постаралась не удивляться презрению в

его тоне.

— Ну а если… ну а если бы это был не Визерис? — спросила она. — Если бы войско повел кто-нибудь другой? Сильный воин? Могли бы дотракийцы действительно покорить Семь Королевств?

На лице сира Джорах отразилась задумчивость, их кони шли рядом по пути богов.

— Оказавшись в изгнании, я видел в дотракийцах полуобнаженных варваров, диких, как их кони. И если бы меня спросили тогда, принцесса, ответил бы, что тысяча добрых рыцарей без хлопот управится со стотысячной ордой дотракийцев.

— Ну а если я спрошу сейчас?

— А сейчас, — отвечал рыцарь, — я не столь уж в этом уверен. Дотракийцы сидят на коне лучше любого рыцаря, они полностью лишены страха, и луки их бьют дальше наших. В Семи Королевствах лучник стреляет стоя, из-за щитов или частокола. Дотракийцы же целятся с коня — нападая и отступая, они в равной степени смертоносны… Потом, их так много, миледи. Один ваш благородный муж насчитывает сорок тысяч конных воинов в своем кхаласаре.

— А это действительно очень много?

— Ваш брат Рейегар вывел столько людей к

Трезубцу, — заметил сир Джорах. — Но среди них было в десять раз меньше рыцарей. Остальные были стрелки, вольные всадники, пехота, вооруженная копьями и пиками. Когда Рейегар пал, многие побросали оружие и бежали с поля битвы. Как долго продержится такой сброд против сорока тысяч крикунов, жаждущих крови? Неужели куртки из вареной кожи способны защитить их от настоящего ливня стрел?

— Да, долго они не устоят, — проговорила Дейенерис.

Мормонт кивнул:

— Но учтите, принцесса, если у лорда Семи Королевств будет больше разума, чем у гуся, все кончится иначе. Всадники не умеют брать крепости. Едва ли они смогут покорить самый слабый замок в Семи Королевствах, но если у Роберта Баратеона хватит глупости дать сражение…

— А он действительно глуп? — спросила Дени.

Сир Джорах думал недолго.

— Роберту следовало бы родиться дотракийцем. Ваш кхал скажет, что только трус прячется за каменной стеной, вместо того чтобы встретить врага с клинком в руке. Король не станет оспаривать эту мысль. Он силен и отважен… и достаточно опрометчив, чтобы встретить дотра-

кийскую орду в открытом поле. Но окружающие его люди играют на своих волынках собственную мелодию. Брат короля Станнис, лорд Тайвин Ланнистер, Эддард Старк… — Он плюнул.

— Вы ненавидите этого лорда Старка? — спросила Дени.

— Он забрал у меня все, что я любил, из-за нескольких заеденных блохами браконьеров и своей драгоценной чести, — с горечью ответил сир Джорах. По его тону она поняла, что потеря оказалась болезненной. Он быстро переменил тему. — А вот, — показал он вперед, — Вейес Дотрак, город табунщиков.

Кхал Дрого и его кровные уже вели их по западному базару, по широким дорогам за ним. Дени со спины Серебрянки разглядывала непривычные окрестности. Вейес Дотрак оказался сразу и самым большим, и самым маленьким городом из тех, которые она видела. Она решила, что он, наверное, раз в десять больше Пентоса, широкие, продутые ветром улицы его заросли травой, дикими цветами. В Вольных Городах запада башни, дома и лачуги, мосты, лавки и залы теснились друг к другу, но Вейес Дотрак разлегся, не стесняя себя под теплым солнцем, — древний, пустой и надменный.

Даже строения казались ей страшными. Она заметила павильоны из резного камня, сплетенные из травы дворцы размером в целый замок, шаткие деревянные башни, облицованные мрамором ступенчатые пирамиды, бревенчатые дворы, открытые небу. Некоторые дворцы вместо стен были окружены терновыми изгородями.

— Они не похожи друг на друга, — сказала она.

— Отчасти ваш брат сказал правду, — признал Джорах. — Дотракиец не умеет строить. Тысячу лет назад, чтобы сделать дом, он вырыл бы себе яму в земле и соорудил бы над ней плетеную травяную крышу. Здания, которые вы видите, возвели рабы или были доставлены сюда из земель, ограбленных дотракийцами, большинство из дворцов, даже самые огромные, казались заброшенными.

— А где люди, которые здесь живут? — спросила Дени. На базаре было полно снующих и крикливых мужчин, однако она заметила, что это лишь евнухи.

— Только старухи из дош кхалина постоянно обитают в священном городе вместе со своими рабами и слугами, — ответил сир Джорах. — И все же Вейес Дотрак достаточно велик, чтобы предоставить кров каждому дотракийцу из каждого

кхаласара, если все кхалы вдруг одновременно возвратятся к Матери гор. Старухи предсказывали, что такой день придет. И Вейес Дотрак должен быть готов принять всех своих детей.

Кхал Дрого наконец остановился возле восточного рынка, где торговали караванщики, пришедшие из Йи Ти, Асшая и Сумеречных земель. Матерь гор высилась над головой. Дени улыбнулась, вспомнив рабыню магистра Иллирио, рассказывавшую ей о дворце в две сотни комнат с дверями из чистого серебра. Деревянный дворец кхала представлял собой зал для пиршества, грубо срубленные стены поднимались футов на сорок, крыша была изготовлена из расшитого шелка, огромный вздувающийся тент можно было поднять, чтобы оградиться от дождя, или спустить, чтобы открыть над собой беспредельное небо. Вокруг зала располагались конские загоны, огражденные высокими зарослями, очаги, сотни грубых землянок, выраставших из земли подобно миниатюрным холмам, поросшими травой.

Небольшая армия рабов отправилась вперед, чтобы подготовиться к прибытию кхала Дрого. Каждый всадник, выпрыгивая из седла, снимал с пояса свой аракх и вручал его ожидавшему рабу

вместе со всем прочим оружием. Кхал Дрого не был здесь исключением. Сир Джорах объяснил ей, что в Вейес Дотрак запрещается носить оружие и проливать кровь свободного человека. Даже ссорящиеся кхаласары забывали здесь про вражду и делились мясом и медом. Пред ликом Матери гор все дотракийцы были родней, одним кхаласаром, одним стадом.

Кохояло явился к Дени, когда Ирри и Чхику помогали ей спуститься с Серебрянки. Старейший из троих кровных всадников Дрого, коренастый, лысый и кривоносый, потерял зубы лет двадцать назад, когда получил удар булавой, спасая молодого кхалакку от наемников, надеявшихся продать его врагам отца. Кохояло связал свою жизнь с Дрого в тот самый день, когда благородный муж Дени появился на свет.

У каждого кхала были свои кровные всадники. Поначалу Дени видела в них нечто вроде королевских гвардейцев, поклявшихся защищать своего господина, но здесь связь уходила глубже. Чхику объяснила ей, что кровный всадник — это не просто телохранитель, что все они братья кхала, его тени, самые преданные друзья.

Кровь моей крови, как звал их Дрого, так оно и было. Они жили единой жизнью. Древние тради-

ции табунщиков требовали, чтобы в день смерти кхала вместе с ним умерли бы и его кровные всадники, готовые сопровождать его в Сумеречных землях. Если кхал погибал от руки врага, они жили, пока не свершали месть за убитого, а потом с радостью следовали за ним в могилу. В некоторых кхаласарах, говорила Чхику, кровные всадники разделяли с кхалом и вино, и даже жен, но только не лошадей. Конь мужчины принадлежит лишь ему самому…

Дейенерис была рада, что кхал Дрого не придерживался этих древних обычаев. Ей бы не понравилось принадлежать кому-то еще. Но если старый Кохолло обращался с ней достаточно ласково, остальные пугали ее; Хагго, огромный и молчаливый, часто смотрел на нее с яростью, словно бы забывая о том, кто она, а Квото, обладатель жестоких глаз и быстрых рук, любил причинять ей боль. Его прикосновения оставляли синяки на ее мягкой белой коже, Дореа и Ирри иногда рыдали из-за него по ночам. Даже лошади как будто боялись Квото.

И все же они были связаны с кхалом Дрого и в жизни, и в смерти, поэтому Дейенерис оставалось только смириться и принять их. Иногда она даже жалела, что у ее отца не было таких защитников.

В песнях белые рыцари Королевской гвардии всегда были благородными, доблестными и верными, и тем не менее король Эйерис погиб от рук одного из них, красивого юноши, которого теперь все звали Цареубийцей, а второй, сир Барристан Отважный, перешел на службу к узурпатору. Дени уже начала было подумывать о том, что Семь Королевств населяют лживые люди. Вот когда ее сын сядет на Железный трон, она позаботится о том, чтобы у него были свои собственные кровные всадники, готовые защитить его от любого посягательства Королевской гвардии.

— Кхалиси, — сказал Кохолло по-дотракийски, — Дрого, кровь моей крови, приказал мне сказать тебе, что этой ночью он должен подняться на Матерь-гору, чтобы принести жертву богам в честь благополучного возвращения.

Лишь мужчины могли ступить на Матерь, Дени знала это. Кровные всадники кхала отправятся вместе с ним и возвратятся на рассвете.

— Скажи моему солнцу и звездам, что я мечтаю о нем и буду с нетерпением ждать его возвращения, — отвечала она с благодарностью. Дитя внутри ее подросло, теперь Дени легко уставала, а потому бывала рада отдыху. Беременность словно бы заново воспламенила страсть Дрого, и

его объятия оставляли Дени в изнеможении.

Дореа повела её к пологому холму, приготовленному для них с кхалом. Внутри было холодно и сумрачно, словно в шатре, сделанном из земли.

— Чхику, пожалуйста, ванну, — приказала она, желая смыть дорожную пыль со своей кожи и прогреть усталые кости. Было приятно сознавать, что они задержатся на какое-то время на месте и ей не придется завтра подниматься на Серебрянку.

Вода оказалась обжигающей, как она и любила.

— Сегодня я сделаю подарки своему брату, — рассудила она, пока Чхику мыла ее волосы. — В священном городе он должен выглядеть королем. Дореа, сбегай отыщи его и пригласи поужинать со мной. — Визерис лучше относился к лисенийке, чем к ее дотракийским служанкам, быть может, потому, что магистр Иллирио позволил ему переспать с ней в Пентосе.

— Ирри, сходи на базар и купи фруктов и мяса. Чего угодно, кроме конины.

— Лошадь лучше всего, — заметила Ирри. — Лошадь делает мужчину сильным.

— Визерис не любит конины.

— Сделаю, как ты хочешь, кхалиси.

Она вернулась назад с козьей ногой и корзиной фруктов и овощей. Чхику зажарила мясо со сладкими травами и огненными стручками, облила его медом; кроме того, были дыни, гранаты, сливы и какие-то странные восточные фрукты, названий которых Дени не знала. Пока служанки готовили еду, Дени разложила одежду, которую приготовила для брата. Тунику и штаны из хрустящего белого полотна, кожаные сандалии, шнуровавшиеся до колена, бронзовый пояс из медальонов, кожаный жилет, расшитый огнедышащими драконами, — все она проверила своими руками.

Дотракийцы начнут уважать его, если Визерис перестанет быть похожим на бродягу, думала она. Быть может, теперь он простит ее за позор, случившийся посреди степи. Все-таки Визерис еще оставался ее королем и братом. Оба они от крови дракона.

Дени как раз разглаживала последний из подарков, плащ из песчаного шелка, зеленый словно трава, с бледно-серой каймой, которая подчеркнет серебро его волос, когда появился Визерис, увлекая за собой Дореа. Подбитый глаз ее покраснел от удара.

— Как ты смеешь присылать ко мне эту шлюху

со своими приказами! — начал он, грубо бросив служанку на ковер. Гнев его застал Дени врасплох.

— Я лишь хотела… Дореа, что ты сказала ему?

— Кхалиси, прости меня. Я отправилась к нему, как ты сказала, и передала, что ты велишь ему присоединиться к тебе за ужином.

— Никто не приказывает дракону, — огрызнулся Визерис. — Я твой король! Мне следовало прислать тебе назад ее голову!

Лисенийка застонала, но Дени успокоила ее прикосновением.

— Не бойся, он тебя не ударит. Милый брат, прошу, прости ее, девушка ошиблась; я велела ей попросить тебя отужинать со мной, если так будет приятно твоей светлости. — Она взяла его за руку и повела через комнату. — Погляди, это я приготовила для тебя.

Визерис подозрительно нахмурился:

— Что это такое?

— Новое одеяние, я приказала сделать его специально для тебя, — застенчиво улыбнулась Дени.

Он поглядел на нее и пренебрежительно усмехнулся:

— Дотракииские тряпки. Значит, решила пе-

реодеть меня?

— Прошу тебя… тебе будет прохладнее и удобнее, я подумала, что если ты оденешься подобно дотракийцам… — Дени не знала, как сказать так, чтобы не пробудить дракона.

— В следующий раз ты потребуешь, чтобы я заплел косу?

— Я никогда… — Ну почему он всегда так жесток? Она ведь только хотела помочь ему. — У тебя нет права на косу, ты еще не одержал ни одной победы…

Этого не следовало говорить. Ярость блеснула в сиреневых глазах Визериса, но он не посмел ударить ее на глазах служанок, посреди воинов ее кхаса. Подобрав плащ, Визерис обнюхал его.

— Пахнет мочой. Быть может, я воспользуюсь им как попоной для коня.

— Я велела Дореа вышить его специально для тебя, — с обидой сказала Дени. — Эти одеяния достойны любого кхала.

— Я владыка Семи Королевств, а не какой-нибудь перепачканный травой дикарь с колокольчиками в волосах! — Визерис плюнул и схватил ее за руку. — Ты забываешься, девка! Ты думаешь, что этот большой живот защитит тебя, если ты разбудишь дракона?

Пальцы его болезненно впились в руку Дени, и на мгновение Дени вновь ощутила себя девчонкой, съежившейся перед лицом его гнева. Она протянула другую руку и ухватилась за тот предмет, который оказался под ней: пояс, который она хотела подарить ему, тяжелую цепь из причудливых бронзовых медальонов. Размахнувшись, она ударила изо всех сил.

Удар пришелся в лицо, и Визерис выпустил ее. Кровь побежала по щеке, там, где край одного из медальонов рассек кожу.

— Это ты вечно забываешься, — сказала Дени. — Неужели ты ничего не понял тогда в степи? А теперь убирайся, прежде чем я велю моему кхасу выволочь тебя наружу. И молись, чтобы кхал Дрого не услышал об этом, или он вспорет тебе живот и накормит тебя твоими собственными внутренностями!

Визерис поднялся на ноги.

— Когда я вернусь в свое королевство, ты с горечью вспомнишь об этом дне, девка! — Он направился прочь, зажимая раненое лицо и оставив подарки.

Капли его крови забрызгали прекрасный шелковый плащ. Дени прижала мягкую ткань к щеке и села, скрестив ноги, на спальных матрасах.

— Твой ужин готов, кхалиси, — объявила Чхику.

— Я не голодна, — печально проговорила Дени. Она внезапно почувствовала усталость. — Разделите пищу между собой, пошлите сиру Джораху, если хотите. — И через мгновение добавила: — Пожалуйста, принеси мне одно из драконьих яиц.

Ирри принесла яйцо с густо-зеленой скорлупой, бронзовые пятнышки искрились на его чешуйках, пока Дени поворачивала его маленькими руками. Потом она легла на бок, набросила на себя шелковый плащ и прижала яйцо к животу и маленьким нежным грудям. Она любила эти чудесные камни. Яйца дракона были настолько прекрасны, что иногда одно прикосновение к ним заставляло ее почувствовать себя сильнее, отважнее, словно бы она извлекла силы из замкнутых внутри них каменных драконов.

Так она лежала, обнимая яйцо, и вдруг ощутила, что дитя впервые шевельнулось в ней, словно бы ребенок стремился дотронуться до брата, кровь до крови.

— Это ты дракон, — шепнула Дени. — Ты и есть истинный дракон! Я знаю это. Знаю. — Она улыбнулась, а потом уснула, увидев во сне дом.

Бран

Падал легкий снежок, Бран ощущал прикосновение хлопьев к лицу; тая, они прикасались к его коже каплями самого ласкового и тихого из дождей. Он сидел на коне, глядя на медленно ползущую вверх железную решетку. Невзирая на старания сохранить спокойствие, сердце трепетало в его груди.

— Ты готов? — спросил Робб.

Бран кивнул, пытаясь скрыть страх. После своего падения он не выезжал за пределы Винтерфелла, но считал, что должен держаться горделиво, как подобает рыцарю.

— Тогда поедем. — Робб ударил пятками высокого серо-белого мерина, и конь отправился под решетку.

— Ступай, — шепнул Бран собственной лошади и легко прикоснулся к ее шее; крохотная гнедая кобылка шагнула с места. Бран назвал ее Плясуньей. Ей было два года, но Джозет утверждал, что она умнее, чем положено быть лошади. Ее специально приучили подчиняться узде, голосу и прикосновению. Бран уже ездил на ней вокруг

двора. Сперва Джозет или Ходор вели ее, сам он был пристегнут к громадному седлу, которое нарисовал для него Бес. Но последние две недели Бран самостоятельно ездил на ней, пуская рысцой по кругу и обретая смелость с каждым новым оборотом.

Они ехали под сторожевой башней и по подъемному мосту, потом миновали внешние стены. Серый Ветер и Лето носились рядом, принюхиваясь к ветру. Сзади скакал Теон Грейджой с длинным луком и с колчаном, полным широких стрел. Он сказал, что решил завалить оленя. За Грейджоем следовали четверо гвардейцев в панцирях и шлемах и Джозет, тоненький как тростинка конюший, которого Робб назвал мастером над лошадьми на время отсутствия Халлена. Мейстер Лювин замыкал кавалькаду на осле. Бран чувствовал бы себя лучше, если бы они с Роббом отправились только вдвоем, но Хал Моллен не желал и слушать об этом, а мейстер Лювин поддержал его. Если Бран упадет с коня и что-нибудь повредит, мейстер должен оказаться рядом, чтобы оказать немедленную помощь.

Сразу за замком раскинулась рыночная площадь, но деревянные лавки пустовали. Они проехали по грязным сельским улицам, мимо

рядов небольших опрятных домов, сложенных из бревен и нетесаного камня. Жильцы населяли, наверное, лишь каждый пятый дом, о чем свидетельствовали тонкие струйки дыма, тянущиеся из труб. Остальные вернутся, когда сделается холоднее, когда выпадет снег и ледяные ветры задуют с севера, говорила старая Нэн, фермеры бросят свои замерзшие поля и далекие крепости, нагрузят добро в фургоны, и зимний городок оживет. Бран никогда не видел его людным, но мейстер Лювин утверждал, что этот день приближается. Долгое лето кончалось, наступала зима.

Редкие деревенские жители с тревогой поглядывали на сопровождавших кавалькаду лютоволков. Один даже в испуге выронил дрова, но по большей части здешний люд привык к этим зверям. Заметив юношей, они преклоняли колена, и Робб приветствовал встречных кивком, подобающим лорду. Ноги Брана не могли сжать бока лошади, и ему поначалу было несколько неловко, однако огромное седло с высокими лукой и спинкой оказалось удобным, а ремни, перехлестнутые через грудь и бедра, не позволяли ему упасть. Спустя некоторое время ритм поездки начал казаться вполне естественным. Беспокойство оставило Брана, и робкая улыбка

выползла на лицо.

Две служанки стояли под вывеской «Дымящегося полена», местной пивной. Когда Теон Грейджой окликнул их, младшая девушка покраснела и прикрыла лицо. Теон пришпорил своего коня, чтобы догнать Робба.

— Милая Кира, — проговорил он со смешком. — В постели вьется, словно куница, а скажи ей слово на улице — розовеет как дева. Я не рассказывал тебе о ночи, когда она и Бесса…

— Помолчи, Теон, Бран слышит нас, — остановил его Робб, поглядев на брата. Тот отвернулся, изображая, что ничего не слышал, но он чувствовал на себе взгляд Грейджоя; вне сомнения, тот улыбался. Этот парень вообще всегда улыбался, словно бы сам мир вокруг был такой шуткой, которую понять мог лишь он один. Робб как будто восхищался Теоном и наслаждался его обществом, но Бран так и не проникся теплыми чувствами к воспитаннику отца.

Робб подъехал ближе.

— Ты хорошо держишься, Бран.

— Я хочу ехать быстрее, — попросил он.

Робб улыбнулся:

— Ну, как угодно! — и перевел мерина на рысь. Волки скользнули за ним, а Бран резко дернул

поводьями, и Плясунья ускорила шаг. Позади закричал Теон Грейджой, загрохотали копыта остальных лошадей.

Плащ Брана раздувался и трепетал на ветру, снег бил ему в лицо. Робб уже ускакал вперед, но время от времени он оглядывался, чтобы убедиться в том, что Бран и все остальные следуют за ним. Бран вновь хлопнул уздой. И Плясунья скользнула гладким, словно шелк, галопом. Расстояние сокращалось, он догнал Робба на краю Волчьего леса, в двух милях за зимним городком. Братья далеко опередили остальных.

— Значит, я могу ездить верхом! — воскликнул Бран ухмыляясь. Ему казалось, что он летит.

— Мы могли бы посоревноваться, но боюсь, что ты победишь. — Голос Робба звучал непринужденно и даже шутливо, но Бран чувствовал, что брата что-то тревожит.

— Я не хочу скачек. — Бран поискал взглядом лютоволков. Оба исчезли в лесу. — А ты слышал, как Лето выл прошлой ночью?

— Серый Ветер тоже встревожен, — ответил Робб. Его желтые волосы взлохматились, рыжеватый пушок уже покрывал подбородок, он выглядел даже старше своих пятнадцати лет. — Иногда мне кажется, что они что-то знают…

или ощущают… — Робб вздохнул. — Я никогда не могу понять, сколько можно сказать тебе, Бран. Жаль, что ты еще маленький.

— Но мне уже восемь! — обиделся Бран. — Восемь — ненамного меньше пятнадцати, и после тебя я наследую Винтерфелл.

— Да, это так. — В голосе Робба прозвучала печаль и даже испуг. — Бран, я должен кое-что рассказать тебе. Вчера прилетела птица из Королевской Гавани. Мейстер Лювин разбудил меня.

Бран ощутил внезапный ужас. Черные крылья, черные слова, как говаривала старая Нэн, и последние крылатые вестники доказали справедливость поговорки. Сначала Робб написал лорду-командующему Ночным Дозором, и птица вернулась назад с сообщением о том, что дядя Бенджен по-прежнему не нашелся. Потом пришла весть из Орлиного Гнезда от матери, но в ней не было добрых новостей. Мать не обещала скоро возвратиться, она только написала, что захватила Беса. Бран отчасти симпатизировал коротышке, однако имя Ланнистеров холодными пальцами прикоснулось к его спине. Он знал кое-что о Ланнистерах — такое, что следовало вспомнить, — однако как только Бран начинал задумываться об этом, его немедленно одолевало

головокружение, а желудок сжимался в камень. Робб провел большую часть дня за закрытыми дверями в обществе мейстера Лювина, Теона Грейджоя и Халлиса Моллена. После этого по всему северу разослали гонцов на быстрых конях с приказами Робба. Бран слышал разговоры о Рве Кейлин — древней крепости, которую Первые Люди построили у Перешейка. Никто не говорил ему, что происходит, но Бран понимал — дела плохи.

Теперь прибыл другой ворон, а с ним новая весть. Бран решил надеяться.

— Быть может, эту птицу прислала мать? Она не собирается домой?

— Весть послал Элин из Королевской Гавани. Погиб Джори Кассель, а с ним Уил Хьюард. Их убил Цареубийца. — Робб подставил лицо снежным хлопьям, таявшим на его коже. — Пусть боги упокоят их!

Бран не знал, что сказать. Ему казалось, что побили его самого. Джори стал капитаном домашней гвардии Винтерфелла еще до его рождения.

— Они убили Джори? — Бран вспомнил, как Джори гонялся за ним по крышам. Он мог представить его шагающим через двор, в кольчуге и панцире, и на обычном своем месте на скамье в

Великом зале, подшучивающим за обедом. — Зачем кому-то понадобилось убить Джори?

Робб молча покачал головой, в глазах его была заметна боль.

— Я не знаю, и… Бран, это не самое худшее: в схватке отец попал под упавшую лошадь. Элин утверждает, что у него раздроблена нога… и мейстер Пицель дал ему маковое молочко, но они не знают, когда он — когда он… — Топот копыт заставил его оглянуться на дорогу, на подъехавшего с компанией Грейджоя.

— Когда он проснется, — закончил Робб и, положив руку на рукоять меча, продолжил торжественным голосом лорда: — Бран, обещаю тебе, что бы ни случилось потом, я не позволю, чтобы это осталось забытым.

Какая-то нотка в его голосе еще больше испугала Брана.

— Что ты сделаешь? — спросил он, когда Теон Грейджой подъехал к ним.

— Теон думает, что нужно созвать знамена, — сказал Робб.

— Кровь за кровь! — Впервые Грейджой перестал улыбаться. Худое смуглое лицо казалось голодным, черные волосы почти прикрыли глаза.

— Только лорд может созвать знамена, — проговорил Бран. Снег повалил еще гуще.

— Если умрет ваш отец, — сказал Теон, — Робб сделается лордом Винтерфелла.

— Он не умрет! — завопил Бран.

Робб взял его за руку и негромко сказал:

— Не умрет, не беспокойся. Но… честь Севера теперь в моих руках. Расставаясь с нами, наш лорд-отец велел мне быть опорой для тебя и Рикона. Я почти взрослый человек, Бран.

Бран поежился.

— Мне бы хотелось, чтобы мать вернулась, — сказал он жалким голосом. И поискал взглядом мейстера Лювина; его осел рысцой одолевал подъем где-то вдалеке. — А что говорят об этом мейстер Лювин?

— Мейстер осторожен, как старая женщина, — отвечал Теон.

— Отец всегда прислушивался к его совету, — напомнил Бран своему брату. — И мать тоже.

— Я слушаю его, — настоятельно проговорил Робб. — Я слушаю всех.

Радость, которую испытал Бран в начале поездки, разом исчезла, растаяв, словно снежные хлопья. Не так уж давно мысль о том, что Робб соберет знамена и отправится на войну, напол-

нила бы его восторгом, но теперь он ощущал только ужас.

— Может быть, вернемся? — спросил Бран. — Мне холодно.

Робб огляделся.

— Надо отыскать волков. Ты можешь постоять здесь?

— Выдержу столько, сколько и вы. — Мейстер Лювин настаивал на короткой поездке, чтобы не сбить кожу седлом. Но Брану не хотелось признаваться в слабости перед братом. Ему уже надоело, что все трясутся над ним и расспрашивают о здоровье.

— Тогда мы поохотимся на охотников, — проговорил Робб.

Они повернули своих коней с Королевского тракта и направились в Волчий лес. Теон, помедлив, последовал за ними в отдалении; он пошучивал и разговаривал с гвардейцами.

Под деревьями было прекрасно. Бран заставил Плясунью идти шагом, он чуть придерживал поводья и оглядывался вокруг. Бран знал этот лес, но после долгого заточения в Винтерфелле ему почудилось, что он оказался здесь в первый раз. Запахи наполняли его ноздри: колкий и бодрящий аромат сосновых иголок, идущий от земли

запах сырой гниющей листвы, запахи диких зверей и дым далеких очагов. Бран заметил черную белку, шевельнувшуюся на покрытых снегом ветвях дуба, и остановился, чтобы разглядеть серебристую паутину императорского паука.

Теон, а с ним и остальные отставали все больше и больше, Бран более не слышал их голосов. Спереди донесся слабый плеск текущей воды. Звук становился громче, наконец они добрались до ручья. Слезы защипали его глаза.

— Бран, — спросил Робб, — что с тобой случилось?

Бран покачал головой.

— Я просто вспомнил. Когда-то Джори приводил нас сюда ловить форель. Тебя, меня и Джона. Помнишь?

— Помню, — ответил Робб голосом спокойным и грустным.

— Я тогда ничего не поймал, — продолжал Бран. — И Джон отдал мне свою рыбу, когда мы отправились в Винтерфелл. А мы увидим когда-нибудь Джона?

— Дядя Бенджен гостил у нас вместе с королем, — напомнил Робб. — И Джон будет посещать нас, увидишь.

Торопливая вода поднялась высоко. Робб спе-

шился и повел своего мерина через брод. В самом глубоком месте вода достала ему до середины бедра. Привязав коня к дереву на той стороне, Робб вернулся за Браном и Плясуньей. Вода бурлила и пенилась возле камней. Бран ощутил влагу на своем лице, когда Робб повел его через реку. Бран улыбнулся на мгновение: он вновь ощутил себя здоровым и сильным. Мальчик поглядел на деревья и представил себе, что сидит на самой вершине, а лес простирается внизу.

Перебравшись через ручей, они услыхали вой, долгий нарастающий стон, ветром прошелестевший среди деревьев. Бран поднял голову и прислушался.

— Лето, — проговорил он. И тут первому волку принялся вторить другой.

— Они добыли зверя, — сказал Робб, поднимаясь обратно в седло. — Съезжу-ка посмотрю. Подожди здесь. Теон и все остальные вот-вот подъедут.

— Я хочу поехать с тобой, — проговорил Бран.

— Один я быстрее найду их. — Робб пришпорил мерина и исчез среди деревьев. Как только он исчез, лес сомкнулся вокруг Брана. Снег повалил гуще.

Касаясь земли, он таял, но камни, корни и ветви были уже покрыты свежей порошей. Ожидая,

он почувствовал себя неуютно. Бран не ощущал своих ног, бессильно болтавшихся в стременах, но ремень держал грудь, а талая влага пропитывала перчатки, холодила ладони. Бран не знал, где могли задержаться Теон, мейстер Лювин и все остальные. Услышав шорох листвы, поводьями он повернул Плясунью, рассчитывая увидеть друзей, но вместо них у ручья показались оборванные незнакомцы.

— Добрый день вам всем, — проговорил Бран тревожным голосом. С первого взгляда заметив, что это не лесовики и не селяне. Бран вдруг осознал, насколько богато одет. На нем был новый кафтан из плотной темно-серой шерсти, с серебряными пуговицами, тяжелая серебряная застежка скрепляла подбитый мехом плащ на плечах. Перчатки тоже были оторочены мехом.

— Ты здесь один? — спросил самый рослый, лысый мужчина с красным обветренным лицом. — Заблудился в Волчьем лесу, бедолага?

— Я не заблудился. — Брану не понравилось, как незнакомцы глядят на него. Насчитав четверых, он повернул голову и увидел еще двоих позади себя. — Брат мой уехал всего лишь мгновение назад, моя охрана сейчас будет здесь.

— Охрана? — проговорил второй. Серая щети-

на покрывала его худое лицо. — И что же они охраняют, маленький лорд? Не серебряную ли застежку на твоем плече?

— Хорошенькая, — проговорил женский голос. Обладательница его не слишком напоминала женщину. Высокая, худая, с таким же озлобленным, как и у всех остальных, лицом, она опиралась на восьмифутовое черное копье из дуба, оканчивающееся ржавой сталью, волосы ее скрывал полушлем в форме чаши.

— Дай-ка поглядеть, — сказал лысый.

Бран с тревогой уставился на него. Незнакомец был облачен в грязные лохмотья, одежду сию усеивали вылинявшие до серости бурые, голубые и темно-зеленые заплаты, но прежде этот плащ был, видимо, черным. Рослый небритый мужчина тоже был в черном рванье. Заметив это, Бран вздрогнул. Он вдруг вспомнил о клятвопреступнике, которого обезглавил отец, когда они нашли щенков лютоволка. Человек тот также был облачен в черное, и отец говорил, что это дезертир из Ночного Дозора. Нет человека более опасного, вспомнил Бран слова лорда Эддарда; дезертир знает, что, попавшись, расстанется с жизнью, и посему не остановится перед любым преступлением, сколь бы злодейским или жестоким оно

ни оказалось.

— Застежку, парень, — сказал рослый, протягивая руку.

— Лошадь мы тоже возьмем, — сказала другая женщина, невысокая — даже ниже, чем Бран, — плосколицая, с длинными желтыми волосами. — Слезай, да поживее. — Из рукава в ее ладонь скользнул нож, зазубренный, словно пила.

— Нет, — выпалил Бран. — Я не могу…

Рослый мужчина перехватил поводья, прежде чем Бран сообразил повернуть и ускакать.

— Можешь, лорденыш, и слезешь — ты ведь понимаешь, что так будет лучше для тебя самого.

— Стив, погляди, он привязан, — указала копьем высокая женщина. — Быть может, мальчишка говорит правду?

— Привязан? — проговорил Стив, извлекая кинжал из ножен на поясе. — С ремнями управиться просто.

— Значит, ты калека? — спросила невысокая женщина. Бран вспыхнул.

— Я Брандон Старк из Винтерфелла, и лучше отпустите моего коня, иначе все вы погибнете.

Худой мужчина с серым щетинистым лицом расхохотался.

— Мальчишка-то действительно Старк. Лишь

у Старка хватит глупости угрожать, когда более смышленый человек начнет просить!

— Срежь этого петушка и затолкай ему что-нибудь в рот, — предложила невысокая женщина. — Пусть умолкнет!

— Хали, ты не только уродлива, но и глупа, — сказала высокая женщина. — Мальчишка этот мертвым ничего не стоит, но за живого… Проклятие богам, подумайте сами, как расщедрится Манс, заполучив родственника Бенджена Старка в заложники!

— Проклятие твоему Мансу, — ругнулся рослый. — Или ты собираешься вернуться туда, Оша? Значит, ты еще большая дура. Неужели ты считаешь, что Белые Ходоки посчитаются с тем, что у тебя заложник? — Он повернулся к Брану и полоснул по перевязи, придерживающей бедро. Кожа со вздохом рассеклась.

Быстрый и беззаботный удар проник глубоко. Поглядев вниз, Бран заметил бледное тело там, где удар распорол шерстяные штаны. Затем потекла кровь. Ощущая странную легкость в голове, он поглядел на красную струйку. Боли не было — даже намека. Рослый мужчина с удивлением буркнул что-то себе под нос.

— А теперь кладите оружие, и я обещаю вам

быструю и безболезненную смерть! — выкрикнул Робб.

Бран поглядел в отчаянной надежде на подоспевшего брата. Но слова Робба сделались менее убедительными оттого, что голос его дрогнул. Он был верхом; окровавленный труп лосенка переброшен через круп коня, рука в перчатке сжимает меч.

— Вот и братец, — сказал мужчина с серым щетинистым лицом.

— А он у нас рыцарь, — усмехнулась Хали, невысокая женщина. — Ты решил драться с нами, мальчик?

— Не глупи, парень. Ты один против шестерых. — Высокая Оша опустила свое копье. — Слезай с коня и бросай меч. Мы отблагодарим тебя за лошадь и за мясо, и вы с братом сможете направиться домой.

Робб свистнул. Мягко затопали лапы по мокрым листьям, подлесок разделился, замахали нижние ветви, расставаясь со снегом, и Серый Ветер вместе с Лето вылетели из чаши. Лето принюхался и заворчал.

— Волки, — охнула Хали.

— Лютоволки, — поправил Бран. Еще не выросшие и наполовину, они были выше любого

волка, которого ему приходилось видеть, однако различия было нетрудно заметить. Мейстер Лювин и псарь Файлен научили его этому. Голова лютоволка была круглее, ноги длиннее, а более тонкая морда выдавалась вперед. В этих зверях ощущалось нечто призрачное и жуткое, особенно в сумеречном лесу под тихим снегом. Пасть Серого Ветра была испачкана кровью.

— Собаки, — презрительно бросил лысый. — А мне как раз говорили, что ничто так не греет ночью, как волчья шкура. — Он сделал резкий жест рукой. — Убейте их.

Робб крикнул:

— За Винтерфелл! — и ударил по бокам коня. Мерин соскочил с берега, оборванцы бросились вперед. Человек с топором беззаботно шагнул навстречу. Меч Робба с муторным треском угодил ему в лицо, брызнула яркая кровь. Тут небритый потянулся к поводьям и на мгновение перехватил их, но на него сзади набросился Серый Ветер. С плеском и криком свалившись в ручей, он отчаянно замахал ножом, когда голова его оказалась под водой. Лютоволк прыгнул за ним, и вода окрасилась кровью. Робб и Оша обменивались ударами посреди ручья, ее длинное копье — змея со стальной головой — пыталось ужалить его в

грудь раз, два и три, но каждый раз Робб отбивал в сторону наконечник своим длинным мечом. На четвертый или пятый раз высокая слишком перегнулась вперед и потеряла равновесие на доли секунды. Ударом Робб поверг ее вниз.

Оказавшись чуть в стороне, Лето метнулся к Хали. Она замахнулась ножом. Лето отпрыгнул в сторону, ощерился и бросился вновь. На этот раз челюсти его сомкнулись на лодыжке женщины. Перехватив нож обеими руками, невысокая женщина ударила вниз, но лютоволк словно бы видел движение. На мгновение он отскочил, но пасть его была полна кожи, ткани и кровавой плоти. Хали пошатнулась и упала, а лютоволк вновь набросился на нее, перевернул на спину и вцепился в живот.

Шестой из оборванцев попытался бежать от кровопролития, но далеко не ушел. Он уже карабкался по другой стороне берега, когда промокший насквозь Серый Ветер выпрыгнул из ручья. Отряхнувшись, лютоволк бросился за беглецом, остановил его, вцепившись зубами в бедро, бросил на землю, а потом перехватил за горло, когда тот с криком откатился к воде.

Теперь оставался только рослый Стив. Он полоснул по нагрудной перевязи Брана, схватил его

за руку и дернул. Бран разом упал. Он очутился на земле, ноги подогнулись под ним, одна оказалась в воде. Холода он не ощущал, но сразу почувствовал сталь, когда Стив приложил кинжал к горлу.

— Назад, — предостерег рослый. — Или я перережу ему горло, клянусь.

Тяжело дыша, Робб остановил коня. Ярость оставила его, и рука с мечом опустилась.

В этот момент Бран увидел, как Лето терзал Хали, выпустив из ее живота клубок блестящих синих змей. Широкие глаза женщины уставились в небо, и Бран не мог понять, мертва она или еще жива. Небритый и тот, что был с топором, лежали без движения, но Оша поднялась на колени и ползла к своему упавшему копью. Серый Ветер направился к ней.

— Отзови его! — крякнул рослый. — Отзови их обоих, или калека умрет!

— Серый Ветер, Лето, ко мне, — сказал Робб. — Лютоволки остановились, повернули головы. Серый Ветер вернулся к Роббу. Лето остался на месте, не отрывая глаз от Брана и человека возле него. Он зарычал, открыв горячую и кровавую пасть, глаза волка горели.

Опираясь на тупой конец копья, Оша поднялась на ноги. Кровь текла из раны на руке, оставлен-

ной мечом Робба. Бран видел капельки пота, выступившие на лице рослого человека. Стив был перепуган не менее чем он сам, понял Бран.

— Старки, — пробормотал мужчина. — Кровавые Старки. — Он возвысил голос. — Оша, убей волков и забери у него меч.

— Сам убивай их, — ответила она. — Я не подойду к этим чудовищам. — На мгновение Стив потерялся. Рука дрогнула. Бран ощутил кровь там, где нож дернувшись, порезал его кожу. Вонь немытого тела наполняла его нос, от рослого разило страхом.

— Эй! — крикнул он Роббу. — У тебя есть имя?

— Я — Робб Старк, наследник Винтерфелла.

— А это твой брат? Если ты хочешь, чтобы он остался в живых, слезай с коня.

Робб помедлил мгновение. Потом медленно и решительно спешился и встал с мечом в руке.

— А теперь убей волков.

Робб не шевельнулся.

— Делай. Волки или мальчишка.

— Нет! — закричал Бран отчаянно. Если Робб выполнит его приказ, Стив убьет их обоих, как только лютоволки окажутся мертвы. Лысый ухватил рукой его за волосы и жестоко потянул, Бран даже всхлипнул от боли.

— А ты, калека, закрой рот, слышал?! — Он потянул крепче. — Слышишь меня?

Что-то негромко звякнуло в лесу позади него. Стив задохнулся, и широкий наконечник стрелы вырос из его груди. Стрела оказалась ярко-красной, кровь словно бы окрасила ее. Кинжал упал с горла Брана. Рослый пошатнулся и лицом вперед рухнул в воду. Стрела переломилась. Бран видел, как, судорожно дергаясь, он расставался с жизнью.

Оша оглянулась, когда гвардейцы отца появились из-за деревьев со сталью в руке. Оша бросила копье.

— Пожалуйста, милорд, — обратилась она к Роббу. Стражники со странно побледневшими лицами осматривали сцену кровопролития, без особой уверенности поглядывая на волков. И когда Лето вернулся, чтобы оторвать кусок от трупа Хали, Джозет выронил нож и отвернулся к ближайшему кусту. Даже появившийся из-за деревьев мейстер Лювин был потрясен, но только на мгновение. Тряхнув головой, он сразу направился через ручей к Брану.

— Ты ранен?

— Он порезал мне ногу, — ответил Бран. — Но я ничего не чувствую.

Мейстер склонился, чтобы обследовать рану, и Бран повернул голову. Теон Грейджой стоял возле страж-дерева с луком в руках и, как всегда, улыбался. Возле него в мягкую землю было всажено полдюжины стрел, но понадобилась лишь одна.

— Мертвый враг — это прекрасно, — объявил он.

— Джон всегда говорил мне, что ты осел, Грейджой, — громко отвечал Робб. — Пожалуй, мне следовало бы привязать тебя во дворе и позволить Брану попрактиковаться в стрельбе.

— Ты должен поблагодарить меня за то, что я спас жизнь твоему брату.

— А если бы ты промахнулся? — ответил Робб. — Что, если бы ты только ранил этого? Что, если бы рука его дрогнула и он ударил Брана? На нем мог быть доспех, ты же видел разбойника только со спины. Что случилось бы тогда с моим братом? Думал ли ты об этом, Грейджой?

Улыбка исчезла с лица Теона. Угрюмо пожав плечами, он принялся собирать стрелы — одну за другой.

Робб ожег гвардейцев яростным взглядом.

— А вы куда запропастились? — потребовал он ответа. — Я был уверен, что вы следуете за нами.

Люди обменялись расстроенными взглядами.

— Так и было, милорд, — отвечал самый молодой из них, борода его еще курчавилась нежным пушком. — Только сперва мы подождали мейстера Лювина с его ослом, прошу вашего прощения, а потом получилось, что… — Он поглядел на Теона и торопливо отвернулся в смущении.

— Я заметил индюка, — проговорил Теон, раздосадованный вопросом. — Откуда я знал, что ты оставишь мальчишку одного?

Робб повернул голову и снова поглядел на Теона, однако ничего не сказал. Бран никогда еще не видел его в таком гневе. Наконец он опустился на колено возле мейстера Лювина.

— Серьезна ли рана моего брата?

— Простая царапина, — отвечал мейстер, смочив ткань в ручье, чтобы смыть порез. — Двое из них носили черное, — сказал он Роббу, не отрываясь от дела.

Робб поглядел на тело Стива, распростертое в потоке ручья, быстрые воды колыхали его оборванный черный плащ.

— Дезертиры из Ночного Дозора, — сказал он мрачно. — Лишь дураки могли настолько приблизиться к Винтерфеллу.

— Безумие и отчаяние нередко похожи друг на друга, — проговорил мейстер Лювин.

— Следует ли похоронить их, милорд? — спросил кто-то.

— Они не стали бы хоронить нас, — ответил Робб. — Отрубите им головы, отошлем на Стену. А остальное оставьте воронам.

— А как быть с этой? — Куент ткнул большим пальнем в сторону Оши.

Робб подошел к ней. Женщина была на голову выше его, но немедленно упала на колени.

— Подарите мне жизнь, милорд Старк, я буду служить вам.

— Мне? Что мне делать с клятвопреступницей?

— Я клятву не нарушала. Это Стив и Уоллен бежали со Стены, а не я. Среди черных ворон нет места женщине.

Теон Грейджой подошел поближе.

— Отдай ее волкам, — посоветовал он Роббу. Глаза женщины обратились к останкам Хали и она, задрожав, торопливо отдернулась. Смутились даже гвардейцы.

— Она женщина, — сказал Робб.

— Она из одичалых, — заметил Бран. — Она советовала сохранить мне жизнь и отвести к Мансу-налетчику.

— У тебя есть имя? — спросил Робб.

— Оша, если будет угодно милорду, — пробормотала женщина потерянным голосом. Мейстер Лювин встал.

— Неплохо бы допросить ее.

Бран заметил облегчение на лице брата.

— Как вам угодно, мейстер. Уэйн, свяжи ей руки. Она вернется с нами в Винтерфелл… а будет жить или умрет, зависит от того, что расскажет нам.

Тирион

— Хочешь есть? — спросил Морд, окинув его злым взглядом. Короткопалая толстая рука держала блюдо отборных бобов.

Тирион Ланнистер успел наголодаться, но он не мог позволить, чтобы этот мужлан увидел его слабость.

— Неплохо бы ножку ягненка, — сказал он с груды грязной соломы в углу камеры. — Подойдет и блюдо горошка с жареным луком, и свежий хлеб, помазанный маслом… с пряным вином, чтобы лучше проскочило в желудок. Если вина нет, сгодится и пиво, попытаюсь быть не слишком разборчивым.

— Вот и бобы, — проговорил Морд, протягивая блюдо. Тирион вздохнул. Тюремщик, служивший Лизе Аррен, представлял собой двадцать стоунов глупого жира, который дополняли бурые гнилые зубы и темные глазенки. Левую сторону его лица украшал шрам, оставленный топором, отрубившим ухо вместе с частью щеки. Он был столь же предсказуем, насколько и уродлив, но Тирион действительно испытывал голод. Он протянул

руку к тарелке.

Морд отдернул ее ухмыляясь.

— Вот она, — проговорил он, ставя блюдо за пределами досягаемости Тириона.

Карлик неловко поднялся на ноги, испытывая боль в каждом суставе.

— Неужели каждый раз нужно устраивать из еды дурацкую игру? — Он потянулся к бобам.

Морд отодвинулся, ухмыляясь гнилыми зубами.

— Вот она, карлик. — Он выставил тарелку из камеры — туда, где она кончалась и начиналось небо. — Ты не хочешь есть? Иди-ка возьми.

Руки Тириона были слишком коротки, чтобы дотянуться до блюда, и он не намеревался так близко подходить к этому краю. Хватит одного лишь короткого движения белого толстого пуза Морда, и жизнь его завершится, оставив красное пятно на камнях Небесного замка, как случилось со многими пленниками Орлиного Гнезда за истекшие столетия.

— Если подумать, я вовсе не голоден, — объявил он, отступая в уголок камеры.

Морд заворчал и разжал пухлые пальцы. Ветер подхватил тарелку, перевернув ее. Тюремщик расхохотался, чрево его тряслось, как чаша с

пудингом.

Тирион ощутил короткий укол ярости.

— Ах ты, трахнутый сын изъеденного язвами осла, — проговорил он. — Чтоб ты сдох от кровавого поноса!

За это на обратном пути Морд отпустил Тириону пинок подкованным сталью сапогом.

— Я это тебе запомню, — корчась на соломе, выдохнул Тирион.

— Я сам убью тебя, клянусь! — Тяжелая, окованная железом дверь захлопнулась. Тирион услышал звон ключей.

Для своего роста у меня слишком прожорливый рот и слишком болтливый, подумал карлик, отползая назад в угол сооружения, которое Аррены насмешливо именовали своей темницей. Тирион скрючился под тонким одеялом, кроме которого у него здесь ничего не было, разглядывая бездонное синее небо и далекие горы, уходившие, казалось, в бесконечность. Он пожалел о плаще из шкуры сумеречного кота, выигранном у Мариллона в кости после того, как певец стащил одеяние с тела убитого предводителя разбойников. Шкура пахла тленом и кровью, но была теплой и толстой. Морд сразу же отобрал ее.

Ветер теребил его одеяло порывами, острыми,

словно когти. Камера была прискорбно мала даже для карлика. Там, где в любой настоящей тюрьме действительно была бы стена, пол кончался и начиналось небо, так что Тирион не испытывал недостатка в свежем воздухе, солнечном свете, в звездах и луне по ночам, но он охотно променял бы сейчас все это на самую мокрую и мрачную темницу в недрах Бобрового утеса.

— Ты улетишь отсюда, — посулил ему Морд, втолкнув в камеру. — Дней через двадцать или тридцать, а может, и пятьдесят, но все равно улетишь!

Аррены содержали лишь одну тюрьму и охотно предоставляли своим узникам возможность побега. В тот первый день, набравшись отваги, Тирион лег на живот и подполз к краю, чтобы поглядеть вниз. Отделенный воздушным простором, Небесный замок находился в шести сотнях футов под ним. Нагнув голову вправо и влево, он заметил другие камеры, сверху тоже. Прямо пчела в каменных сотах, только без крыльев!

В холодной камере ветер завывал и днем, но худшее заключалось в том, что пол был наклонным. Уклон был небольшим, но и его было достаточно. Тирион боялся закрыть глаза, чтобы не скатиться во сне и не проснуться во внезапном

ужасе у края обрыва. Нечего удивляться тому, что эти небесные камеры доводили людей до безумия.

Синева зовет. «Боги, помилуйте меня», — написал на стене один из прежних обитателей камеры веществом, похожим на кровь. Вначале Тирион даже заинтересовался, кто это мог быть, что с ним стало, но потом решил, что лучше все-таки этого не знать.

А надо было только закрыть свой рот…

Все началось с несчастного мальчишки, глядевшего на него с трона из резного чардрева, под украшенными луной и соколом знаменами Аррена. На Тириона Ланнистера всякий смотрел сверху вниз, но этот шестилетний сопляк, моргнув красными глазами, спросил с пухлой подушки, которую ему подкладывали, чтобы сделать повыше.

— А он плохой?

— Плохой, — согласилась леди Лиза, занимавшая рядом престол пониже. Она была вся в голубом, напудрена и надушена — ради женихов, наполнивших двор.

— Он такой маленький, — хихикнул лорд Орлиного Гнезда.

— Это Тирион-Бес из дома Ланнистеров, убийца

твоего отца. — Она возвысила голос, чтобы слова ее были слышны в конце чертога Орлиного Гнезда. Отражаясь от молочно-белых стен и тонких колонн, звук доносился до слуха каждого человека. — Он убил десницу нашего короля.

— Значит, я убил и его? — подобно глупцу спросил Тирион. В такой миг подобало держать рот на замке, а голову склоненной. Теперь он понимал это; седьмое пекло, он знал это даже тогда. Высокий чертог Арренов был длинным и строгим, стены его, облицованные белым с синими прожилками мрамором, обжигали холодом, но окружающие его лица были еще холоднее. Сила Бобрового утеса была далеко, и в долине Арренов Ланнистеры друзей не имели. Покорность и молчание послужили бы ему лучшей зашитой.

Но Тирион находился не в том настроении, чтобы проявлять рассудительность. К стыду своему, он сдался на последнем отрезке подъема, короткие ноги не могли поднять его дальше в Орлиное Гнездо. Бронн пронес карлика остаток пути, и унижение лишь подливало масла в огонь его ярости.

— Итак, мне пришлось основательно потрудиться, — проговорил он с горьким сарказмом. — Интересно, когда я нашел время на все эти

убийства?

Ему следовало бы помнить, с кем он имеет дело. Лиза Аррен и ее задохлик и при дворе не обнаруживали симпатии к шутке, в особенности когда она была направлена против них.

— Бес, — холодно бросила Лиза, — постарайся следить за своим колким языком и разговаривай с моим сыном вежливо, иначе у тебя появится причина сожалеть об этом. Помни, где ты находишься. Это Орлиное Гнездо, тебя окружают верные рыцари Долины, люди, которые любили Джона Аррена. Любой из них охотно умрет за меня.

— Леди Аррен, если со мной что-нибудь случится, мой брат Джейме постарается, чтобы именно так и произошло. — выплюнув эти слова, Тирион понял, насколько они безумны.

— А умеете ли вы летать, милорд Ланнистер? — спросила леди Лиза. — Неужели у карликов есть крылья? Если нет, я попросила бы проглотить следующую угрозу раньше, чем она придет в голову.

— Я не угрожаю, — отвечал Тирион, — а даю обещание.

Маленький лорд Роберт вскочил на ноги в таком беспокойстве, что даже выронил куклу.

— Ты не можешь сделать нам больно! — завопил он. — Никто не может здесь сделать нам больно! Мама, скажи ему, что он не сможет сделать нам больно! — Мальчишка начал дергаться.

— Орлиное Гнездо неприступно, — спокойным голосом проговорила Лиза Аррен. Она прижала к себе сына, окружив его оградой полных белых рук. — Этот Бес просто пытается испугать нас, милое дитя. Все Ланнистеры лжецы. Никто не причинит тебе зла, мой милый мальчик!

Черт побери, она была и в самом деле права. Испытав дорожные трудности, Тирион прекрасно представлял себе, каково придется рыцарям, с боем поднимающимся по лестнице: камни и стрелы будут сыпаться на них с неба, и враги будут защищать каждую ступеньку. Возможностей слова «кошмар» тут явно не хватало. Нечего удивляться тому, что Орлиное Гнездо так ни разу и не было взято врагом!

Но Тирион опять не сумел промолчать.

— Не то чтобы неприступно, — сказал он, — а просто неудобно лезть наверх…

Молодой Роберт показал вниз дрожащей рукой.

— Ты лжец. Мама, я хочу видеть, как он летает.

Стражи в небесно-синих плащах схватили Тириона за руки и оторвали от пола.

Одни боги знают, что бы случилось тогда, если бы не Кейтилин Старк.

— Сестра, — проговорила она со своего места за троном, — прошу тебя, вспомни: этот человек — мой пленник, и я не хочу ему вреда.

Лиза Аррен бросила на сестру холодный взгляд, потом поднялась и, шелестя длинными юбками, кинулась к Тириону. Ему даже показалось, что она ударит его, но Лиза приказала выпустить Тириона. Когда карлика поставили на пол, ноги ему отказали и Тирион упал.

Понимая, что он представляет собой, Тирион с трудом стал на колени лишь для того, чтобы, ощутив спазмы в ногах, вновь повалиться на пол. Хохот загулял по высокому чертогу Арренов.

— Маленький гость моей сестры слишком устал, чтобы стоять, — объявила леди Лиза. — Сир Вардис, проводите его вниз в тюрьму. Одна из наших небесных камер поможет ему опомниться.

Стражники вздернули его на ноги. Тирион Ланнистер болтался среди них, слабо брыкаясь, побагровев от стыда.

— Я вам это припомню, — пообещал он, когда его понесли прочь. Ничего другого Тириону и не

оставалось.

Сначала он утешал себя тем, что заточение продлится недолго: Лиза Аррен просто решила унизить его, вот и все. Она скоро пришлет за ним. Если же нет, тогда Кейтилин Старк наверняка захочет допросить его. Но на этот раз он будет следить за своим языком. Они не посмеют убить его: он все-таки оставался Ланнистером с Бобрового утеса, и, пролив его кровь, сестры накличут на себя войну. Так, во всяком случае, он убеждал себя самого.

Но теперь он более не был в этом уверен.

Быть может, похитители решили сгноить его здесь; однако Тирион опасался, что сил у него может не хватить на долгое гниение. Он слабел с каждым днем, и потом Морд рано или поздно должен был сделать свое дело, если только тюремщик до этого не успеет заморить его насмерть голодом. Еще несколько голодных ночей, и синева начнет призывать к себе и его.

Он попытался представить себе, что происходит за стенами его, так сказать, камеры. Получив известие, лорд Тайвин, безусловно, послал погоню. Джейме, возможно, уже ведет войско через Лунные горы, если только не едет на север в Винтерфелл. Подозревает ли кто-нибудь за пре-

делами Долины, куда именно Кейтилин Старк отвезла его? Он подумал о том, что предпримет Серсея, когда услышит о его похищении. Король может приказать освободить его, но кого послушает Роберт — свою королеву или десницу? Тирион не испытывал иллюзий относительно любви короля к его сестре.

Если у Серсеи хватит ума, она настоит на том, чтобы король сам решил участь Тириона. Даже Нед Старк не смог бы возразить против этого, не запятнав чести короля. Тирион будет только рад, в каких бы убийствах его ни обвиняли, пока у Старков не было никаких доказательств. Пускай себе излагают свое дело перед Железным троном и лордами королевства. Это погубит их. Если бы у Серсеи хватило ума понять это…

Тирион Ланнистер вздохнул. Сестра его была не лишена определенной низменной хитрости, но гордость ослепляла ее. Она увидит в ситуации оскорбление и предоставившуюся возможность убрать врагов. Джейме был еще хуже. Опрометчивый, упрямый и раздражительный, он никогда не развязывал узел, если его можно было разрубить ударом меча.

Тирион попытался представить, кто из них нанял убийцу, чтобы заставить замолчать маль-

чишку Старков, и действительно ли они ускорили смерть лорда Аррена. Если старый десница действительно убит, то это было подстроено искусно и гладко. Люди его возраста во все времена умирали от внезапных болезней. Напротив, олух, явившийся с краденым ножом к Брандону Старку, вел себя невероятно неловко. И разве не было это странно, если хорошенько подумать?

Тирион поежился, ощутив действительно жуткое подозрение: что, если в лесу сражаются не только лютоволк и лев, но кто-то третий воспользовался их схваткой как прикрытием? Тирион Ланнистер не любил, чтобы им пользовались. Следовало выбираться отсюда и поскорее. Шансов справиться с Мордом практически не существовало, и никто не намеревался передать ему шестисотфутовую веревку, чтобы он мог бежать на свободу. Язык завел его в эту камеру, язык должен и вывести.

Тирион поднялся на ноги, стараясь по возможности игнорировать уклон, вечно толкавший к краю, и застучал кулаком в дверь.

— Морд! — завопил он. — Тюремщик! Морд, ты мне нужен!

Тириону пришлось барабанить минут десять, прежде чем он услышал шаги. Карлик отступил

назад, и дверь со скрипом открылась.

— Шумишь, — пробурчал Морд, глаза которого налились кровью, в одной из его ладоней была зажата широкая кожаная полоска, огибавшая кулак.

Никогда не показывай испуг, напомнил себе Тирион и спросил:

— А ты не хочешь разбогатеть?

Морд ударил его ленивым движением. Тирион пошатнулся и стиснул зубы от боли.

— Не болтать, карлик, — предупредил Морд.

— Золото, — проговорил Тирион, изображая улыбку. — Бобровый утес полон золота… аххх. — На этот раз Морд ударил сильнее, полоска щелкнула. Удар пришелся Тириону в ребра, он рухнул на колени, скуля от боли. А потом заставил себя поглядеть на тюремщика. — Богат, как Ланнистер, — выпалил он. — Так говорят люди, Морд…

Морд заурчал. Свистнув в воздухе, ремень ударил Тириона по лицу. Боль на мгновение лишила карлика сознания, он даже не помнил, как упал, но, открыв глаза, обнаружил, что лежит на полу камеры. В ухе звенело, а во рту было полно крови; он потянулся за опорой, чтобы подняться, но пальцы прикоснулись… к пустоте. Тирион

отвел руку назад так быстро, как будто обжегся, и попытался не дышать. Он лежал на самом краю — в нескольких дюймах от синевы.

— Хочешь еще что-нибудь сказать? — Морд взял ремень в обе руки и резко потянул его. Щелчок заставил Тириона подпрыгнуть. Тюремщик расхохотался.

«Он не сбросил меня, — в отчаянии сказал себе Тирион, отползая от края. — Я нужен Кейтилин Старк живым, и он не посмеет убить меня». Тыльной стороной ладони он отер кровь с губ, ухмыльнулся и сказал:

— Ну это, пожалуй, грубовато, Морд. — Тюремщик скосился, пытаясь понять, не смеются ли над ним. — Мне нужны такие сильные люди, как ты. — Ремень вновь взвился, но на этот раз Тирион сумел отодвинуться прочь. Удар скользнул по плечу, не причинив боли. — Золото, — повторил он, крабом отползая назад. — Больше золота, чем ты видел в своей жизни. Достаточно, чтобы купить земли, женщин, лошадей и… чтобы сделаться лордом. Представь себе — лорд Морд. — Тирион отхаркнул комок крови и мокроты, сплюнул его в небо.

— Никакого золота, — отвечал Морд. Значит, услышал, подумал Тирион.

— Меня избавили от кошелька, когда взяли в плен, но золото по-прежнему принадлежит мне. Кейтилин Старк может заключить меня в темницу, но она не станет грабить своего пленника. Это бесчестно. Помоги мне, и все золото будет твоим.

Морд вновь замахнулся, но на сей раз удар вышел не столь решительным — Тирион перехватил ремень рукой и удержал его.

— Ты ничем не рискуешь — тебе нужно только передать весть.

Тюремщик вырвал кожаную полоску из рук Тириона.

— Весть, — проговорил он, словно бы никогда не слышал этого слова. Морд нахмурился, на лбу его залегли морщины.

— Вы слышали меня, милорд? Лишь передайте мое слово вашей госпоже. Скажите ей… — Что может заставить Лизу Аррен передумать? Вдохновение немедленно явилось к Тириону Ланнистеру. — Скажите ей, что я хочу признаться в своих преступлениях.

Морд занес руку, и Тирион съежился, ожидая нового удара, но тюремщик медлил. Подозрительность и жадность ссорились в его глазах. Золота он хотел, но подвоха опасался. Его, похоже, часто обманывали.

— Лжешь, карлик. Ты хочешь обмануть меня! — мрачно буркнул он.

— Могу дать письменное обязательство, — пообещал Тирион. Неграмотные иногда относились к письму с презрением, другие, напротив, испытывали суеверное почтение к написанному слову, как будто оно представляло какое-нибудь волшебство. К счастью, тюремщик принадлежал к последним. Морд опустил ремень.

— Напиши про золото. Про много золота…

— О, будет много золота, — заверил его Тирион. — Кошелек только для начала, друг мой. Мой брат носит панцирь из литого золота. — На деле панцирь Джейме был сделан из позолоченной стали, но эти олухи никогда не поймут разницы…

Морд задумчиво теребил ремень, но в конце концов сдался и отправился за бумагой и чернилами. Когда письмо было написано, тюремщик подозрительно нахмурился, глядя на бумагу.

— А теперь передай мою весть, — приказал Тирион.

Он ежился в полусне, когда за ним пришли поздно ночью. Морд открыл дверь, сохраняя молчание. Сир Вардис Иген разбудил Тириона носком сапога.

— На ноги, Бес. Миледи хочет видеть тебя.

Тирион попытался протереть глаза и кривился с деланным недовольством.

— Она-то, вне сомнения, хочет, но что заставляет вас считать, что я хочу видеть ее?

Сир Вардис нахмурился. Тирион помнил его по годам, которые он провел в Королевской Гавани в качестве начальника домашней дружины десницы. Серебряные волосы, квадратное лицо, крупные черты и полное отсутствие улыбки.

— Твое желание меня не касается. На ноги, или я прикажу нести тебя.

Тирион неловко поднялся на ноги.

— Холодная ночь, — сказал он небрежно, — а в чертоге, наверное, еще холоднее. Я не хочу простудиться. Морд, будь другом, принеси мой плащ.

Тюремщик скривился, на лице его проступило подозрение.

— Мой плащ, — проговорил Тирион. — Шкуру сумеречного кота, которую ты взял от меня на хранение. Помнишь?

— Принеси ему проклятый плащ, — приказал сир Вардис, Морд не осмелился возражать. Отвесив Тириону взгляд, сулящий расплату, он отправился за плащом. Завязывая шкуру на шее, Тирион улыбнулся:

— Благодарю. Я буду вспоминать тебя всякий раз, когда стану надевать его. — Перебросив край чересчур длинного меха через правое плечо, он впервые за последние дни почувствовал себя согревшимся. — Ведите меня, сир Вардис.

Большой зал дома Арренов был освещен пятьюдесятью факелами, горящими на стенах. Леди Аррен сидела на троне в черном шелковом платье с луной и соколом, вышитыми жемчужинами на груди. Поскольку Лиза явно не собиралась в Ночной Дозор, Тирион решил, что она сочла траурное одеяние самым подходящим, чтобы слушать его признания. Длинные, как солома, волосы, заплетенные в сложную косу, опускались на ее левое плечо. Высокий трон возле нее пустовал, маленький лорд Орлиного Гнезда, конечно же, спал и трясся во сне. Тирион был в высшей мере благодарен за это судьбе.

Ланнистер глубоко поклонился и оглядел зал. Как он и надеялся, леди Аррен созвала своих рыцарей и свиту, чтобы они выслушали его признание. Он увидел морщинистое лицо сира Бриндена Талли и пухлую физиономию лорда Нестора Ройса. Возле Нестора находился человек помоложе, с пышными черными бакенбардами, который мог быть лишь его наследником, сиром

Альбаром. Представлены были почти все основные дома Долины. Тирион заметил сира Лина Корбрея, старого лорда Хантера на подагрических ногах, вдовевшую леди Уэйнвуд в окружении сыновей. Других гербов Тирион не знал: сломанное копье, зеленая гадюка, горящая башня, крылатая чаша…

Среди лордов Долины оказалось несколько его знакомых по высокогорной дороге. Бледный от полузаживших ран сир Родрик Кассель стоял возле сира Уиллиса Воде. Мариллон-певец успел найти себе новую деревянную арфу. Тирион улыбнулся; что бы ни случилось сегодня, важно, чтобы события не остались в тайне, ну а певец разнесет повесть по всем Семи Королевствам.

В дальнем углу зала у колонны устроился Бронн. Черные глаза вольного всадника были обращены к Тириону, рука его непринужденно лежала на рукояти меча. Тирион поглядел на него и задумался…

Кейтилин Старк заговорила первой:

— Нам сказали, что ты хочешь признаться в своих преступлениях!

— Именно так, миледи, — ответил Тирион.

Лиза Аррен улыбнулась сестре:

— Небесная камера сломает любого. В ней

злодея видят боги, там нет тьмы, где он мог бы укрываться от их глаз.

— Он не кажется мне сломленным, — заметила леди Кейтилин. Леди Лиза не обратила внимания.

— Говори, — приказала она Тириону. А теперь пора бросить кости, подумал он, торопливо глянув на Бронна. С чего же начать?

— Признаюсь, я очень злой карлик. Грехи мои и преступления несчетны, милорды и леди. Я спал со шлюхами — и не однажды, а сотни раз. Я желал смерти моему лорду-отцу и моей сестре, нашей доброй королеве. — Позади него кто-то хихикнул. — Я не всегда обращался со слугами с добротой. Я играл в кости и плутовал при этом, признаюсь со стыдом. Я говорил много жестоких и злобных вещей о благородных лордах и дамах двора. — Послышался хохот — Однажды я…

— Молчать! — Бледное лицо Лизы Аррен порозовело. — И что же ты сейчас делаешь, карлик?

Тирион свесил голову на плечо.

— Как что? Исповедуюсь в своих преступлениях, миледи.

Кейтилин Старк шагнула вперед.

— Вас обвиняют в том, что вы подослали наемного убийцу, чтобы убить моего сына Брана

в постели, и соучаствовали в убийстве лорда Джона Аррена, десницы короля.

Тирион беспомощно пожал плечами:

— А вот в этих преступлениях, увы, я признаться не могу. Я ничего не знаю об этих убийствах.

Леди Лиза поднялась со своего деревянного престола.

— Я не намереваюсь подвергаться твоим насмешкам. Ты устроил себе развлечение и, вне сомнения, насладился им. Сир Вардис, отведите его назад в темницу… Но на этот раз пусть камера будет меньше и с более крутым полом.

— Неужели так творится правосудие в Долине? — вскричал Тирион так громко, что сир Вардис застыл на мгновение. — Неужели честь не может проехать под Кровавыми воротами? Вы обвиняете меня в преступлениях, я отрицаю свою вину, и поэтому меня бросают в открытую камеру на холод и голод. — Он приподнял голову, показывая всем синяки, которые Морд оставил на его лице. — Где правосудие короля? Разве Орлиное Гнездо не часть Семи Королевств? Вы обвиняете меня. Очень хорошо. Я требую суда! Позвольте мне говорить, и пусть моя правда или ложь будут открыты перед лицом богов и людей!

Негромкий ропот наполнил высокий зал. В

самую точку, подумал Тирион. Ему, знатному господину, сыну самого могущественного лорда страны, брату королевы, нельзя было отказать в правосудии. Гвардейцы в небесно-синих плащах направились в сторону Тириона, но сир Вардис велел им остановиться и поглядел на леди Лизу.

Ее маленький рот дернулся в воинственной усмешке.

— Если ты будешь допрошен и обнаружен виновным в тех преступлениях, в которых тебя обвиняют, тогда, по собственным законам короля, ты должен будешь заплатить своей жизнью. У нас в Орлином Гнезде нет палача. Откройте Лунную дверь.

Толпа зрителей расступилась, открыв узкую дверь из чардрева между двумя мраморными колоннами, на белом дереве которой был вырезан полумесяц. Стоявшие рядом, отступили, когда пара гвардейцев направилась, к ней. Один из мужчин отодвинул тяжелый бронзовый запор, второй навалился на дверь. Синие плащи взметнулись с плеч, подхваченные внезапным порывом ветра, с воем ворвавшегося через открывшийся проем. За дверью зияла пустота ночного неба, усеянного холодными безразличными звездами.

— Вот оно, королевское правосудие, — проговорила Лиза Аррен. Пламя факелов заметалось по стенам, языки их гасли то тут, то там.

— Лиза, по-моему, это неразумно, — проговорила Кейтилин Старк, пока черный ветер кружил по залу.

Сестра не обращала на нее внимания.

— Вы хотите суда, милорд Ланнистер? Очень хорошо, суд будет. Сын мой выслушает твои слова, и ты услышишь его приговор. Потом ты выйдешь отсюда… Этой дверью или другой.

Она довольна собой, подумал Тирион, тут нечему удивляться. Чем мог угрожать ей суд, когда приговор будет выносить ее слабак сын? Тирион поглядел на Лунную дверь. «Мама, я хочу видеть, как он полетит!» — сказал мальчишка. Скольких же человек этот курносый дурачок уже велел выкинуть через эту дверь?

— Благодарю вас, моя добрая леди, но я не вижу нужды беспокоить лорда Роберта, — вежливо сказал Тирион. — Боги знают, что я не виновен. Я приму их суждение, а не суд человека. Я требую суда поединком.

Буря внезапного хохота наполнила высокий зал Арренов. Лорд Нестор Ройс фыркнул, сир Уиллис хихикнул, сир Лин Корбрей хохотнул, остальные

откинули назад головы и загоготали; слезы побежали по их лицам. Мариллон неловко перебирал лады, едва касаясь своей новой деревянной арфы кончиками пальцев сломанной руки. Даже ветер как будто завыл с возмущением, врываясь через Лунную дверь.

Водянистые глаза Лизы Аррен стали неуверенными. Он вывел ее из равновесия.

— Конечно, у тебя есть на это право.

Молодой рыцарь с зеленой гадюкой, вышитой на плаще, шагнул вперед и опустился на колено.

— Миледи, умоляю о чести защитить ваше дело.

— Эта честь должна принадлежать мне, — сказал старый лорд Хантер. — Ради той любви, которую я испытываю к вашему лорду-мужу, позвольте мне отомстить за его смерть.

— Мой отец верно служил лорду Джону управляющим Долины, — буркнул сир Альбар Ройс. — Позвольте мне услужить его сыну.

— Боги чтят человека, выступающего за справедливость, — отвечал сир Лии Корбрей. — Однако им нередко оказывается тот, кто лучше владеет мечом. Все мы знаем, кто здесь лучший боец. — Он скромно улыбнулся.

Еще дюжина рыцарей попыталась добиться

внимания. Тирион был несколько обескуражен количеством незнакомцев, готовых убить его. Что, если план его все-таки не слишком умен?

Леди Лиза подняла руку, призывая к молчанию.

— Благодарю вас, милорды. Сын мой, безусловно, отблагодарит вас так, словно бы он присутствовал среди нас. В Семи Королевствах нет людей столь же отважных и верных, как рыцари Долины. Если бы я могла, то даровала бы всем вам эту честь. Сир Вардис Иген, вы всегда были правой рукой моего благородного мужа. Вы будете нашим чемпионом.

Сир Вардис не проявил восторга.

— Миледи, — проговорил он серьезным голосом, опускаясь на одно колено, — прошу вас возложить эту ответственность на другого, я не испытываю желания драться. Этот человек не воин, поглядите на него. Он карлик, в два раза ниже меня и хром. Позорно убивать такого человека и называть это правосудием.

— Великолепная мысль, — рассудил Тирион, — я с ней согласен!

Лиза с яростью поглядела на него:

— Ты потребовал поединка. А теперь я требую назначить своего чемпиона, как это сделали мы.

— Мой брат Джейме охотно примет участие в нем.

— Твой драгоценный Цареубийца в сотнях лиг отсюда, — отрезала Лиза Аррен.

— Пошлите за ним птицу, и я охотно дождусь его прибытия.

— Ты встретишься с сиром Вардисом завтра.

— Певец, — сказал Тирион, обращаясь к Марилону, — когда ты сложишь балладу о сегодняшнем дне, не пропусти этого мгновения: пусть там будет сказано, как леди Аррен отказала карлику в праве выбора чемпиона и как выставила против хромого недоростка своего лучшего рыцаря.

— Я тебе ни в чем не отказывала! — выпалила Лиза Аррен, в пронзительном голосе ее слышалось раздражение. — Называй своего чемпиона, Бес, если ты считаешь, что найдешь здесь человека, готового умереть ради тебя.

— Если вы не против, я предпочту такого, который готов убить ради меня, — ответил Тирион, оглядывая длинный зал. Никто не шевельнулся. На мгновение он подумал, что совершает колоссальную ошибку. Но позади кто-то шевельнулся.

— Я выйду за карлика, — вызвался Бронн.